

Владимир КОЖЕВНИКОВ

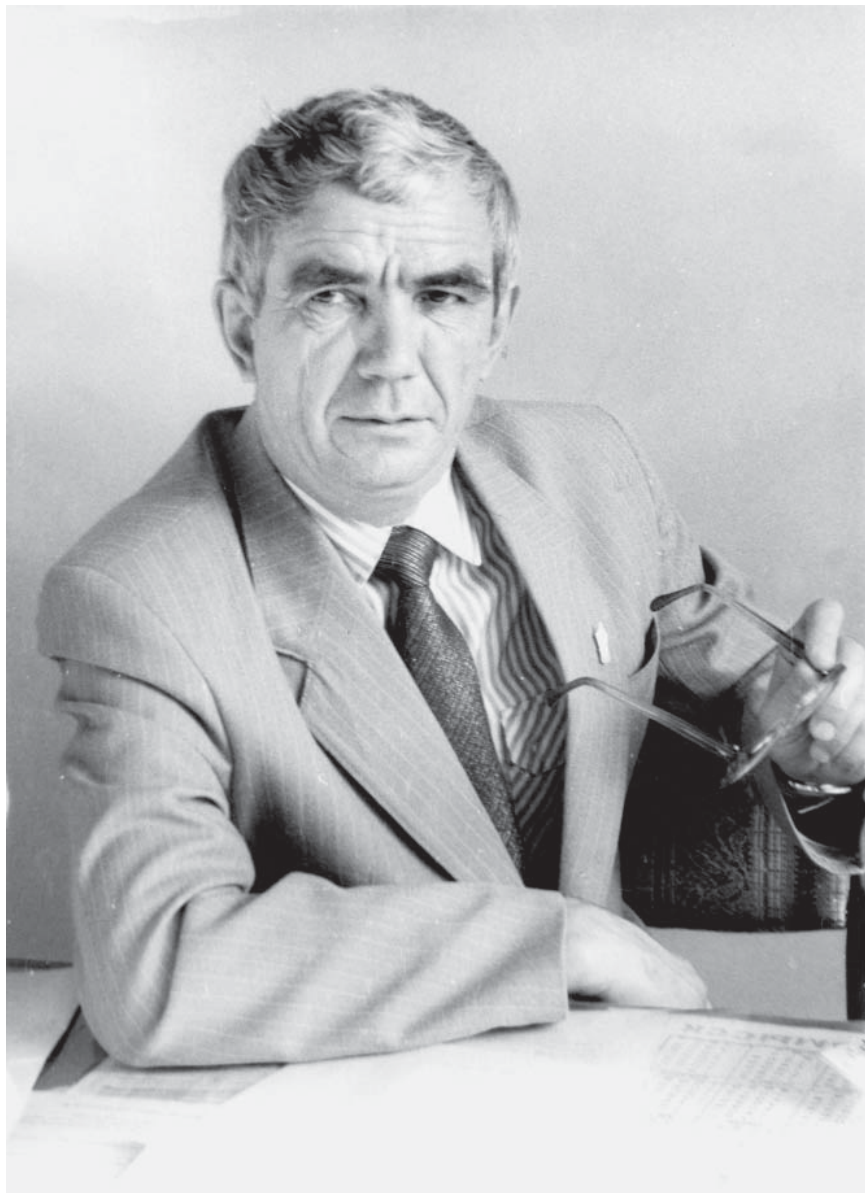
СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ

Р О М А Н

2012 год

1

ББК 84. Р7

©Владимир Иванович Кожевников

ПОСВЯЩАЮ КАЗАЧЬИМ ПОТОМКАМ

1

Когда поезда подходили с востока и еще были закрыты горой Савинухой, над ней вдруг вырастал и медленно полз паровозный дым. Он казался черно-сизым, густым, особенно, когда паровозы шли в составе двойной тягой, и даже зловещим, будто извергался вдруг проснувшийся вулкан. Но Савинуха не высокая каменная гора, не неприступный хребет, а гряда тянувшихся шлейфом холмов, по вершинам и восточному склону поросших березовым лесом и разбросанными среди него редкими осинами. Ее западная сторона была лысой, лишь покрытой низкорослой травой, с трудом пробивающейся из-под зеленых камней, где даже и скот не пасли. И спуск с нее казался довольно крутым и длинным, доходил до самой реки Бишкильки, берега которой заросли камышами от самого мельничного пруда до высокой железнодорожной насыпи и кованых ферм стального моста.

Зимой по этому склону любили кататься и с гиканьем спускаться на лыжах местные мальчишки, аж плескались на ветру вязки теплых шапок-ушанок и концы шерстяных шарфов. Бегали и мчались на перегонки, кто кого сумеет обойти на дистанции. А внизу устраивали самодельные трамплины из снега. И самые смелые умело и бесшабашно миновали их и пулями пролетали по воздуху по многу метров, мол, знай наших! Равняйся на нас, если сможешь...

Эта гора получила название от фамилии путевого обходчика Савинова, семья которого жила в железнодорожной будке, стоящей в леске на восточном склоне.

От Савинухи до станции было километра полтора – два. И от нее начиналась высокая железнодорожная насыпь, которая делала крутой спуск и подъем более пологим, сглаживала уровень, чтобы паровозы и составы могли их благополучно преодолевать.

Особенно подъем, где тяжелые поезда могли «растянуться», остановиться, и тогда их будет трудно стронуть с места и вывезти наверх.

А черный паровозный дым все полз и полз зловеще по-над горой, пока, наконец, не показывались из-за поворота тяжелые натруженные паровозы ФЭДэ, гремящие металлом и свистящие белым паром, ползущие по стальным путям, будто черные навозные жуки. Они начинали сдерживать тяжелый состав на спуске, чтобы не промчался вихрем, как необъезженный конь, по тихой станции, предупреждая случайных людей, пассажиров и путевых рабочих, чтобы были внимательными и осторожными, не попали под беспощадные колеса стального левиафана. А везли тяжеловесы сибирский лес, уголь, уральские трактора и танки, которые с нетерпением ожидали войска на западной границе.

Проходя этот перегон, машинисты всегда испытывали большое нервное напряжение, ибо, не успев миновать спуск, нужно было сразу переводить технику на одоление подъема за станцией, который кончался за несколько километров от Бишккия, за выемкой, пробитой в каменном грунте. Это все тянулся один околоток Полетаевской дистанции пути, который заканчивался где-то за разъездом Аджатар, где была своя бригада ремонтных путевых рабочих.

Эта местность и станция и стали второй родиной петропавловского казака Ивана Овчинникова. Семья и хозяйство его росли. Правда, дочь Тамара, родившаяся после Сашки, вскоре умерла. Но на свет появился Володька, четвертый сын Овчинниковых, поскребыш. Крупноголовый и кареглазый, с которым любили играть старшие братья. Кобылу Майку продали, а ее дочь – жеребенка назвали Манькой. Матью в мать, она была такой же резвой и быстроногой, брала на скачках призы. А однажды сын Борис лихо промчался на ней всю дистанцию, дорогой потерял пимы, но пришел первым.

В работу, хотя была тяжелой, Иван успел быстро втянуться. Большие травмы пока, слава Богу, его обходили. Однажды, прав-

да, чуть не случилась непоправимая беда. Был короткий отдых, и они всей бригадой уселись на теплый рельс, как ласточки на провода, о чем-то привычно говорили, смеялись. И ни один не заметил, как по этому пути шел состав. Машинист им тревожно сигналил, гудел, но их как будто заклинило. Никто не видел и не слышал паровоза. И лишь когда оставалось метров пятнадцать, полунемой Павел Воронков с утробным ревом сорвался с рельса и испуганным лосем ломанулся в сторону. За ним последовали остальные, еле успев перекувырнуться через спину и откатиться на бровку насыпи. И это стало хорошим уроком на будущее, ведь могла погибнуть вся бригада.

Большой радостью, светом в окошке, была для Ивана лошадь Манька. Низкорослая, но резвая молодая кобылица. Власти разрешали держать коней, и казак не мог себе отказать в этом удовольствии. Косил сено на полосе отчуждения. Свозил домой и метал в стога. Помогали дети и жена Мария. Правда, однажды сама точила бруском литовку, да нечаянно соскользнула рука, и острым лезвием ее порезало выше кисти. Жилы, к счастью, не повредило, хотя сухожилие слегка и задело. Видно, так уж в жизни заведено, что все напасти к одному человеку липнут.

- О-ой, Ваня, беда-а!- закричала перепуганная жена, стараясь ладонью зажать рану и остановить кровь.

Муж не растерялся, оторвал от подола своей рубахи кусок, перевязал раненую руку, быстро запряг кобылу и помчался в Медведево к фельдшеру. И все вроде бы обошлось.

- Ты Манек, что ли, любишь?- подначивали и смеялись над ним в бригаде.

- Почему Манек?- недоумевал мужик.

- Жена – Манька, кобыла – Манька. Какой-то Маньколюб получается. Обложился ими со всех сторон.

- Иван да Марья – самые знатные в России имена. Библейские, святые,- отбивался он с улыбкой.- А то – «Маньколюб». А ты – Парашелюб, коль Парашу держишь в женах?

И от него отставали. За словом в карман не лазил, умел

быстро отбрить, как будто ждал этого момента. Хотя злобным не был. Нередко возникшее напряжение сводил на шутку, иногда и на очень резкую. Да и работать умел, не жалел себя, не увиливал от трудностей. Не ждал, когда прикажут или попросят, а еще по сиротской привычке сам находил себе дело. Таких в коллективе уважают, особо их не в чем упрекнуть. И быть бы ему бригадиром, а то и выше пойти, да вот грамотешки никакой. За плечами два месяца ликбеза да один коридор, как говорилось тогда. И приходилось ему вкалывать вместе с полунемым Пашей Воронковым, гнуть и пилить тяжеленные рельсы, таскать шпалы и брусья, забивать толстые стальные костыли, раскидывать кучи щебня на насыпь, возить двухколесную тележку по рельсам, очищать полотно и профиль пути от снега, делать десятки других трудоемких работ, которые нескончаемы у путейцев. В общем, «брать больше и кидать дальше», как ехидно выражались работники. Зато не быть без куска хлеба, чего он смертельно боялся с самого раннего детства.

- А жизнь-то терпимой стала,- не раз говорил он жене.- За-рплату платят, билеты на проезд дают бесплатные, землю под посадку картошки и льна, под сенокос. Уголь на зиму. Скотину держим. А то бы парились там, в травниковском колхозе, да еще под раскулачивание могли угодить. И даже станицы эти дуру-шлепы переименовали в села.

- Терпима, слава Богу,- соглашалась Мария.- И мальчишки тут в школе, не то, что на заимке. А Борис в семилетке в Поле-таеве.

- Папка, давайте купим велосипед!- стали просить ребята.- Вон у Гордеевых есть, а мы хуже, что ли?

Гордеев-то мастер, не сравнишь. Но уговорили. Уже через два года после приезда в Бишкиль подкопили денегат и купили велосипед, да не какой-нибудь там пензенский, а самого Мос-ковского завода, руль которого, изогнутый, как оленьи рога, и педали блестели никелем. Вот радости-то было! Ход легкий, бесшумный, что почти не слышен. Сыновья быстро научились

ездить. Попытался и отец, вроде в детстве бывший лихим наездником.

Пробовал съезжать с горки, да часто падал набок.

- Ты, тятя, куда падаешь, туда и руль поворачивай,- советовали сыновья.

Но у него не получалось. Видно, для коня рожден, а не для такой современной техники. Однажды вроде уже и поехал возле паровозной водокачки, что стояла рядом с берегом Бишкильки. Да с бугра занесло в отстойник. Испугался, что утонет, плавать-то не умел. Кое-как выбрался.

- Туды его в сердце мать, этот лисапед!- ругнулся он и больше никогда не брался за руль.

Зато все станционные ребятишки, друзья сыновей Ивана, выучились кататься и мотались на велосипеде по всей станции.

Но, как техника не стоит на месте, так и человеческие потребности и запросы.

- У людей-то уж патефоны появляются. Песни слушают, «Барыню» пляшут, «Чарльстон»,- стали канючить домашние.

- Ну и чо?- со смешком спросил отец.- Денег-то сколько за него ввалишь. А дело к зиме, одежек надо набрать, пимов накатать. Давайте чуток погодим. Зато у людей будет старый, а у нас новый.

- На пластинках частушки всякие, марши!- не отставали дети.

- Ну, чо ты, отец, давай возьмем,- помогала им супруга.

И купили синий патефон, из нутра которого вырывались мелодии, песни. Лихо накручивали ручку заводной пружины, точили иголки на бруске и слушали с нескрываемым интересом, нередко распахнув створки окон, чтобы слышали и соседи. А из комнаты неслись песни «Светит месяц», «На сопках Манчжурии», «Комаринская», «Чарльстон» и даже песня деда Щукаря, героя шолоховского «Тихого Дона»:

Цыгане надули, пробкой заткнули

И продали мне, и продали мне...

Кажись, сам Шаляпин исполнял, гордость русского народа.

- Вот, как Иван с Марией живут!- дивились станционные.- Работящие люди, не лодыри каратановские.

А в отраслевой праздник, День железнодорожника, первый утвержденный правительством профессиональный праздник, станционные железнодорожники покупали в «железке» бочонок пива, ведро вина, брали закуски, в основном домашней, морсу, патефон, гармошку и выезжали на подводах в лес, где целый день веселились, пели душевные песни, плясали с желанием и радовались жизни, которая в эти часы казалась счастливой. Заводили разные разговоры.

- Небось, война будет. Всё танки везут на запад, пушки.

- Какая война, когда с Гитлером мир подписан? Да и броня крепка, а танки наши быстры.

- У немцев, думаешь, не быстры? Они давно цепляются, ищут заделё, чтобы развязать войну с нами. Замнем эту тему для ясности, чтобы неприятностей не случилось.

- Не приведи Господь. Еще от тех войн не успели опомниться. Только-только начали подниматься. Достаток появляется, лебеду вместо хлеба не едим. Ребятишки один за другим пошли, живи – радуйся! А на войне снова мужиков выхлещут, как косой срежут. И опять - горе да беда придут. Устал от них народ. Не-ет, с какой стороны ни подходи, не нужна нам война...

- Если завтра война, если завтра в поход – будь сегодня к походу готовым!- уже затянул кто-то высоким голосом.

А потом плясали, будто больше долго не придется. Венка Ильин лихо наяривал на гармошке, а мужики, бабы плясали с азартом. На что путеец Киршин, в обычной жизни и на работе не особо расторопный, такого трепака выдавал. Подпрыгивал, как балетный танцор, крутился вьюном и шел вприсядку. Его длинные редкие патлы беспомощно трепались ветром, а ноги гнулись, словно резиновые, и взбрыкивали. И только сверкали, как вечерние звездочки, его шаловливые синие глаза.

- Ой, вы, сени, мои сени! Шаровары мои серы,- тянул Иван Овчинников, хлопал ладонями и подбадривал:- Давай-давай, не задерживай, давай!

Не удержался и вертлявый, тороватый мужик Янкин по кличке Алёмс. В обыденной жизни он частенько рассказывал всякие прибаутки и небылицы, как цыганенок, нащелкивал пальцами, а то и приплясывал, словно ему не сиделось на месте. Врал безбожно и что-нибудь обещал, но обещаний не исполнял. То и дело приговаривал: - Алёмс! Аллюра четыре креста!

В таратайке спал я с Тайкой -

Увидала меня мать.

Загнала обоих в стайку

И давай кнутом стегать...

Он дробил ногами, вгонял каблуки хромовых сапог в землю, шел впрысядку, попеременно выкидывая вперед худые ноги, кувыркался через голову, строил глупые рожи, гримасничал.

- Ну и юла! Куда до него Киршину. Всех переплясал!

А у того все тело ходило ходуном. Он вспотел. Крупные капли пота, как дождины, катились по лицу, шее.

- Алёмс! Аллюра в четыре креста!- дурашливо вскрикивал он и ненадолго подлетал к компании, сидящей вокруг брезентового полога с закуской. Поднимал и опрокидывал рюмку, смачно целовал ее доньшко и вновь пускался в пляс.

- Вот циркач, комедиант!- не то осуждали, не то одобряли его станционные, дружно хлопая в ладоши.

Уезжали ближе к вечеру. Веселые. Не всем хотелось, но нужно было встретить из стада и прибрать скотину, а то занесет под поезд, беды не оберешься. Подоить коров. Подготовить косы, вилы, грабли, кому завтра не на смену, ведь стояло начало августа, и сенокос был в самом разгаре. Все железнодорожники держали коров, овец, а то и лошадей. Место для косьбы выделялось вдоль путей и лесополос. И это было хорошим подспорьем в хозяйстве. Люди жили со своим молоком, сметаной, творогом, маслом, не зря у большинства ребятишек, как говорили, морда

кирпича просила. А зимой, когда дружно кололи скот, - и с мясом. Да и взрослым нельзя без них на такой тяжелой работе, когда летом невыносимо пекло солнце, лили дожди, а зимой неделями бушевали бураны. Стояли морозы за сорок градусов. Но транспортная артерия державы должна работать, как часы, как живой организм. И поездам нельзя было задерживаться и опаздывать даже на минуту. И все это зависело от слаженной работы железнодорожников, которые не должны знать усталости и покоя.

- Дисциплина на железной дороге должна быть железной! - заявил Иосиф Виссарионович Сталин.

И эти слова вождя, ставшие тезисом, были занесены в инструкции и плакаты, которые висели на каждом вокзале, разъезде, в каждой конторке и будке. И промышленность СССР, как и вся страна, росла не по дням, а по часам. Не зря уже перед войной социализм в основном был построен. И в это грандиозное строительство вносили свой ежедневный и посильный вклад бишкильские железнодорожники.

2

Ребята на станции жили боевые, подвижные, задиристые, которым, как говорится, палец в рот не клади – вместе с кистью отхватят, ибо всякого насмотрелись на вокзале и в поездах, таких видели прощелыг, хулиганов, воря, что дальше некуда. Приезжих Овчинниковых встретили с недоверием и подозрением: кто такие, откуда появились? Из какой-то дальней станицы или хутора? Да еще лошадиники! Мол, мы такую деревню в два счета сомнем. В дело и не в дело задирались, старались как бы нечаянно задеть, дать тумака, пнуть, съездить по физиономии или свалить с ног да покатать по земле, одежонку испачкать.

- Эй, берегись, займка, паровоз на тебя прет! - старались припугнуть мальчишек, то зацепив локтем, то порвав воротник.

- Где вас носило, пришли в изорванных рубахах? - негромко спрашивала мать, стараясь показаться строгой.

- Пацаны местные пристають, то забияки Крохалёвы, то Носковы, Акичевы,- оправдывались те, сжимая в карманах кулаки и сердясь про себя.

Сильно ругаться Мария по доброте душевной не умела. Грубых слов, как некоторые матери, в такие моменты не произносила. Лишь журила слегка.

- Разве этак напасёшься на вас?

- А чо они лезут?- оправдывались сыновья, стараясь улизнуть с глаз долой, чтобы не услышал отец. Он у них считался строгим.

А мать доставала нитки с иголкой и зашивала порванное. Но Борька и Сережка тоже были не лыком шиты. Давали обидчикам сдачи. Вставали друг к другу спинами и отбивались изо всех силенок от целой толпы, иначе наставят «фонарей». Попадало от них и Крохалевым, и Носковым, которые, пока не успокоились, не отстали от приезжих, тоже не один синяк изнасили. Случалось, и камнями кидались друг в друга. Попал однажды Борька задиристу Шакирке Акичеву в лоб и расквасил. Со слезами и ревом пошел тот домой. А вскоре к Овчинниковым прибежал сердитый Шакиркин отец Акичев, мельтеша клинообразной бородкой.

- Нехорошо делали ваши малайки. Кровь пускали Шакирке. Наши – татары, кровь шибко не любят. Бей по плечу, спина, а кровь пускать плохо. Обида. Мы мстим кровь за кровь.

- Я вот им дам, негодникам! Я им покажу Кузькину мать!- заочно стращал Иван Аверьянович сыновей.- Да и они, зимогоры, частенько приходят битыми. Ты уж прости их несмышленных, пацаны ведь еще. Какая тут может быть месть? Мы со всеми мирно живем, и с татарами, и с башкырцами, и с мордвой. Кунаков имеем. Заходи в дом, гостем будешь, самовар поставим, чай ашарга будем.

Долго еще ворчал сосед, пока не остыл.

- Ярар. Ладна. Ты – якши человек, Иван, хороший. Я тебя уважаю. Только поэтому мир станем делать.

После этого неприятного случая драки прекратились. Видать, поняли местные ребята, что не так-то просто одолеть семейку бывших казаков. То Борька даст сдачи, то толстомордый Сережка съездит по носу. А там уже и Сашка из-за их спин выглядывает. А за ним... Да что тут говорить, плодятся Овчинниковы, дружно прибывают мужиками. И что с ними делить? Их лучше не трогать, сопатка целее будет. Лучше жить мирно, дружить.

И друзьями они оказались неплохими. По пустякам не задирались, не лезли в бутылку из-за мелочи. А если надо, и заступались за слабых. Хворых не давали в обиду. В общем, ребята, как ребята. И прижились Овчинниковы на станции, стали своими в доску. Завели друзей. Борис Коновалов и Федя Дмитриев стали лучшими корешами старшего сына Овчинниковых. Учились в одном классе Бишкильской начальной школы. А после ее окончания поступили в Полетаевскую железнодорожную, где легко осилили семилетку. И учились неплохо. Не раз похвальные грамоты привозил домой и Борис. И радовались Иван с Марией, что мальчишка смышлёный, может далеко пойти, как предполагали бишкильские и полетаевские педагоги.

Ребята крепко сдружились, понимали один другого с полуслова. Даже порой умничали или дурачились, называя друг друга Жакериями. Старший Жакерия, средний и младший. Это сказались знания истории крестьянского восстания во Франции, которую они изучали в школе.

Когда Борис приезжал домой на выходные, нередко брал в руки мандолину и бойко играл на ней, умело выжимая из струн знакомые мелодии. А родители с братьями внимательно слушали.

После окончания семилетки друзья разъехались по разным городам. Федор Дмитриев отчалил в сторону моря и поступил в мореходку. А два Бориса устроились в Челябинское железнодорожное училище № 2. Один на специальность СЦБ – сигнализация, централизация, блокировка. Другой – на слесаря-вагонника. Решили продолжить династию отцов-железнодорожников.

Родители радовались: не будут долбить кайлом мерзлую землю, вбивать костыли кувалдой, кидать совковой лопатой щебень и трамбовать между шпалами, чтобы рельсы «не плыли» под тяжестью тяжелых товарняков. И работать станут в городе, где, как ни мерёкай, житуха получше сельской. Конечно, постепенно забудут про казачество. Но что поделаешь, ведь рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше? Да и на что теперь это казачество, которому пришли кранты? Изжило оно себя. Царя-батюшки не стало, как и богатеев-помещиков, заводчиков и банкиров. И защищать ему некого. А на защиту завоеваний Октября поднимутся Красная Армия и весь советский народ, ведь это народная страна, и даже пяди ее земли никто не отдаст.

Сельское хозяйство как-то быстро отошло на второй план. Теперь необходимо поднимать промышленность, фабрики и заводы, чтобы державе стать индустриальной, сильной, чтобы повысить личное благосостояние трудящихся граждан. И их с нетерпением ждали цеха, производства, предприятия и стройки, учебные заведения, общежития и приобщение к социалистической культуре. И сельская молодежь, особенно из казачества, ринулась в города. Торопилась окончательно достроить социализм и устроить свою судьбу. Это было время надежд, производственных и творческих побед, когда появлялись Чкаловы и Стахановы. Короткое время, но плодотворное, счастливое. Время без голода и войны. Это такая редкость в России, которая преодолевает их целую тысячу лет своей трагической истории.

* * *

Серезка был крепким и непоседливым мальчишкой. Роста небольшого, но коренастый, плотный. Покатые плечи бугрились мускулами, которые накачал на пилке и колке дров, сенокосных и огородных работах. Лицо широкое, скуластое, а глаза доверчивые, голубые, как рассветное небо, видно, от бабушки и мамы достались. Его тонкие русые волосы, словно мелкие волны, плыли по голове легкими кудрями. Прямо копия Есенина. А кулаки

в Ильинскую породу – костистые и широкие, цепкие, словно клешни. А это досталось от отца.

В свободное от школы время он любил копаться по хозяйству. То мастерил конуру собаке, то скворечник, то ремонтировал обувь, подбивал подметки, подшивал пимы, чему научился от отца. Частенько он крутился возле дяди Вены Ильина. Тот что-то постоянно строгал, сверлил, клеил, выполнял столярные заказы организаций или соседей. А любознательный племяш все выпытывал, расспрашивал, как делается это, как ладится и обрезается то, затачивается инструмент, долбятся отверстия? Все интересовало мальчишку. И это нравилось дяде. Он терпеливо выслушивал его вопросы и грубовато, а то и с матерком объяснял:

- Тут надо ножовку держать под углом, чтобы пазы подошли плотно. А здесь рубанком строгать осторожно, вишь, сучки в дереве, их может задрать, и получатся дырки или корявины. Материал и труд загубишь, едри ее за ногу. Фуганком же работай осторожно, плавно, им как будто шлифуешь. На-ка попробуй.

И мальчишка брался с нескрываемым удовольствием. Пилил или строгал до седьмого пота. Вениамин в это время подбирал заготовки, сметал кудрявую стружку или курил сигарку, сидя в конце верстака, чтобы не мешать ученику. Иногда и похваливал его.

- Ты, Серый, молодец и не овца. Из тебя получится мастер, даже целый краснодеревщик, если не бросишь учебу, не запьешь. И на хлеб сшибешь, и масличком намажешь. Только не ленись, худая жисть. И дяденькины советы на ус мотай.

И тот мотал. А еще дядюшка считался заядлым охотником и рыболовом, от чего племяш был без ума. Он напрашивался с ним на охоту, таскал ружье, ягдташ или заплечный сидорок с дичью. И считал это за великое счастье. Вперед собаки бросался в холодную осеннюю или весеннюю воду за подбитой уткой или гагарой. Научился крякать и свистеть под промысловых птиц.

- Кря-кря!- подманивал то и дело табунки чирков или крякв.

- Надо чудок помягше, туды ее за ногу,- подсказывал Вениамин.- А то у тебя, как в сказке про волка, что козлят захотел слопать. Надо к кузнецу сходить, лучше отковать голос.

- Это я простыл маленько, в студеную воду лазил,- оправдывался мальчишка.

Наверно, от дяди Вены научился он и плести морды, ведь рыбалка для него считалась тоже необыкновенным занятием. Он уже самостоятельно ставил морды на протоках возле водокачки и на заросших плесах Старого Бишкиля. Как заправский рыбак, умело ловил и подсекал удочкой чебаков, окуней, ершей, а на блесну – метровых щук, аж дугой изгибалось удилище. И все чаще в их доме пахло ухой, жареной рыбой и рыбными пирогами. И благодарная мать ласково гладила его по голове.

- Наш кормилец, промысловик...

Он даже научился вязать сети. А невод тянул изо всех силенок, не хуже взрослого. И где воды было с головой, бросался вплавь, чтобы не показаться неумехой, гребя одной рукой, а второй крепко держа палку крыла. А когда делили улов, ему давали, как полноправному члену бригады. Даже нередко сажали спиной к уже приготовленным для дележа кучкам, и дядя Вена, показывая на одну из них пальцем, спрашивал:

- Эта кому?

- Дяде Ване Худякову.

- А это кому?- задал однажды вопрос Ильин, запустив руку в свои кальсоны.

- Дяде моему!- бодро выкрикнул племянник, думая, что тот указал на самую большую кучку.

- Вот тебе, сучий пес, мать твою за ногу!- дал ему подзатыльник дядя под общий хохот мужиков, аж тот виновато заозирался, пока не понял своей ошибки, смешной ситуации и не заулыбался.- Для этого я с тобой вожду, чтобы ты мне разные пакости присуждал? Больше не возьму, не просись.

- Я же не знал, дядь Вен,- извиняющимся тоном затянул племянник. Ему было и стыдно, и смешно, и страшно хотелось попасть на очередную рыбалку.

А морды он ставил даже зимой, продолбив во льду прорубь. При снятии их и вытаскивании из воды с них капало на штаны и фуфайку, и они покрывались ледком, который не гнулся и блестел на солнце, ломался от движений и поскрипывал при ходьбе. На заячьих тропах ставил петли. Ловил и горностаев. Без дела не сидел. Не забывал и про лыжи, коньки. Они с друзьями прикрепляли их к валенкам, при помощи палочки закручивали крепежные ремни. И ездили по льду пруда, пока не заметало снегом, по торным дорогам. Делали из толстой проволоки длинные крючки и цеплялись ими за кузова грузовиков, аж вихри снега кружились вокруг, или за конные повозки. Внимательно следили, чтобы сердитый возница не угостил кнутом.

Так шло время. Порой не шло, а летело стремительной птицей. Наконец, наступил день, когда дядя Вена протянул ему ружье, чтобы впервые в жизни выстрелил. Сережка сначала не поверил и принял за шутку. Его сердце вдруг так стремительно заколотилось, словно хотело вырваться из груди наружу, аж стало стучать в висках.

- Упирай прикладом в плечо! Дотянешься до курка? Смотри, будет резкая отдача. Держись крепко.

Сережка еле дотянулся указательным пальцем до спускового крючка. Повернул ствол на стоящую метрах в тридцати березу, долго целился, успокаивая покачивающуюся латунную мушку. И когда она замерла по самому центру дерева, нажал на спуск. Вдруг что-то сразу изменилось или нарушилось вокруг него. Звук показался не ружейным, а пушечным. Пороховой дым застил пытливые глаза парнишки. С ближних берез со стрекотом поднялись беспокойные сороки, постоянно высматривающие себе легкую добычу. С сугробов и веток снялись юркие воробьи и синички, с шумом полетевшие в ближний колок. Не скоро

осела и изорванная на мелкие клочки газетная бумага, которой был запыжован патрон.

Как ни старался Сережка, не сумел отметить и запомнить все детали эпохального, как он считал, выстрела. Ведь в это время его так долбануло прикладом в плечо, что он отлетел шага на два и еле устоял на ногах.

- Терпи, казак, атаманом будешь,- подбадривал его дядюшка.- Выгаскивай патрон и беги смотреть добычу.

Племянник переломил ружьё, вынул гильзу, продул ствол от порохового дыма, как настоящий охотник, подал дяде ружье, а сам побежал по глубокому снегу к той заветной березе, что стоически приняла на себя заряд дроби. И с радостью увидел, что она вошла кучно и глубоко, пробив твердую мерзлую кору. Будь на этом месте зверь, ему бы крепко не поздоровилось.

- Попал, дядь Вен, попа-ал!- радостно закричал он, стал пересчитывать дробины, а потом бросился тому навстречу.

- Молото-ок! Скоро кувалдой станешь, туды ее за ногу,- похвалил Ильин и потрепал его по лохматой заячьей шапке.

Наверно, это был самый счастливый день, считай, начало его настоящей охотничьей жизни. И он запомнил его навсегда. И был благодарен дядюшке, уверен в том, что никогда не предаст своей детской мечты и непременно станет настоящим охотником.

3

Четвертые сутки без усталости мела метель. Снег валил и валил, будто на небесах находились его нескончаемые запасы. То падал крупными хлопьями, словно лохмотья невесомой ваты, когда немного стихали порывы ветра, то вился мелкими колючими крупичками, когда ветер усиливался и гнал бесконечные снежные потоки. Наметал сугробы вдоль лесополос, деревенских плетней, заваливал до самых крыш дома крестьян и железнодорожников, близлежащие леса и поля. Пытался наместить завалы на железнодорожном полотне. Но оно было поднято насыпью, и его пе-

реметало не везде. В некоторых местах снег сдувало порывами непримиримого ветра, потоки которого гнало между защитных лесополос, как в продувной трубе.

Лесополосы были ощутимой защитой от метелей, буранов. Задерживали и собирали много снега, что значительно облегчало путейцам борьбу с ним. Но эти полосы – насаждения нередко прерывались то проездами, то ручьями, оголяя пути. И в этих прогалах ставили деревянные щиты, сбитые из нешироких и тонких досок. С таким щитом без особого труда могли справиться два человека. Их крепили один к другому, для усиления через несколько штук вбивали колья, чтобы крепко держались щиты и их не свалило ветром. И эти решетчатые сооружения, как полк солдат, выстраивались вдоль оголенных от ветра путей и мешали снегу их заметать.

Но уральская зима – не солнечный Сочи и не Крым. Морозы там беспощадные, а метели нескончаемые. И как ни хитрили люди, ни изворачивались при помощи инженерных мыслей и сооружений, полностью защититься от природных явлений и катаклизмов не могли. Поэтому путейцы боролись со снегом всеми силами и доступными методами. И это действо называлось снегоборьбой, на которую привлекались не только люди, но и современная техника.

Первыми механическими помощниками были снегоочистители. Сооружения грандиозные, мощные, способные раздвигать и отбрасывать с путей многие тонны снега. Причем на большой скорости. И это было хорошим подспорьем рабочим, ведь поезда не могли замирать на сортировочных станциях и перегонах, где в тендерах паровозов могут закончиться уголь и вода: их топки погаснут, а заново разжигать – дело дорогое и кропотливое. Да и не могут поезда выбиваться из графика, простаивать, ибо от этого замрут все фабрики и заводы, остановится вся промышленность державы. А такого не должно случаться ни при какой погоде.

Бураны и метели приносили путейцам много мороки. И если на перегоне могли сталкивать сугробы с железнодорожного

полотна мощные снегоочистители, разрывающие их стальными плугами, далеко отбрасывающие снег щеточными роторами, то на станциях, где было по несколько, а то и по многу путей, приходилось работать людям лопатами, отвозить на конях в какую-нибудь яму на санях и в больших плетеных коробах. А во времена больших снегопадов даже привлекать местных жителей и посторонних. Они были рады случайным заработкам, хотя железной дороге это влетало в копеечку.

Так думал Иван, шагая темной ночью по шпалам и пряча лицо за воротник полушубка от пронзительного ветра, швыряющегося колючим и холодным снегом. В одной его руке был узкий высокий молоток на длинной ручке, которым нужно стучать по рельсу, чтобы обнаружить дефект. В другой – большой керосиновый фонарь, похожий на маковку старинного русского теремка. Свет от него был недалеким, освещал площадь метров до пяти. И Иван его называл слепым дедом. Но виден был издаലെка. При необходимости белый свет можно было закрыть красным стеклом, что говорило машинистам об опасностях на путях или аварии.

Несколько лет Овчинников проработал в ремонтной бригаде. Овладел всеми приемами труда, основными и подсобными инструментами. И работы выполнял методично, словно машина, что помогало правильно распределять силы между пятиминутными перерывами на отдых, которые разрешались один раз в час. Не рассчитай силы, поспеши, и они быстро покинут тебя. Попридержи прыть и нетерпение, посачкуй, как говорят в бригаде, и товарищи начнут коситься, а то и высказывать недовольство. Кому охота вкалывать за другого, ведь труд путевого рабочего не слаще, чем у каторжанина. А нередко и значительно тяжелее, да на морозе, буране или летней сорокаградусной жаре, когда немилосердное светило, казалось, вытапливает из человека не только последние капли пота, но и подкожный жир.

Нет, не сломался Иван на ремонтных работах, не сдался. Видно, сиротская практика и сноровка помогли, настойчивость

и напористость. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж», - часто вспоминал он старую поговорку, которая не только успокаивала, но вроде даже придавала сил.

Постепенно Иван стал одним из лучших рабочих. Включился в социалистическое соревнование, что было престижно и модно, хотя не все приветствовали его, особенно те, кто еще недавно был хозяйчиком и богатышкой, если и не помещичьим отпрыском, то маломальским кулачишкой. Имел до десятка коней и держал батраков.

У Овчинникова не было ни десятка коней, ни наемных работников. Он сам с малолетства ходил в батраках то у священника, то у мачехи, дяди с тетей. И какая ему разница, на кого гнуть спину и работать, на хозяина или государство, ведь все равно это не его? Государство даже лучше для простого человека, трудяги: в нем приняты и соблюдаются законы, незаслуженно никого не выгонят с производства, не сократят, только не воруй, не прогуливай. А еще не только зарплату платят ежемесячно, но и дают жилье, землю под огород, сенокос, бесплатные проездные билеты на проезд в поезде.

Поэтому, хотя к новому всегда относился с недоверием, не испугался социалистического соревнования. А чего ему терять, как пролетарию, кроме своих оков? Соревнование как бы подзадоривало померяться силами, показать свою рабочую статью, что заложено самой природой в крови русского человека. Да и не особо Иван этим щеголял или гордился. Работал и работал, как положено, как мог и умел. И трудовая слава, если можно так ее назвать, пришла сама. На доске показателей, что висела в коридоре конторки, вывешивались достижения передовиков, писались мелом проценты выработки. Одни их читали с гордостью, радостью. Другие, отстающие, с неприязнью косились, мол, они нисколько не хуже, но их незаслуженно обошли. Чаще других там красовалась фамилия Ивана Аверьяновича. Малограмотный Овчинников запомнил свою строчку, чтобы долго не останавливаться на буквах, а цифры он умел читать быстро.

И на собраниях, пятиминутках пожилой мастер Зубков ставил его в пример.

- Рабочий Овчинников хорошо усвоил, что в социалистическом соревновании проявляется творческая инициатива трудящихся, жажда борьбы за выполнение народнохозяйственных планов, улучшение качества ремонта, воспитание трудящихся в духе преданности государству...

Не все высокопарные слова и изречения были понятны. Порой от них ему становилось даже не по себе, мол, не хуже и не лучше других, как могу, так и работаю. Почему все на меня оглядываются? И все-таки иногда было и приятно, ведь не били, не ругали, не унижали, как бывало в работниках. Уж лучше пусть хвалят. А похвала-то еще нередко была и с денежной премией, особенно к советским и профессиональным праздникам. Не бог знает, какая там премия. Но и сотня рублей не лишняя в семье, где надо каждого накормить, одеть и обуть.

- Овчинников берет пример с лучших тружеников Союза, передовиков Стаханова, Изотова, - продолжал хрипловато мастер, войдя в раж, - и мы ему заслуженно присваиваем звание стахановца, победителя социалистического соревнования...

Может, примерный труд и способствовал его небольшому продвижению по службе. Мизерному, но продвижению.

- Иван! - вызвал как-то его в конторку мастер. - У нас появилось место путевого обходчика. Не каждого рабочего берут на эту должность, ибо она ответственна. Он трудится не в коллективе бригады, а самостоятельно. Сам в тяжкие минуты принимает решения. Внимательно следит за состоянием путей, техникой безопасности, порядком. Сдает экзамены по ПТБ и ПТЭ. Это уже квалифицированный специалист, на которого надеются не только Наркомат Путей Сообщения, но и вся бескрайняя держава, народ! Понял?

- Что не понять-то? - без особого пристрастия вымолвил рабочий. Он не знал и не любил высокопарных слов и оборотов. От них веяло политической агитацией и еще чем-то не очень

основательным и жизненным. Но в словах мастера звучала и оценка его труда, выражалось доверие работы на ответственном участке. И такое доверие оказывается далеко не каждому.

- Конечно, работа сменная, по двенадцать часов. Да на жарком пекле и морозе, в дождь и вьюгу. Зато после дневной смены – суточный отдых, а после ночной – двое суток. А у тебя личное подсобное хозяйство. Сено надо заготавливать, дровишки, вестимо. Но у тебя два дня выходных. Да ты столько напластаешь сена, сложишь копен, стогов намечешь, что будешь продавать излишки! Да и зарплата путевого обходчика побольше, чем у ремонтника. В общем, даю сутки подумать.

И Овчинников думал, советовался с женой. И согласился. И вот теперь он шагал по холодным шпалам. Нес на ремне, перекинутом через плечо, тяжелый путевый молот – забивать костыли, и большой гаечный ключ, которым подтягивал гайки на накладках рельсовых стыков. А на поясном ремне висели в специальной коробке петарды для экстренной остановки поездов и громкая металлическая дудка-рожок, которая и мертвого может поднять при надобности.

На нем были обуты огромные и подшитые толстым слоем тяжелые пимы с загнутыми носами, в которые влезали ноги в шерстяных носках и собачьих портянках. Они смахивали на старинные струги, только разбивали не морские или речные волны, а снежные наметы и сугробы. Надеты ватные штаны, лоснившиеся от времени, меховая безрукавка, поверх которой плотно сидел казенный овечий полушубок с теплым воротником. На голове – огромная красно-коричневая шапка из шкуры теленка, нутро которой было отделано белым кошачьим мехом, чтобы не пробрался любой мороз, не продул нестерпимый ветер.

На руках его натянуты варежки, а поверх них – шубенки, большие мохнатые рукавицы, одолеть которые не под силу никаким холодам. Он мог еще прихватить из дому длинный поношенный тулуп, чуть не метущий лапами землю. Но это уже в самом крайнем случае. Такова была экипировка путевого

обходчика, чтобы за двенадцатичасовую рабочую службу не замерз, как ледышка, не погиб ради производства, ведь тогда и рабочих не напасешься.

Но и в этой одежде люди мерзли, и многие из них не выдерживали. Иван же был крепким и терпеливым мужиком. Топал он по частым шпалам, как неуклюжая копна сена. С трудом поднимал ноги и волок огромные пимищи. Освещал тусклым фонарем дорогу, боясь, чтобы не задуло фитиль ветром, потом не разожжешь. Посматривал вперед и оглядывался назад, особенно, когда топал по «правильному» пути, то есть в ту сторону, куда должен двигаться состав. Боясь, чтобы не угодить под колеса. А тут, как назло, буран, сумасшедший ветрище несет снежные потоки. Ничего не видно и не слышно.

Где-то слева, со стороны плес Старого Бишкиля, донесся волчий вой. Он временами повторялся и казался все ближе и ближе. Потом послышался продолжительный гудок паровоза. И Овчинников увидел, как на свету электрического прожектора хаотично крутились в воздухе растерянные снежинки. И понял, что это движется снегоочиститель.

Чтобы не попасть под лавину, он отступил за соседний путь и показал фонарем, что находится на своем посту. Машинист, очевидно, заметив обходчика, дал длинный и прерывистый гудок, предупреждая, мол, будь осторожен. Агрегат показался непробиваемым вихрем, левиафаном, неземным чудовищем, которое выбрасывало из-под себя упругую лавину снега, гремело, шипело, гудело и стремительно мчалось вперед, как казалось Ивану, с бешеной скоростью. Тут уж близко не подходи, ненароком сшибет, немилосердно разорвет на куски, выбросит вместе со снегом за насыпь, что с ищейками не найдешь.

Это железнодорожное чудовище быстро промчалось и удалилось, оставив после себя поток ветра, который чуть не сорвал с головы обходчика мохнатую шапку и не увлек его за собой. Умчалось за выемку, на запад. А Овчинников долго думал, идя вслед, что он, передовой рабочий шестого околотка, на самом

деле, наверно, никакой не стахановец, не личность, которой его представляет начальство, а такая же простая и беспомощная снежинка, как и миллионы вот этих, поднятых только что промчавшимся агрегатом и бесцельно полетевших за ним в никуда. И никому они не нужны, как и он сам, путевой обходчик. И ничего не в состоянии сделать или воспротивиться ветру, стихии.

- Видно, таков уж жизненный закон, что поодиночке ни снежинка, ни человек не могут ему противиться,- рассуждал он почти шепотом.- А если соберутся вместе не один, а несколько человек? Вон, какая сила получается, способная поспорить с самой матушкой-природой. Не зря же такую мощную машину, как снегоочиститель, построили. Вот, что может коллектив! Значит, ближе к нему надо держаться.

Шагая в размышлениях, он забыл про волков, чей вой, в общем-то, был привычным. Очевидно, их напугала эта адская машина – снегоочиститель. Но вдруг до него вновь донесся душераздирающий волчий вой, от которого Иван содрогнулся. Время от времени вой повторялся, и обходчику казалось, что с каждым разом он становится ближе. Из-за бурана поезда проходили редко, и зверей ничто не отпугивало. Он еще раз внимательно осмотрел фонарь – не кончается ли керосин. Посильнее сжал длинную ручку узкого контрольного молотка, на всякий случай помахав им в воздухе. Но сколько зверей – один или стая? От одного-то он сможет отбиться с такой экипировкой: и свет, и два молотка, и чуть ни метровый гаечный ключ! А еще в кармане и горбушка черного хлеба, который, правда, звери не ели, застывшая на морозе, словно ледышка. Это чтобы в полночь перекусить Ивану, поглотить и пососать небольшую кислую краюшку ржаного хлеба, чтобы не обессилеть до конца смены.

- Но что у волка на уме, не будет же он довольствоваться мерзлой горбушкой? Ему подавай мяса и свежей крови. А откуда я их возьму,- растерянно рассуждал мужик.- Себя, что ли, отдам? Не могу. Я нужен Марии и деткам. Без меня им придут кранты. С голоду пропадут. А у волков возможностей больше. Вон сколько

зайцев залегло в степи и лесополосах! Сколько косачей нырнуло в сугробы, чтобы переждать метель и сильные морозы! А сколько глупых куропаток затаилось вокруг! Вку-усные оне. Идите и ищите, не ленитесь, ведь волка ноги кормят. И нюх у вас не человеческий, а волчий. И прыть звериная, и ненасытная жадность. А у меня мясо-то мазутом пропахло, неживыми путями. Разве его едят? Только зубы ломать да брюхо травить...

Почуяв опасность, он внимательно осмотрелся. И вдруг заметил, как неподалеку сверкнули зеленые огоньки.

- Волк, сволочуга! Ну, чего ты пристал, как банный лист? И встречного обходчика не видно.

Это была граница участков обходчиков – бишкильского и аджатаровского. Тут даже стояла лавочка, чтобы посидеть и отдохнуть. Перекинуться словами, поделиться новостями. Тут они обычно встречались и расходились по своим перегонам. Метра через два от лавочки лежали на высоких подставках новые запасные рельсы, глядящие в сторону лавки острыми стальными торцами. И зеленые огоньки хищных глаз уже смотрели с той стороны рельсов. Это двенадцать с половиной метров от меня, смекнул Овчинников. Волк был вроде один, и это несколько снижало опасность и риск.

Человек бросил взгляд на лавочку, которая почти до верха стоек утопала в снегу. Смахнул рукавицей снег с сиденья и стал быстро думать, как обхитрить зверя? Чтобы не отогнать его, он отвернул свет фонаря в другую сторону, крепче сжал в руке молоток и прилег, будто сонный или замерзший. И тут его осенила хорошая идея. Он нащупал на ремне рожок, потихоньку отстегнул его, поднес ближе к губам и стал томительно ждать.

Ожидание показалось почти вечностью. Хищник долго томился у дальнего торца запасных рельсов. Наверно, ему не хватало смелости, с легкой улыбкой подумал Иван. Пыхтел, еле слышно рычал, поскуливал и приплясывал от холода на одном месте. Потом потихоньку двинулся, неслышно ставя лапы. И хорошо, что по бровке насыпи, где снег смело очистителем. Он

мог наброситься в любой миг. И Иван затаил дыхание. Не двигал ни одним мускулом. И когда до него осталось с метр, волк отвлекся на какой-то посторонний звук.

И тут, мгновенно поднеся к губам рожок, человек дунул в него всеми силами легких. Зверь, не ожидая такого, смертельно перепугался и стремительно кинулся в сторону. Из-под его хвоста вылетела черная струя. Видно, волки тоже болеют медвежьей болезнью. Но тут же со всего маху ударился о торцы запасных рельсов и бессильно свалился в снег.

Обходчик не растерялся, ударил молотком раз, второй, третий по голове, пока не понял, что серый разбойник отдал богу душу.

- Знать, был шибко голодный,- уже весело вымолвил он, осветив поверженного врага фонарем.

Он еще немного подождал товарища, но того все не было, как и не видно было света его фонаря. Может, отсиживается в бане на казарме, если, конечно, не замерз и не слопали волки. Наконец, убедился, что волчья кровь застыла и раны не кровоточат, с кряхтением закинул тяжелого зверя на плечи, громко крякнул для порядка или смелости, и пошел обратно. Путь был неблизкий. Надо было дотащить ношу хотя бы до казармы и оставить до утра. А после окончания смены ободрать шкуру и унести домой. За нее местный колхоз, на чьей земле убили волка, обязан выдать тысячу рублей денег и овечку. А разговоров об этом было по всем околоткам отделения Южно-Уральской железной дороги. Ибо подобных случаев никто из путейцев не помнил. А славного героя Ивана даже прозвали Волчатником.

4

Как ни пыталось Советское правительство избежать войны, как ни оттягивало ее начало, Запад смотрел волком на СССР, искал причину нападения и развертывания боевых действий. Не давали ему покоя экономический и промышленный подъем

Страны Советов, укрепление и рост колхозов, благосостояния трудящихся. Колоссальный и невиданный скачок науки, культуры. Запад недоумевал, как может еще недавно захолустная аграрная страна, которую называли колоссом на глиняных ногах, моментально подняться во весь рост и двинуться семимильными шагами в отраслях промышленности, мирного строительства, земледелия, науки, законотворчества, в тех областях, на развитие которых капитализм затрачивал целые столетия? Это что за страна, где к власти пришел необразованный народ, конюхи и кухарки, и с достоинством показал всему миру такой яркий пример, что закачались капиталистические устои и международные порядки, которые устраивались ими кропотливым трудом и большой кровью?

Это что за нация – русские, 90 процентов которых еще совсем недавно считались батраками и нищими? Русские, с которыми почти никто не считался? Особая нация? Гении? Великие создатели, безуданно укрепляющие Россию и создающие из нее Великую державу и даже империю?

Немедленно помешать, запретить, перекрыть кислород, разорвать в клочья, чтобы другим было не повадно, а то уже многие страны и даже колонии по примеру Советов заподнимали головы! Захотели переходить на социалистический путь развития.

И западные буржуазные страны мешали и вредили, как могли. Всеми силами и уловками пытались натравить Германию на СССР. И не только ее. Но хитрый Сталин и его правительство находили в этой, казалось бы, безнадежной ситуации дипломатические выходы. Заключили пакт о ненападении. Поставляли сельхозпродукты, хлеб. Выказывали лояльность и терпимость, ратовали за дружбу.

И Гитлер то ли был на какое-то время убаюкан речами и стремлениями кремлевских политических говорунов, то ли побаивался растущей мощи Красной Армии, но все тянул и тянул время, не нападал на СССР. Видимо, решил сначала проверить боеспособность германской армии на европейских соседях, жуж-

жащих на ухо, словно трупные мухи, к которым давно имелись политические, географические и экономические претензии. Это давние друзья – соперники, которым нельзя класть пальца в рот – вместе с локтем откусят, не хуже акулы. И хотя они давно науськивали его на Россию, все же он решил проверить свои силы на них самих, начав с Польши, болтавшейся на политическом поле Европы, как дерьмо в проруби, где было трусливое и продажное правительство, которое по своей феодальной глупости отказалось от помощи СССР против Гитлера. Потом переключился на Францию, хитромудрую Англию и другие капиталистические страны, поджавших хвосты, как пугливые шавки. И если там фашистская армия проявит стойкий боевой дух, добьется блистательных побед, а Адольф Гитлер был в этом почти уверен, тогда можно обрушиться всей европейской мощью и на родину Советов, чтобы их идеи больше не расплзались по всему земному шару, как неуловимые змеи. И успех был ошеломляющим.

А пока армия Вермахта шагала победным маршем по улицам государств Европы, западные и германские идеологи не дремали. Натравливали соседние мелкие страны на большой СССР, чтобы со всех сторон подточить его фундамент, как крысам, немилосердно повалить колосса набок. А там подоспеет и Германия. Наверно, само Божье провидение помогло, чтобы Гитлер сначала напал на главных подстрекателей. И этим дал еще немного времени Советам на подъем боевой мощи.

Но и в этом случае не отказались от своей мерзкой затеи западные правители. И начали поставлять в соседнюю Финляндию вооружение, материалы. И она начала подготовку к войне. Строила оборонительные сооружения вдоль границы с СССР, создавала укрепления в пограничных районах, на Карельском перешейке, где граница проходила в 32 километрах от Ленинграда. Финляндию, которую когда-то большевики отпустили от России с миром, финансировали Великобритания, Франция, Швеция, Германия, США. На их средства была построена «неприступная линия Маннергейма», чей создатель, главнокоман-

дующий финской армией, когда-то учился и служил в России. Ничего не скажешь – господин маршал отблагодарил ее за науку и свободу! И превращал вместе с реакционным правительством территорию страны в плацдарм для нападения агрессивных держав на СССР.

Понимая угрозу, Советское правительство предложило правительству Финляндии начать переговоры о заключении пакта о взаимопомощи, но финны отклонили его. В октябре 1939 года СССР снова предложил Финляндии заключить такой пакт, но получил очередной отказ правительства, провоцируемого уже упомянутыми странами.

13 – 14 октября в Финляндии объявлена мобилизация. Тогда руководство Советского Союза предложило рассмотреть вопрос об аренде полуострова Ханко и территориальном обмене, который предусматривал компенсацию территориальных уступок со стороны Финляндии на Карельском перешейке, на полуостровах Рыбачий и Средний и ряд островов в Финском заливе, вдвое большей территорией Советской Карелии. Но снова получен отказ.

Финское правительство уклонилось от рассмотрения и новых советских предложений и привело войска в боевую готовность. К концу ноября 1939 года вооруженные силы Финляндии уже насчитывали до 600 тысяч человек, имели 9 пехотных дивизий, 5 пехотных бригад, 5 отдельных пехотных полков, 22 отдельных пехотных батальона, 1 кавалерийскую бригаду, около 900 орудий, 60 танков, которые поддерживали ВМФ (29 боевых кораблей) и ВВС (до 270 боевых самолетов).

Рассчитывая на помощь западных держав, финская военщина 26 ноября вступила на путь вооруженных провокаций на границе. Советское правительство предложило Финляндии отвести войска на Карельском перешейке на 20 - 25 километров. Но его не услышали. Даже когда начались военные действия, Советское правительство предложило Финляндии заключить договор о дружбе и взаимопомощи. Однако и это было отвергнуто ее

правительством, которое 30 ноября объявило войну СССР.

Через полвека, когда верхушка руководителей-предателей сдаст СССР, новые политические трескуны, а это в основном националисты, неосионисты и зараженные капиталистической проказой политики, все поставят с ног на голову. Уж больно им станет обидно за победы советского народа, который, кстати, их вырастил-выкормил, руководимого Иосифом Сталиным. С пеной у рта они, как самые последние твари и предатели, будут утверждать, что первым напал СССР, что необоснованно положил в той войне много живой силы и техники. Да, потери были немалые. Но и условия для наступления были нечеловеческие. Мороз доходил до 40 – 45 градусов. Глубокий снег. Но «неприступная» линия маршала Маннергейма для советских войск оказалась «приступной».

Падение «линии» и разгром основной группировки финских войск поставили противника в тяжелое положение. Не спасла и помощь западных держав, которые за время войны передали Финляндии 350 самолетов, 1500 орудий, свыше 6000 пулеметов, 100 тысяч винтовок, 2,5 миллиона снарядов и другого. Но и это не помогло. И 12 марта 1940 года в Москве был подписан Советско-Финляндский мирный договор, а на другой день прекращены военные действия.

Эта короткая война помогла оценить боеспособность Советской Армии, умение действовать в экстремальной обстановке командиров и подразделений. Выявила серьезные недостатки, что поможет обрести больше опыта и внести коррективы. Ведь через год с небольшим предстоит труднейшая война с Германией, которая победно прошествовала по государствам Европы.

* * *

Из бишкильских железнодорожников на фронт угодили немногие. Во-первых, баталия была короткой, ведь финнов надеялись закидать шапками и больших сражений не ожидали. Во-вторых, у многих была бронь, ведь в принципе они, как и вся

страна, давно готовились к войне, снаряжали и везли на запад составы с танками, самоходками, самолетами, пушками, зенитками, снарядами, патронами и другим вооружением. Эшелоны с красноармейцами, моряками, пограничниками. Санитарные поезда с медицинским персоналом. И все это шло «транзитом», «одним отцепом», как выражались движенцы. Вагоны внимательно осматривались специалистами пунктов технического осмотра, специальными осмотрщиками и слесарями, ремонтировались, не дай бог, что случится в пути, сломается шейка оси или соскочит с рельсов колесная пара. Даже загоревшаяся букса, «ползун» на бандаже колеса могут привести к остановке поезда, отцепке вагона, выбыванию из графика движения. Это с пушками-то, танками, самолетами, которых, как божьего праздника, ждут в армии?! За это, как говорилось, и голову можешь не сносить. И в тюрьму угодить, если признают вредительством.

В общем, почти передовая, только снаряды близко не рвутся. Не зря и дисциплина на железной дороге стала, как утверждали, «железной». И форму всем выдали. Начальников дорог сделали генералами. Большие звездочки на погоны повесили. Выдали погоны даже проводникам и путейцам, по форме похожие на молоток с ручкой. И фуражки с ключом и молотом на кокарде. И темно-синие шинели, гимнастерки армейского типа, на железных пуговицах которых были выдавлены ключ и молот. Все, как в армии, только вот не кормили бесплатно, не организовывали столовых. Зато вагон-лавка через день снабжала магазины-«железки» хлебом и другими товарами.

Перед началом трудовой смены начальство тщательно напутствовало рабочих, чтобы были внимательней, ведь могут случиться диверсии и вредительство. Где-то под рельс могут положить динамит или сверху закрепить металлический предмет. Где-то вытащить костыли из шпал, открутить гайки на стыковых накладках. Повредить светофор и сделать крушение. На поездах и станциях стали все чаще появляться люди в форме сотрудников НКВД с револьверами в кобуре, охранники и сопровождающие

грузов в фуражках с зеленым верхом и винтовками или револьверами, которых почему-то звали дубаками. Возможно, это производное слово от «дубины» или глагола «дубасить» - колотить, бить нечистых на руку граждан, чтобы не вредили государству, не расхищали социалистическую собственность.

У Овчинниковых взяли в армию лошадь Маньку, и Иван Аверьянович сильно горевал. С детских пор лошадь для него была не только тягловой силой, но и символом благополучия. Вместе с телегой или санями составляла солидную движимость и личную собственность, посягнуть на которые никто не имел права. Лошадь была живым существом и казалась Ивану членом семьи. Считалась первым помощником в хозяйских делах. Понимала его с полуслова, спасала в трудную минуту, возила не только дрова и сено, но и семью, жену и малых ребятишек.

Они ее обихаживали и любили, купали, чистили, кормили, катались верхом, говорили ласковые слова и даже нашептывали на ухо какие-то детские тайны. Лошадь не обидит своих, не наступит на ногу, не лягнет, не укусит, не принесет горя. Это, считай, полноправное существо, представитель твоей фамилии. И люди в благодарность за труд и преданность берегут ее, досматривают до самой старости. Ярким примером в этом считался киевский князь Олег, который даже после смерти интересовался судьбой своего коня.

- Лучше бы меня самого взяли на фронт, чем мобилизовали бессловесную кобылу,- не раз горестно признавался Овчинников, чуть не плача.- Куда в селе без нее?

С началом Финской войны на дистанциях пути и околотках не стало хватать рабочих. И их присылали на помощь из других мест. Иван Аверьянович тоже не раз посылался то в Уржумку, то в Златоуст. Помогал на дежурстве и ремонте путей. И однажды, когда их бригада работала на железнодорожном переезде, он вдруг увидел ее, запряженную в хорошую кошёвку. В ней сидел солидный человек интеллигентного вида в драповом пальто с каракулевым воротником. Очевидно, большой начальник,

вальяжно развалившийся на мягком сидении. В его облике просматривалось что-то самодовольное и барское, что было когда-то привычным для глаз россиянина, но ушло куда-то, кануло в прошлое после Октябрьской революции. И Ивана Аверьяновича даже передернуло от его сытого вида.

Впереди его, на козлах, сидел невзрачный мужичок в старой мерлушковой шапке и короткой шубенке, внимательно следивший за дорогой и осторожно управлявший лошадкой.

- Манька!- непроизвольно вырвалось у Ивана, подавшегося к ней.- Маня!..

Кобыла нервно дернулась всем телом, повернула в его сторону голову, видать, сразу узнала и тоскливо заржала. Даже хотела свернуть прямо на пути, где работала бригада и где она увидела своего родного хозяина. И он кинулся ей навстречу. Но быстро спохватился перепугавшийся начальник и гневно закричал не то ездovому, не то кобылице.

- Не балу-уй! Смотри в оба!

И ездовой дернул правую вожжу, чтобы выправить ход лошади и кошевки, и недовольно стегнул кнутом. Иван никогда такого не делал, и ему показалось, что это его самого стегнули в самое сердце.

- Я тебе дам, пятнистая ведьма!- крикнул тот на нее. И она дернулась всем телом и понеслась крупной рысью по пустующей дороге, свернула в сторону и повезла по кочкам, норовя вот-вот перевернуть кошевку и вывалить советского барина вместе с его холопом. Косясь кровавым глазом в сторону удаляющегося Ивана.

А тому аж стало плохо, перехватило дыхание. И он бессильно навалился на переездное ограждение, шепча еле слышно:

- Манечка! Милая Маня...

Рабочие бригады с любопытством уставились на товарища. И кто-то даже спросил:

- Что случилось, Иван?

- Лошадь была моя. В армию ее забрали, воевать с финнами. А вот чего-то оставили здесь.

- Может, ростом не подходила, забраковали?

- Может, и ростом. Только в скачке ей не найдешь равных.

- Вот и приглянулась начальству. Служебные автомобили-то у многих тоже забрали на фронт.

Вскоре сочувствующие мужики отошли от него и принялись за работу. А Овчинников стоял с побледневшим угрюмым лицом, и глаза его были полны слез. И ему казалось, будто из его груди немилосердно вырвали кусок тревожного сердца, ведь вместе с лошадью рвалась последняя тонкая нить, связывающая его с казачеством.

5

Арина Алексеевна, до переезда сюда намаявшись в Травниках, не могла нарадоваться жизни на станции. Никто их не трогал, не забирал казаков на войну. Не раскулачивал и не вышвыривал из собственного дома на улицу, как паршивых собак, не заставлял ходить по деревням и продавать рыбу, чтобы не окочуриться с голоду. Конечно, жизнь была не такой хлебной, как в казачестве. Не было столько скотины, доходов от зерна. Но и такой почти невыносимой, а нередко и неподъемной работы не было, когда «развязывался пупок», когда к ночи валялись с ног от усталости. С таким трудом разве надолго хватит человека?

И домишко тут был маленький, но лучше-то в то время, время бегства из станицы, было купить не на что. И этому были радешеньки: не под голым небом жили. А там Венка что-нибудь придумает. Он уже стал хорошим мастером, плотником и столяром. Зашибет денег, купит материалов и построит новый, просторный.

Конечно, новой жизни она радовалась скрытно, про себя. Боялась сглазить, чтобы прошлое не повторилось. Революции и раскулачивания не вернулись. И дай Бог спокойно до кончины

дожить, ведь ей, считай, семьдесят лет.

Сын-то еще в Травниках приглядел хорошую да красивую девушку, дочь казака Рыжкова – Тоню. Работящая, уважительная, она сразу понравилась Арине Алексеевне и Марии. Чистюля, во всем любила порядок. Помощница свекрови. Скромная. Минуты не сидела без дела. Для сельской семьи это был божий подарок, чуть ли ни знамение. И ковшик с водой свекрови подаст, и теплые портянки мужу. И в глаза преданно заглянет, и крепко обнимет, и расцелует. Не могла на нее налюбоваться Арина Алексеевна. Чем-то она напоминала ее саму в молодости.

- И чего еще надо было Венке? Завыкобенивался вдруг, дурак, гонор показал. Откуда у нас, простодырых, гонор, вроде никогда им не страдали?- дивилась она.- Мало бед пережили, еще и развестись захотел. Такого в станице сроду не помнилось и не бывало.

Как плакала-убивалась невестка! Чуть не руки целовала свекрови. И та коршуном налетала на Венку. Ругала. Да что толку. Христом-Богом просила и сестра Мария. Уж больно ей по душе пришлась Тоня.

- Чего тебе еще надо?- недовольно спрашивала она.- Ведь вы – хорошая пара! Как голубочки смотрите. Вам вся станица завидует.

- Разве от добра ищут добра?- помогала ей мать.

- Не любя она мне,- потупив взгляд, отвечал Вениамин.- Из ее рта воняет.

- А от тебя ниоткуда не воняет? Зачем тогда женился, голову морочил девке?

- Ошибся маленько,- оправдывался сын.

- А куда она теперь – ни девка, ни баба? Да еще вдруг дитя принесет?

Вроде и парень он был покладистый, скромный, а вот уперся, как казбаевский бык, хоть убей. Так и расстался. А вскоре попал с гармошкой на свадьбу в Щапино. Была на ней и чебаркульская Настасья Лосева. Племянница Нюрки Щапиной, бабы бойкой,

говорливой, которую и цыганский табор не переговорит, не переспорит. Они его и сбили с толку, словно дурью опоили, хотя по виду Настя в подметки не годилась Тоне Рыжковой, красивой и работающей. Любо-дорого посмотреть. А еще про нее болтали, что она была дочь репрессированного чебаркульского жителя. И ее приютила сердобольная тетка. Из огня, да в полымя, как говорится. Сами кулаченные-раскулаченные, да еще и невестка с политической метой. Хоть завязывай глаза и кидайся в омут.

- Ты совсем обалдел!- кричала на сына казачка.- Такой видный, большой, а взять хочешь кнопку, болонку, да еще сутуленькую, рябую! Где были твои бесстыжие глаза? Она делать-то ничего не умеет, не приучена родителями. Не она на тебя, а ты на нее и за нее будешь робить, возить на себе, как бит небитого возил!

- Люблю я ее, мать, хоть убей. Люба она мне чем-то,- только и повторял Вениамин, виновато опустив глаза.

- Так и не переломила, не убедила,- жаловалась она потом Марии.- Запотимел, и все тут, хоть кол на голове теши.

- Ну что теперь поделаешь?- успокаивала ее старшая дочь.- А не дашь жить, можешь навредить. Он ведь потом всю жизнь не простит, обижаться станет.

- Вот и мерёкай – хоть так нехорошо, хоть так плохо!- беспомощно разводила руками Арина Алексеевна, вытирая фартуком сырые глаза.

Так и не послушался сын, женился. Родила ему Настасья мальчика Витьку, да помер он, не прожив и года. Схоронили на Бишкильском кладбище. А вскоре появился Володька. Черноглазый, в мать, волосенки легкими волнами шли. Подвижный. Все руками и ногами ёрзал.

- Наверно, физкультурником станет,- смеялась радостно мать.

- Ста-анет,- соглашался отец, боязливо беря его большими руками.- У нас физкультурники в почете.

Сын смотрелся крупным ребенком, видно, в отца. И это

радовало Вениамина, мол, хоть чем-то понравится бабке. А то заклюет, скажет, шкета родила. И так вяньгает: засоня, неповоротлива, ленива, штанов мужику не зашьет, онучей не постирает. Уж больно ему не хотелось этого признавать, хотя в глубине души вроде и соглашался с матерью. Но что поделаешь, конь четырех ног, и то спотыкается. Вот и он споткнулся, ошибся. Да ведь взяла же она чем-то. Может, характером: веселая, любит шуточки, прибауточки. Долго не сердится, коль обидел.

- Мы по улице пройдем, как на троечке проскачем,- скажет с улыбкой и оптимизмом, и все беды с плеч долой.

- Видать, нутром взяла,- рассуждал сам с собою Вениамин.- А если нравится, что ишшо надо? В трудную минуту мать ей поможет. На ней еще можно воду возить.

А мать и вправду возила. И за водой с коромыслом ходила на колодец по узенькому переулку. И скотину поила, доила. И стога вместе с сыном метала. И в стайке чистила. И в огороде копала, полола. Не терпела недоделанных работ, беспорядка. Потому бралась первой, не ждала, когда поднимется невестка да придет после сна в себя. А еще и зыбку с Володькой качала, пол мыла, стирала. А в грибное да ягодное лето из лесу не вылезала, чуть свет поднималась, заходила за старухой Куреповой.

- Курепиха, ты готова?- спрашивала из-за палисадника.

- Как штык, готова,- напевно отвечала та, выходя с большой корзиной за калитку.

- Быстро наберете, так меня позовите на помощь. Я вам еще лукошек принесу!- смеялся вслед дед Курепка.

Он был мастак пошутить, разыграть кого-нибудь. Особенно свою Курепиху, бабу беззлобную и покладистую.

- Не дотацишь, на лошади приезжай!- со смехом отвечала ему старуха.

- Чо уж на одной-то, пусть пару запрягает,- подсказывала Арина Алексеевна, тоже любившая пошутить.

Из соседних дворов выходили и присоединялись к ним еще

женщины и подростки. И они дружной компанией направлялись в лес.

- Куда пойдём, за плотину или за линию?

- За линией-то ягоды и грибы хорошие, только больно далеко пѣхать.

- Тогда айда за мельницу,- переговаривались женщины и гуськом направлялись на ягодные места.

В хороший год Арина Алексеевна набирала десятки ведер клубники, грибов и груздей. Наваривала варенья из ягод, засушивала грибов и насаливала груздей в бочке. И до самой весны ныряли за ними в голбец и доставали к столу. Пекли пирожки из сушеной клубники.

А огородные излишки, огурцы, морковь, лук, чеснок, новый картофель, да и урожаи полей Арина Алексеевна несла на небольшой привокзальный рыночек, где покупали проезжающие пассажиры. На небольшие деньги от продажи брала в магазине продукты и другие товары. И это была ее посильная помощь в семейный бюджет, чтобы не считали дармоедкой и немощной старушонкой, ведь она еще дебѣлая старуха и боевая. Тертая жизнью и битая сложными ситуациями.

* * *

Пока Вениамин разбирался с женами, раздумывал с детьми, его сестры и зятя не теряли времени даром, будто включившись в социалистическое соревнование по рождению детей, будущих защитников Отчизны и строителей коммунизма. Могущество и обороноспособность СССР росли, и ему срочно требовались молодые кадры, бойцы и гражданские специалисты. И многие россияне, понимая важность стратегической задачи, старались не подвести на фронте деторождения, не ударить лицом в грязь.

Мария с Иваном набрали хороший темп, но половину из шестерых детей прибрал Господь Бог. По их стопам пошли сестра Таисия с мужем Василием. И у них уже было четверо детей. Три дочери и один сын. Как-то неудобно было отставать семье

железнодорожного стахановца от семьи конного ездового. И вскоре Мария понесла в общей сложности седьмого ребенка.

Но неожиданно стала замечать, что здоровье ее ухудшается. Почему-то стали хуже видеть глаза. Но это, может, оттого, что в детстве подолгу смотрела на спор с подружками на яркое солнце? И выигрывала спор. А может, шитье на машинке посадило зрение, ведь всю семью надо было обшить и одеть. И не только свою семью. Мать с Настасьей приходили и просили что-либо сшить. Соседи лезли с заказами. Тоже неудобно отказать. И строчила машинка целыми днями, как пулемет. Да и кое-какая копейка за это перепадала. Спасибо тятэ с маманей, что когда-то купили швейную машинку, научили хорошему ремеслу.

А тут и сердце стало покалывать да посасывать. Может, выявляются последствия падения в детстве в колодец и паралича? Пошла в Медведево к фельдшеру, который толком не мог понять или объяснить. Поехала в Челябинскую железнодорожную поликлинику. Признали порок сердца, ревматизм.

- Это инфекционно-аллергическая болезнь с поражением суставов, сердечно-сосудистой системы, часто сопровождающаяся острыми болями,- объясняла врачаха.

- А я думала, простуда. Вот почему суставы побаливают,- простодушно высказала Мария, придя от услышанного в сокрушение.- И что теперь делать?

- Надо обследоваться, лечиться,- как дятел, стучала по столу ручкой и втолковывала врачаха.

- Какое обследование, ведь мы живем за пятьдесят километров,- не соглашалась пациентка.- Разве сюда наездишься, когда дома семеро по лавкам, скотина?

- Для здоровья ничего не надо жалеть, милая женщина,- настаивала та.- Может, и путевку на курорт придется взять...

- Какой там курорт, когда надо навоз в стайке чистить, корову доить, детей кормить? Да и на какие гроши ее купишь, я ведь домохозяйка? Да еще и беременная...

Все к одному. Всю обратную дорогу в рабочем поезде про-

плакала. Рассказала мужу, и они решили избавиться от ребенка. А как? Официально аборты запрещены, за них даже можно схлопотать срок. Недаром же налог за бездетность брали.

- Сходи к Скарлыжихе или Курынчихе. Может, помогут,- посоветовал Иван Аверьянович.

И она ходила. Ей надавали советов, настоев трав и лекарств. И она долго пила их с надеждой, до изнеможения парилась в бане и дома – в цинковой ванне. Только не помогало.

- Что-то у тебя лицо стало зеленеть,- пристально посмотрев, заметил как-то супруг.- Ты сама не преставайся, оставишь меня вдовцом с кучей ребятни.

Не хочет выходить плод, покидать материнское тепло. Ну что ты с ним сделаешь? Пришлось смириться, отказаться от нехорошей затеи. Накупила материи в вагон-лавке. Стала шить пеленки, распашонки, шапочки и штанишки. Одеальца летнее и теплое, чтобы зимой дитё не замерзло. А когда начались схватки, Иван выпросил у мастера лошадь и отвез в медведевскую больницу, в роддом. Не стала она рожать в этот раз, как других детей, то на заимке, то на русской печи. Уже культура и санитария внедрялись в дело появления на свет детей. Железнодорожники тоже не лыком шиты. Стали подчиняться медицинским правилам, ведь не подчиняться – себе дороже.

- Опять у Овчинниковых мальчишка!- смеялись в конторке.- Наверно, на правом боку стряпают.

Назвали Владимиром, как и многие другие бишкиляне. Это имя тогда было самое модное для мальчиков. Наверно, в честь Владимира Ильича Ленина. Надеялись, что таким же знаменитым и гениальным станет их чадо. Только, правда, не подумали, куда девать столько гениев? Почти в каждой семье был Владимир. У Вениамина сын Владимир по фамилии Ильин, чуть ли не Ильич. Почти по всем именованным параметрам подходил к вождю пролетарской революции. Значит, можно ожидать от него если и не апрельских тезисов, то нового возжигания «Искры», возрождения Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Он

научит, что делать, напишет военную программу пролетарской революции и вообще наставит на путь истинный, с которого русский народ почему-то частенько съезжает под откос, чтобы не было на земле эксплуатации человека человеком.

Овчинниковы тоже скромно надеялись, что их доморощенный Володька хоть чем-нибудь да проявит себя в обществе. Хотя и побаивались, ведь хотели избавиться от него, когда пребывал в материнском чреве. Хотя бы каким-нибудь не таким не уродился. И все же в душе ждали от него чуда. Да и в сорочке он появился на белый свет. Должен быть счастливым.

Но он, не успели его привезти домой и покормить материнской грудью, ударился в сон. И уже которую неделю спал беспробудно на теплой печке, завернутый в пеленки, и не обращал внимания, что на дворе наступала весна.

- Ребенчишко-то живой у вас?- дознавалась любопытная Зубчиха.- А то не слышно его?

- Живо-ой... Спит,- отвечали родители с легким сожалением, думая, что, видно, не получится из него трибуна и агитатора. Молчун. Да и зачем он тут, на железнодорожном перегоне? Людей смущать да с толку сбивать? Агитаторы-то все по каторгам сидят да ссылкам трясутся. Его дядя Василий был таким, да быстро сложил буйную голову. Уж лучше быть путевым рабочим. Спокойнее и надежнее...

- Уж что даст Бог,- говорили родители и осеняли малыша крестным знаменем.- Чего заранее намечать?

6

Как ни старалось руководство СССР, ни искало приемлемого выхода, ни выдвигало заманчивых предложений Гитлеру, все-таки Германия напала на него. Не помог и пакт о ненападении Молотова – Риббентропа. Конечно, какое-то время было выиграно Россией, пока Гитлер расправлялся с Европой, тоже игнорировавшей ценные предложения Советского Союза. И,

как в наказание за недальновидную политику руководителей большинства государств, Германия вместе со своими союзниками Италией и Венгрией оккупировала ряд стран. Захватила их промышленность и стратегические запасы, принудительно использовала дешевую рабочую силу оккупированных и союзных государств, что значительно повысило военно-экономическую мощь фашистской Германии.

И если ее население до этого составляло 90 миллионов человек, то вместе с сателлитами – уже 290. Число промышленных рабочих почти утроилось. Значительно увеличилась добыча каменного угля, выплавка алюминия и стали. Выпуск танков, самолетов, артиллерийских орудий, что намного перекрывал выпуск вооружения СССР. Общая численность их войск составила 8,5 миллиона человек.

Разгромив Францию и убедившись в своей непобедимости, Германия начала интенсивную подготовку войны против СССР. Для осуществления плана «Барбаросса» выделила, включая вооруженные силы союзников, 190 дивизий (5,5 миллиона человек), 3712 танков, 4950 боевых самолетов, около 50 тысяч орудий и минометов, 193 боевых корабля. Вооружение находилось в хорошем техническом состоянии. Офицеры и солдаты имели боевой опыт.

Конечно, за то время, пока удавалось оттянуть начало войны, СССР не сидел без дела и наращивал количество вооружения, личного состава армии, готовил квалифицированные командирские кадры, которых трагически не хватало в дивизиях, да и личный состав дивизий зачастую был укомплектован наполовину. Противник превосходил советские войска только по личному составу в 1,8 раза, по средним и тяжелым танкам – в 1,5 раза, по боевым самолетам новых типов в 3,2 раза.

Его внезапный удар и быстрое продвижение танковых и моторизованных войск нарушили управление советскими войсками, и приграничные военные округа понесли значительные потери. За первый день войны одна авиация потеряла 1200 самолетов,

причем их большая часть была уничтожена на аэродромах, не успев взлететь и вступить в бой. «Непобедимая» германская армия гордо шествовала по западным землям территории СССР, порой преодолевая за день десятки километров. Это был крах, как думалось некоторым, крах государству рабочих и крестьян. Начало его трагического конца. Хотя многие боевые соединения ожесточенно сопротивлялись в упорных приграничных сражениях, например, в районах Либавы, Перемышля, Луцка, Брод, Ровно, Дубно, где еще в Первую мировую войну русские крепко бивали и трепали прусских, не послушавших заветов канцлера Бисмарка. А история обороны Брестской крепости станет великим образцом патриотизма и героизма советских людей.

Да, на первый взгляд это казалось полным крахом. Но не таким был советский народ и его вождь товарищ Сталин, чтобы поднимать лапки вверх при первых же неудачах. Враги Советского строя и русского народа будут многие десятилетия лягать и клясть Иосифа Виссарионовича, а вместе с ним и победивших бойцов, армию, за то, что вовремя не сумел организовать достойный отпор, был в шоке и растерялся. А их любимый Запад и Европа, которым они до сих пор без стеснения зализывают одно место, не растерялись? Так «не растерялись», что немецкие войска их страны брали за неделю, а то и меньше? Да еще порой и без единого выстрела. Это сколько нужно было наложить в штаны с испугу, чтобы даже не суметь подняться?

Не-ет, не сробел русский народ. Не испугался и не растерялся Великий Сталин, вечная ему память. Пришлось, как говорится в русской известной сказке про Колобка, в амбарах помести и в сусеках поскрести, чтобы состряпать новый человеческий Колобок, который с честью преодолеет все преграды и в щепки расхлещет «непобедимую» гитлеровско-фашистскую армию.

* * *

Не успело объявить радио, что 22 июня 1941 года фашистская Германия, вероломно нарушив Договор о ненападении, внезап-

но напала на Советский Союз, как по Бишкелию стремительно понесли страшные слухи.

- Война-а!

- Началась война!- с испуганными лицами сообщали соседи соседям, случайные прохожие, покупатели магазинов, пассажиры.

- С кем война?- с недоверием переспрашивали один другого.

- С проклятым Гитлером, с кем же еще?- отвечали им.

- Да с ним же пакт о ненападении заключен.

- А что толку?

- Господи! Какое горе! Что же будет теперь? Мужиков на фронт забреют, как мы тут одни-то останемся?- мрачно вздыхали бабы.

Путейцы собирались в конторке у мастера. Движенцы – у начальника станции.

- Что делать-то?- спрашивали с дрожью в голосе.

- Ждем экстренных указаний, кого заберут в армию, а кого оставят под бронью,- растерянно отвечало начальство.- Знаем лишь то, что дисциплина на дороге станет военной. Работать нужно будет изо всех сил. В том числе за тех, кого мобилизуют. И смотреть в оба, вредительство предупреждать, ведь теперь вновь поднимет голову вражеская гидра. Станет совать палки в колеса социализма.

А вскоре и пошли повестки мужикам с требованием явиться в районный военкомат такого-то числа и в такое-то время. Призвали мужа Натальи Барабанщиковой Семена. А дома у него остались малая дочь и жена на сносях. Зятя Харьковых - Калетина, верзилу Щапина и много еще кого. Замели и Вениамина Ильина, и их осиротелая избушка осталась с его матерью, женой Настасьей да сыном Володькой.

А вскоре пришла весть из Миасса: взяли в армию мужа Таисии – Василия Бражникова.

- Господи, спаси их всех и помоги, ведь сестра осталась с

четырьмя детьми, самому младшему из которых, дочери Зое, идет второй год, - молила Мария Овчинникова, осеняя себя крестным знамением. - Как ей выжить с такой оравой, как прокормить? Ивана, слава Богу, пока не взяли. Без него нам придет хана.

Да, Овчинникову повезло. Сам Господь, видать, пощадил за его сиротское детство, думал он молча, хотя вслух об этом не говорил. Как-то неудобно было, ведь многие станционные ушли на фронт.

- А ты чем лучше их? Спасает, наверно, работа, в которой себя не жалеешь, которая порой не лучше фронта, только на ней не стреляют и не убивают физически. И спрос за нее, как на фронте. И никаких поблажек. И нехватка путевых рабочих, обходчиков, из-за чего выходной после ночной смены сократился на сутки.

А еще нужно было выходить на субботники и воскресники, на очистку путей и подошв рельсов от мазута, установку пикетных столбиков и скашивание травы на откосах и бровках, что в сухую погоду могла загореться даже от паровозной искры, выброшенного из окна окурка и привести к возгоранию вагонов, даже целых составов, везущих на фронт не только людей, но и технику, снаряды, бомбы, патроны. Загорись они, и будет беда не хуже диверсии.

Грузовых поездов становилось все больше и больше. Они увеличивались в размерах. Большинство шло двойной тягой, ибо в горах были затяжные подъемы. Крутой дым, вырывающийся из топок и паровозных труб, казалось, сначала крутился спиралью, потом редел, поднимался в небо или опускался на землю и зловеще стелился по ней, упорно полз, заворачивая в каждый прогал и куст лесозащиты, словно выкуривал оттуда все живое, и посыпал несгоревшими крошками угля и пыльной гари. И верхний слой почвы с годами рос, покрывался черной, будто вулканической, пылью и сажей.

Часто на платформах и в полувагонах везли танки, покрытые зеленым новым брезентом, из которого, как бревна, выпирали длинные стволы, артиллерийские орудия. В двухосных теп-

лушках и четырехосных крытых вагонах, двери которых были открыты, ехали бойцы. Одни стояли, грустно навалившись на защитную перекладину прохода, чтобы не вывалиться наружу. Другие сидели на полу, свесив ноги в обмотках, слегка поматывая ими. Нередко махали руками встреченным вблизи людям, даже бросали треуголки солдатских писем, кто жил поблизости, чтобы передали родным. И их уважительно подбирали на перегонах и станциях, передавали адресатам. Нередко бойцы пели песни.

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

Иван тоже махал им рукою, а то и провожал гудком стального рожка. Желал счастья и скорейшего завершения проклятой войны.

- И что за напасть на Россию?- возмущался железнодорожник.- Кто-нибудь да на нас нападает. Сколько народу опять выхлещут!

У него так было печально и мерзко на душе, хоть заплачь. Как так, грустно размышлял он, человечья жизнь дана небесами одна, и ее кто-то забирает насильно, без его согласия? А ежели б у того забрали, кто на других нападает, приносит миллионные жертвы и страдания? Шибко бы ему понравилось? Накажи их, Господи, беспощадных убийц и кровожадных правителей. Сохрани жизнь невинных людей.

А на станцию ежедневно приходили десятки людей. Одни были из местных, другие из соседних колхозов и деревень. Среди них нередко попадались знакомые и родственники, кумовья и сваты. С ними здоровались, обнимались, порой и рюмку водки опрокидывали за счастливый исход и возвращение. Каждый надеялся на лучшее. А если бы не было такой надежды, думал Овчинников, наверно, никто бы и не пошел на войну, разбежались бы призывники по своим хуторам, селам, заимкам, лесам, как мыши по норам. А коли б кто и пошел, то был бы не воин. Убил бы себя морально, зная, что идет на верную гибель. А так

каждый верил, что останется целым, не погибнет, вернется к жене и детям, к семье. В худшем случае – получит не смертельное, а то и легкое ранение, с которым можно будет жить, работать и продолжать человеческий род.

И не зря некоторые выпившие по этому случаю провожающие и отъезжающие пели песни под гармонику.

Уезжаю спозаранья,
Ты дождися меня, Маня.
Я с Адольфом разберусь
И с победою вернусь.

И с азартом плясали, будто делали это последний раз в жизни, стучали каблуками в землю, словно мстили ей и с чем-то не соглашались, словно хотели на ней отыгаться. От дикой пляски поднимались клубы теплой коричневой пыли, которая оседала на меха гармошки, потные лица плясунов и стекала вместе с потом за воротники рубаш.

Не телегах прибывали то аджатаровские, козбаевские, то нарыбаковские татары. Телеги были скрипучими и расхристанными, как и сами седоки. На них весело играли тальянки и пели мужские голоса:

Паровоз кия,
Барабан суга.
Игарма бишь татар
Сугашарга кия...

Что примерно означало: паровоз идет, барабаны бьют, двадцать пять татар воевать идут.

И вот за Савинухой появлялся дым еще невидимого паровоза. Но ожидающие знали, что это идет пассажирский поезд местного назначения. Не все провожающие поедут с мобилизованными в райвоенкомат. Многим нужно было идти на работу и в школу. Поэтому начинали дружно прощаться, обниматься и крепко целоваться. И хотя не верили в гибель своих близких, все же боязливо думали, что это прощание может стать последним.

- Ты уж прости за все, Лукерья,- шептал жене муж.

- И ты прости, Петя. Удачи тебе и победы,- отвечала душевно та.

- Береги детей!- кричали с подножек уже трогаящегося поезда.

- Себя береги, Сережа! Мы будем тебя непременно ждать...

И крики, и слезы, и вой женщин с детьми, и шальной гудок паровоза – все смешивалось в одно, как в водовороте. А тронувшийся состав уже медленно набирал ход. Миновал выходные светофоры и стрелки. Скрывался за изгибом лесополосы. И только черный и мрачный дым долго висел над станцией и путями, потом тихо и грозно уплывал на запад.

7

Нередко люди удивляются, по каким законам переименовываются имена? Александра вдруг начинают звать Сашей, Шурой, Анну – Нюрой, Нюсей, Анастасию – Стюрой. Скорее всего, это делается для удобства общения, произношения и сокращения, ведь слово становится короче и его легче и быстрее произносить. И если производное и созвучное название от Анастасии – Настя нам понятно, то Стюра абсолютно нет. Но так заведено нашими предками, и нам только остается следовать их примеру.

- Стюра, поднимайся, на работу пора,- по утрам будила сноху Арина Алексеевна. И будила не раз, ибо молодая женщина любила поспать и долго лежала, с головой накрывшись одеялом.

Наконец, она подавала первые признаки жизни. Поворачивалась на другой бок, открывала один глаз, даже не открывала, а прорезала между веками узенькую щелочку, словно выпускала взгляд на разведку, узнать, что творится на белом свете. А ее интересовало многое: новости с фронта, может, вдруг уже закончилась война, погода, не идет снег или дождь, который может вымочить до нитки, пока доберешься до рудника. Какие будут указания начальника Денисова? Возможно, Устин Фадеевич

поедет в Челябинск в областное управление или к районным властям в Чебаркуль?

Это было бы хорошо. Тогда не надо запрягать Серка, трястись по разбитым дорогам до Тушмурума. А это верст десять с гаком. Проезжать татарскую деревню Аджатарово, по улицам которой слоняются от безделья десятки лохматых и полудиких псов, готовых разорвать в клочья незнакомых людей и пришельцев. Они выскакивали из дворов и переулков, собирались в большую стаю и дружно набрасывались с лаем, готовые вцепиться в горло лошади, выпить кровь или порвать холку. И даже спокойный Серко пускался крупной рысью или галопом, гремя колесами ходка по каменистой дороге и рискуя перевернуть его вместе с седоками на первом же ухабе.

Легковесную Стюрку, как пушинку, бросало из стороны в сторону на облучке, и она боялась свалиться со скамейки на-земь и угодить в широко распахнутые красные пасти татарских псов. Их челюсти ей казались стальными капканами. А клыки и зубы походили на беспощадные пилы и металлические кусачки, которые, как семечки, перекусывают гвозди. Ухвати такая голодная пасть Настасью за шею, и голова покатится по дороге, как круглая брюква. А если схватит за руку или ногу, то, казалось, вырвет вместе с корнями.

Езда через Аджатарово была сплошной мукой для ездоков, а для Настасьи Ильиной и того хуже. Оно находилось примерно в версте от Бишкиля, на высоком холме. Но подъезд к нему был очень неудобен. Нужно переезжать по мосту неширокую летом Бишкильку, который держался на божьем или аллаховом слове. В весеннее и осеннее половодье, а также во время затяжных дождей Бишкилька не умещалась под мостом, широко разливалась, и это место преодолеть пешему было почти невозможно. Да и проехать не так просто, ведь все ямы и колдобины на дороге были залиты водой, и их трудно заметить. И тут конные и пешие давали волю словам, недобрым эпитетом поминая мусульманских и русских святых. Ну ладно бы негожий подъезд к

деревне. Так, не успеешь подняться на холм и въехать в улицу, как набрасывалась свора неумолимых псов, готовых разодрать все живое вместе с телегой.

- Не собаки, а зверье, волчья помесь!- выражала недовольство Настасья, крепче сжимая в руке кнут и отбиваясь им от наседающих собак.

- Не только волчья, но и медвежья помесь,- не то добавлял, не то подсмеивался над женщиной Денисов.- Ты кнутом-то осторожней маши, Стюха-гостюха, а то и глаза мне выхлещешь.

- Я вот ишшо возьму Венкино ружье да всыплю им дробью!- который раз страшила возница, сердито сверкая карими глазами.

- Да что нам ружье, револьвер есть у меня. Сейчас всю псарню разгоним, всех аспидов, хуже горькой редьки осточертели,- проговорил однажды Устин Фадеевич, вспомнив про личное оружие.

Он достал казенный револьвер, навел на бегущую рядом стаю и, особо не целясь, выстрелил. Визг, лай понеслись по долине и утонули в приближающемся глухом лесу. Стая трусливо бросилась врассыпную, оставив близ дороги биться в агонии здорового лохматого пса, по размерам похожего на теленка.

- Так вам, чертям сиволапым, и надо!- неслись радостные слова с повозки.

Очевидно, псы надолго запомнили этот неожиданный выстрел из ходка рудниковских работников и потерю своего бесстрашного лохматого собрата. И когда по улице ехала их повозка, уже не собиралась такая большая стая, многие из которой при виде ее прятались в подворотнях. А те, кто посмелее, безнадежно и в разнобой облаивали издали, боясь подбежать ближе и получить пулю.

И Настасья не любила эту дорогу, как не любила свою работу не то конюха, не то ездового. В общем, водителя мерина, как подсмеивались над нею рабочие. Но деться было некуда. Другой дороги и объезда вокруг Аджатарова не было, как и

другой работы. Муж на фронте. Свекрови уже за 70 лет. Только ягодами да грибами промышляет. А от них небольшая прибыль. Правда, можно было устроиться на дистанцию пути ремонтным рабочим, зять Иван бы похлопотал за нее. Но какой ремонтник из этой чебаркульской кнопки с бараньим весом, которая от горшка два вершка, как говорили про таких. Ей и кувалды не поднять, а про то, что забить костыль в шпалу, и говорить смешно. Или рельсы гнуть. Только ножки от грибов гнуть – еще куда ни шло, может, в самый раз. Но кому-то нужно было зарабатывать на хлеб, чтобы прокормить семью. Некоторые из ближних сел работали на руднике, где добывали вольфрам и молибден.

- Молибден – это минерал со свинцовым блеском, похожий на графит. Вольфрам – тяжелый металл светло-серого цвета,- объяснял, словно читал ей лекцию, инженер Денисов, руководитель работ на руднике.- Идут они на изготовление тугоплавких металлов, специальных сталей, износостойчивых и жаропрочных сплавов. Оборону. Но это я тебе для общего развития говорю и под большим секретом, чтобы гордилась доверием тебе родной страны. Об этом нельзя распространяться. А добываются они в шахтах. Но я тебя в забой не пошлю, какой из тебя, к черту, забойщик-рудокоп? Ты там и ляжешь костыми. А у тебя муж бьет на фронте фашистов, мать с сыном на иждивении. Если согласна, будешь на подхвате. Кому бумаги отнесешь, распоряжения мои. В конторке порядок наведешь. Меня на санях или телеге на рудник свозишь, домой отвезешь, я ведь в Бишкеке квартирую. К поезду доставишь и на вокзале встретишь, когда надо. У тебя и лошадь будет стоять на постое, если можно и место найдешь.

- Можно, чо уж там? - согласилась она. - Только сена ей надо, овса.

- Будем заготовливать, куда денешься? - утвердительно мотнул седой головой Устин Фадеевич.

Он был преклонного возраста и походил на старого интеллигента. Носил пенсне на носу, как драматург Чехов, штилеты или хромовые сапоги, если было ненастье. Даже ухитрялся надеть

на них резиновые галоши. В руке держал неизменный портфель из крокодиловой кожи, наверно, времен очаковских и покоренья Крыма. Казался добродушным и уживчивым. Хотя мог проявить и завидную строгость, отстоять свои взгляды и требования, заступиться за рабочего человека, помочь обиженному и слабому.

- Стюра, на работу пора,- в который раз подходила Арина Алексеевна.

И сноха нехотя поднималась, зевала, потягивалась, будто специально испытывала нервы старухи, шла на улицу, где возле сенок на проволоке висел чугунный чайничек с кривым носиком. Она осторожно наклоняла его, ловила ладонью узкую струю, умывалась, причесывалась, садилась к столу, на котором уже стоял и недовольно шумел желтый самовар, приготовленный свекровью. Наливала кипяток в фарфоровую чашку, добавляла заварки и частями наливала в блюдце, чтоб не обжечься. Пила, пыхтела, выдыхала горячий от чая воздух, вытирала пот со лба.

Потом, повязав платок и надернув кофту, выходила во двор и с удовольствием замечала, что ходок уже был повернут оглоблями к воротам. В него впряжен послушный Серко. Это Ариина Алексеевна, жалеючи невестку и боясь, чтобы та не опоздала на работу, приготовила транспорт в путь. Положила брезентовую сумку с куском хлеба, вареными яйцами, картошкой, пучками лука, а то и банкой грибов. Даже вожжи и кнут бросила на облучок, чтобы зря не топтаться Настасье. И открывала ворота.

Та пока садилась на мягкое сиденье ходка, трогала лошадь и ехала вокруг огорода и дома Осинцевых, чтобы попасть на центральную улицу станции. Она заберет начальника Денисова, и они покатают на мягких рессорах в сторону Тушмурума.

Места ей казались красивыми, сказочными. Как поднимешься на аджатаровский холм, видны большие хлебные поля, тянущиеся волнами, забегающие на высокие холмы и сбегаящие с них в низины, устремляющиеся в сторону Новых и Старых Ключей. И этот природный вид казался Настасье морем, по

которому шли длинные и высокие волны пшеницы. Хотя моря она никогда не видала, но хорошо представляла, ведь выросла на самом берегу огромного Чебаркульского озера, края которому из их дома не было видно.

За полем стояли густые березовые колки. А спокойная Бишкилька, еще окутанная утренним холодным туманом, огибала поросшие крупным и густым лесом аджатаровские холмы, будто сторожила и защищала их от набегов диких племен, и пологой дугой уходила в сторону Тушмурума.

Любуясь этой красотой, Настасья изредка шлепала вожжами по спине мерина. Шлепала для порядка, ведь он привычно и не торопко трусил по дороге, то поднимающейся на пригорок, то спускающейся в низину. Она знала, в этих местах растут хорошие грузди. И осенью, когда пристанет время, она их не раз будет ломать, чтобы привезти домой на засолку. Устин Фадеевич находился в хорошем расположении духа. Будучи человеком образованным, он хорошо знал не только горное дело, но и историю бунтов России, а также местную историю. И нередко рассказывал забавные случаи и эпизоды, связанные с Уралом и рудной работой.

- Во времена проклятого царизма многие были недовольны условиями жизни,- мягко и ненавязчиво говорил старый инженер.- Потому и бастовали, восставали. И в войско Емельяна Пугачева охотно вливались. А власти этого боялись и всячески боролись с ними. Например, 1 апреля 1774 года был издан Указ правления заводов о мерах к защите от отрядов Пугачева, где предписывалось защищать город от появившихся злодеев самим и командою его горных золотых производств, служителями разъездов и поставленных пикетов. Давать тем злодеям поражение и отпор. Велелось помогать господину полковнику Бибикову, который по приказу Екатерины Второй нещадно боролся с Пугачевым.

А 21 мая полковник Бибиков сообщал из Екатеринбургa генерал-поручику Де-Колонгу в Челябинск об успехах повстанцев

и усилении угрожающего положения: «Думал я, что вы по предпринятому намерению из Челябины уже выступить изволили и не только вступили в Уфимскую провинцию, но и приближаетесь к местам, где самозванец находился. Однако ж, полученное ныне сообщение ваше от 2 мая упование мое разрушило. По долгу службы осмеливаюсь я вашему превосходительству сказать, что сие провожденное вами время в Челябине весьма способствовало злодею приблизиться, удаляясь от деташементов (отрядов) команды моей, к Магнитной крепости, которою он 6-го числа и завладел, а сим самим возмутил и всю почти Башкирию. Вашему превосходительству по близкому расстоянию, сколь бы марш ваш тих ни был, гораздо бы способнее было не допустить его распространить на сей линии своего зла, и тем более могло сие исполниться, что в Исецкую провинцию одни только известныя бунтовщики Салават и Белобородов опасностию угрожали, на истребление которых так, как прежде вам доносил, подполковнику Михельсону итьти приказано. . .» В том же году пермское горное начальство наказало батожем за самовольную отлучку крепостных крестьян владельца Златоустовского завода. И били, и заковывали беглецов в деревянные смыги-скрепы и в железные кандалы.

- Были и прошения крестьян, например, Невьянского завода об истязании рабочих с ведома управляющего А. И. Заикина и приказчика Е. С. Заикина. «... Конторы сии существуют местом тиранства и истязания бедного народа, начиная от 7 лет обоего пола и до самой глубокой старости, в коих при частном приставе Михайле Жукове жестоко стегают розгами и бьют палками по лицу и тростью даже по голове, обматывают волосы круг своих перстов, выдергивают прядьями, а у некоторых по половине бород без всякой к человечеству пощады и жалости. И потом у тех же людей головы бреют и стригут ножницами, кои всегда с собой приказчик носит во время обозрения золотых промыслов. А иногда и ножом срезавают сверху головы, даже с частью тела. А некоторым при стрижении ножницами вытыкают глаза». И это уже в 19-м веке!

Были жалобы о произволе служителя Юрюзань-Ивановского завода на то, что чиновники били розгами, от которых тело болело неделями и гноилось, как посылали малолетних детей, имеющих от роду 9 – 10 лет, на рудник, отстоящий от завода в 35 верстах. Да, много там было недопустимой жестокости. Потому и поднимались люди против эксплуататоров и богатеев.

Сыромолотов в 1925 году рассказывал о создании в Екатеринбурге социал-демократической группы «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в конце минувшего столетия. Они уже имели кое-какую литературу, в том числе Марксов «Капитал». Налаживали связи с рабочими, собирались по 20 – 30 человек, устраивали маевки. Печатали прокламации. Подняли на ноги всю полицию. Но требовалась более организованная техника, чем гектографы и шапирографы.

«Стали подумывать о типографии,- говорил он.- Мы ее организовали около станции Бишкиль Самарско-Златоустовской железной дороги, верстах в 40 – 50 от Челябинска, на Мариинском золотом прииске. Управляющим приисков был Н. Н. Кудрин. Он и принимал в организации типографии большое участие. Типография была у него в квартире. Там работали Берцинская, В. Доманнов и И. Д. Плечев (златоустовский рабочий). Я прожил неделю. Типография была организована на екатеринбургском шрифте с типографии газеты «Уральская жизнь»... Наша группа по изданию была связана с группой самарцев. Писали Гвоздев, Португалов, Санин. Был выпущен один номер «Пролетарской борьбы». Были статьи относительно голода, статья о задачах социал-демократов. Это была небольшая книжечка».

- В 99-м году типография была накрыта. Даже в этой берложной глухомани нашли ее сыщики-полицаи. Вот как боялись революции, боялись потерять власть и богатства! Кто сбежал, кто получил срок заключения, ссылку, высылку. Но их славное дело продолжили другие. И это очень символично! Они ездили вот по этой же дороге, по которой мы едем с тобой. Работали на этой же земле, добывали золото. Но его запасы закончились.

И теперь мы с тобой добываем важные для промышленности и обороны минералы. И это тоже очень ответственно и почетно, дорогая Анастасия,- по отцовски тепло говорил спутнице старый инженер.

А Серко беззаботно трусил и трусил. В прогалах между берез виделись росные елани и пробивались лучи утреннего солнца, пятная мерина то белыми, то рябыми пятнами. И хорошо, радостно было на душе у седоков. Вокруг, казалось, звенело и пело раннее утро. Они ехали по важным делам и по своей родной земле. И никакая полиция уже не влезет в эти трудовые дела, ибо земля эта и их предки, рискуя свободой и жизнью, помогали избавиться от царского и помещичьего ига. Помогали стать простым смертным людьми.

8

- По молодости лет и глупости надеялась на счастливую жизнь, а что получилось?- нередко спрашивала себя Таисья, прокручивая в памяти прожитые годы.- Думала, раз сестре Манюше повезло, вышла замуж за работающего и непьющего человека, то и мне так же повезет. Вроде и мужик попался бойкий, боевой, а жизнь-то семейная не задалась у тебя... Вроде и на работу устроились, и детей в скором темпе нарожали, а кормильца-то и не стало. Говорят, пропал без вести на фронте. Считай, погиб. Да только не все так считают, в том числе власти, мол, нет документального подтверждения. Небось, и должной помощи не будет в воспитании детей погибшего фронтовика, сложившего в бою голову их отца. И попробуй теперь подними одна четверых гавриков! Где же ты, дорогой Василий? Может, жив, только ранен или попал в плен? За плен-то тоже не жалуют.

Терзалась женщина, не находила себе места. Да и как не терзаться, ведь на ее иждивении столько босоногой детворы, голодных ртов, аж брал ужас, ведь каждого из четверых нужно не только накормить, но и одеть, обусть, а кого и в школу от-

править. Собрать книжки, тетрадки, ручки, пеналы, портфели. А на какие шиши, когда идет жестокая война и люди не видят вдоволь хлеба?

С Василием Бражниковым Таисия познакомилась в станице Травниковской. В конце 20-х он вместе с артелью останавливался там не несколько дней. Они были возчиками, подряжались на своих лошадях возить разные грузы. Шабашили на золотых приисках. То подвозили крепеж, то вывозили породу от выработок горщиков. Нанимались на стройки, подряжались на дальние перевозки. Мужики в основном были молодые, дерзкие, задиристые. Таким пальца в рот не клади – останешься инвалидом. С гиканьем, шумом мчались они по проселкам и деревням, только свистели в воздухе кнуты да сыпались соленые выражения. Каждый норовил обогнать других, стать первым, победителем, заработать больше денег. И мелькали мимо рубленые дома и избушки, березовые колки и стога на полянах. Правда, кабаки не всегда проезжали мимо. Заворачивали, чтобы перехватить горячей пищи. Особенно вечерами, после дневной дорожной усталости. Нередко и штоф белого вина заказывали, как называли водку, для «сугрева души и разгона крови». Да ведь работа порой на сильном ветру, дожде, морозе, немилосердно пробирающих организм до самых костей. Так недолго захворать и свалиться. А то и «копыта отбросить», как понятно выражались они на своем языке. Не раз приходилось в зимнее время ночевать в санях, укрывшись тулупом и охапкой сена.

Однажды так спал Василий вместе с напарником Костей Ивлевым. Было холодно, и мороз пробирался под тулуп и верхнюю одежду. То мерзли ноги, то бок, то другой. И приходилось скорчиваться в комок и натягивать на те места полу старого овчинного тулупа. А утром, когда Василий поднялся не выпавшимся, уставшим, замерзшим и решил разбудить товарища, то был удивлен его позе.

- Костя, хватит дрыхнуть, как осиновый чурбак! Давай поднимайся!- тормозил он уже окоченевшее тело Ивлева, мужчины не хилого и здорового.

- Небось, от водки сгорел, ухабака,- гадали мужики.
- Может, просто от холода замерз.
- Такова ямщицкая жизнь. Не зря поют: «Там, в степи глухой, замерзал ямщик».

Василий был мужчиной видным. Голова крупная, поверх которой прилегла темная шевелюра. Взгляд пронзительный, словно проникает человеку в самую глубину души и хочет вывернуть наизнанку, чтобы знать о нем все. Таисье казалось, в нем было что-то удавье, магическое. Он притягивал к себе и лишал воли. Заставлял беспрекословно подчиняться. Впервые они увиделись на вечерках, куда заглянуло несколько мясских ухабак или ухарей, как их уже прозвали в станице.

Василий весь вечер не отводил от нее пылающего взора. Несколько раз вызывал на пляску. А плясуном он был отменным, когда входил в раж, только успевали сверкать голенища хромовых сапог. Но и Таисия не лыком шита.

- Вон, как уезживает рядом с ухарем!- дивились станичники.

А когда она хотела после вечеров незаметно улизнуть домой, он поймал ее возле плетня, хотел облапить, но она так его оттолкнула, что он отлетел в сторону и чуть не упал.

- Вон, какая уросливая!- удивленно воскликнул мясский, не ожидавший такого поворота.

- Зачем уросливая, я ведь не кобыла?- недовольно спросила девушка.- Небось, ухабачите по городам и весям, и везде у вас сударушки да зазнобы?

- Я же без задней мысли,- вдруг стал оправдываться он тихим голосом.- Мне пляска твоя больно пондравилась.

- Знаем мы ваши мысли,- недовольно проговорила она и кинулась к своему дому.

Поначалу она и не приняла всерьез Василия. Парень ветреный, избалованный женским вниманием, как ей поначалу казалось и как думали в станице о приезжих. Завтра забудет, как звать тебя. В другой деревне найдет приют и ласку.

Но Бражников в каждый приезд искал с нею встреч. Привозил подарки, то пудру, то духи, пытался проводить домой. Разные были и небылицы рассказывал, чтобы показать себя достойным и понравиться Тасе. А однажды не без стеснения спросил:

- Пойдешь за меня?

- И будешь ни вдова, ни баба!- быстро нашлась она.- Тебя понесет по горам и долам, а я буду с ребятишками в подоле выглядывать да высматривать тебя.

- Неправда твоя!- возразил он.- Любить да нежить стану. Знаешь, сколько вот тут любви?- ударил он себя кулаком в грудь, аж в ней загудело.

- В покои царские введешь!- усмехнулась она.- Да у тебя ни кола, ни двора. В санях да телеге живешь. Куда жену и семью поведешь?

- Найдем место!- не отступал он.- Урал вон, какой большой, целая планета! Да еще с изумрудами, алмазами, золотом. Ты сама со мной станешь золотым самородком.

Его слова Таисья не принимала глубоко к сердцу. Думала, просто трёп приезжего молодца. Куда ей идти от такого-то дома, подворья? По чужим углам мыкаться? Но последние события вдруг заставили ее задуматься. Начиналась коллективизация. Организовывались коммуны, колхозы. Богачи и кулаки раскулачивались, за которых нередко принимали и средние хозяйства и бывшие средними, такие, как у ее вдовой матери Арины, у которой все хозяйство – это рубленый дом и хромой мерин.

- Не сегодня – завтра маму вышвырнут на улицу и сделают нищей. И ты хочешь оказаться рядом с ней?- спрашивала себя испуганная Таисья.- А Васька – человек рабочий, ни земли своей, ни дворцов не имеет. Пролетарий. С ним, может, как-то и устроится жизнь? С Божьей помощью. Работ ты никаких не боишься. Умеешь делать многое. В станице справлялась, а в городе и подавно справишься.

А вскоре и Василий всей артелью пожаловал. В сатиновой косоворотке, перехлестнутой по талии кожаным пояском, блес-

тящих на солнце хромовых сапогах. С маслом смазанной шевелюрой волос. Чем хуже других женихов? Стоит ли корчить из себя королеву, набивать цену? Хотя была видной, голубоглазой в родителей, красивой и статной. Да время-то стояло шибко тревожное и ненадежное. Кабы на бобах не остаться, не убить бобра. Поделилась сомнениями с Ариной Алексеевной.

- Иди с Богом,- разрешила мать.- Тут мерёкай, не мерёкай, а надеяться не на что. Только на Господа. Лишь бы доля с этим таньком не стала цыганской.

И вскоре посадил ее Василий на широкую телегу вместе с подушками, периной. Молодую лошадку, что теща тоже подарила в приданое, привязал в пристяжные. И стегнул кнутом коней, прокричав диким бесом:

- Вперед, залетные – поворотные, от станичных дворов отворотные!

И кони мгновенно подхватили, взяли крупной рысью, а вскоре и перешли на галоп, словно старались быстрее вырваться из станицы, чтобы не передумали, не вернули невесту. Следом за ними летело и гремело на кочках еще десятков подвод. Запряженных в них коней то и дело хлестали кнутами, и они, задрав злые морды и распутив по ветру длинные гривы, чем-то похожие на самих дьяволов, неслись во весь опор, не выбирая дороги. Мчались, готовые все смести со своего лошадиного пути, нервно всхрапывая и жуя железные удила.

Птицами летели они, как думалось невесте-казачке, в город золотоискателей и купцов, где люди живут счастливо и, как сыр в масле, купаются в роскоши и деньгах. Правда, в этом она боялась признаться даже себе. Но какая молодая невеста не мечтает о счастливой доле?

* * *

Как сообщает история, Миасс возник в 1773 году с основанием медеплавильного завода, который из-за нехватки сырья был закрыт в начале 19 века. Он был известен как центр добычи золо-

та. Этимология слова Миасс неизвестна и уходит в глубь веков. А старожилы и местное население объясняли название города так. Пугачев послал в разведку русского воина и башкира. И они вышли к берегу незнакомой реки. По возвращении их Пугачев спросил: «Как называется река?» «Никак», - ответили разведчики. «Тогда сами назовем», - воскликнул атаман. - Кто первый увидел речку». Первооткрыватели заспорили: «Ми», - крикнул башкир. «Азь», - твердил русский. «Не спорьте», - засмеялся Пугачев. - Пусть река так и называется: «Ми-азь» в честь вас обоих». Так и пошло название Миасса.

Миасс, как утверждают ученые, находится на яшмовом поясе Урала. А путеводитель 1899 года так описывает Миасский завод, как тогда назывался город: «... бросается в глаза, что здесь понастроены в большом числе лавки и балаганы, торгующие разным мужским платьем. Расположены в разных местах «харчёвки» - нечто вроде помещений обжорного ряда. Все это предлагается вниманию золотоприискового люда, который в огромном числе населяет завод и его окрестности... В глаза так и бьет вывеска, что это золотоприисковый центр, где все приспособлено к этой жизни. Здесь можно видеть и динамитные склады, и разные агентские конторы, и гостиницы с музыкальной машиной, и харчёвки, и балаганы с готовым золотопоисковым платьем, огромное число пивных и множество всевозможного рода ремесленных заведений и весьма недурных магазинов».

Ко времени истощения медных руд около Миасса уже открыли золото. Первый слиток был найден в 1797 году, в 1823 году открыты россыпи золота, и началась золотая лихорадка. Золото искали везде, не зря говорилось в пословице: «Где лывка – там и промывка». То есть в любой луже воды пробовали мыть «пески». Кто-то из счастливых сразу находил большой самородок. Другие, не разгибая спины, трудились где-нибудь в овраге, стоя по колено в грязи и день за днем перемывая в небольшом ковшике горы породы, жадно высматривали, не мелькнет ли среди ворсинок сукна крупное зёрнышко благородного металла?

И ехали на этот русский Клондайк из многих городов и мест. Только по Указу 1721 года заводчики переселяли на Урал целые деревни из Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Орловской и других губерний. А позже из Казанской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской губерний. Это привело к переплетению своеобразных элементов культуры, разговорного языка, привычек людей разных и удаленных друг от друга областей. Поэтому рядом можно было встретить крытые тесом дворы древненовгородского типа с резными наличниками, дверьми и красиво украшенной резьбой крышей и типично южнорусские мазанки. Постройки, нижний этаж которых был каменным, а верхний из сосновых бревен. Да еще с лоджией или балконом.

Но и по собственной воле ехало и шло много искателей легкого счастья, авантюристов, любителей легкой наживы, торговцев и мошенников, воров и разбойников, готовых за мешочек с золотым песком, а то и унцию золота лишить человека жизни. Шулеров всех мастей и картежников, к которым Таисья была особенно недоверчива. Ведь они перед Первой мировой войной обманили ее покойного батюшку и лишили денег, которые он был должен и вез товариществу «Саламандра» за взятую в кредит лобогрейку.

И поначалу она побаивалась с кем-либо заводить знакомства и связи. Присматривалась подозрительно к людям, прибывшим сюда, как говорилось в станице, с Волги и Дона. Правда, и красть-то у нее особо нечего. Но тем и дороже каждая мелочь. И все-таки эти жулики могут умыкнуть и последнее, те же продуктовые карточки, без которых семье трудно выжить. И она скоро поняла, что миасский народ – это особый народ, с которым нужно ухо держать востро. А тут после приезда еще подлил масла в огонь Василий.

- Отец-то мой был старатель. Золото мыл. Вроде бы на хорошую жилу попал. Узнало об этом жулье, и его нашли с проломленной головой в ручье,- сообщил ей муж.- И дед был золотоискателем. Ушел однажды весной вверх по хребту и не

вернулся. Может, медведь задрал, или случайно погиб, или худые людишки позарились на его удачу.

Миасс встретил невесту Бражникова неласково. Им никто не предложил ни каменного дома, как у богатея Симонова, ни дома, у которого низ из камня, а верх из сосны. Никто не обсыпал ее изумрудами да алмазами, как намекал тороватый жених. Не стала она и золотым самородком. Какое-то время они жили у матери Василия, довольно болезненной старухи, у которой, кроме него, были еще младшие дети. Места для жилья не хватало. А тут и у молодых быстро пошли ребятишки. Через год после приезда, в 30-м, родилась дочь Тамара. Еще через два года – сын Николай. А после и дочь Валя. И в 39-м появилась последняя дочь Зоя. Таким колхозом было невозможно жить вместе. И на квартиру уходили. И на другую, пока на работе им не выделили комнатушку в старом бараке. И они это восприняли за счастье. Даже начали подсобирать денег, чтобы построить свой домишко. Им даже выделили план, находящийся между железнодорожной станцией и старым городом. И они стали готовить материалы, для чего продали лошадь. Разработали землю под огород.

Но Василий не любил долго трудиться на одном месте. Былая привольная жизнь все время куда-то тянула его. То поступал в строительную артель, то на прииски. А еще и закладывал за воротник. И денег им стало трагически не хватать. Это расстраивало и даже сердило Таисью.

- Когда ты угомонишься, все не место, не местечко тебе?- недовольно спрашивала она.- Надо же детей поднимать, свой уголок, свое теплое гнездышко строить для малых птенцов.

- Да вот десятник Каверзнев мне обещал по благу хорошее и денежное место,- оправдывался тот, не смотря ей в глаза.- И тогда заживе-ом. Вперед, залетные – поворотные!

- Эти Каверзневы каверзы только и строят. Или сам ты себе их строишь,- не соглашалась жена, и ее наивные голубые глаза застилала слезы. - И последней лошаденки лишился...

А вскоре началась война, и Василия забрали на фронт. И при

отступлении к Москве он пропал без вести. Не одну ночь проплакала она. Думала, ломала голову, как прокормить и сохранить детей? Но Таисья была крепкой казачьей породы. А еще и в душе оптимистка. И это ее спасало. Иначе б не выжить.

Она работала на торфянике. А с началом войны на Урал стали эвакуироваться из западных областей СССР многие предприятия. Перевозилось оборудование. В том числе Московского автомобильного завода имени Сталина – ЗИСа. Для его возведения и строительства жилого поселка автомобилестроителей выделили огромную территорию и назвали новым городом. Новым Миассом. Туда, естественно, требовались сотни рабочих. И Таисья решила устроиться на стройку, где зарплата была несколько выше. Должность, конечно, не директорская. Бери больше – кидай дальше, как говорится среди рабочих. Не до жиру – быть бы живу. А живы в их семье должны быть целых пять человек, если не считать отца. Не баран чихнул в такое-то трудное да военное время. Зарплата, надо признать, не генеральская, скромная. Особо на нее не разгонишься, не разъешься. Что можно было купить в 40-е годы на 400 – 500 рублей? Если на рынке, то лишь одну булку ржаного хлеба. Правда, в магазине его килограмм стоил около 2 рублей. Но там считались пайки на каждого человека. И свободной продажи хлеба не было. Для его покупки рабочим и служащим выдавались продуктовые карточки. И это было, наверное, самым главным в жизни народа.

9

Конторка, где обычно находился Денисов, стояла недалеко от первой горной выработки, в сторону которой был заметный уклон, и по нему вывозили тачки с рудой. Этот уклон-спуск и площадка до самой конторки были щедро усыпаны разноцветными камушками – белыми, зелеными, голубыми, кроваво-красными, коричневыми - со многими оттенками и без них, словно специально выложенной руками умелых мастеров мозаикой.

Окруженный высокими березами, зеленой травой, а где и водой, этот уголок казался райским. Земля выдыхала свое внутреннее тепло. Со всех сторон доносились голоса и песни разных птишек и птиц. И лишь иногда долетал ржавый скрип колеса тачки или подъемного ворота, которыми наверх доставлялась руда.

Скрипнув перекошенной от времени дверью, с невысоких ступенек спустился Устин Фадеевич. Вид его был довольным. Взгляд отцветающих от возраста глаз радостно лучился. И как ему не лучиться, если минувший месяц был удачным. Хотя в нескольких предыдущих по тем или иным причинам до плана немного не дотягивали. За это были руганы начальством, не получали премиальных, что не создавало настроения ни руководителю, ни рабочим. Но недавно наткнулись на относительно богатую жилу, что вселило в души оптимизм и надежды на успешное будущее. Ведь им страна поручила ответственное дело, от которого зависят ее оборона, успехи на полях сражений, а это самое святое дело для народа.

Недалеко от постройки, на берегу ближнего ручья, Ильина кормила овсом мерина, повесив на морду Серка брезентовую торбу с зерном. И тот, довольно поматывая массивной головой, с удовольствием поглощал любимый корм. К нему лезли жирные оводы, комары, и он отгонял их упругим и толстым хвостом, не бросая своего любимого занятия.

- Ну что, Стюха-гостюха, кормишь Серка?

- Кормлю перед дальней дорогой. Да вон смотрю на камушки-самоцветы.

- Это отрадно, что интересуешься. Дорогой я расскажу кое-что о них. А теперь зови остальных, кто поедет с нами домой, ведь нынче суббота, банный день.

Вскоре к повозке подошли еще человека три-четыре. Кто уселся в ходок и на облучок, кто сзади на скрипучие жерди, служащие амортизаторами, чтобы не сильно трясло дорогой.

- Сегодня можно и полюбоваться природой, - когда отъехали от рудника, заговорил Денисов. - С заданием наконец-то справи-

лись. Руду успешно отгрузили. Теперь можно и на другие темы отвлечься. Красотища-то какая нас окружает, девки! Вообще уральские заводы всегда строились в хороших местах, чтобы озеро, пруд или река была рядом. Да и природа тут чудесная, райский уголок, будто сам Господь приготовил его для людей труда, старателей, добрых рудокопов, добросовестных рабочих.

Возьми Златоуст, где Павел Петрович Аносов открыл секреты булатной стали. Там плотина образует большой пруд, ведь вода, как воздух, нужна для заводов. Как в Миассе и других уральских городах-заводах, плотина – центр города. Закладка плотины проводилась при торжественной церемонии «окропления», пожалуй, больше языческой, чем христианской. Помимо молебна она включала в себя многочисленные языческие обряды: в земляное тело плотины закладывали «голову» - монету с изображением человеческой головы или что-то подобное ей. На деревянных частях плотины рисовали страшные рожи, вбивали гвозди, крючки. В воду бросали монеты, хлеб, овощи. Вообще христианские верования на Урале были наполовину языческими. Считалось, что пожар от грозы можно потушить только квасом, пивом или молоком. Даже работные люди часто в честь святого приносили жертвы и совершали языческие обряды. Избранным святым был Власий – хранитель коров. Почитались Василий – покровитель свиней, Илья – баранов, козлят. Флор и Лавр – лошадей, Мария – кур, Анастасия, как наша рулевая или вожжевая, - овец, коз и так далее. В дни этих святых соблюдался традиционный обычай, когда те и иные животные пользовались особенно нежной заботой со стороны хозяев. Например, 18 января, в день святого Василия, свиньи угощались «лакомством», их нельзя было ругать, бить и гонять. 18 августа, в день Флора и Лавра, лошади освобождались от работы, «угощались» и тому подобное.

Не удивительно, что особо важные обряды сопровождали закладку плотины. Она была сердцем завода. Ее водоем давал энергию всему предприятию. Сносило плотину, и завод надолго останавливался. Строили плотину прочно. Не случайно в

некоторых местах давно нет завода, а плотина, построенная двести лет назад, еще стоит. Рядом с плотиной, заводом обычно и строился дом управителя, контора, магазины, размещались дома «приказослужителей».

Он ненадолго замолк, пожевал попавшуюся под руку травинку. Обвел испытующим взглядом слушателей. Они были – одно внимание. И старому инженеру нравилась эта черта – нескрываемое любопытство к своей профессии и истории родного края. В силу обстоятельств многие из них не могли получить нужного образования, а тяга к нему, видать, была. И в эти минуты он сильно смахивал на старого профессора, с душой читающего лекции своим любознательным ученикам. Правда, он нередко отвлекался от темы, незаметно переходил на другую. Но она тоже была удивительно интересной для работников Тушмурумского рудника.

А Серко, обойденный людским вниманием, потихоньку трусил, вытягивая повозку с вершины на вершину невысоких холмов. Ласковые лучи солнца пробивались сквозь бархатные ветви деревьев, делали его тело пестрым, как у зебры. И все это вместе с захватывающими рассказами Денисова казалось слушателям сказочным.

- Я, кажется, сбился с мысли,- извинялся он.- Вы уж простите старика.

- Это тоже интересно,- подавала голос Анастасия.- А еще вы о камнях собирались сказывать. Хотелось бы об уральских яшмах.

- На Урале много цветных камней, самоцветов, которые встарь называли лалами и яхонтами. Им придавали самые необыкновенные свойства. Говорили, тот, кто носит бирюзу, не будет убит, что она прекрасно помогает при продаже испорченных лошадей и при конокрадстве. Изумруд укрощает ядовитых змей, а если его истолочь и выпить, то спасает от отравления. А истолченный бриллиант наоборот отравит. Утверждают, что так был отравлен фаворит Екатерины Второй князь Потемкин. Если

носить при себе рубин, то будут сниться страшные сны, и что он помогает вернуть зрение. А если носить в перстне постоянно, то можно стать честным человеком.

- Вот бы моей свекровке рубин-то!- не выдержала Настасья.- Чего-то неладно у нее с глазами. Хуже видеть стала...

- О красной яшме и агате торговая книга 16 века говорит: «Красный камень сердце отвеселит и кручину с неподобными мыслями отгонит, разум и честь умножает. Силу и память человеку врачует»,- продолжал инженер.- Каждому приписывалось определенное основное свойство. Алмазу – чистота и невинность, сапфиру – постоянство, красному рубину – страсть, розовому рубину – нежная любовь, изумруду – надежда, топазу – ревность, бирюзе – каприз, аметисту – преданность, сердолику – супружеское счастье, агату – здоровье...

Каждый месяц имеет свой камень: январь – гранат, февраль – аметист, март – яшму. Вот на ней и заострим внимание. Наверно, нет другого минерального вида, который был бы более разнообразен по своей окраске, чем яшма. Все тона, за исключением темно-синего. И переплетаются они в сказочную картину. Самые обычные – красный и зеленый цвета, к ним примешиваются оранжевый, желтый, голубовато-зеленый и другие. Именно окраска и составляет основную декоративную ценность этого непрозрачного камня. А иногда встречающаяся слабая просвечиваемость придает ему особую глубину, которой отличается мягкий, бархатистый тон некоторых яшм Урала. Из самых твердых самоцветов вырезаются колоссальные чаши, гигантские вазы и колонны. Главным материалом для них служила уральская яшма. И академик Ферсман считал, что именно с обработки яшмы началось каменное искусство на Руси. Не случайно пелось:

Дорогой ты мой камешек, возлюбленный,
Залежался ты, мой камень, на крутой горе,
На крутой горе, на сырой земле!

И камешков этих на Южном Урале было много-премного. Первые «ясписовые камни», которые стали шлифоваться на

Петергофской гранильной мельнице, были отсюда. Уже в 1750 году в Екатеринбурге создалась кустарная промышленность, которая с огромными трудностями через казачьи поселения Южного Урала добывала для своих изделий яшмовый камень. Это камень высокой твердости. Тверже его только алмаз и корунд. Если кто не бывал в Эрмитаже, обязательно после войны побывайте. Там увидите вазы из аушкульской яшмы мастера-камнереза Якова Коковина. Его же чашу из калканской яшмы, которой мастер отдал двадцать три года. Светильник мастера Налимова. И множество других изделий. Таких мастеров были единицы на всю Россию. Их изделиям присуждались медали и дипломы международных выставок.

Они были людьми из народа. Например, Коковин родился в семье простого мастерового. С малых лет был приставлен к гранильному делу, а к десяти годам уже прославился вместе с батюшкой изобретением машины для художественной обработки камня, которая в шестнадцать раз ускоряла работу. Посмотреть на нее пожелал сам граф Строганов, президент Академии художеств, главный начальник экспедиции по самоцветам. Он заметил способного паренька и направил учиться в столицу в Академию художеств. В 1806 году Яков блестяще оканчивает Академию и возвращается в Екатеринбург мастером. Там он начинает создавать такие удивительные вещи из твердого уральского камня, что его работы помещаются в императорском дворце. И в 1816 году царь благосклонно разрешает выбить на двух сферических вазах в Императорском Эрмитаже: «под руководством мастера Коковина». Вазы эти были помещены в главном тронном зале, где находятся и сейчас. Его награждают орденом святой Анны третьей степени и назначают главным мастером фабрики Горношнитского мраморного завода. И он еще должен был отвечать и за прииск цветных камней на Урале. И вскоре делает открытие – находит впервые в России месторождение корунда. А через год и изумрудов, за что получил орден Владимира четвертой степени и право потомственного дворянства.

Так сын уральского крепостного превратился в потомственного дворянина. Взлет этот был слишком стремительным, чтобы быть устойчивым. Аристократические касты нелегко принимают новичков, тем более талантливых. И начались сплетни, перешептывания. За спиной Коковина утверждали, что не он открыл изумруды, а крестьянин из Белоярки Максим Кожевников.

Казалось, имя Коковина навеки войдет не только в историю русского искусства, но и русской науки. Но открытие месторождений драгоценных камней и золота чаще вызывали не благодарность, а зависть, алчность. Погоня за быстрой наживой превращала людей в хищников. Открытие изумрудов на Урале вызвало ажиотаж не только среди купцов, промышленников и дельцов, но и в высших сферах. И теперь жертвой этой изумрудной лихорадки, видимо, и стал сам первооткрыватель. С Коковина теперь все требовали изумруды – и Кабинет его величества, и Департамент уделов. Болтали, что им отдаются худшие изумруды, а лучшие остаются себе. Но крупные изумруды стали попадаться все реже. Зачастили ревизоры. Двор был недоволен. Сам же он, преданный работе, бесконечно занятый, не замечал этого, занимался руководством фабрикой, делами мраморного завода, поисками новых минералов. Не оставлял занятий живописью и искусством. Принимал всю добычу рудников, сам квалифицировал все найденные самоцветы, отдавал их в огранку. Получал готовые изделия от мастеров, решал вопросы, где закладывать шурфы. Все это делал лично, ничего не записывая и полагаясь на свою память. Был требователен к подчиненным.

Немаловажную роль в травле Коковина сыграли богатые хитники – купцы, промышленлявшие хищнической добычей. На Коковина посыпались грязные доносы, вплоть до того, что он якобы присвоил невиданный изумруд. Дело дошло до царя, на которого и его свиту и работал мастер и его подручные. В благодарность за это он был арестован. Трибунал лишил его всех орденов, дворянского достоинства и знака отличия за безупречную службу, сослав на вечное поселение в Сибирь.

- Вот она, царская и барская благодарность! Не зря сказано: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь», - возмутились ездоки.

Увлеченные слушанием, они не заметили, как без собачьего лая мирно миновали Аджатарово. Видно, псы тоже уважали историю уральских камнерезов.

* * *

Настасья и не предполагала, что на них сегодня обрушится такое счастье. Хотя в последние дни и что-то предчувствовала женским сердцем. Как-то уж очень тревожно было на нем. Да и не случайно. Недели две назад они получили письмо от Вениамина, где он скромно сообщал:

«Здравствуйте, мои дорогие и ненаглядные Стюрушка, мама и сынок Володя! Пишу вам из Омска, который для нашей семьи как бы стал приворотным. Брат Вася тут работал, потом вместе с тятей был в нем во время Гражданской войны. А теперь и моя очередь настала. И попал я сюда в госпиталь после ранения. Но не волнуйтесь, мне осколок попал в бок, но все перенес терпимо, жить можно. Вот подлатают доктора, и я снова поеду бить ненавистного Гитлера. У Москвы мы его задержали, а теперь погнали на запад, в его волчье логово. И пусть проклятые фашисты не ждут пощады. Мы и пяди своей земли не отдадим.

Как вы там, Стюрушка, мама, сынок? Если б вы знали, как я по вам соскучился! Будем надеяться на лучшее, что врага разобьем и вернемся к родным семьям. Всех крепко обнимаю и целую. Пишите мне пока на омский госпиталь. Вениамин».

Он ничего не сообщил и даже не намекнул на возможность встречи. Но жена надеялась на чудо, что Вена сумеет хоть на часик заехать домой, повидаться со своими. Хотя такие чудеса встречаются редко, ведь боец – подневольный человек, что ему прикажут, то и должен исполнять. Иначе может попасть под трибунал, загреметь в штрафбат. А это почти верная гибель. И все-таки жена и мать верили, что их воитель придумает что-ни-

будь и заглянет домой хоть на короткую побывку, ведь на защите Родины не жалел себя, рисковал жизнью и получил ранение. А какое ранение, никто не знал. Может, руку оторвало или ноги. И он стал беспомощным инвалидом?

- Пусть хоть калекой-инвалидом, лишь бы только живым вернулся. Какой-никакой, но мужик, сын, отец, хозяин в доме,- на все соглашалась супруга.- Только бы вернулся...

И она всеми днями и ночами гадала, целый ли он, не немощный, которого самого надо возить на коляске, таскать на руках? Попробуй, унеси такого бугая с ее-то слабыми силенками и способностями.

Она высадила товарищей, подъехала к дому и не поверила своим глазам. На лавочке возле ворот сидели свекровь с внуком, а между ними какой-то военный, мордатый и незнакомый.

- Свят-свят!- испуганно прошептала женщина и вскоре в военном незнакомце узнала своего мужа. Он раздобрел, стал шире в кости.- Ве-ена! Ве-еночка наш любимый!- нервно вскрикнула она, прыгивая на ходу с повозки и бегом направляясь ему навстречу.

- Па-апка приехал, мама!- пропел радостным голосом четырехлетний Володька.

Слезы застили глаза Настасьи, и она, почти ничего не видя и вытянув вперед руки, заспешила к воротам. Да запнулась за что-то. И, наверно, боднула бы землю лбом, если бы вовремя не подоспел супруг, с перекошенным от боли лицом не поддержал беднягу. Он облапил ее, как медведь, стал жадно целовать губы, рябое лицо, голову. И у него самого наворачнулись слезы.

- Наша работница, кормилица! Моя милая женушка, красавица!- вскрикивал он между поцелуями. И сильно прижимал ее к себе.- Как я соскучился по тебе, по всем вам!

- Ты-то как, Венушка?- наконец прорезался хриплый голос и у нее.- Как рана твоя?

- Зацепило, едри ее за ногу. Но ничо-о, заживет, как на собаке. На недельку отпустили домой увидаться с вами, силенок набрать. А там и снова на фронт.

- Папка фашистов бьет!- хвастал Володька.

А Арина Алексеевна радостно улыбалась, хотя по ее лицу тоже катились редкие слезинки. Они всей семьей сидели какое-то время на лавочке. И она думала, удастся ли так еще когда-нибудь посидеть? Вспоминала, как прощалась с мужем Алексеем Васильевичем и старшим сыном во время Гражданской войны, могилы которых остались где-то в далекой Сибири. И ей стало страшно. Из переулка иногда проходили мимо них люди, с завистью смотрели на счастливых Ильиных, иные подворачивали с объятьями и расспросами.

- Ну, как там?

- Скоро ли победа?

И Вениамин что-то дежурно отвечал и мысленно возвращался туда, на войну, конца которой еще не было видно. Наконец он не без натуги поднялся, кособочась на правую сторону, открыл ворота, взял под уздцы мерина, завел во двор и стал распрягать. И от этой картины так стало хорошо на душе, как будто попал в свое детство, как будто не было никакой войны и бывшие бои оказались тяжелыми снами. Женщины подались собирать на стол, а сынишка крутился вокруг отца. То относил в амбар вожжи, то кнут. И время от времени радостно произносил:

- Папка приехал, папка! С медалями...

С этими словами он и выскочил на улицу, побежал хвастать друзьям Кузиковым и Осинцевым. А отец, закончив с выпряжкой, принес в ясли корму, подвел к ним доверчивого Серка, а сам завернул в огород. Увидел высокую и привычную огуречную гряду, выложенную из зимнего навоза. Нашел под листьями и с удовольствием откусил край свежего огурца. Увидел стоящие в сторонке козлы для пилки дров, которые сам когда-то сколачивал. Осторожно присел на них на минуту, дожевывая колючий огурец. И в его душе так стало спокойно и радостно, будто она запела от счастья уральским соловьем. И не хотелось никуда идти или ехать. Тянуло взять косу, брусок, чайник со студеной колодезной водой и податься на покос косить траву, сгребать и метать в стога

душистое сено, в котором нередко попадаются скошенные ветки полевой клубники и целые гроздья слегка привявшей костяники. Они казались ему такими желанными и сладкими, аж вызывали слюну. И вновь в памяти выплывало детство. Свой травниковский казачий двор, который разорили раскулачиванием недобрые люди. А во дворе батюшка и брат Василий, которых уже помнил смутно. Правда, момент прощания виделся относительно зримо. Объятыя, поцелуи. А потом они ушли на дорогу Гражданской войны. И ушли, как оказалось, навсегда, безвозвратно.

- Так навсегда можешь уйти и ты,- еле слышно прошептал раненый боец, поднимаясь с козел.- Но пока ты дома. С тобою Бог и молитвы, которые ты носишь в своем сердце. Авось, отвратят беду...

Вечером к ним пришли родственники Овчинниковы. Долго сидели за небогатым столом. Слегка выпивали, закусывали, как говорится, были рады тому, что имели. Но больше все говорили, слушали с открытыми ртами бывшего солдата. И тот, почувствовав большое внимание, что-то вспоминал из фронтовой жизни, рассказывал то с жаром и гордостью, то с сожалением и грустью.

- Когда отступали к Москве, думали, будет каюк. От нашей роты осталось всего шесть человек. Фрицы так перли, что мы не могли остановить, хотя был приказ – ни шагу назад!

Комиссары говорили: Велика Россия, а отступить некуда. Позади Москва. Последние силы положили на них. Но ничего не можем сделать. Пошли как-то в наступление. Я тогда был пулеметчиком. Небольшие березовые колки, полянки. Глянул я вокруг – и роты не вижу. Или выбили, или отступила. А рядом со мной торчит, как сучок, полковой комиссар. На вид замухрышка, а в душе волевой, принципиальный, исполнительный. Полы моей шинели уже пробиты пулями в нескольких местах. И его не миновало. Недалеко от леска полевая дорога, и я вижу, как по ней и по полю отступают наши передовые войска. А комиссар заставляет катить вперед станковый пулемет, выбирать

хорошую позицию. И я, стиснув зубы, шепча молитву, качу эту двухколесную дуру. А пули рядом с башкой свищут. Вот-вот вопьются в тело. Наверно, «кукушки» стреляли. Снаряды рвутся то тут, то там.

- На верную погибель идем, товарищ комиссар!- взмолился я.- Давай повернем назад, видишь, все бегут, мы самые последние остались?

- Впере-од!- размахивая револьвером и выкатив кровавые глаза, командует тот. И я качу, прощаясь с жизнью.

В комнате стало так тихо, что можно услышать полет мухи. Особенно внимательно слушал племянник Сережка. Он обожал дядьку и все время крутился возле него. А если тот рассказывал военные эпизоды, то парня не надо было и хлебом кормить.

- Наконец уже и наши отступающие давно иссякли. А впереди поле, где нас непременно ухлопают.

- Все, Ильин, бросаем!- наконец смилостивился капитан.- Приведи пулемет в негодность, и станем догонять своих...

Мы выбежали на дорогу и услышали за ближним леском грохот немецких танков, раскаты орудий. И понеслись из последних сил в сторону Москвы. Капитан был коротышкой и постепенно начал отставать. А я размахал свои костыли, взял, как говорится, ноги в руки и айда-пошел наматывать сопли в рот. Потом услышал сзади разрыв снаряда. Обернулся и понял: там, где должен был бежать комиссар, дымилась свежая воронка! И я совсем остался один на один перед всей фашистской армией. Вот теперь уж точно и мне крышка, только и подумал. Но тут, видно, сам Господь послал мне спасение. Мчался на полной скорости последний советский танк, на броне которого сидели пехотинцы. Я махнул механику рукой, и он слегка сбавил ход стальной машины. И когда поравнялся со мной, я из последних сил бросил свое уставшее тело на броню, боясь оказаться на гусеницах и быть в лепешку раздавленным. Но, спасибо ребятам, чьи сильные и быстрые руки кинулись мне навстречу, ухватили за руки и одежду и выдернули наверх, считай, с самых беспощадных гусениц...

- Господи, спаси его и помилуй!- стала креститься напуганная Арина Алексеевна. И все с нескрываемой радостью посмотрели на оставшегося в живых бойца Красной Армии.

- И все-таки армия наша не сломалась. Это Жуков со Сталиным, другими командирами придумали, как остановить беспощадного врага, который подошел на семнадцать километров к Москве,- не без гордости заявил Ильин.- И мы, сжав силы в кулак, погнали этого изверга-ишака по кочегурам. Только пятки засверкали.

- Сил-то вам хватит?- спрашивали его подбодренные рассказами родственники.

- Должно хватить, ведь мы же – русские! На помощь подходят сибирские, уральские, дальневосточные дивизии. Эти не подведут. И мы не отступим, добьем фашистов в их логове – Берлине...

А шло еще только лето 1942 года.

10

Отработав полсуток в ночной смене, путевые обходчики обычно спешили домой и ложились спать, чтобы отдохнуть и снять непосильную усталость. Например, Киршин обычно спал до самого вечера, ибо уже был в возрасте, и его силы прибывали медленно. Да и голова болела, а то и гудела, как паровоз. Но Овчинников делал это далеко не всегда.

Вернувшись домой и позавтракав обычной похлебкой или вареной картошкой, он брал лопату или тяпку и шел в огород. Прихватив топор, колол дрова. Но в пору сенокоса закидывал на плечо косу и подавался в лес или обкашивал откосы возле железнодорожных путей, полосу отчуждения, которую поровну делили между обходчиками.

Его валила с ног усталость, чертовски тянуло в сон. Недаром говорится, что сон на свете всех милее. И хотелось бросить все, прилечь в тени куста в высокую траву и забыться мертвецким

сном. Силы были на исходе, ведь летом еда была скромнее. Мясо ели редко, а силы только оно и давало. Скот без надобности не кололи, ибо было жарко и хранить его негде. А за лето и телята, и овцы с цыплятами вырастут, нагуляют мяса и веса. А когда наступит зима и ударят морозы, тогда и кололи излишки скота.

Но никто за отца не сделает работу, не накосит на зиму сена, не заготовит кормов коровам и телкам. И валил траву, больше стараясь по росе, когда коса шла, как по маслу, аж душа радовалась. И трава ложилась ровными рядами, одна к другой, чтобы, когда высохнет, удобно было грести.

А если случался полный, двухдневный выходной, «пластался» от зари и до зари. С раннего утра косил, а когда роса сходила, греб валки, метал копны, в чем помогали ему жена и сыновья, если были свободными. Не жалел себя Иван Аверьянович, да ведь такова жизнь селянина. Поэтому к осени накашивал сена больше всех соседей. Свозил к своему сеннику, где наматывал высокие стога.

- Вон сколько сенца напластал Иван!- не без зависти замечали стационарные.- Как машина, за ним не угонишься. Все-то ему мало. Вот советский кулак!..

- Зато скота вон сколько держит и мяса вырастит к зиме,- возражали им другие.- И продаст, и семье оставит.

- Под картошку не только огород занимает, но и в поле сажает. Да еще и лен сеет, куркуль, чтобы самодельные нитки были.

- Правильно, в магазине их не всегда купишь, да и слабые они, рвутся. А кто тебе не дает? Меньше спи – больше рвань, и у тебя недостаток появится.

Он махал и махал косой. Доставал из-за голенища брусок, точил и снова валил ровные пышные ряды полевой травы. А чтобы в это время не думать о тяжелой работе и нелегкой судьбе, вспоминал детство. Конечно, в его сиротском детстве было немного радостей. Но светлым лучиком пробивалась память о тех днях, когда жил у бабушки с дедушкой. Вспоминались бабушкины сказки и интересные рассказы Степана Петровича

о днях далеких, о Пугачеве, баталиях и хуторской жизни. И он видел их так ясно, будто это случилось только вчера.

- Обнаружил я берлогу в лесу недалеко от бурых камней,- неторопко повествовал старый казак,- Ну, говорю, Анна Митрофановна, будем мы с тобой с медвежатиной. И жиру на лечение натопим, чтобы простуду да хворь изгонять.

- Ну его к ляду, не связывайся, еще порвет или заломит топтыгин, мяса у нас мало, что ли?- не одобряла она.

А у меня, словно зуд, проснулся азарт. Хотя уже шесть десятков стукнуло. Думал, не только мяса добуду, но и шкуру. Хочешь - на пол кидай, чтобы зимой было тепло ногам, хочешь - шубу шей, в которой никакие морозы и бураны не страшны. Взял я берданку, рогатину на всякий случай, Бурана. Он еще совсем молоденьким был. Вышли мы на берлогу. Видим желтую проталину или щель, через которую дыхание проходило и воздух в берлогу. У Бурана шерсть на загривке поднялась. Рычит пес непривычно и зло. Я ткнул в эту щель жердью и быстро отскочил назад, изготовил заряженную картечью берданку. И вдруг из-под земли с диким рёвом поднялась масса снега, шерсти и злобы. Аж дрожь, как молния, пронизала мое брненное тело. Но я быстро пришел в себя, выстрелил в грудь около левой передней лапы, стараясь попасть в самое сердце. Но он хоть бы что и грозно двинулся на меня. Пасть величиною с лоханку открыта. Ну, думаю, каюк тебе, Степка! И помолиться не успеешь. Не послушал, как уросливый жеребенок, Анну Митрофановну. Теперь прощайся с белым светом и жизнью.

Сажени полторы-две оставалось до меня. И тут на помощь бросился Буран, схватил его за холку. Он отвлекся на секунду, махнул лапой и, как мячик, отбросил его в сторону. Но за это время я успел схватить рогатину и направить ему в брюхо, оперев другой конец в землю. Зверь яростно бросился на меня, как пушинку, смел меня лапой в сугроб, но тут же наткнулся на острую рогатину, которая мгновенно остановила его. Он с недоумением и растерянностью посмотрел на меня жалобными глазами и стал

медленно заваливаться набок. Вот так бывает, внучёк, а ведь мог и задрать меня, старого дурня.

- Да, мог. Какой ты бесстрашный, деда,- вымолвил через время Иванка.

. - Говорят, риск – благородное дело. Зато медвежатины попробовали. На шкуре медвежьей повалялись.

- А уросливый – это какой?

- Непослушный. Бывают уросливые кони, которых сколько ни пори кнутом, ни дергай вожжами, не подчиняются, и все тут. Хоть убей. Особенно бабам не подчиняются, детям. Так наших предков звали татаро-монгольские завоеватели. Ведь русских они называли урусами. Отсюда и слово уросливый, непослушный, способный дать сдачи.

Воспоминания о бабушке с дедушкой зарождали в душе Ивана Аверьяновича легкое тепло, словно побывал в далеком детстве. Думалось, от этого прибывало больше сил и работалось легче. И жизнь уже не казалась такой безрадостной и тяжелой.

* * *

Но как бы тяжело ни было, жизнь шла своим чередом и подчинялась своим законам. Людей не только сопровождали беды, тяжелые вести с фронта, но на их пути появлялись и редкие радости. Сумели отоварить хлебные карточки – радость! Ведь вагон-лавка приходила раз в два-три дня. Очередь в «железку» занимали с вечера. Иные станционные, из настырных и хитрых, встречали сборный поезд, привозивший вагон-лавку, прямо на станции. Помогали нагружать плетеные короба и везти их на лошади в магазин. И этим помощникам продавали хлеб без очереди.

А вокруг магазина собиралась огромная толпа, куда, наверно, приходила половина населения всего Бишкекия и казарм. Вытаптывала снег, мерзла на морозе или дожде, стуча ногой об ногу, чтобы хоть как-то согреться. А когда привозили уже застывшие на морозе булки и разгружали, вся эта братия устремлялась в

магазин, не раз сметала деревянные ступеньки, перила, выдавливала из очереди людей, словно червяков. Больные и беременные боялись и подступиться – выдают плод или сделают еще больше инвалидом и не охнут. Чтобы соблюсти хоть какой-то порядок, в дверях ставили нескольких крупных мужчин, способных дать достойный отпор, где верховодил высокий и плотный Александр Коновалов. Казалось, они стояли насмерть, нередко пускали в ход кулаки и «давали по соплям». Но и на этих мужиков-бугаев, как их неласково называли, люди пёрли, как сотня Матросовых на вражескую амбразуру.

- Куда прешь, сука краснорожая, все кишки выдавил?- то и дело кричали в очереди.

- Послабь, оглобля, уже штаны слетели!

Другому так намнут бока и обтопчут конечности, что, попав в магазин, до прилавка добирался на карачках. У прилавка тоже очередь, но человек восемь-десять, что считалось мелочью. Главное – пробраться в магазин. За прилавком стояла и умело управлялась продавец Дуся Баландина. Она была могучей женщиной, упитанной, словно ее специально откармливали, краснощекой. Со всех сторон ей кричали во все голоса:

- Дуся, мне давай!

- Тетя Дуся, у меня взяла!

Она быстро брала и небрежно откидывала, словно они были грязными или мазутными, в один ящик деньги, в другой карточки, сходу бросала на весы гири, тяжелые ржаные буханки, и чашки весов стремительно уплывали вниз. Не дожидалась, когда они выровняются и замрут, чтобы показать точный вес, а хватала двумя руками и кидала на побитый товарами деревянный прилавок. Про нее говорили, что у нее никогда не бывает недостачи, хотя случалось не раз, что ловкие ребята при перевозке хлеба незаметно скидывали несколько булок в снег, чтобы потом подобрать. Дуся казалась не человеком, а неутомимой и беспощадной машиной, которая стойко выдерживала натиск и недовольные реплики неистовых покупателей. Это был самый главный по

необходимости человек на железнодорожной станции, по которой спешили на фронт поезда, человек, которого и ненавидели, и одновременно уважали, и заискивали перед ним.

И когда люди, помятые в очереди, а то и побитые, в изодранной одежде, потерявшие платок, шапку или ботинок, продирались через гудящую осиным роем толпу, прижав крепко к груди булку сырого ржаного хлеба, то чувствовали себя на седьмом небе от счастья. Ведь в их семье появится желанный хлеб, без которого нельзя рабочему человеку и детям. Без него просто не выжить. Вот только пайки были маленькими. Правда, в сельпо они были еще меньше.

Людей радовали хороший урожай на колхозном поле и личном огороде, удачный сенокос, даже рождение ребенка, хотя прокормить его и поднять на ноги было чрезвычайно трудно.

А Иван Аверьянович в это сложное время еще и надумал купить жилье. Не рубленый пятистенок, конечно, а маломальскую турлучную избенку, стены которой сделаны из простого плетня, обмазаны глиной или кизяком. В ней одна комнатуха, три окна, одно из которых выходило во двор, да печка. И жили в ней татары, очевидно, решившие податься ближе к своим – в Аджатарово или Кулуево. Зимой в ней гулял ветер, и стены промерзали на целый палец. Потолок был накрыт тонкими бревнами, а сверху засыпан слоем глины, что являлось и крышей, где по весне всходили побеги тополей. Пол в избушке был холодным, и по нему в это время можно ходить только в валенках.

Но в усадьбе был огород, закуток для скота. Конечно, это жилище ни в какое сравнение не шло с железнодорожным баракком, срубленным из шпал. В том было тепло и уютно, как казалось семье. Но Ивану Аверьяновичу захотелось иметь хоть маломальскую, но свою избушку. Свой угол, свои стайку и огород. Это была природная казачья тяга. А со временем, как разбогатеет, надеялся построить настоящий дом, где будет радостно жить и им с Марией, и деткам с внуками. Правда, о внуках еще загадывать рано. Но и это стало дополнительным аргументом покупки. Сто-

ила избушка недорого, ведь покупателя в тяжелое время найти почти невозможно. А Иван выручил деньги за проданную телку и мясо, картошку, сено.

- Зачем мы из такого угла поедem в развалюху, ведь нас никто не гонит?- испуганно спросила жена.

- У нас будет свой дом, а это своя крепость,- жестко ответил муж, давая понять, что разговор окончен.

Он все больше брал власть в свои руки. Все чаще бытовые и семейные вопросы решал сам, единолично, ни с кем не советуясь. «Хуже, да по-моему!»- иногда выражался не то в шутку, не то всерьез. Но это было чисто по-казачьи. А у казаков по-другому и не должно быть. И это приобретение для него стало заметной радостью.

- Конечно, Иван на золотых приисках работал. Видать, золотишка наскреб,- с завистью рассуждали сослуживцы.

- Мое золотишко – это труд. Труд на производстве и в личном хозяйстве, где нужно день и ночь буздать без шапки и выходных,- достойно отвечал он и делал свое дело.

И в один из февральских дней 1943 года они погрузили на сани манатки, миновали железнодорожный переезд и поехали в залининскую сторону, как звали жителей Бишккля, живущих за чугуноккой. Избушка стояла напротив окончания забора Заготзерно. Из нее были хорошо видны железнодорожные пути, от которых она стояла метров за двести. Когда выгрузили вещи и занесли внутрь, Володька, которому до трехлетия оставался месяц, подошел к покрытому ледяной коркой окну и стал проситься:

- Поедем домой! Это плохой дом, я не хочу в нем жить!

Из его глаз даже покатились слезы, и мать нежно обняла мальчика, прижала к груди.

- Все будет хорошо. Привыкнешь.

- Этот дом теперь наш. Да тебя скоро из него палкой не выгонишь, а ты слезы пускаешь,- поддержал отец и вышел во двор. Ему еще нужно было привезти дров, угля, сена, картошки.

Пригнать скотину. А Мария Алексеевна с младшим сыном стали первыми обживать, убирать вещи, готовить обед. Ведь жизнь продолжалась. И в ней кому-то случались радости.

11

После окончания железнодорожного училища Бориса направили отрабатывать в Челябинское вагонное депо. Работа слесаря-вагонника была очень тяжелой и трудоемкой. Он вместе с бригадой ремонтников занимался подъемкой вагонов, ремонтом колесных пар, тележек и осей, которые были чертовски тяжелыми, букс, сцепок, тормозных площадок и башмаков, вагонных стоек, брусьев и многого другого, которое в процессе эксплуатации приходило в негодность и могло привести к аварии во время следования по железнодорожному полотну.

Кормежка у слесаря-юнца была, как и у многих других, очень скромной. Молодому организму нужно было расти, для чего требовалось хорошее питание. Но такого питания не было. А тяжелая работа и без того требовала много сил и сноровки. Но в бригаде в основном трудились ветераны, юнцы после окончания железнодорожного училища. И инвалиды, многие из которых по два-три года отвоевали на фронте, были неоднократно ранены и списаны из армии. И в депо их принимали с условием, что работа не будет связана с движением транспорта.

Но железная дорога, дисциплина на которой по требованию Главнокомандующего Вооруженными Силами Иосифа Сталина стала железной, не принимала никаких отговорок. Она должна была своевремененно и четко, не зря же на всех станциях и в деревнях, где проходила дорога, по пассажирским поездам жители проверяли часы, поставлять на фронт воинские дивизии, вооружение, чтобы Советская Армия могла беспрепятственно громить зарвавшихся фашистов. Везти на металлургические комбинаты, в том числе на Магнитогорский и Челябинский, и заводы разбитую технику, подбитые танки, самолеты, другие негодные

транспортные средства, пушки, минометы, винтовки, пробитые насквозь и искореженные каски и прочее на переплавку. Из них металлурги изготовят высококачественную сталь, которая вновь пойдет на создание так необходимого в дивизиях вооружения. Превратится в танки и самолеты, пушки, минометы, винтовки, автоматы.

Депо, как живой организм, работало круглосуточно и без выходных дней. Не хватало не только людей, но и подъемных механизмов. Многие тяжелые детали приходилось поднимать и транспортировать вручную. Применять в качестве рычагов металлические ломы и деревянные ваги. Таскать тут же выплавленные тормозные колодки.

На все это требовалась огромная сила. Ее-то и не хватало. На участке часто появлялся недовольный мастер, требовал выполнения работы быстрее. А бригадир Матвей Потапович Пирогов вообще сутками не вылезал из депо. И никто не знал, когда и как он отдыхает. Ему перевалило за 65 лет. Его крупная голова давно покрылась сединой. А на макушке из этой седины, будто проталина из снега, выросла плешь, которая служила для подчиненных как бы индикатором настроения бригадира. Если она была белой, то все в работе было нормально. И не надо ждать производственной ругани, нервотрепки. Если краснела, то появлялись какие-то непредвиденные проблемы, например, отсутствие запчастей, мазута, пакли. Если становилась кирпично-красной, значит, жди разноса начальства за брак, который очень чреват последствиями, ведь чекисты не дремали и находились неподалеку, поджидай дополнительной или сверхурочной работы и прочих неприятностей.

- Р-раз-два – взя-али! Иш-шо - взя-али!- ритмично и громко командовал он при подъеме каких-либо тяжестей.

- И в штаны накла-али!- негромко передразнивал его Борька, отведя озорной взгляд в сторону.

- Это ты, Овчинников, все озоруешь да вяньгаешь?- повора-чивался к нему лицом Пирогов.

- Да это не я, Матвей Потапыч, а мой сорванный пупок, который от непосильных тяжестей развязался,- оправдывался тот, стараясь из последних сил и пряча улыбку.

- Я вот те позубоскалю, сорванец. Пупок у него развязался! Да рази хороший пупок может развязаться? Подтяни туже ремень,- не то в шутку, не то всерьез замечал старый вагонник.

- Ты осторожней с шуточками, а то напрочишься на сверхурочную,- предупреждали товарищи.

Пирогов изредка отлучался в конторку, возвращался с новостями. И не раз по его приходу и краснеющей плечи бригада узнавала неприятные новости.

- Придется остаться после работы, доделать вот эти платформы. Тракторный завод просит – не на что отгружать новые танки.

И соглашались, конечно. Притом безропотно, хотя и сил уже не оставалось. Откуда им взяться, ведь Борис жил не у родной маменьки или тещи, а в железнодорожном общежитии. От четырех до шести человек проживало в каждой комнате. Что оставишь съестного – непременно пропадет, ведь все были голодны и хотели есть. Привезешь из дому – нужно сразу съесть, а то ничего не получишь и ляжешь спать с пустым и урчащим животом. Жильцы трудились в разные смены, и уследить за всеми было невозможно. А спросишь у кого, невозмутимо отказывались.

- Разве я возьму, ты чо!- нагло отпирались воришки. Да ведь козь не пойман, то и не вор.

А однажды у Овчинникова украли карточки и деньги. И его взял ужас.

- Без карточек и грошей протяну ноги!- горевал он со слезами на глазах.- Разве на голодное брюхо выдюжишь на такой адской работе? Люди на помойках объедки ищут да подбирают. А чего там подберешь, когда даже картофельные очистки не стали выбрасывать?

Сказал соседям по кроватям, а те сами, как они выражались, девятый хрен без соли доедали. Один дал картошину, другой отло-

мил от пайки кусочек горбушки, который Борис и жевать не стал, проглотил одним махом. Больше и брать не хотел, отказывался. Да не особо и предлагали. Знал, что им самим трагически не хватает, ведь у них такая же тяжелая работа. Он набирал в общем кипятильнике горячую воду, заваривал сухими морковными крошками вместо настоящего чая. И пил, дуя для блезиру, как на настоящий чай, мол, чтобы не обжечься. Но долго ли так протянешь? Скорее ноги вытянешь. За несколько последних дней совсем обессилел. Штаны не держались. Голова кружилась. Тошнило. Не было сил подняться с кровати. А как идти на работу?

- Поеду домой, не помирать же с голоду,- решил однажды он. Думал, за ночь обернуться, чтобы утром успеть на смену. Поехал с товарным поездом. Присел на переходной площадке и заснул с устатку. Проспал или поезд проскочил станцию напроход. На другой день вернулся в Бишкиль около десяти утра. Бессильно побрел домой, стеснительно опустив голову. Что скажут там, разве по головке поглядят за потерю карточек? Узнав об его беде, мать тихо заплакала, а Иван Аверьянович не сдержался и закричал сердито.

- Ты полоротый, што ли, разиня?- вышел он из себя.- Щас время такое – из пасти вырывают. Разве можно быть таким безалаберным? Взять арапник да отходить тебя вдоль спины хорошенько, чтобы знал! С голоду сдохнешь...

- Ну, хватит, отец, дадим картошки, овощей, лепешек, еще чего-нибудь,- успокаивала мужа Мария Алексеевна, вытирая слезы.

- Хва-атит! Вам все хватит! Не надо спать на ходу,- долго не успокаивался Иван Аверьянович.- Тут ведь тоже надо чем-то босятву кормить.

Он был сердит и сильно озабочен. Каждая крошка в семье была на учете, а он потерял карточки. И жаль было Борьку, и карточки с деньгами жалко. Не уберег, разиня. Разве можно быть таким безответственным?

Мать достала тощий узелок с несколькими горстями пос-

ледней в доме муки. Сделала тесто. Растопила печь. Испекла несколько лепешек. Принесла ведра два картошки. Помыла. Ссыпала в мешок с лямками, сидорок, как называли местные. Нарвала огурцов, моркови, достала соленых грибов, хотя душой предчувствовала, что этих продуктов в общежитии быстро не будет. Но что она еще могла сделать? Оторвала от продуктовых карточек несколько талонов. Накормила сына горячей похлебкой да жареной картошкой с молоком, чтобы отъелся за целый месяц. Почти до вечера провожала.

А сын казался таким подавленным, грустным, что в гроб кладут краше.

- День-то прогулял!- снова завелся отец.- А за прогул с работы выпрут. Да еще судить станут, в тюрьгу упекут. Там и ноги протянешь. Какая там кормежка! Другие солдаты вон на воле, да по помойкам лезят. А там тюрьма...

- Спаси тебя Господи, сынок!- крестила его на прощание мать, заливаясь слезами.- Совсем ведь мальчишка, ребенок ишшо...

С полным сидорком и набитым животом, наевшись от пуза, как выражались на станции, спешил он к рабочему поезду, в душе радуясь за исход дела и надеясь, что в депо его пожалеют, простят по молодости лет. Ведь не по своей воле так получилось. Беда может с каждым стрястись, в том числе и со взрослыми. А он в депо не чужой, а кадровый рабочий. Тоже вкладывает все силы в полезное для страны и ее обороны дело. Выполняет почти непосильный труд.

Не успев оставить вещи в общежитии, побежал на работу. Чуть ни в ноги кинулся бригадиру.

- Виноват я, Матвей Потапыч! К родителям ездил за продуктами. Карточки у меня украли и тети-мети. Голодным сидел неделю, чуть с голоду не очурился.

- Не очурился он! Да рази этак-то поступают! Надо было официально заявить, может, помогли бы чем или отпустили домой,- петушился расстроенный Пирогов, поблескивая недвольной плешью..

- Может, как-то замаять можно задним числом, Матвей Потапыч?- чуть не со слезами просил парнишка.- В долгу не останусь, отработаю?

- Теперь хоть Тапыч, хоть не Тапыч! Как замнешь, когда уже мастер знает? Небось, и до начальника депо дошло. Замнешь и сам на скамью подсудимых сядешь. Время-то военное, жестокое. Никого не щадят. Какой несмышлениш ты!- тяжело вздыхал бригадир.- За здорово живешь пострадаешь. Теперь ведь судьба-то хуже зверей. Поговорю с мастером, но кто возьмет на себя такую ответственность?

- А может, на фронт попроситься?- с надеждой промолвил Овчинников. Он совсем растерялся и чем-то походил на незащищенного зверька, загнанного в угол или капкан.

- Там сразу и пропадешь, ведь еще дитя неразумное, мальчишка. И на работу нельзя, и на войну нельзя. А куда же можно русскому человеку?- растерянно спросил сам себя Пирогов.- Тебе сколько полных лет?

- В мае семнадцать исполнилось.

- Тогда дуй в военкомат. А на работу выйдешь в ночную смену, если допустят. Беги живо, пока не загремел за решетку.

И Борис понесся чуть ли ни рысью. Нужно было пробежать через два вагонных парка, поднырнуть под десятки поездов. Миновать локомотивное депо, прокопченное паровозным дымом. Повилять по переулкам. Военком ему показался строгим и очень занятым офицером.

- Чего тебе, молодой человек, говори быстрее?- чуть не рывкнул он.

- Да вот, слышал, добровольцев набираете. И я прошусь на фронт.

- А сколько тебе годков?

- Семнадцать,- робко ответил Борис, стеснительно опуская глаза.

- Маловат еще. Работаешь?

- Да вот в депо... Понимаете... карточки украли. Жить не на что...

- Ты и из армии смоешься, дезертируешь. А я отвечай за тебя, да?

Он показался парнишке недовольным.

- Что вы, товарищ полковник! Честное слово, не подведу. Родной мамой клянусь,- взмолился слесарь-вагонник.- Спасите ради Христа!

- Интересный народ эти люди!- признался старый полковник.- Одни готовы хоть чем откупиться, чтобы избежать фронта. Другие сами себе петлю на шею надевают, просят ради Христа. Ты ведь еще мальчишка. При первом разрыве снаряда или бомбы будешь бежать без оглядки и бешено кричать, звать маму на помощь...

- Не буду,- не согласился Овчинников.

- А жизнь молодую потеряешь? Думаешь, матери от этого легче станет? Ладно, жаль мне тебя хоть с той, хоть с другой стороны. Я, конечно, наведу справки о твоей персоне. А пока возьми в соседнем кабинете направление на медкомиссию. И если пройдешь, сегодня же заберем. Как раз заканчивается набор. Попадешь в учебку в Красные казармы. Хоть чему-то научишься, а не сразу на передовую, под пули и снаряды. Мотористом или радистом станешь. А потом уж на фронт.

- Слушаюсь, товарищ полковник!- по-военному ответил юноша.- Большое вам спасибо.

- Воюй на здоровье,- вяло махнул тот рукой и поднялся.

Комиссия была так себе. Старый одноглазый хирург, сидяя женщина-терапевт, невропатолог, еще два-три врача. Долго не воловодились с ним, ведь он работал на железной дороге, а туда хилых не принимали. И к вечеру был официально мобилизован и оказался во второй роте Красных казарм. Была осень 1944 года. И до декабря курсанты должны пробыть в «учебке». Борис был на седьмом небе от радости, от такого удачного и счастливого, как он считал, исхода. Во-первых, избежал суда и заключения. Во-

вторых, хоть немного, но еще успеет повоевать, помочь своей Отчизне разгромить фашистов. И он благодарил Господа за удачное стечение обстоятельств. И когда его стриг полковой парикмахер, карие глаза Бориса светились неподдельной радостью.

На следующий вечер он выкроил пятнадцать минут и написал коротенькое письмо родителям. «Дорогие мама и тятя! У меня сложилось все хорошо. Меня забрали в армию, где уже никто не достанет. Прохожу курсы. Мы находимся в Красных казармах, что рядом с остановкой трамвая Керосинной и недалеко от вокзала.

Не беспокойтесь. Все будет хорошо. Поклон бишкилянам. Всех целую и обнимаю. Борис».

Вскоре это небольшое солдатское письмо-треугольник, первое в воинской жизни молодого Овчинникова, почтальон принесла его родителям, которые не знали – радоваться или плакать от этой неожиданной вести. С одной стороны, сын избежал суда и строгого наказания за прогул. Избежал тюрьмы. Но какой ценой? С другой стороны, через два – три месяца может попасть во фронтовую мясорубку, в которой трудно выживать даже бывалым бойцам. А что говорить о таких желторотиках, как их сын, вчерашний ремесленник? Одна надежда на Господа Бога и срочное окончание войны.

Долго судили, рядили, предполагали и отвергали версии его родители. Мать каждый день плакала и по несколько раз молилась на икону девы Марии, сидящей с сыном на руках, просила помиловать и сохранить неопытного и бесхитростного мальчишку. А за нею с любопытством наблюдал Володька.

- Почему ты плачешь и молишься?- спрашивал он не раз?

- Прошу Боженьку и Богородицу, чтобы сохранили Бориса. Не дали погибнуть.

Раз или два в месяц мать ездила на свидание с Борисом. Иногда вместе с отцом, если был не на смене. Она готовилась к поездке. Пекла пирожков, шанег, еще чего-то собирала и уходила к первому рабочему поезду. Володька видел эти сборы и

просился с нею. Она обещала, но с собой не брала. Было очень рано, ведь поезд отправлялся в пятом часу утра.

Перед последней поездкой, когда уже ударили морозы, у них появилось мясо. Она нажарила из него вкусных котлет на бараньем жире, и в доме долго висел такой волнующий аромат, что у мальчишки кружилась голова. Мать в этот раз собиралась ехать вместе с Настасьей Ильиной.

- Возьмете меня, мам?- накануне отъезда весь вечер просился мальчишка.

- Ладно, возьмем,- пообещала она. А утром, как всегда, стало жалко его будить.

Но он, видно, почувствовав, вдруг проснулся сам и понял, что они собираются уехать без него.

- Я тоже хочу к Борису! Возьмите меня!- требовал он со слезами.

- В другой раз обязательно возьмем,- обещала Мария Алексеевна.- А нынче вон, какой морозяка. До костей замерзнешь. На-ка вот съешь лучше котлету. А ты, Санька, присмотри за ним,- наказала она брату. Они с тетей Стюрой направились в сенцы, и в дверь потянуло белый холодный воздух. Мороз был за сорок градусов.

Володька плакал от обиды, отбивался руками и ногами, но старший брат тащил его по лестнице на теплую печку и уговаривал:

- Не плачь, дурачок, там такой холондюра, что уши отмерзнут. А как ты будешь без ушей, с одной дыркой, как дядька Воронов? Так ему на фронте ухо оторвало. А мама с тетей Стюрой привезут тебе городского гостинца. Да и котлету тебе оставили, даже мне не дали, а тебе. Может, ты не хочешь котлеты? Она такая вкусная, что слюнки текут.

И долго еще плакал от обиды и вздрагивал всем телом младший братишка, пока не обмяк и не уснул.

Кстати, это была последняя встреча матери со старшим сыном. В начале декабря эшелон с молодыми бойцами на пол-

ном ходу проскочил Бишкиль и устремился на запад, туда, где полным ходом шла немилосердная война. В нем ехал и Борис Овчинников. Он заранее заготовил солдатский треугольник и выбросил на перрон родной станции. Хорошо, что не валил снег и не мел буран. Письмо подобрал кто-то из железнодорожников и передал Овчинниковым.

«Дорогие мои и любимые,- писал химическим карандашом Борис.- Нас срочно отправляют на фронт. Курсы закончились, куда попадем, не знаю. Подробнее сообщу с места. Не беспокойтесь обо мне, все будет хорошо. Крепко целую и обнимаю. Ваш Борис».

Для Овчинниковых, особенно для Марии Алексеевны, это была страшная весть. И она снова крестилась на икону и молила Бога, чтобы пощадил ее любимого сына и отвратил от всех неприятностей и невзгод.

12

Большое значение в успехах и победах Советской Армии имела Белорусская операция 1944 года. Ее целью был разгром группы армий «Центр» и освобождение Белоруссии. Намечался одновременный прорыв обороны противника на шести участках, окружение и уничтожение фланговых группировок врага в районах Витебска и Бобруйска, а затем развитие стремительного наступления в глубину с целью окружения и уничтожения 4-й немецкой армии в районе Минска. Были привлечены войска 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов. Они окружили 5 немецких дивизий и к 27 июня ликвидировали. Чуть позже столько же дивизий уничтожили в районе Бобруйска. Был прорван фронт на могилевском направлении.

3-го июля освобожден Минск, восточнее которого оказались в окружении главные силы немецкой Четвертой армии – свыше 100 тысяч человек. К 11 июля эта группировка была ликвидирована, свыше 70 тысяч врагов убито и около 35 тысяч взято в плен.

Войска Первого Прибалтийского фронта освободили Полоцк и продолжали наступление на Шяуляй.

В центре германского фронта образовалась 400-километровая брешь, заполнить которую немецко-фашистское командование не могло. 13 июля был освобожден Вильнюс. Советские войска вышли на подступы к Двинску, Каунасу, Гродно, Белостоку и Кобрину. 17 – 18 июля на широком фронте пересекли государственную границу Польши и вступили на ее территорию. Войска 3-го Белорусского фронта форсировали реку Неман. 1 августа овладели Каунасом и вышли к границе Восточной Пруссии. Войска 2-го Белорусского фронта 16 июля освободили Гродно, а 27 июля – Белосток и вышли к реке Нарев. 18 июля на люблинском направлении в наступление перешли войска левого крыла 1-го Белорусского фронта, которые 20 июля форсировали Западный Буг и вступили в пределы Польши.

Вскоре были освобождены Люблин, Брест. Развивая наступление и продолжая кровопролитные бои, войска фронта с ходу форсировали Вислу южнее Варшавы и захватили плацдарм в районе Магнушева и Пулавы. А в августе – сентябре овладели восточной частью Варшавы, вышли на широкий фронт к реке Нарев и захватили на ней плацдарм в районе Рожен и Сероцка.

В результате Белорусской операции была полностью освобождена Белоруссия, части Литвы, Латвии и восточные районы Польши, за полное освобождение которой сложили головы более 600 тысяч советских воинов. Стратегический фронт врага был сокрушен на глубину 600 километров. 17 немецких дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены. 50 дивизий потеряли 60 – 70 процентов личного состава и техники.

Фронтами командовали наши знаменитые полководцы И. Баграмян, И. Черняховский, Г. Захаров, К. Рокоссовский. Координацию действий фронтов осуществляли Маршалы Советского Союза Г. Жуков и А. Василевский. А общее руководство, естественно, принадлежало Иосифу Сталину.

Этот знаменитый прорыв позволил советским войскам с

боями продвигаться все ближе и ближе к гитлеровскому логову – Берлину, чтобы вместе с другими армиями победоносно завершить Великую Отечественную и Вторую мировую войну.

Эскадрилья, в которую попал Борис Овчинников, с территории Советского Союза передислоцировалась в Польшу, под Пшасныш. Внося посильный вклад в разгром фашистов, ее летчики бомбили важные военные объекты, а также летали за линию фронта и сбрасывали бомбы на стратегические промышленные предприятия и города. В том числе и Берлин. Приводили противника в ужас.

Борису понравился коллектив храбрых летчиков и «технарей». Первые увлекательно рассказывали героические эпизоды своих боевых вылетов. Вторые учили его, неопытного моториста, правильно обслуживать и ремонтировать двигатели самолетов, посвящали в тайны сложнейшей техники, приучали к дисциплине, ответственности и порядку. Подсказывали, как правильно и быстро откручивать гайки и болты, чтобы не допустить перекосов. Закреплять ответственные узлы, проверять правильность и качество работы этих узлов и двигателей.

- Не дай Бог – оставишь где-нибудь гаечный ключ или другой инструмент, деталь! Он может попасть в движущуюся часть, помешать работе аппарата, - терпеливо учили его старшие товарищи. - Поэтому перед тем, как приступить к работе, точно посчитай инструмент, как и после ее окончания. А если не надеешься на память, привяжи бечёвкой. Мотай на ус, салага!

И молодой моторист внимательно слушал полезные советы бывалых специалистов. Вникал в мелочные подробности, чтобы приготовленная ими техника не подвела в полете, не помешала выполнять стратегические задачи эскадрильи и всей советской авиации, неотъемлемой частью которой он уже считал и себя, о чем хорошо подтверждали голубые погоны и петлицы с металлическими блестящими эмблемами-птичками. На радостях он даже попробовал придумать песню и в редкие свободные от вахты минуты подбирал к ней слова:

Помогаем мы пехоте
И танкистам, морякам.
В быстрокрылом самолете
Учиняем тарарам:

Фрицев лупим мы пузатых
И фашистов мы бомбим.
Ни родной земли, ни хаты
Никому не отдадим...

Крутя гайки или вытирая мазут паклей, он частенько негромко мурлыкал свою бесхитростную песенку. И старшина Красношлык не раз с восхищением вскрикивал:

- Уральский соловушка запел. Молодец, Борька! Тебе быazole мамки кохаться, а тебя вырвали из родного гнезда и послали воевать. Вот и мой Петька попал бы уже на фронт, не погибни он тогда под бомбежкой...

Овчинников знал, что белорусскую деревню, в которой жила до войны его семья, нещадно разбомбили и сожгли немцы в 1941 году. И у Красношлыка там погибли жена и трое детей. Старший по возрасту был ровесником Борису. И он сочувствовал своему старшине, который относился к нему, как к родному сыну. Подсказывал, жалел, помогал. И часто с завистью и влажными глазами подолгу смотрел на паренька.

- Вот и у меня такая бы детина была, если б не проклятые хфашисты,- с болью в голосе произносил он и отходил в сторону, чтобы не тревожить душу грустными воспоминаниями.

Писать письма домой ему приходилось не часто. Не хватало времени. Порой вечером, не успев вернуться из мастерской и поужинать, валился на кровать и засыпал мертвецким сном. Но когда выдавалась свободная минута, писал короткие, но светлые и радостные письма. «Наша эскадрилья дает прикурить немчуре. Уже бомбит Берлин. Значит, скоро будет победа. Раза два я ходил в городок Пшасныш. Тут тепло, весна. Природа расцветает зеле-

ню. Распускаются весенние цветы. Познакомился с девушкой-полячкой Ангеликой. Глаза большие и голубые, как уральские незабудки. А волосы длинные и белые, словно выращенный отцом лен. Ее батя возит в нашу часть продукты, пан Вотруба. Смешной такой пшек с лысиной на макушке, будто волосы корова слизала языком. «Шо це ты трэба?- непонятно лопочет.- Никс-нема, пан». А она – пани Ангелика. Красивое имя, правда? Как там вы, как братья? Соскучился я по вам».

Получив письмо с фронта, Мария Алексеевна по несколько раз перечитывала его, целовала строчки и слова, размашистые буквы, словно муравьи, разбежавшиеся по листку бумаги. А еще он не раз присылал иностранные открытки. Однажды получили польскую открытку с подписью самому младшему брату. И Володька с распахнутыми от радостного удивления глазами долго разглядывал открытку, где цветными красками был нарисован идущий большими шагами мальчишка-почтальон. На нем были рябой пиджак, черные штаны в белую полоску, на голове – блестящий темный цилиндр, а на плече – толстая, как откормленный поросенок, почтальонская сумка с письмами. И Володька воткнул эту открытку с внешней стороны стекла рамки, за которым были семейные фотографии. И почти каждый день разглядывал ее, мальчишку с озорной улыбкой, который чем-то смахивал на него.

И когда мать писала ответное письмо, то не забывала положить на листок кисть Володькиной руки и очертить вместе с пальцами карандашом ее силуэт, чтобы старший брат мог увидеть и порадоваться тому, как растет младший.

* * *

А тем временем средние братья тоже подрастали. Сашка учился в начальной школе, старое здание которой находилось недалеко от вокзала, на хуторской стороне. А Сережка уже закончил ее. Ему нравилась учеба, и он не раз заявлял родителям:

- Хочу учиться дальше!

- Где тут учиться, семилетки-то нету? - возражали они. - Если в городе или другом месте, то нам накладно. Не вытянем. Давай-ка на лето иди в пастухи. Всё заработок и помощь в дом будет...

И он весной пошел в подпаски. А зимой то работал на снегоборьбе, то пилил и колол дрова немощным старикам и вдовам. Ходил на охоту. А еще вместе с другими подростками заворачивал на станцию, где останавливались товарные поезда, везущие с фронта на переплавку пришедшие в негодность технику, оружие, гильзы от снарядов и пулеметов, использованные болванки, побитые каски. И дома у каждого из них был целый арсенал стрелкового оружия.

Вот и на кольях забора Овчинниковых появилось несколько касок, в том числе немецких, по которым мальчишки стреляли из ружья и рогаток. Один раз Сашка выстрелил в немецкую каску, и дробины отскочили от нее и попали в лицо ему и Володьке. Хорошо, что не выбили глаза. Как будто и в тылу немцы мстили русским. В баню затащили огромную гильзу от снаряда, в которой, словно в котле, нагревали горячую воду. А в сарае Сережка прятал найденные в вагонах испорченные револьверы, карабины, винтовки. Иные из них после небольшого ремонта могли даже стрелять. Мальчишки отпиливали им переднюю часть ствола, делали обрезы и палили по воробьям и сорокам. И то в одном, то другом краю станции раздавались неожиданные винтовочные выстрелы, пугающие мирное население.

Так однажды Сережка стоял близ забора и ждал, когда на растущие в их огороде березы усядутся птицы. На его плече висел вниз стволом на ремне обрез. Затвор был взведен. Юнец придерживал его рукой за ложу. Рядом с ним топтался Володька, без которого уже не проходили многие события. Незаметно палец руки его брата коснулся спускового крючка. И неожиданно грянул выстрел. Обрез резко подпрыгнул вверх и ударил стрелка прикладом по голове. А пуля задела носок валенка и ушла в землю. Стоявшие вокруг дети загомонили не то от испуга, не то от восторга.

- Тише вы!- успокоив оружие, прикрикнул Сережка.

Он сел на лежавшую рядом колоду для рубки дров, скинул валенок с правой ноги и посмотрел на пальцы. Пуля задела самый край одного из них, обожгла и содрала кожу, но больше ничего не повредила. Из пальца сочилась кровь, и Сережка наспех замотал его найденной в кармане тряпичей, потом портянкой и засунул ногу в валенок.

- Отцу с мамой молчи, понял?- наказал младшему брату.- И не вздумай брать в руки оружие!

И от греха подальше унес обрез в сарай, спрятал от лишних глаз.

А вскоре не повезло и Борису. Было утро. Бомбардировщики и охранение из истребителей вылетели на очередное задание. Взвод «технарей» возился с одним из самолетов, по которому вчера прошла пулеметная очередь немецкого аса. Недалеко стояла еще одна ожидающая ремонта машина, почти до самой земли беспомощно опустившая крылья, будто подбитая птица.

В это время вражеский самолет неслышно вывернулся из кучевых облаков, проплывающих с запада, снизив высоту, пошел почти на бреющем полете. Сбросил несколько небольших бомб и обстрелял из пулемета.

- Ложи-ись, «мессер»!- успел рывкнуть нерастерявшийся Красношлык и кинулся в ближайшую канавку.

Кто-то из «технарей» упал на живот прямо под самолетом. А Володька, когда понял значение слов старшины, бросился в сторону недалекого забора. В нескольких метрах от него взорвалась бомба. Осколки, к счастью, пролетели мимо парнишки, а вот взрывная волна швырнула его на забор.

«Мессершмитт», постреляв еще в кого-то, вскоре развернулся и ушел по левому краю на запад, давя на слух надсадным моторным ревом. Увидав это, старшина сорвался с места, где лежал и прятался, закрыв голову руками, и побежал к Борису. Тот, безвольно разметав руки, растянулся на траве близ поваленного забора. Лицо его было окровавленным, одна рука как-то непри-

вычно вывернута. Глаза закрыты. Красношлык, чуть не плача, будто потерял очередного родного сына, оторвал его от земли и бегло осмотрел. Ран на теле от осколков и пуль вроде не увидел. И услышал, что юноша с затруднением дышал.

- Наверно, контузило, - с надеждой произнес старшина. Подхватив парня на руки, он понес его в санчасть.

Набежавший восточный ветерок шевельнул его успевшие отрасли темные волосы. А из глаз пожилого моториста выкатились две робкие слезинки.

Ни старшина, ни его подчиненные, ни Борис Овчинников еще не знали, что «Мессершмитт», пролетев над ними, расстрелял едущую в часть повозку с продуктами, на которой сидели пан Вотруба и его дочь Ангелика.

13

Мария Алексеевна просыпалась задолго до рассвета. Летом сначала доила корову и провожала в стадо. Зимой топила печку, варила завтрак, что сделать было не так-то просто. Что варить и из чего? Легче всего традиционную похлебку, но пользы от нее, как от козла молока, ведь в ней была только картошка, горсть пшена да вода. Живот, конечно, набьешь, только сил эта пища приносит немного. А Ивану-то как нужны силы, ведь буздает без шапки, как говорится, и на путях, и в домашнем хозяйстве. Отдыхает и спит после ночной смены мало. И когда идет на службу или возвращается с нее, походка его кажется какой-то валкой. Он покачивается с боку на бок. Не стало видно той былой энергии. И жена заметила, что крутой пригорок возле забора Заготзерно, где шла привычная тропинка, он стал обходить с правой стороны, где подъем положе. Покруче бы ему еду-то и побольше. А то за двенадцать часов, да особенно холодной зимой, все силы выветривались. А он еще и от горбушки хлеба, что берет с собой на обед, отломит кусочек и принесет детям, которые с нетерпением ожидали его прихода. Особенно меньший.

Отец казался неповоротливым, медленно и устало раздевался. Снимал шапку, шубу, пимы, бросал на печь портянки, носки. И вдруг доставал из кармана тряпицу-чудесницу, в которой был завернут маленький ломтик ржаного хлеба, замерзший на морозе, как ледышка.

- Вот тебе гостинец от зайчика!- скажет с усталой улыбкой и протянет сыну.

Володька от этого гостинца был на седьмом небе. И безумно любил отца, видел которого не часто. Лез к нему на колени, смотрел с удивлением, как тот завтракал с аппетитом, черпая из вместительной чашки большой деревянной ложкой, когда-то раскрашенной красными цветами, которые уже почти съелись. Он ел не так, как все, казалось сынишке, а как-то по-своему, своеобразно. Поглощал пищу, словно машина, или жерло прессы, безостановочно и методично, не выражая при этом никаких эмоций.

И мальчишка, сидя у отца на коленях, как воробышек на заборе, или рядом на широкой лавке, обсасывал застывший ломтик черного хлеба, словно мороженое. И, казалось, не было ничего на свете вкуснее «заячьего подарка». А летом Иван Аверьянович нередко приносил пучок сорванных вместе со стеблями ягод спелой клубники. И мальчишка чмокал от удовольствия.

Иногда, когда совершенно нечего было готовить, Мария Алексеевна успокаивала себя и детей знакомой фразой:

- Бог даст день – Бог даст пищу.

И на самом деле что-то неожиданно появлялось в доме. То отец принесет шапку грибов, собранных на полосе отчуждения, то перепелку или куропатку, которых иногда сбивало движущимся составом. И на их столе появлялся даже мясной суп.

С мукой приходилось туго, и Иван Аверьянович, когда бывал на челябинских рынках, покупал полмешка ячменных отходов. И Мария Алексеевна, добавив толченой картошки, пекла из них лепешки. Но они были такие колючие, как наждак, немилосердно кололи и жгли во рту и горле, что Володька не мог их есть. Уж

лучше лепешки из гнилой картошки, которую мальчишки по весне собирали на колхозном поле, когда не хватало своей. Она была мороженой, скользкой, выпускала из себя противный сок с кислым запахом. Принимала серо-белый цвет, и ее сморщенные клубни казались Володьке глазными бельмами аджатаровской нищенки Сары, которая часто ходила по домам. Тихо и без стука перешагивала порог и молча замирала близ печи. Одежда ее была рваной. На ногах неизменные сарыки, одетые в толстые ребристые галоши, которые оставляли на полу лужи.

- Чего тебе, Сара?- не вынося молчания, привычно спрашивала Мария Алексеевна.

- Миластинка прошу,- загробным голосом отвечала еще нестарая татарка, умоляюще глядя на хозяйку и следя туманным взглядом за каждым ее движением.

Мать тяжело вздыхала, но что-нибудь все равно совала ей в руки, чаще всего картофельные клубни. Та молча брала их, быстро бросала в нищенскую суму и беззвучно выскользывала на улицу, даже не прикрыв плотно двери. Наверно, боялась, чтобы милостыню не отняли. И Володька закрывал за ней.

Часто он просыпался одновременно с матерью, а то и раньше и негромко будил ее:

- Мама, вставай печь топить.

И она поднималась, совала ноги в старенькие пимы, разжигала дрова. И тут же подходил сынишка. Веки его еще слипались после сна. Но он садился рядом с печкой и с неподдельным интересом смотрел, как дружно разгорались поленья, как яркие языки пламени мягко обнимали и разжигали их одно за другим, как лавина огня с пением и искрами устремлялась навстречу ему. Но потом вдруг резко заворачивала вверх и уходила в горловину трубы.

Он мог часами с удивлением и интересом глядеть на этот огонь, не отрывая взгляда. И что ему виделось в нем, никто не знал. Только мать замечала, как восхищенно и неподдельно загорались глаза мальчишки, и порой ей казалось в этот момент,

что он совсем не мальчишка по разуму, а маленький старичок, думающий свои стариковские неотвратимые думы. А может, он вообще не от мира сего, какая-либо природная загадка, которую она не в состоянии отгадать? На его лице отражалось пламя огня, будто оно само горело ярким светом. Но иногда он просил:

- Мам, давай я тебе помогу.

То подаст ухват, то достанет чугунок или горшок. То попросит накласть в маленькую черепушку размером не более спичечного коробка немного картошки, чтобы самому испечь подобие игрушечной лепешки. Мол, сам пек!

- А зачем ты угли хранишь?- нередко спрашивал он.

- Чтобы печку разжечь или самовар вскипятить,- поясняла она, радуясь, что мальчика интересуют такие жизненные вопросы.

- А спички зачем делаете из серы?

- Магазиновых-то не купишь. Вот и делаем самоделки, сами строгаем палочки, макаем кончики в растопленную серу и поджигаем.

Он так привык к матери, что не отставал ни на шаг, как сосунок-жеребенок от своей матки. Она в магазин – и он за ней. Она в огород – и он следом. Поэтому с ранних пор научился копать и полоть грядки с луком, морковью, бобами, свеклой. Огрести и сажать картошку. Ведь матери с каждым годом было делать это все тяжелее, давали себя знать падение в детстве в колодезь и паралич. А когда мать куда-нибудь уезжала хоть на один день, в ту же областную железнодорожную поликлинику, сынишка не находил себе места. Он так любил свою маму и так привык к ней, скучал без нее, что другой жизни не мог представить. Вечерами бежал встречать на станцию к рабочему или дачному поезду, подныривая под вагоны стоящих на путях товарняков и лавируя между составами. И мать до смерти боялась, что может случиться беда.

- Не вздумай один ходить к поезду!- стараясь казаться строгой, наказывала она.

Но мальчик не мог выдержать долгой разлуки и делал так, как невыносимо хотелось.

- Когда меня командировали в Уржумку путевым обходчиком,- вспоминал отец,- произошел такой трагический случай. По перегону возле станции Хребет шли четверо узбеков. Был страшный буран. Наверно, они не слышали грохота паровоза и вагонов, не видели света прожектора сзади. И их всех сбило, а трупы завалило снегом. Только утром их обнаружили. Четверо взрослых, и то растерялись, погибли. А ты, ребенок, ходишь один!

- А чего на пассажирском не поехали, денег не было, что ли? - поинтересовалась жена.

- И деньги были, наверно, за урюк и изюм выручили. По несколько тысяч нашли зашитыми потом в их стеженных халатах. Видать, пожалели.

- Вот видишь, сынок, что бывает с упрямыми и своебышными? - С дрожью в голосе выговаривала мать,- глядя его голову и нежно целуя.

* * *

Их монотонную скучную жизнь разнообразила ее младшая сестра Таисия Бражникова. Правда, она приезжала редко, и это Овчинниковым казалось праздником. Конечно, она ходила к Ильиным, встречалась и подолгу говорила с матерью и снохой. Но больше времени находилась у Марии Алексеевны, с которой не могли наговориться целыми днями и вечерами.

На вид красивая, интеллигентная и начитанная, горожанка была человеком добрейшей души. Без гостинцев не приезжала, пусть даже самых дешевых, хотя не на что их было покупать вдовой женщине, на иждивении которой находилось четверо детей.

- Работала я на стройке, шла как-то с носилками, запнулась и упала, сломала ногу. Лежала в гипсе. А с переломом ноги какая стройка, где таскаешь центнерные грузы, кайлом, ломом

да совковой лопатой орудуешь? И мне предложили кухонной рабочей в столовую.

- Работа, знамо, не мед. И зарплата мизерная, но сама хоть что-нибудь похлебаешь и ребятишкам со столов соберешь, ведь такой ораве только подавай,- уговаривал меня заведующий.

Рассказывал, что к нам с фронта попал, раненым оказался. А морда красная, как светофор, и пузцо наедено, как у большого начальника. Видно, по снабжению или питанию служил. Не зря поют:

Лейтенанты, лейтенанты, лейтенанты модные

Хлеб по бабам растащили, а бойцы голодные...

Зырил он, как ястреб на перепелку, готовый порвать в клочья от переизбытка чувств. Ну, думаю, будет липнуть, как банный лист. Но куда мне деться без работы, ведь дети голодными сидят, есть хотят? Дала я согласие и впряглась в нелегкие оглобли. И ящики таскай, и дрова, и бочки катай, и полы мой с котлами, и столы вытирай, и халаты стирай, и много еще чего. За день так намаешься, что сил не остается. Правда, иногда повар плеснет в кастрюльку черпак – два баланды. Хлебные объедки где подберешь или в хлеборезке дадут. В консервной банке останутся крохи, которые можно вылизать. Приношу домой. Так и выживаем с божьей помощью и с грехом пополам.

- А заведующий не домогался?- тихо спросила сестра, чтобы не слышал Володька. Она в такие минуты отправляла его подальше. Но он был любопытным и все равно пытался подслушать, ведь ему было так все интересно, что связано со взрослыми.

- Раскатал он как-то губы, попытался приобнять меня в разделочной, когда остались вдвоем. А я схватила полуметровый ножик для разделки мяса и зло припугнула: «На куски порежу и на отбивные пушу! Наши мужики головы на фронте сложили. Миллионы людей погибло, а ты тут, как отъевшийся кот, к вдовам пристаешь! За такого и судить не будут». Перепугался он, аж побелел лицом. Думала, в три шеи прогонит в отместку, со свету сживет. А он тихим голосом промямлил:

- Прости меня, дурака, Таисья. Больше не повторится.

- Ты уж совсем миасской стала, отчаянной,- не то похвалила, не то констатировала Мария Алексеевна.

- И оставил в столовой. В другой раз то стакан крупы сунет, то вермишели. Не злопамятным оказался, понял чужое горе. А Колька как-то рассердился на меня, что за школу ругаю.

- В милицию на тебя заявлю, что таскаешь еду из столовой!- пристрашал, негодник.

- А я кому таскаю, не тебе ли с сестрами? Не тебя ли кормлю, дурная твоя башка? Иди сам зарабатывай и кормись, зимогор!

И такая взяла обида, хоть лезь в петлю. Самый близкий человек захотел предать. А как вспомнила, что без меня им придет конец, то ругать себя стала за минутную слабость, за такие дурацкие мысли. Разве можно матери так думать нехорошо?

- Ты уж держись, сестричка, щас всем тяжело,- успокаивала ее Мария Алексеева, обнимая за плечи.- Как там остальные детки?

- Тамара – умница. Почти уж невеста. Красивая, видная. Только бедная. Помощница мне. На курсы ее взяли. И Валя хозяйственная, по дому все делает. А Зоя еще ребенок, почти как ваш младший. Колька все больше не слушается. Связался с хулиганами да парижанами. Того и гляди, что в беду угодит. Загорелся идеей разбогатеть.

- Тебе, мама, хочу помочь,- хвастает,- клад пугачевский буду искать. Он спрятал его не то в Тургоякском озере, не то в озере Инышко.

- А в Тургояке, говорят, два дна. Попробуй-ка найди,- толкую ему.- Не такие искатели рыщут по всему Миассу, да не могут найти.

- Плохо ищут!- уперся Колька.- Мне отец перед отправкой на фронт сообщил, что его батя, мой дед, тоже спрятал где-то или зарыл мешочек золота. Может, дома где. Найду я его.

В общем, своеобычный. Весь двор у бабки обшарил, общупал. Копать землю в огороде собрался, только клада не найдет.

Для нас, голытьбы, его прятали, как же! Говорю, в ремесленное училище лучше готовься. Там простому человеку надежней. Профессии обучают, форму выдают, кормят бесплатно. И семье легче. А то золотом стал бредить. Его-то дед с прадедом оба жизни свои ухлопали на эти пустые поиски. И сколько людей перевели себя на этом проклятом золоте! Сколько сирот оставили! Это от сатаны все.

Приходила и их мать, Арина Алексеевна. Садилась поближе к очажной дверце, вытаскивала кисет с махоркой, кусок газеты. Сворачивала козью ножку, закуривала, выпуская клубы сизого дыма.

- От курева-то лучше стала видеть, мама?- спрашивала младшая дочь.

- То ли дождик, то ли снег. То ли будет, то ли нет,- с легкой улыбкой иносказательно отвечала старуха.

Ее волосы уже пробивала голубоватая седина. Одежда на ней была изрядно поношенной и разномастной. Носила солдатские брезентовые ботинки, за что ее звали Арина – мать солдатская, и старую рабочую фуфайку. Поношенную чуть не до дыр шалёшку и застиранный передник, который забыла снять дома. Кофту с проношенными локтями. Все это говорило, что жизнь ее была очень нелегкой. С харчами туго, с одеждой тоже. Но она никогда не жаловалась, у кого она нынче легкая? Взгляд ее отцветающих голубых глаз всегда казался радостным и веселым, словно каждый день состоял из праздников. Словно не было голода и затяжной войны.

- Как ты, мама, поживаешь?- интересовалась старшая дочь.

- День да ночь – сутки прочь,- с легкостью отвечала она.

- Здоровье-то как, сердце не болит?

- Здорова, как лошадь. Не знаю, с какой стороны у меня сердце – с левой или с правой?

- Ну и дай Бог,- радовались дочери.

- Только вот Вениамин был ранен в руку. Написал, что снова

лежал в госпитале. А у нас все по-старому. И корова доится, слава Господи.

Мария Алексеевна сажала их за стол, чем могла, угощала. Поила чаем из самовара, который всю шумел. Варенья достала. Что-то собирала им в дорогу. Скупой Иван Аверьянович не очень это поощрял. Но добрая Мария Алексеевна сама не съест, но другому отдаст. Хоть незаметно, да сунет в сумку или карман. А уж любимой Таисье и мяска кусочек, и картошки с овощами, снятыми в собственном огороде, и еще чего. Конечно, это мелочь, но кто ей, бедной вдове, бесплатно даст там, в городе? Не больно теперь люди расшвыриваются продуктами. Забывают, наверно, что Господь велел всем делиться, даже последним. И она, сама живя в бедности, всегда помнила эту заповедь. Ибо считала, что им хоть ненамного, но легче, ведь держали свое подсобное хозяйство, которое помогало прокормиться. Иначе у христиан и не должно быть, считала казачка.

14

Хотя ее с нетерпением целых четыре года ожидали миллионы людей, она все равно нагрянула несколько неожиданно. Нагрянула, как гроза. На станции вдруг протяжно и радостно загудели паровозы. На них и вагонах появились лозунги и красные полотнища плакатов с размашистыми надписями: «С Победой, дорогие друзья!» «Наше дело правое – мы победили!» На лобовой части локомотивов нередко висели портреты Иосифа Виссарионовича Сталина, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, под чьим неустанным руководством достигнута эта Великая Победа над фашистской Германией, над кровожадным Гитлером. Заслуженная и дорогая Победа!

И люди были не в себе от счастья и радости. Наконец-то прекратилась немилосердная бойня. Наконец-то отцы, братья, сыновья, сестры вернутся домой, к мирной жизни и мирному труду. К сожалению, вернутся далеко не все. Кровь миллионов

советских солдат и гражданских лиц обогреть землю от Волги до Берлина. И они никогда не вернуться домой, к своим матерям и детям. Потому счастье и радость от Победы были со слезами на глазах. И радовала не только Победа, но и надежда, что больше никогда не начнутся войны, ведь с последним злом покончено навсегда.

А потом пошли поезда с демобилизованными победителями. Их встречали со слезами и крепкими объятьями. Многим казалось, что Земля не знала такого огромного и всеобъемлющего счастья. Оно, как нежные волны теплого моря, обволакивало и погружало в себя людей, и им казалось, что наступает эра сплошного счастья, справедливой, достойной, хлебной и благополучной жизни, конца и края которой никогда не будет. Ибо она завоевана ценою 50 миллионов невинных жертв, ибо погибшие за свободу люди мечтали о ней и не жалели себя.

В один из таких летних дней сошел с воинского эшелона и старшина минометной батареи Вениамин Ильин. Глянул вокруг метким орлиным взглядом, увидел знакомые тополя и березы, гору Савинуху, далекую излучину реки, и непрошенные редкие слезы навернулись на его голубые глаза. Ведь он вернулся на родину, которая ждала его с нетерпением долгие четыре года. Высокий, подтянутый, как на параде, блестя кожаной портупеей и начищенными голенищами хромовых сапог, с крупным античным носом и крутыми кулаками, он смотрелся породистым и видным мужчиной и по облику походил не меньше, чем на гвардейского полковника.

Возле него крутился неказистый военный в звании сержанта. Он подхватывал тяжелые кожаные чемоданы и вещевые мешки, перетаскивал через соседние пути на перрон, возвращался за другими, то и дело обращаясь к старшине:

- Вен Сеич, а аккордеончик где?
- Проиграл во Львове.
- А патефончик?
- Наверно, в вагоне остался. Ступай и заberi.

Простившись с однополчанами, фронтовики загрузились вещами и понесли их к дому Ильиных. Задевали вещмешками и цеплялись вместительными чемоданами за плетень узкого кузиковского переулка, о чем-то громко разговаривали и откровенно смеялись, пока не открыли ворота и не вошли в сенцы. Навстречу им выскочила не то перепуганная, не то радостная Арина Алексеевна, узнала сына и бросилась ему в объятья. Услышав шум, прибежала Настасья. И он облапил их обеих, как уральский медведь, начал крепко и радостно целовать. А потом увидел сына, поднял его на руки, как пушинку, и прижал к себе с силой, словно кто-то мог его в эту минуту отнять.

- Все, бабы! Капуг войне! Живым вернулся! Отвоевался.

И они заголосили, нервно засмеялись вперемешку с плачем, слезами, очевидно, не веря своим глазам. А вскоре, когда кое-как пришли в себя, засуетились, забегали бестолково, пока, наконец, не пригласили к столу.

- А ну-ка, Митька, доставай неприкосновенный запас!- весело рявкнул Ильин своему спутнику, и тот закутился юлой.

- Буд сде, Вен Алексеич!- ответил быстро и стал развязывать лямки вещевого мешка, с которым хозяин протопал не одну тысячу километров.

На столе появились консервные банки с мясной тушенкой, колбаса, копченое сало, серый хлеб, вкус которых позабыт в этом доме, и даже пшеничное печенье. А за ними бутылка «Спотыкача» и солдатская фляжка спирта.

- Да это Митрий Плешков, што ли?- подслеповато приглядываясь к сержанту, любопытствовала Арина Алексеевна.

- Он самый, тётка Арина!- стукнув каблуками, отрапортовал тот.- Бывший прицепщик колхоза «Красный Октябрь», а ныне гвардии сержант непобедимой Советской Армии, вернувшийся с победой домой.

- Спасибо вам, детки, за эту победу, которую мы жаждали! Не подвели казачьего звания!- призналась старуха и обняла Плешкова, как родного сына.

Потом женщины стали стряпать пельмени, послав Вовку к Овчинниковым.

- Ступай к тетке Мане. Быстро зови их в гости, скажи, что отец приехал. Только осторожней переходи пути.

К вечеру собрались и гости. Уселись за столом, на котором парила большая чашка с горячими пельменями. Налили кому вина, а кому спирта в рюмки, стакашки, чайные чашки с отломанными ручками, что подвернулись в спешке.

- С Победой! С Великой Победой!- пытаюсь замереть по стойке смирно, командирским голосом провозгласил хозяин.

- Со счастливым возвращением!- поддержали его родственники, сияя от радости.

И снова были объятия, предательские слезы счастья и песни. Наконец, Вениамин достал свою русскую гармошку, растянул во всю ширь меха и запел любимую отцовскую песню:

Шла барыня из Мисяша,
Вроде пьяна, вроде наша.
Барыня, будешь чья ты –
И баская, и не мята?
И дошла до Травников,
Ну а я к тебе готов!
Барыня, фути, фути,
Мне сказала, Венка, ну тя!
Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!

Вениамин не только играл, быстро перебирая лады и басы, пел, но еще и притопывал ногами, аж скрипели половицы, туда-сюда мотал носком сапога. А Настасья со свекровью даже бросились в пляс.

Не пьющий до войны хозяин был под изрядным хмельком, но его близкие поначалу не очень удивлялись этому, ведь человек столько лет отдал войне и дошел до самого Берлина. Освобождал

от фашистов не только родной СССР, но и Европу, мир. И такому человеку грех на радостях не выпить, не захмелеть от счастья возвращения.

Тут же суетились дети. Попробовав мясной тушенки и наевшись пельменей, они с радостью принялись жевать иностранный шоколад. Такой сладости мальчишки еще не знали, и она им понравилась. А потом ребятам надоело сидеть за столом, и они вылезли из-за него. Рассматривали с удивлением и восхищением ордена и медали Вениамина. Потом его сын показал новую диковинку – цветные фонарики.

- Папка привез!- похвастал перед двоюродным братом.

И они по очереди включали то красный, то зеленый, то белый свет и представляли их железнодорожными светофорами. Играли даже в поезда.

- Чух-чух-чух-чух!- пыхтели уставшими паровозами, бегая один за другим по двору и мигая фонариками.- Ту-ту-у...

А хмельной хозяин хвастал привезенными подарками. Кому платок, кому кофточку, ботинки. Даже белый импортный комбинезончик в синюю полоску привез. Красивый комбинезончик, в Бишкеке таких, наверно, и не видели. Померили сыну – оказался мал. Натянули на Володьку Овчинникова – тоже не по размеру. Влез он в него вместе с ногами, а выпрямиться во весь рост не может, горбится, как маленький горбун. Тоже не в пору оказался.

- Э-эх, жаль!- с грустью пропела Настасья.- Придется новых деток рожать, чтобы одёвка была в пору.

- За нами не заржавеет!- поддержал ее с улыбкой во все лицо супруг.- Стратегически мы в этом вопросе маленько отстали в связи с военными действиями. Теперь будем упущенный план наверстывать.

- Долго ли, умеючи,- засмеялись вокруг.

А Вениамин все выкладывал и выкладывал вещи. Мужские и женские костюмы, модные платья, куски шевиота и скользкого шелка. Даже один или два немецких военных кителя.

- Привез добра-то!- заметил Иван Аверьянович.

- Это цена риска и жизни, которую каждый из нас мог потерять. Фашисты не стеснялись грабить СССР, а мы почему не можем взять своего? Зря, что ли, тут наши жены и матери вкалывали за кусок хлеба, пухли с голоду и мёрли вместе с детишками?- недовольно спросил он, обведя собравшихся сердитым взглядом. И никто ему не возразил.- Это еще не все, больше было чемоданов, да во Львове счинился я играть в карты по пьяной лавочке с каким-то пехотным капитаном – прощельгой. И он меня ободрал, словно липку. Не один чемодан я продул ему. Да Бог с ними. Это дело нажитое. Пойду вот работать и заработаю не только на тряпки, но и дом новый отгрохаю. Европа-то вон, в каких особняках живет. Нам до нее, конечно, далеко, но и мы не пальцем деланы. Соскучился я по гражданской жизни, семье, работе. С удовольствием помахал бы топором, молотком, рубанком, потесал и попил. Теперь станем бриться и умываться, как поется в песне, страну восстанавливать. Детей рожать и поднимать. Жизнь делать счастливой. А вы о каких-то мелочах баете. Все это суета сует и томленье духа. Жив я остался, и семья уцелела. И это самое главное, самая большая победа. А вон у Митрия Плешкова все перемерли. Сиротой остался. Вот это горе так горе, горе неизбынное. На фронте мужик не погиб, так в тылу семью потерял. Давай-ка, друг Митрий, помянем твоих родных и всех наших ребят-минометчиков, которые остались навсегда в братских и одиноких могилах, на полях сражений и в непроходимых болотах, лесах.

- Давай, Вен Сеич,- согласился фронтовой друг и поднял стакан.

Его лицо показалось осунувшимся и скорбным, а глаза красными от нахлынувших переживаний и встречи с земляками. Грустными и незащитными, на концах ресниц которых застыли беспомощные слезинки. Да и разве не загрустишь, когда и возвращение домой, и победа не радуют человека после семейных потерь? Плешкову нужно было давно уходить домой, только

вот никто его там не ждал. Никто не обрадуется его победному возвращению, не кинется на шею с поцелуями, не оросит слезами его походную гимнастерку. Когда в очередной раз мужчины вышли на улицу покурить, Вениамин рассказал:

- Нас с Митрием мобилизовали не вместе. Его призвали позже. Это я с ним встретился после второго ранения и возвращения из госпиталя. Меня, бывшего пулеметчика, перековали в минометчика 120-миллиметровой минометной батареи. А потом и его к нам прислали, земляк моего. А земляк на фронте - ближе родни на гражданке. С ним делятся последним куском и бушлатом, как и он с тобой. Вытащит тебя, раненого, с поля боя, и ты его не бросишь, ведь он – земля. И последний глоток из фляжки отдашь. Однажды он угодил в болото. А уже зима началась, ледок. Перемерз весь, трясет его. Да и другие ребята не лучше. Отогреться надо, а негде. Ни спирта, ни водки ни у кого. И тут в одном дворе попался погребок. Поместье, дом сгорели, а погребок целехонек. Заскочили мы в него, а там бочки с вином, бутылки со шнапсом.

- Не отравлены?- подал голос Сережка Овчинников, заглядывающий дядюшке в рот и ждущий каждого его слова.

- Вот и мы боялись, может, гансы траванули, чтобы замерзающие русские окочурились. Стоим, мнемся на месте. А люди в ледяном болоте побывали, до костей промерзли. Ну, кому-то же надо продегустировать. Пришлось рисковать старшине.

- Я никому не должен, ребята?- спрашиваю.

- Никому, товарищ старшина,- отвечают.

- Тогда, Господи, благослови. И вы простите, ежели кого обидел...

И утянул кружицу. И ничего вроде, только тепло по жилам стало спускаться все ниже и ниже. До самых пяток дошло и обратно вверх устремилось, едри его за ногу!

- Ну, как, разведчик, не отравлено?- спрашивают.

- Да не понял,- пожимаю я плечами.- Сорокните еще в кружицу.

- Не-ет уж, дудки! Пусть тебе жеребец сорокнет! Нам тоже сладенького хоцца. Плесни-ка в баклажку.

- И никто не отравился? - вновь спросил Сережка.

- Даже никтошеньки. Быстро согрелись, и ни один даже не заболел, не простыл. Как-то на фронте простуда легче переносилась. В сорокаградусные морозы неделями лежали в снегу. И ничего. Видно, сам Господь помогал, и организм чуял, что нельзя бойцу заболеть. Иначе хана. И воевать будет некому.

Увлеченно рассказывая, Ильин время от времени доставал пачку своих любимых папирос «Пушки», разминал, прикуривал и, видя, что его слушают с интересом, продолжал и, видно, немного приукрашивал для солидности и правдивости. На то они и байки солдатские, чтобы приукрасить и все сделать гладким.

- Конечно, война нас избаловала выпивкой. Боевые сто грамм не только делали доброе дело, придавали смелости, снимали усталость, помогали от простуды, но и приучали к этому зелью. Не каждый человек рождается смелым да боевым. Многие боятся идти в бой. Другие, особенно молодые, даже кричат порой, зовут маму. А выпьет человек спиртяшки или на худой конец «диночки» - денатурата, и море ему по колено. Сколько из-за него, проклятого, погибло народу! А вот был в Польше случай. Взяли мы местечко рядом с немецким аэродромом. Одна полячка пригласила нас отужинать и налила что-то в рюмки.

- Прошу, пань,- подняла она рюмку.

- А что это, хозяйюшка? - поинтересовался я.

- Самолетное палево. По-вашему, топливо.

- Авиационный бензин, что ли? - всполошились мы с перепугу.

- Нема, пань. Спирт такой, 125 градусов крепки. У нас децок малых им от простуды поят. И то нечё.

Она подняла стопку и спокойно опрокинула. И тут уж мы разве могли ударить в грязь лицом перед какой-то пшечкой? Мы же – батарея - 120. Артиллерия – Бог войны! А перед Богом кто может устоять?

Потом в доме снова играла гармошка. С душой и громко пелись «Катюша» и другие военные песни. И неслись в ночную улицу слова:

- Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...

Их слышали соседи и завидовали счастьем Ильиных. У них сын вернулся с фронта. Радость. Им здорово повезло.

15

После окончания четвертого класса Сережке Овчинникову хотелось учиться дальше. Но в Бишкеке была только начальная школа. А учеба в городе в тяжелое время войны была делом почти невыполнимым.

- Какая учеба,- возражал Иван Аверьянович,- когда жрать нечего. Здесь-то одной семьей как-нибудь с грехом пополам проживем. А в городе нужны лишние продукты, хлеб, жилье. Откуда у нас такие средства? Вот подрастешь до ремесленного училища или ФЗО и поступишь. Там и форма, и кормежка бесплатная, и общежитие государственное. Живи – не хочу! А сейчас тут чем-нибудь промышляй, на Тушмуруме, торфянике или «Краске», пока возрастом подойдешь к училищу. Летом можешь и табун пасти. Я ведь там старшим уполномоченным, возьму.

И подрабатывал мальчишка, как мог. Помогал в домашнем хозяйстве. И охотой, рыбалкой промышлял. И коров пас. Все в дом, как говорится, а не из дому. И зайцев, уток, косачей с рябчиками да куропатками таскал. И за пастьбу получал деньгами, да еще ежемесячно с каждой коровы по пол-литра молока причиталось, которое по очереди хозяйки выносили пастухам по утрам, а к концу сезона – и по ведру картошки с коровы. В такое-то голодное время! Да это же какая помощь в семье. Правда, труд пастуха выдерживали далеко не все.

А в одну из зим Сережка все-таки поступил в школу ФЗО

в Чебаркуле. Поступил вместе с соседом Лёнькой Авдеевым, пацаном вертлявым и вороватым, который не мог пройти мимо чего-то, если плохо лежало. И это неприбранное «чего-то» его оскорбляло до глубины души. Не в карман залезет, так в чужой огород. Не чемодан сопрет на вокзале или в поезде, так хоть тощий сидорок. Все ходил и присматривался, будто наводящий порядок городской.

- Вон уголок торчит. Нужно спереть!- заявлял он друзьям-приятелям, проходя мимо чьего-то чемодана.- Лишний он хозяину-ротозею. А нам бы в самый раз. А тут теплушка лежит, и ей нужно приделать ноги, ведь нам, как вору, вся оде́жа впору!

Он и в общежитии тянул, что под руку попадало, карманы шмонал, вдруг какой «рябчик» заваялся? Мимо соседских тумбочек не проходил. Хоть сухарем поживится.

Проучившись с грехом пополам месяца полтора, Лёнька понял, что ему надоела такая жизнь. Нужно было ходить на занятия, работать в мастерской во время практики. Дежурить и мыть полы в общежитии и учебном корпусе. Заправлять постели. Ходить на хозяйственные работы. Следить за эмблемами на петлицах бушлата. Стирать и штопать одежду. Чистить ботинки.

А за окном уже ломилась весна. Хотя дни еще были короткими, солнце так припекало по-летнему и впивалось лучами в белые сугробы снега, что те начали быстро таять и взялись водой. Потекли ручьи и целые потоки в широкое Чебаркульское озеро, на котором вот-вот вскроется лед. А там и зазеленеет трава, распустятся деревья, раскроются желтые подснежники.

- Какая может быть учеба, урки, когда благополучно пережили зиму, когда каждый кустик ночевать пустит!- ералашно вскрикивал Авдеев, испытующе глядя на приятелей.- Опять этап, опять вагоны должны нас увлекать, а не производственная практика на благо чужого дяди. Стибрили уголок, сидорок, подломили лавку и поехали прожигать в приморский город или самуё столицу. Надо шире думать, масштабно, шпана!

- И схлопочешь срок,- не соглашался Овчинников.- Надо доучиться, на работу устроиться.

- Век живи, век учишься – дураком помрешь,- поддерживали Ленку другие.

- Давай мотанем,- согласился кто-то...

Сережка не хотел бросать учебу. Хотел стать настоящим столяром, как дядя Вена. И думал, как улизнуть из этой дурной компании однокашников, дружба с которой не доведет до добра. Эта дружба, словно тряпина, затягивала его все больше. И он все чаще вечерами выходил с приятелями на улицу. Выходили вроде бы прогуляться после занятий, подышать свежим воздухом. А сами все чаще присматривались к людям и окружающей обстановке. Вели себя вызывающе, заявляя о себе местной шпане. У кого-то в сарае найдут полмешка семечек, сорвут висящую из окна сумку с салом или другими продуктами. Угонят неприбранный велосипед, санки, будто бы покататься, а потом толкнут кому-нибудь по дешевке.

Они уже собирались сорваться с места и отправиться бродяжить. На прощание Авдеев остановил его и всего ошупал взглядом острых, как ножи, темно-синих глаз.

- Ты с нами, Серый?- высокомерно спросил он, будто был над ним главным, будто был больше и сильнее юноши. И ожидал лишь удовлетворительного ответа.

- Нет, Лёха, я с учебкой,- негромко произнес тот, намереваясь идти по своим делам.

- Смотри, чтобы не пожалел!- припугнул Авдеев, циркнув сквозь зубы слюной.- Такие потом, падла, сами просятся в шалман...

- Да пошел ты!- отбрил Сережка и повернулся спиной.

Следующим утром, когда группа ушла в мастерскую, Леха собрал с кровати одеяла, простыни, наволочки, полотенца, сунул в мешок и вышел через пожарную дверь. А вскоре пропажи хватились. Прибежали комендант общежития и кастаньянша.

- Где одеяла?

- Где постельное белье?- дружно напустились они.- Под суд пойдете!

- Да я не знаю, был в мастерской,- испуганно оправдывался Сережка.

- Сейчас милиция прибудет. Быстро выбьет признание!- не отступали те.

- Я не брал,- с жаром убеждал их Овчинников, боясь исключения из школы и тюрьмы.

- А кто брал? Где этот щипач Авдеев, дружок твой?

- Не знаю, на производственной практике его не было. Может, заболел. И никакой он мне не дружок. Просто из одной деревни.

- Милиция разберется, из одной деревни вы или из двух городов. Лет пять тюряги пришпандорят и не спросят про социальную принадлежность.

- Я не виновен!- стоял на своем юноша, представляя в душе, что его может ждать впереди.

- Или сейчас же возвращайте украденное, или на вас с Авдеевым заведут уголовное дело...

Весь вечер, который показался нескончаемым, промаялся он в переживаниях и боязни за свою дальнейшую судьбу. Ходил, словно варёный, перебирал варианты. Говорил сам себе с обидой:

- Где искать теперь этого Леху? И разве отдаст он белье, которое давно уже сплавил. Специально спер, чтобы тебя подставить, чтобы на тебя подумали и привлекли! Да я бы сам ему морду набил! И будешь ты париться за другого, как медный котелок. Бежать надо, Серый, бежать к ляду, пока в каталажку не загремел...

Поздним вечером он по темным переулкам добрался до станции, тайно, чтобы не попасть на глаза милиционерам, залез на переходную площадку товарного вагона и поехал домой, подальше от прокуратуры и КПЗ, наивно веря в то, что дома и стены помогают.

Но оказалось, что не всегда они помогают.

- Ты чо среди недели явился? - подозрительно глядя на сына и предчувствуя неладное, спросил отец.

- Да вот лишних учеников набрали в школу и теперь отчисляют,- пряча глаза, пытался соврать Сережка.

- Пошто других не отчисляют, а тебя отчислили? Значит, и форму заберут.

- У других есть волосатая рука, а за моими плечами – деревня-матушка.

- Ну и что – деревня? Деревня город кормит, на фронт бойцов поставляет?- не поверил Иван Аверьянович.

- Вот мне и сказали, что здесь прокормлюсь, а городские с голоду окочурятся.

- Все у них не слава богу, у этих властей...

- Ну, чо ты, отец, пристал к мальчишке?- не выдержав, вступилась Мария Алексеевна.- Проживем как-нибудь.

- Лишнего нахлебника как-нибудь не прокормишь,- не соглашался тот.- Чо-то я не верю в его сказки. Кабы участковый по его душу не прибыл. Говорил ему, не связывайся с Ленькой, жуликом и шарлатаном. Да у Авдеевых вся семья такая, воровская, смотрят, где плохо лежит. И наш хочет стать зимогором. Чего от вас больше ждать?

Недоволен был отец. Шумел и ворчал. Мог и поколотить в сердцах. Но уж больно был убитый вид у Сережки. И Алексеевна выглядела напряженной, как натянутая струна, готовая тигрицей броситься на защиту бедного сына.

- Ладно,- нехотя сдался Иван Аверьянович.- На днях будет собрание по поводу пастьбы скота. Если меня снова выберут уполномоченным, предложу твою кандидатуру и Шуркину. У него как раз будут каникулы. Пусть пойдет в подпаски.

Собрание, к счастью, утвердило кандидатуры братьев Овчинниковых. И взял один из них в руки длинный плетеный кнут, чтобы на расстоянии достать непослушных буренок, телят,

овечек и коз. А другой – березовую клюшку, на конце которой торчал увесистый и корявый корень. Удар такой клюшкой был ощутим даже для самых уросливых и непослушных животных, быстро приводил в чувство и не давал далеко уходить от стада. Впрочем, нередко и быстро забывался. Оказывается, память у них, особенно у коров и козлов, была короткой. А кнут и клюшка, казалось пастухам, моментально остужали их горячий норов. И только неподвластны были коровы Бодиных и Фофановых, за которыми был нужен глаз да глаз, иначе не только сами удерут, но и половину стада за собой уведут.

Лето было непривычно дождливым. На землю то и дело обрушивались проливные ливни с громом и молниями, уже убившие в соседних деревнях двоих пастухов. Или сутками моросил мелкий дождь, словно его пропускали через сито, спастись и остаться сухим от которого ни в степи, ни в лесу невозможно.

Братья Овчинниковы сильно простывали, надолго заходились в кашле, бухая и днем, и среди ночи, как скрипучие барабаны. Их тела покрывали многочисленные чирьи, высыпающие, как опята после дождя.

Утром их было не поднять с постели, ибо даже за ночь они не могли хорошо отогреться и набраться сил.

- Не пойдем, лучше умрем!- протестовали братья со слезами, особенно Сашка, младший.- Хуже каторги. Все тело болит! Нет сил...

- Надо, детки, надо,- уговаривала их мать, сама плача пуще них.

Она часто по вечерам поила их горячим чаем с малиной, намазывала грудь и спину хреном, прогревала над чугуном с парящей картошкой. По субботам посылала в первый жар в баню, чтобы хорошенько пропариться и прогнать простуду. Но на другой день начиналось все с начала. От дождей по улицам станции было невозможно пролезть. Коровы вязли в грязи, а что говорить про пастухов!

А еще в таком беспорядке терялся и скот. Вот и коза пропала у Арефьевых.

- Где наша коза?- пришла с расспросами хозяйка.

- Как всегда, пригнали вместе с табуном,- оправдывались ребята.- Где-то здесь потерялась, дереза.

- Все обыскала - не найду.

- Ищи лучше, она такая блудня...

А потом и отец напустился.

- Куда делась коза Арефьихи?- сердито допытывался он.

- Пришел в стадо волк. Она паслась около леска. Он подошел к ней, взял зубами за ухо и повел в лес, подгоняя своим хвостом. Она ревет, а сама, дура, идет. Так и ушла, назола.

. – За ухо да на солнышко, да? А вы-то зачем там, собака зачем?- не сдавался Иван Аверьянович, выбуривая злыми глазами.

- Наш рыжий Бобик только учуял волка, сразу спрятался между нами, даже не твякнул по-человечески. До смерти перепугался, сторож. А мы кричали, кричали, но он и ухом не повел.

- А зачем у вас кнут и палка?

- Чо ты ими сделаешь? Ружье надо брать, только за день с ним так натаскаешься, что и ноги не уволокёшь.

- Все у вас причины да отговорки, в сердце мать! Теперь платить придется из своего кармана. А если корову потеряете, значит, свою кормилицу отдавать вынудят? Тогда с голоду перемрем!- долго кипятился старший Овчинников.

Но беда не приходит одна. Вскоре Сережке пришла повестка из Чебаркуля, чтобы явился в район на следствие. Не поехал. Тогда к ним пожаловал на казенном ходке участковый Козлов.

- Где ваш сын, Овчинников Сергей Иванович? Он убежал из школы ФЗО, и ему вменяется в вину кража постельного белья в общежитии и казенной формы,- заявил он насмерть перепуганной Марии Алексеевне, у которой от услышанного подкосились и без того большие ноги.- У меня задание – найти его и доставить, куда следует.

Женщина так растерялась, не знала, что и сказать. Скажи правду – и сына заберут, будут судить, посадят в тюрьму. А за что

судить, когда он не виноват, когда не брал это проклятое белье? Лгать она не умела, но солгать было необходимо, если хочешь спасти сына. Ложь во спасение...

- Да-а... я не знаю, где он,- заикаясь, вымолвила она, чувствуя, как не хочет подчиняться языку.- Уехал он со знакомыми куда-то на заработки.

- Чемоданы и кошельки воровать? Адрес!- потребовал страж порядка.

- Нам не оставили...

- А говорят соседи, что он тут отирается?- недовольно спросил участковый, расстегивая милицейскую сумку. Он был из Медведева. И в его участок входило несколько сел. Поэтому и не знал в лицо Сережку Овчинникова.

- Уехал он, уж сколько времени миновало.

- Я проверю. Буду искать, пока не найду. А вас, гражданка Овчинникова, за ложные показания привлеку к ответу,- припугнул Козлов, поправляя кобуру с револьвером.

- Да уж лучше меня, чем невинного мальчишку!- взмолилась мать и зашлась слезами.

Она была в старой кофтенке, на которой утром впопыхах неправильно застегнула пуговицы, и одна пола была выше другой. В поношенной холщевой длинной юбке, в которой управлялась на кухне, по хозяйству, доила корову, кормила птицу и полола в огороде. В разбитых галошах, которые, чтобы не хлябали и чтобы в них не мерзли ноги, обувала с шерстяными носками. В последние годы у нее особенно мерзла парализованная нога. Все сильнее давали знать себя больные кости и суставы. Не зря у нее признавали ревматизм. А из суставов больших пальцев ног выпирали круглые мослы. Они болели и не терпели узкой и плотной обуви. Поэтому, когда супруг заказывал ей скатать валенки, отдавал пимокату столько же шерсти, сколько положено на мужские.

- На твои пимы отдаю столько же фунтов, сколько на свои!- не то смеялся, не то упрекал жену Иван Аверьянович.- Хорошо

хоть, овцы свои и не покупаем шерсть...

Долго не могла прийти в себя Мария Алексеевна. Чего только не передумала! А когда пригнали стадо, доложила Сережке:

- Козлов был. Ищет тебя, будто ты украл белье и ремесленную форму. Я сказала, что куда-то уехал. А он пообещал найти тебя.

И в следующие дни, когда пригоняли со степи коров, Сашка выходил впереди стада, заходил на старую шоссеиную насыпь, пролежавшую поперек улицы, и если видел у элеваторской конторы или проходной ходок участкового, поднимал руки на голову и показывал рога, мол, берегись, Козлов здесь! И брат уходил переулками к своей бане или к дяде Вене, у которого не раз ночевал.

Но так не могло продолжаться вечно. Терпение было на пределе. И мать не выдержала. Поехала в прокуратуру, хотя не знала, где она находится, потом к районному судье, Елене Петровне Скибицкой. Женщине красивой, солидной, с упитанным подбородком. Всем своим видом она смахивала на дворянку. Одевалась со вкусом. Ее серые глаза, казалось, были с поволокой, а взгляд несколько легкомысленный. Но это мнение было ошибочным.

Посидев напротив нее несколько минут, человек вдруг внутренне спохватывался и обнаруживал, что эта интеллигентная женщина-дворянка уже просветила его своим пронизательным взглядом насквозь, словно рентген. И она уже казалась ему не только судьей, а самым непреклонным и неподкупным законом, которому нельзя соврать и который невозможно обойти никакими хитростями. Наверное, сам Господь Бог был не таким строгим, как Елена Петровна, которой боялся весь район.

Она была особенно беспощадна к дезертирам и уклонистам от службы в армии, разбойникам и бандитам, ворам и расхитителям социалистической собственности. Особенно к высокопоставленным начальникам, директорам и заведующим, которым и без воровства жилось припеваючи. Все спорные и трудные

дела направляли на рассмотрение Скибицкой. А от нее добра не жди. Незаконно заработал, обокрал завод, колхоз или магазин, присвоил социалистическую или личную собственность – будь добр, голубок, отвечай по всей строгости советских законов!

Елену Петровну боялись, как огня. Уж лучше на гильотину, чем к ней на скамью подсудимых, рассуждали бывалые зеки и профессиональные расхитители. От нее пощады не жди, как от холеры или чумы. Отца родного не пожалеет. Валит наповал.

Не успела войти в кабинет бишкилянка Овчинникова, как она сразу поняла, что к ней пожаловала худая, изможденная женщина с костыликом в руке. Ее костистые кулаки, обтянутые твердой, загрубевшей, как наждак, и полопавшейся от непосильной работы кожей, скорее были похожи на руки старого кузнеца. Складки на этой коже были так глубоки и черны, словно никогда не ведали мыла. Но глаз у Скибицкой был наметан, и она сразу догадалась, что это от постоянной чистки картофеля, от крахмала, работы на огороде и со скотом, на морозе и пронизывающем ветре. Такие руки она встречала в глухих деревнях. Их не отмыть никаким мылом и содой. Они не знали усталости и отдыха, покоя и ласки. Такие руки русских женщин помогли тылу выстоять в этой нечеловеческой войне, выдержать все невзгоды и испытания. И кто же или что же еще может защитить от беды и несправедливости своих детей, как ни эти натруженные руки, ни эти бесхитростные матери?!

Такие руки были и у ее матери, колхозницы из-под села Варламова, которая вместе со своими подругами, надрывая пупок, не дала развалиться коллективному хозяйству. Впрягалась вместо лошади в плуг и борону, косила сено и молотила зерно. Заменяла собою ушедшего на фронт мужа. У нее были такие же черные страшные и работающие руки. И только дочка, похожая обликом на дворянку, по желанию родителей выучившаяся в институте и ставшая судьей, знала, какими могут быть эти грубые руки нежными, мягкими и ласковыми. А мать ее, в самом деле, была потомком дворянки, доводилась двоюродной сестрой жене

помещика Мохирёва, приходившегося родственником Марии Алексеевне. Она не чванилась и не выпячивалась. После коллективизации вместе с мужем вступила в колхоз и работала изо всех сил. Не плакалась на судьбу. Только лишь иногда буднично и без рисовки говорила:

- Побарствовали и хватит. Человек должен все пройти и испытать на собственном опыте.

Но ни судья, ни посетительница даже и не предполагали, что они приходятся дальними родственницами. Но если бы даже и знали, могло ли это повлиять на их отношения и решение судьи, которая не только дорожила своим местом, но и порой была до глупости принципиальной и честной, как о ней многие думали?

- Садитесь, пожалуйста,- пригласила она Марию Алексеевну строгим дежурным голосом, видя, как та не найдет себе места и дрожит всем телом.- Что у вас?

- Да вот,- пугливо вымолвила крестьянка, нащупывая спинку стула и осторожно, чтобы не скрипнуть ножками, не нарушить давящей на уши судейской тишины, робко присела на краешек, как цыпушка впервые в жизни на насест.- Сын у меня...

Видя, что женщине трудно, судья не торопила, по опыту знала, что осмелеет немного и выложит все, что накипело на душе. И Овчинникова, кое-как подбирая нужные слова, с трудом изложила суть дела. При этом не раз повторив:

- Да он семечка с поля не украдет, пшеничного зернышка. Такой послушный и работающий. Это Лёнька Авдеев его втянул. От него весь Бишкиль плачет. Сам украл, а на него свалил.

- А почему тогда ваш сын сбежал из ФЗО? Покинул трудовой пост, если не крал? Подвел доверие Родины? Одно это уже карается законом! Он же еще и форму присвоил,- грозно говорила судья, будто отсекала слова топором или вбивала гвозди.

- Дак ведь затаскают и все равно упекут. Пощадите хоть вы его! Где же правды искать?- снова взмолилась мать, заливаясь горячими слезами.

- Правда - не заблудшая овца, сама найдется, на то она и правда. А если не найдется, наши органы ее непременно отыщут, суд!- уверенно чеканила фразы эмоциональная Скибицкая, аж на ее голове взлетали белые локоны.

Она гнула не только свою линию, но и старалась убедить или даже напугать расстроенную женщину. Чем-то крестьянка понравилась ей. Вернее, вызывала сожаление. И судья раздумывала, как ей помочь, ведь не всю же жизнь быть безжалостной и неподкупной? Но и карты перед ней открывать нельзя, что могут подумать люди и сослуживцы? Необходимо держать строгую линию закона и социалистического порядка, чтобы и с другими детьми крестьянки не случилось подобного, чтобы граждане не распускались.

- Во всем разберемся и воров поймаем. А ты, мать, наверно, нездорова?

- Вторая группа инвалидности у меня. Больное сердце, паралич, ревматизм...

- Тебе и волноваться нельзя. Небось, и детей много?

- Четверо. Один даже на фронте воевал.

- Видишь, и героев можешь воспитывать. А Сергея не убергла.

- Не убергла-а, вы уж не взыщите,- скорбно согласилась Мария Алексеевна, считая виноватой только себя.- Подсобите ему, а я в долгу не останусь...

- Надо справки привезти о состоянии здоровья и составе семьи.

Ей почему-то показалось, что судья тянет время и чего-то ждет от нее. И она, наивная, решила в следующий раз привезти ей гостинец. Снова тряслась в рабочем поезде. С волнением объясняла дома ситуацию, оправдывалась перед мужем, что не сразу сказали ему всю правду. Ехала в Чебаркуль. Ждала в приемной. А когда попала на прием, неожиданно растерялась. Стала закрывать подолом хозяйственную сумку, в которой лежал скромный кусок прошлогоднего сала. Судебных порядков и подходов она

не знала. Но люди болтали, что нужно что-то сунуть судье на лапу, смазать. Тогда и дело лучше пойдет, как по маслу.

- Та-ак, справки о составе семьи, инвалидности – это хорошо,- читала Скибицкая серые бумажки и долго о чем-то думала.- Сын-то пусть не прячется, сам приедет сюда и форму сдаст в ФЗО.

Наверно, ждет подарка, решила Мария Алексеевна и дрожащей рукой полезла в сумку.

- Я вот тут припасла вам деревенский гостинец,- опуская стыдливо глаза, с трепетом промямлила посетительница, зная, что она никудышная просительница, и доставая тряпичный сверток.

- Что это такое?,- поднялась с места судья.

- Да... Вот... Я... Кусочек сальца домашнего,- сообщила казачка, уже не зная, подать Скибицкой или сунуть назад, чтобы не случилось лишних неприятностей.

- Какое еще сальце? Взятка? Ты с Таганая свалилась, мать! Хочешь, чтобы меня и тебя посадили?

- Боже упаси, да какая это взятка? Вы уж простите меня, деревенщину, я же без злого умыслу,- совсем растерялась Мария Алексеевна, вытирая мокрые щеки и проклиная себя за этот несчастный гостинец.

- Вижу, что без злого умысла,- смягчилась судья и даже слегка улыбнулась.- Я закрою ваше дело. Спокойно езжай домой.

- Спасибо вам, дочка! Всю жизнь буду Бога благодарить за вашу доброту,- призналась на прощание Овчинникова, торопливо направляясь к двери и закрывая собой тряпичную сумку с салом, которое, как ей казалось, чуть не испортило всю обедню.

Она не могла поверить такому счастливому исходу и долго не приходила в себя. Ей все казалось, что это дерзкая или глупая шутка, что ее скоро вернут к судье и скажут совершенно иное решение. Да еще и попытку дачи взятки пришьют. И она не главной улицей, а узкими и грязными чебаркульскими переулками спешила на железнодорожный вокзал, чтобы уехать ближайшим

поездом, чтобы ее не догнала длинная и безжалостная рука правосудия.

16

Сперва на западе, а потом на востоке закончились кровопролитные баталии Второй мировой войны, развязанной капиталистической Германией. Будто от зимней спячки лес, просыпался и молодец Бишкиль. Станционные дивились, откуда брались средства и люди, которых много было отдано, чтобы прогнать агрессоров со своей исконной земли, поставить победные точки в Берлине и на Дальнем Востоке, в Японии.

Зимой сорок шестого года на станции появились незнакомые люди. За основными путями напротив Овчинниковых проложили рельсы тупиковой ветки и загнали туда состав двухосных теплушек, где жили монтажники, в основном грузины. Одни этот странный коллектив называли строительно-монтажным поездом, другие кратко – ШРБ, что на свой лад расшифровывалось бишкильянами, как шайка разболтанных бандитов.

Монтажники жгли костры на бровке железнодорожного полотна, отогревали глубоко промерзшую землю, рыли котлованы под опоры контактной сети. Вскоре по перегону вытянули гусиные шеи консоли деревянных опор, поддерживающие нескончаемые нити медных проводов.

У маленького железнодорожного моста выросли здания тяговой подстанции, дистанции контактной сети. Преображался и поселок. На многих улицах, то в одном, то другом краях, потянулись к небу высокие стропила возводимых новых домов. По утрам было далеко слышно, как на стройках тюкали изголовавшиеся по дереву топоры. Тут-тук-тук, весело перекликались с ними плотницкие молотки. Ряд за рядом росли светлые срубы – будущее счастье приунывших, а то и осиротевших за войну бишкильян.

Многие не вернулись с фронта. Но те, что пришли, нередко

даже калеки, увидевшие богатую Европу, не хотели жить по старинке. Им подавай хоромы. Вот, как отозвалась в их сознании победа! И росли по селу дома, как грибы после теплого дождя, блестели на приветливом солнце тесовыми крышами. И как-то по-другому стала смотреться станция, словно молодела на глазах.

Вениамин Ильин, признанный столяр и плотник, поступил работать на строящийся Энергоучасток номер 1, который вместе с другими будет обслуживать вытянувшиеся до Кропачева контактную сеть и тяговые подстанции. А в свободное время рубил себе дом. Кое-что продал из привезенного из Германии барахла. Когда не хватало средств, занимал денег у Ивана Овчинникова, чтобы купить лесоматериалы. Навозил бревен, надрал со Стюрой по болотам моху, соорудил в огороде близ ворот огромные козлы. На них пилил с мужиками бревна на доски: один сверху, двое – внизу. Тянули вверх – вниз широченную продольную пилу, лесопилок-то близко не было. На глазах пыльщиков – предохранительные очки, в которых ездили комбайнеры и даже когда-то летали первые летчики, ибо густым дождем сыпались прямо на голову, лицо и за шиворот опилки.

Шир-шир,- звенела пила.- Шир-шир.

- Поддай еще, Иван!- покрикивал хозяин Овчинникову.

А тот и так весь в работе, натуге, мышцы натянуты, будто струны. Рубахи на спинах пыльщиков белые от соли и мокрые от пота.

- Встань на мое место да поддавай, долговязый страус,- беззлобно отмахивался зять.- Себе полегче выбираешь работу, служивый, леший тебя возьми.

- Да тебя еще хоть в корень запрягай, туды ее за ногу, за троих попрешь,- улыбался с издевкой шурин.- Наел на гражданке холку-то.

Дом поставили за одно лето. Осенью собирали сруб, конопатили мохом, стелили пол, клали печку. Две комнаты, теплые сенцы – картинка, не дом! Справили впазины. На другое лето

Вениамин Алексеевич пошел по стройкам земляков. Калы-мил, как называли это явление бишккиляне. Кому рамы, косяки врежет, стекла вставит. От рубки сруба не откажется. Мастер. Не зря его когда-то зять привлек в плотницкую артель. Жизнь в семье Ильиных набирала силу. Да и долги надо было отдавать. Только накопил деньжат, а тут, как гром среди бела дня, обрушился на голову обмен денег, реформа. Старые на новые меняли. До двух тысяч – один к одному, то есть рубль за рубль. А выше этого – десять к одному. За десятку давали только один рубль, ибо за войну поддельных купюр оказались миллионы, если не миллиарды. Их печатали враги СССР и, как могли, наводняли ими Союз.

- Что делать?- нервно искал выход Ильин. Будучи на фронте старшиной, он не раз выкручивался из безвыходного положения. И, наконец, решил: - Понесу долг Аврьянычу. Пусть сам выкручивается.

- Дурак он, что ли, Аврьяныч-то?- убеждали его мать и Настасья.- На нормальный обмен у него, небось, и свои есть денежки. А менять один к десяти – это же он потеряет в десять раз. Не хорошо как-то.

- Переживё-ёт, в тылу прятался, а я воевал. Собственной шкурой не раз рисковал...

Пометался, посовался Вениамин туда-сюда со своими не вовремя появившимися деньгами. Хотел что-нибудь купить на них, а после реформы продать и отдать долги. Но дураков не нашел, которые бы что-то в этот период согласились продать. И он выbral момент, когда зять на работе, пришел к Овчинниковым.

- Вот, лёля, долг принес вам,- не глядя в глаза сестре, протянул он шесть тысяч.

- Пропадут ведь они! Приноси после обмена,- возразила сестра.- Иван-то шибко обидится, зашумит... Что я ему скажу?

- Да выкрутится как-нибудь,- поспешно вставая с табуретки, заявил братец и направился к выходу, будто стало неважно.

Когда Овчинников узнал об этом, вышел из себя, метал громы

и молнии. И Мария Алексеевна как-то сразу сгорбилась, усохла, что ли, от его недовольства.

- Зачем ты взяла, глупая голова! Это же форменный обман, грабеж среди бела дня. Я ведь не привозил с фронта награбленного барахла, а мясо и корову продал тогда да занял ему, а он так по-жюльнически поступил! Шесть тысяч пропало, как собаке под хвост выбросил. Шутка ли сказать?

С тех пор Иван если и занимал кому денег, то с большой осторожностью. Обязательно спрашивал о сроке отдачи. И если кто не сумел собрать, приходи и предупреди об отсрочке. Иначе больше никогда не займет. Марии Алексеевне даже было совестно от людей, и она иногда пеняла:

- Неудобно как-то в соседском деле, люди думают, что у тебя есть деньги, ведь полон двор скотины...

- Думать не вредно, пусть сами держат да обихаживают коров, а то ведь многие без отдачи норовят брать. Или стараются надуть, как твой дорогой братец Венка, туды его мать. На водку у него есть деньги, а за его долги должен зять отдуваться!

На следующий год свалил татарскую самануху и Овчинников. Во дворе, огороде – горы старой глины, земли. Всей семьей их вывозили на телеге за ворота, засыпали ближние и дальние дорожные ямы. В оглоблях, как коренник, отец. Сыновья с боков, сзади толкают, галдят.

- Давай, давай, давай!- покрикивал он впереди.- Володька, а ты чего? Пособляй ладом!

У них дом из шпал. Из старых, естественно, отлежавших свой срок в железнодорожной насыпи. Их отцу как путейцу выписали по дешевке. В доме пять окон: четыре на улицу, одно в ограду. Он вытянулся вдоль главной заливинской улицы, веселый – игрушка по тем небогатым и непрехотливым временам. В избе полно свету, не то, что в старой завалухе.

Отец с сыном Сергеем рубили сруб, стелили потолок, крыли крышу. Сашка с Володькой сушили мох, конопатили пазы, щели. Шумно на их подворье.

- Дом-то растет,- смягчалась лицом мать, вдруг выпрямившись от корыта с глиной и посмотрев вокруг.

- Пока вырастет, - не один пуп сорвешь,- серьезно возражал Иван Аверьянович, и снова тюк-тюк – стучал его топор.

- Помогай Бог!- крикнет знакомый с улицы.

- Помогал, да убежал,- вместо приветствия кивнет отец.

И снова тюк-тюк – топор, тук-тук – молоток. Все лето до Покрова они живут в коровьей стайке. Ее стены, от зимних холодов покрытые заботливым хозяином коровьими шаньгами, пахли сухим навозом и отдавали теплом. Нередко на ночь Володька с Сергеем уходили в баню. Там тепло и страшно. Лежали на полу, постелив тулуп. Младший братишка плотно прижимался к старшему, обнимал за шею, приставал с расспросами.

- Тут, правда, живут черти и ведьмы?

- Хватит, давай молчи!- желая показаться сердитым, прикрикивал тот после нескольких ответов.- А то шас ведьма с чертями начнут плясать на полке и слопают нас вместе с тулупом.

Он старался быть излишне серьезным, нарочито повышал голос, чтобы напугать мальчишку. Но его грудь слегка колыхалась, брат тихо смеялся.

- У них в полночь пирушка. Не уснем – сожрут и веником закусят...

Вовка сильно любил Сергея. Любил за доброту, доброе к нему отношение, за рыбалку, на которую уже брал с собой, и охоту, которая всегда была удачной. Вовка был удачным талисманом в этом непростом деле, и старший брат по возможности брал его с собой. И не жалел об этом, ибо с ним всегда сопутствовала удача. Малыш крепко прижимался к брату. Закрывал глаза. И хотя давно мечтал посмотреть на своих банных чертей, незаметно засыпал. Иногда, страшные и рогатые, они приходили к нему во сне. Тогда он просыпался, шарил рукой Сергея, но его не оказывалось рядом. Назавтра он скажет:

- Меня уводили ведьмы и заставляли плясать...

Но братишка уже догадывался, что эти ведьмы – девчата с

их улицы, и играл на их плясках лучший бишкильский гармонист Володька Рыков. Это у их лавочки почти до рассвета не смолкала гармонь.

Испугавшись, мальчик чуть приоткрывал веки, косился взглядом на полок – никого. Лишь в открытую дверь смотрела широколицая, как Авдеева Валька, луна. Тихо, только слышна неустанная рыковская гармозель. Но вот набегал ветерок, скрипел старым пряслем, стучал плохо прижатой жердью у сарая, и он, дрожа от страха, лез с головой под тулуп.

Наконец, дом построен. Печь – паровоз, как казалось мальцу, из привычного угла переехала на середину, отделив горницу от кухни. На кухне – стол с длинной широкой лавкой, крепко прибитой к стене, полаты, односпальная солдатская кровать. Стало уютно и тепло. Зимой, когда на улице завоют бураны, печной очаг и русская печь будут греть хозяев и их детей и наполнять дом огненной музыкой. На полатах тепло. Даже клопы перевелись вместе со старой избенкой. Только пахнет лежащим в углу луком да пролежалым старым полушубком. И так до весны.

* * *

А летом, когда отходила горячая пора сбора диких ягод, наступали сенокосы. Иван Аверьянович вывозил из огорода и ремонтировал телегу. Мазал терпким дёгтем поржавевшие местами ступицы колес и оси, чинил старую, покрытую плесенью, сбрую, готовил литовки, вилы, грабли. И долго казалось приятным и неповторимым, когда, проснувшись с рассветом, с петушиным гимном, мальчик слышал поющую песню косы. Что за звон, что за колокол, спрашивал он себя. То отец у плетня отбивал косу. Он для мягкости мочил в воде конец молотка и бил по тонкому длинному лезвию.

- Тюк-тюк, тюк-тюк,- пела она звонко. И это стальное пение несло за ограду, в огород, на зады. И с одной, другой сторон к нему подлаживались такие же напевы из соседних дворов. И

пошел, понесся по залининской стороне стройный ансамбль литовочных звуков.

А мать, спешно подоив корову, готовила завтрак и еду с собой. Наливала в бутылки молока, вкручивала самодельные деревянные пробки. Отрезала ломоть ржаного хлеба, смотрела мгновение на сей скудный харч, подбрасывала пучок луковых перьев.

Отец выкатывал на середину двора телегу, клал литовку, вилы, грабли. Приносил из сарая синюю дугу, выдавший виды хомут, чересседельник. И их большая смиренная Майка, почуяв скорую дорогу и предстоящую работу, тревожно мычала, просилась в стадо. Но ее ждали дальняя дорога и не коровья, тяжелая доля. Отец сверху на ее шею надевал подогнанный хомут со специальной прорезью, ведь через рога его не протащишь, заводил дугу, стягивал супонь. Вскоре их «конь» был готов, и Иван Аверьянович наметанным взглядом осматривался вокруг, не забыл ли чего?

- Садись, Володька,- кивал головой. И тот, безмерно счастливый, взбирался на телегу.

- С Богом!- напутствовала вслед мать, а те уже выезжали на дорогу, гремели по уличным кочкам, пылили за деревню.

Овчинников-старший смотрел на восход и стегал вожжей тихоходную корову.

- Веселей, спасительница,- бросал почти ласково, и Майка прибавляла шаг.

Мальчишка сидел, по-отцовски свесив ноги с телеги. Цепко и с интересом всматриваясь вперед, будто от быстроты езды боялся врезаться в дерево. Но до лесу еще далеко. Тут – поля и дорога. Бесконечная, пустынная, тряская. Вокруг никого, только птицы щебечут в высокой траве и хлебах. Лишь иногда встретится случайный проезжий на замороженной до нельзя колхозной кобыленке. Она тоже плетется не лучше Овчинниковой кормилицы, но возница смотрит на встречных свысока, по-ямщицки, мол, куда вам, безлошадным, до нас!

- Шестнадцать километров в час – только кустики мелькают!- бросит иногда при встрече такой вот ухарь и будет оглядываться и гоготать до самой станции.

- А у тебя выездная, язвить тебя в сердце мать!- сплюнет в гнев отцу, подстегнув Майку вожжой, и лицо его становится мрачным, в глазах выплывает тоска.

Володька догадывался, она по кобыле Маньке, что радовала когда-то хозяйский глаз, да ушла служить Отечеству в финскую войну. Она по широте полей и звону колокольчика на шее подвижного жеребенка, что с рождения и до самой смерти были спутниками вольного казака. Она по той жизни, которую он, казачий отпрыск и сирота, и вовсе не видел, наверно, а лишь слышал от стариков да представлял в детстве, когда батрачил у петропавловского попа.

Они проезжали казарму, тащились в гору к выемке. Наверху сворачивали между лесопосадок в стоящий рядом редкий лесок. Распрягали корову, путали, отпускали пастись и набираться сил. Тут – полоса отчуждения, земля путейцев, совсем неширокая, но длинная. Здесь березовый мир. Они снимали литовку, грабли. Ставили в мокрую траву и накрывали клочком сена еду, цинковый чайник со студеной водой, как делалось это сотни лет назад предками и будет делаться их потомками.

Солнце уже стояло высоко, но роса хороша. Жик-жик, жик-жик,- запел брусочек на косе. Шш-ших, шш-ших,- зашептала коса по сочной лесной траве. Отцовы ноги расставлены твердо, размах широк и могуч. Прокос прям, как стрела. Шш-ших – шаг вперед, шш-ших – снова шаг, размеренный, мелкий, точный. Три движения всего. Лишь иногда хрустнет под ногою невидимая сухая ветка или вырастет на пути дерево. Тогда ненадолго разлаживается что-то в работе. Но вот ровное место, и снова прежний такт и монотонное: шш-ших, шш-ших...

Трава высока и густа. Володька бежит по ней, ищет кислую костянику, морщит рот, хрустя мелкими косточками. Но вот на ближней березе застрекочет невидимая птичка, и он будет

смотреть, смотреть до ломоты в глазах, пока не затянет зрачки слезная пелена. А где-то в стороне, справа, ударит легким боем кукушка.

- Кукушка, кукушка, сколько лет проживу?- крикнет негромко, считая:- Раз, два, три...

- Ку-ку, ку-ку,- колокольным звоном несется по лесу.

И мальчик, замерев всем телом, считает, боясь нечаянно спугнуть непоседливую гадалку. Но скоро сбивается, считает вновь и вновь, наивно веря, что жить ему безмерно долго и счастливо, что не раз и не десять придется видеть и слушать вот так чудесное лесное утро. Замирать по-детски или, как отец, с литовкой в руках гнать без усталости ровные прокосы. Лучше так, как отец, с литовкой, думал он.

Размечтавшись, мальчик не замечает жужжание вокруг него голодных комаров. Они точат шею, пьют кровь из лба. Но лишь случайное прикосновение детской руки напомнит о них, и брызнет кровь на маленькую ладонь, красная, как садовая малина, молодая. Он выломит березовую ветку, станет сердито хлестать по шее, спине, ногам. Но от них нет отбоя, лишь набежавший шаловливый ветерок унесет комаров прочь.

А отец этим временем будет вести и вести прокосы. Шш-ших,- станет петь неторопоко коса. На мгновение смолкнет, жик-жик, жик-жик,- разнесется по лесу. И снова – шш-ших, шш-ших. Он будет замороженно смотреть и любоваться им, побежит напрямую к нему по мокрым валкам, не замечая, как роса отбеливает его обутки, до колен мочит латаные штаны.

- Папка, дай я покошу!- единственная мечта в жизни. Не надо хлеба, пряников, только дай покосить!

- Не мешайся, Володька, в твои годы и я, пожалуй, еще не косил.

И все-таки даст литовку. И сын, размахиваясь со всей силы, со свистом пронесет лезвие выше травы или носком вгоняет в невидимый глазом пенек, в землю, что и вытащить не может. Тогда, обхватив его сзади руками, отец направляет косу. И они

косят, косят вдвоем. И мальчик несказанно рад, горд до слез и сам себе кажется чертовски ловким и сильным. А трава, как заговоренная, ровными рядами станет послушно ложиться, еще свежая, сочная и совсем живая.

- Коси, коса, пока роса,- заговорщицки скажет в ухо отец, и он любит его, любит бесконечно. Нет в мире добрее, сильнее папки! Нет в мире ласковой человека!

Но роса уже сошла.

- Покурим, Володька,- бросит некурящий отец, вытирая травой лезвие литовки.

Сын важно идет рядом с ним. Несет на плече удивительный инструмент – косу. Идет твердым, уверенным шагом, стараясь во всем походить на отца. Сейчас они, уставшие косари, сядут в тени берез, развернут свой немудреный обед, захрумят луком, уверенные, что нет прекрасней для людей, чем с устатку есть тугой ржаной хлеб, запивая Майкиным молоком из бутылки.

Отец, как обычно, ел не быстро, но как-то уверенно, сильно, будто делал привычную работу. И сын завидовал его аппетиту.

Они сидели напротив друг друга на душистой траве, ели на равных, как казалось мальчишке, ведь поработали быстро, вдвоем, вместе. А потом гребли сено, скошенное дня три назад.

Иван Аверьянович греб мощно, подправлял ногой сено и кидал вперед целую волокушу. Сын подбирал за ним следом, скреб граблями поменьше. Ему жарко. Потел. В полдень и позже, когда высушенное от росы сено начинало ломаться, ему надоедала гребля. Сенная пыль лезла в нос, вместе с потом драла под мышками.

- Ну, хватит, папка!- начинал он канючить.- Майка не увезет.

- Не беда, смечем в копны. Оставлять так не годится, вдруг дождик.

Отец брал в руки вилы-трезубки, складывал сено в огромные кучи, с силой втыкал в них вилы и нес целую копну над головой, аж скрипел и потрескивал держак. Отца не видать под сеном.

И мальчишке казалось, что сама копна двинулась вдоль старых покосов. Раскладывал широко. Потом подсаживал сынишку на стог, и тот топтал, топтал, стараясь изо всех силенок. Он уже высоко наверху. Отца оттуда не видно, лишь летели сплошным потоком навильники сена, ловко переворачиваясь в воздухе, ложились точно на край.

- Забивай середину, топчи ладом!- кричал сыну, и тот старался на совесть.

Потом клали на телегу, старательно утаптывая, постепенно стягивая края. Завязывали бастрык. Кидали наверх вилы и грабли. И отец вел под уздцы их неутомимого «коня», петлял между берез и кочек, пока не выводил на дорогу.

А Володька на возу. С вожжами. Рад: доверили править коровой. Отец шагал впереди или сбоку. Жалел ее. Брал под уздцы корову на ухабах, одергивал с воза нависшие клочки, поднимал с репьев оброненные кем-то и кидал наверх. Боролся за каждую травинку.

- Смотри, рулевой, не усни, воз завалишь,- говорил, не глядя, и снова шел, пылил по нагретой на летнем солнце дороге подбитыми сапогами.

Они едут долго. Тащатся по колдобинам, где телегу трясет, качает, будто хочет перевернуть. Иван Аверьянович вдруг оставит Майку:

- Устала, родная!- похлопает за ушами. Бережет корову. Знает, что от возки у нее болит вымя, и молоко из задних сосков идет с кровью. Но другого выхода нет, ведь казака сделали безлошадным.

Но она молодец, их желтая Майка. Везет и везет потихоньку. Может, понимает казачью душу хозяина. Хотя дышит тяжело, с запалом. Надоедливые оводы навязчиво кружат, кусают, и она недовольно машет хвостом, крутит рогами, старается отогнать.

Вечером сено мечут на поветь, то есть на крышу сарая. Володька с матерью наверху, отец кидает с воза. Он уже далеко внизу, не видать. Но один за другим летят навильники сена.

Уставшая от нескончаемых сельских работ, больная мать умело подставляет под них грабли, вкладывая последнюю силу, переворачивает и кладет сено в нужное место. В опыте ей не откажешь. Синие жилы на ее не по-женски крупных руках вздуваются и бугрятся. Она мечется по стогу, как подраненная перепелка, ползает на коленях, откинув грабли, волочет руками, будто борется с чем-то нескончаемым.

- Не навешивай левый угол!- донесется тревожный крик мужа. И она, преодолевая боль и усталость, уже выправляет нависший угол, чтобы не сполз. Ни слова, ни вздоха, лишь иногда с ее губ сорвется какой-то глубокий, утробный стон.

- Давай, давай, шевелись там!- подгоняет супруг.- Дотемна управиться надо...

Володька тоже старается – топчет. Раскачивается и придавливают сено всем весом. И когда под ногами обнаружит гроздь костяники, тянется и жует ее, подсохшую, но еще сочную, резкую. Смотрит, как на поляне за огородом пасется спутанной их кормилица. Уставшая, она щиплет несмело вытоптанную людьми и животными травку, вяло тянется к плетню, срывает окружившие его ядерные лопухи. Потом вдруг станет и смотрит тоскливо большими влажными глазами. Куда она смотрит и что там видит, мальчишке невдомёк.

Ему вдруг становится жаль ее. Жаль и сдавшую за последние годы мать. Ему видится что-то общее в их жизни, судьбе, в печальном, уставшем взгляде. В него вселяются тоска и обида. Кажется, что не тяжкая жизнь сороковых годов, а отец, не жалеющий ни себя, ни других, виноват в этом. И в сердце даже зарождается неприязнь к нему, жесткому человеку. И он верит, что когда вырастет, будет делать все сам и за всех, станет работать за мать с отцом, за корову.

Но дело подходило к концу. Утоптан последний навильник, связаны и заброшены на макушку тальниковые ветки. Отец умело забрасывает конец длинных вожжей, и они спускаются по нему на землю. Мать уходит домой, гремит в кути чугунами. Отец

закатывает в угол телегу, крепит оглобли, направив, как стволы зенитки, в небо. Его черная латаная косоворотка от плеч до самого пояса пропитана белой солью. Сапоги гремят по твердой земле ограды. Он не смотрит на сына, будто не видит. И все-таки скажет негромко:

- Ну, как, косарь, пристал?

И тот словно не уставал. В нем прибывали силы от этого внимания. И отец казался самым замечательным и добрым человеком на свете. Он еще крутится возле него, таскает хомут и дугу в сарай, моет руки дождевой водой из деревянной бочки, стоящей под стоком крыши сеней.

- Пойдем ужинать, работник,- позовет отец.

Но тело у мальчика уже становится вялым. Он согласно кивает головой, а сам заворачивает в чулан. Там где-то у пустого ларя – постель. Он полежит, только коснется на минуту. Вот лишь прикроет глаза и встанет. И уже издалека услышит знакомые голоса:

- Умаялся, бедный...

- Пристал...

А сын идет, идет прокосами. Справа ему считает годы навязчивая, как цыганка, кукушка - будет жить долго-долго. А со скошенных рядов терпко пахнет твердым поляком и мягким клевером. Но грести пока рано – роса. Он достает из-за голенища брусок. Дзинь-дзинь, точит литовку. И зашепталась она с травой: шш-ших, шш-ших.

Он накосит много сена. За себя и за отца. И сильнее кукушкиного понесется по лесу:

- Коси, коса, пока роса...

17

В школу Володька пошел с желанием. И в первом классе учился примерно. Особенно любил читать букварь. Сперва по слогам и вслух: ма-ама мы-ыла ра-а-му. И быстро научился про-

износить слоги слитно, цельными словами. Сидел он вечерами в кути близ керосиновой лампы, отблески от света которой, как ему чудилось, прыгали по стенам и плясали загадочными тенями. И в воображении мальчишки рождались сказки с участием Бабы Яги и Кощея Бессмертного. Бои русских витязей на Куликовом поле и советских солдат, сражавшихся с фашистами в Великую Отечественную войну.

Надо сказать, в доме Овчинниковых любили художественную литературу. В свободное от работы вечернее зимнее время Мария Алексеевна брала в руки книгу и читала вслух. А отец, если не был на смене, уже отдыхал на кровати и внимательно слушал. Это были -«Капитанская дочка» Пушкина, «Война и мир» Толстого, «Тихий Дон» Шолохова, «Дон Кихот» Сервантеса, «Всадник без головы» Рида и другие издания.

Кино в клубе показывали редко, и коллективное чтение вслух нравилось всей семье, даже неграмотному отцу. Мария Алексеевна начинала его бодро, читала с выражением. И это напоминало Ивану Аверьяновичу давние сказки бабушки Анны Митрофановны. Но уставшая за день жена вскоре начинала дремать, убаюканная своим же монотонным голосом. Клевать носом, крупное отражение которого металось по стене. И Иван Аверьянович подавал из спальни недовольный голос:

- Не кемарь, не клуй носом, как медведевская ворона.

И жена поднимала выше клонившуюся на книгу голову, пыталась бодро произносить:

- Слушай,- сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением.- Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-на-всё только тридцать три года? – Оттого, батюшка,- отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечи-ино-ой...

Произнеся последние слоги еле внятно, Мария Алексеевна снова задрёмывала.

- Не спи!- прикрикивал слушавший с большим интересом

муж. И она встряхивала уставшей головой и медленно продолжала:

- Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели палую лошадь, спустились и сами. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог да-аст...

- Мать!- снова гневался муж. И та, вздрогнув от окрика, пыталась найти потерянную строку.

- Орел клюнул раз, клюнул другой.

- Это уже читала!- заявлял Иван Аверьянович.

- Да устала я за день, как собака,- оправдывалась Мария Алексеевна, намереваясь идти в постель.

Когда Володька научится сносно читать, будет подменять ее. И отцу это понравится. А после окончания учебного года он попросился идти в подпаски. Ему нравилось гнать табун прохладным утром лесом, когда от деревьев и кустов ложились длинные тени. Потом пасти на ягодных полянах, загонять на дневное стойло к болотам под названием Грязи. Отдыхать в тени раскидистых берез, пока коровы стоят в воде. Громко шелкать ремненным кнутом, загоняя отбившихся от стада животных.

Но однажды он угодил под сильный ливень. Дождь хлестал, как из ведра. Неумолимые порывы холодного ветра чуть не валяли с ног мальчишку. Он продрог до костей. Посинел лицом и всем телом. Дрожал до самого утра, как осинный листок. И слег в горячке.

Расстроенная мать грела ему ноги и горло над горячей картошкой. Натирала горчицей грудь и спину. И он временами отходил, чувствовал себя лучше, веселее. Но через небольшое время у него подсакивала до сорока с лишним градусов температура. И он «горел огнем», как выражалась перепуганная до смерти Мария Алексеевна. Фельдшер медведевской амбулатории прослушивала его, выписывала какие-то пилюли, снадобья,

которые не могли одолеть болезнь, как и материны припарки, жаркая баня с венником.

Утром он еще поднимался с постели, выходил на улицу. Но ему быстро становилось плохо, покачивало из стороны в сторону. И он вновь заваливался в кровать. Ни детские игры, ни сама жизнь уже не казались для него интересными. Не помогал даже барсучий жир. Он медленно угасал. И только обескураженная мать все чаще присаживалась рядом, тихо роняла слезы да молила Бога. И даже мальчик своим детским умом понимал, что скоро всего этого не станет: ни матери, ни отца, ни братьев, ни летнего яркого солнца, ни мальчишеских игр на пыльной улице. Пища, даже самая вкусная по тем бедным послевоенным временам, приготовленная для него заботливой матерью, не лезла в рот. И он до конца жизни запомнит грустное время того медленного увядания.

Когда все сверстники пошли в школу, мать повезла его в Челябинск в железнодорожную поликлинику, хотя надежд, как казалось, уже было мало. Но люди в белых халатах отнеслись к его боли, как к своей собственной. Прослушивали легкие стетоскопом, простукивали пальцами грудную клетку. Затем направили на рентген. Такую чудо-машину он видел впервые. И с боязнью заходил в рентгеновскую, как ему показалось, клетку. Рентгенолог включил аппарат и в темноте просматривал через всевидящее окно его бранные внутренности.

Рентгенолог и врач долго что-то рассматривали, смещали экран то в одну, то в другую сторону, то вверх, то вниз. Перекидывались незнакомыми Володке словами и замечаниями, делали какие-то пометки на бумаге, свои врачебные выводы. Наконец в помещении включили свет, выпустили мальчишку из железной клетки и разрешили одеться.

Тогда, к сожалению, о флюорографических снимках, тем более, послойных, наверно, и понятия не имели. А ставили на бумажку какую-то печать или клише грудной клетки. И там чернилами отмечались нужные знаки, вероятно, места поражения

болезнью. Покинув кабинет, Володька с матерью долго рассматривали это диво, но понять, конечно, ничего не могли. Ничего им не говорило и заключение врачей: «Плеврит».

Его направили в детскую железнодорожную больницу, что находилась недалеко от вокзала, в Косовском саду, где мальчик пролежал около полутора месяцев. Поили какими-то таблетками, порошками горькой желтой хины и рыбьим жиром, от которого подступала рвота и вкус которого он запомнит на всю жизнь. Даже волосы из головы вылезали пучками. Но высокая температура преследовала его еще много дней и ночей. И к вечеру, пыша жаром, он вновь бессильно валился в кровать. И только одна мысль неотступно преследовала его: быстрее попасть домой.

Каждый день его внимательно осматривали и прослушивали беспокойные врачи. Что-то горячо говорили между собою, записывали в историю болезни. А однажды появился незнакомый пожилой доктор, очевидно, медицинское светило. Он тоже обследовал, советовался с лечащим врачом. Наконец, они посадили его на операционный стол и вместе с медсестрой нежно и тихо успокаивали:

- Не бойся, малыш, это не очень больно. Мы вставим тебе иголочку и выкачаем всю гниль, которая не дает выздороветь. И ты скоро совершенно здоровым поедешь к маме и папе.

И он стоически терпел, когда они между ребер трижды вводили длинную и толстую иглу, высасывали шприцем смертельную жидкость. И плохо слышал ласковые, успокаивающие слова красивой молодой медсестры, которая по-матерински нежно держала его своими чуткими и добрыми руками. А потом его перенесли в постель, где он сразу заснул.

- Крепись, малыш, скоро будешь радоваться жизни,- сказал на прощание доктор.

Не один день он еще пролежал в больнице Косовского сада. Выпил с отвращением не одну горькую пилюлю в сладких мечтах о родном доме, встрече с родителями и близкими. Уже стоял октябрь. Облетали листья огромных деревьев, шумящих за окном

на ветру. Даже природа увядала перед зимней спячкой.

Но его все больше и больше тянуло к окну. Все интересней и привлекательней казалась за ним жизнь. Он видел прохожих, спешащих посетить больных, машины «скорой помощи», привозившие кого-то в соседние корпуса. Однажды даже заметил носилки, на которых кто-то неподвижно лежал, накрытый старым серым одеялом. Значит, ему не повезло. Но разве можно это сравнивать с тем, что мальчишку скоро выпишут, что он вновь станет веселым и подвижным, будет играть с друзьями и пойдет в школу?!

Конечно, он сильно отстанет от программы, и ему придется долго наверстывать упущенное. Но что это по сравнению с жизнью! Он верил, что дошли до Господа Бога материны молитвы. И смертельная болезнь, чуть не унесшая его в мир мертвых, была побеждена.

* * *

Бориса привезли студеным декабрьским днем 1949 года. Доставил до станции назначения старшина эскадрильи, лицо которого показалось красным, как свекла, и дышало здоровьем. Борис в новом доме еще не был и открывал дверь с осторожностью. Мать и братья бросились к нему навстречу, начали целовать и обнимать, помогли снять шапку, шинель, на голубых петлицах которой порхали две блестящие птички.

Он смотрел на всех с осторожностью и недоверием, словно они были ему неизвестными, чужими. И мать сразу поняла, что случилось неладное.

- Привезли вам героя!- стараясь казаться веселым, отпартовал старшина. А потом, улучив момент, шепнул матери: - Мария Алексеевна, вы не переживайте сильно и не показывайте виду, что расстроены. Борис болен. Очевидно, сказалась былая контузия 45-го года. Списали его подчистую из армии. Что-то с нервами не в порядке. Может, на гражданке лучше помогут. Тут и дом родной, неприступная крепость, и лес, и поле, и друзья.

Покажите его хорошим докторам. Может, доведут до нужных кондиций. Физически-то он крепкий. Вот только нервишки слегка расшатались. А у вас тут тишина и покой, ягодки и грибочки в лесу. Невесты ходят хороводом и пасутся табунами. Одним словом, рай небесный. Так бы и поселился тут навсегда...

Горе не приходит одно. Не успел Володька до конца излечиться, как появился другой больной. И болезнь его, по всей вероятности, намного сложнее, коль даже в военных госпиталях не вылечили. Это Овчинниковы поняли быстро. Старшина, выпив с хозяином бутылку водки, поужинав и переночевав на полатях, ранним утром отбыл в областной центр, чтобы быстрее отделаться от Овчинниковых, взять билет и отправиться в часть.

А Борис был неразговорчив. Все молчал, забившись в угол, словно кто-то преследовал или обижал. Ложась в постель, с головой накрывался одеялом, висящей рядом шинелью. А то вдруг вскакивал среди ночи, распахивал настежь дверь в сенцы, и в ее проем устремлялось белое морозное облако. В избе скоро становилось невыносимо холодно. Но ему боялись сказать слова. Нередко, раздевшись до пояса, он выбегал в ограду, хватал руками снег из сугроба и натирал им свое горящее огнем тело.

То в холод, то в жар бросало вчерашнего солдата. И домашние не знали, что с ним делать, как вылечить от этой проклятой хвори, немилосердно обрушившейся на парня, защитника Родины, ни за что ни про что. Сын был в трансе. Мать с отцом до того растерялись, что не знали, где искать выход. Больной человек, да еще нервами, это в такое тяжелое время свалилось неопишущей тяжестью. Мало того, что он не получал ни зарплаты, ни пособий, что его нужно было бедной семье кормить и поить, но еще и требовались покупка лекарств, посещение им врачей. Да не местного медведевского фельдшера, который в деле нервов и психики был, как говорится, ни бум-бум, или районных эскулапов, а областного невропатолога или как там называется тот, кто сможет разобраться в его незнакомой для селян хвори, поставить на ноги или добиться хотя бы инвалидности.

А кто его повезет по больницам, если не сможет сам? Кто будет ухаживать за ним, если мать сама инвалид второй группы? Если на ее плечах домашнее хозяйство, огород, кухня, стирка, починка одежды, вязание носков и латание рубаш, штанов, муж и дети, в конце концов? И она нередко плакала по ночам, просила Бога, чтобы помог ее неутешному горю, дал сил и здоровья потрепанному войной сыну. Плакала и тихо молилась, чтобы не разбудить детей, не помешать Борису, которого раздражали любые мелочи, случайно брошенные слова. И члены семьи все больше сторонились его, чтобы не вызвать случайного раздражения и взрыва гнева. Старались ходить по одной половице.

- Пошел во-он!- ни с того ни с сего рывкал больной то на одного, то на другого, и виновник раздражения старался скрыться с глаз.

Только с маленьким Володькой он был вроде помягче. Тот с нетерпением ждал старшего брата из армии. Расспрашивал надоедливо о войне, лип днем, а вечером стремился хоть немного полежать с ним вместе на кровати. Тот иногда снисходительно терпел его, бросал короткие ответы. А порой просто выталкивал с кровати.

- Иди, я устал,- объяснял он коротко.

Однажды, чтобы занять себя чем-то, брат копался у столярного верстака, строгал рубанком, сколачивал какие-то детали.

- Смотри, Боря, как высоко поднялись мои голуби!- крикнул радостно юный голубятник, намереваясь обрадовать брата.- Самые лучшие в Бишкеке!

Тот от неожиданности вздрогнул, сверкнул бешеным взглядом и без раздумий запустил в него плотницким молотком. К счастью, промазал, а то бы не миновать новой беды.

- Пшел во-он!- прокричал сердито.

А молоток попал в ворота, выбил доску. И перепуганный насмерть Володька бросился за ограду. Долго не заглядывал во двор, боясь наказания. Слезы и обида давили мальчишку, который так долго и сильно ожидал возвращения брата.

Только бедная мать стоически терпела его срывы и выходы.

- Не встревайте в спор, он ведь больной человек, - уговаривала она близких, смахивая навернувшиеся предательские слезы.

И если дети еще как-то слушались ее, то отцу это все больше становилось невыносимым. Он, хозяин дома и глава семьи, чаще старался не заходить в избу, искал работу во дворе, благо, ее всегда было много, или в огороде. Боялся не выдержать и схлестнуться с распоясавшимся сыном. Ведь Иван Аверьянович мечтал, что придет первый ему помощник, а приехал больной и истерзанный болезнью человек, психопат, от которого можно ожидать всего.

Сам хозяин вкалывал до седьмого пота, чтобы добиться хоть маломальского достатка. А двадцатидвухлетний сын не только не помогал семье, не работал, не приносил зарплаты и пользы, а отвлекал на себя и мешал другим. Пусть бы уж лучше в больницу его упрятали да дали инвалидность, если не могут вылечить, недовольно думал он и тяжело вздыхал.

Бориса долго обследовали областные врачи, гоняли от одного к другому, из больницы в больницу. Клади в стационар, поставили на учет к невропатологу-психологу. Собирали консилиумы, мол, не косит ли фронтовик, советовались, решали.

- Нервы,- заключали одни, беспомощно разводя руками.

- Война виновата,- скромно констатировали другие и отступались от молодого больного.

Наконец, после многих месяцев исследований и волокиты, они определили третью группу инвалидности, выписали ему кучу рецептов, не подумав, на какие средства он станет приобретать лекарства, ведь пенсия по третьей группе составляла всего семьдесят с небольшим рублей. И он с горьким смешком и вымученной улыбкой произнес:

- Хочешь, жни, а хочешь, куй – все равно получишь...

В семье эту «радость» встретили безрадостно. На такую

мизерную пенсию не только не прокормишься, но и не купишь лекарств. А кто возьмет на работу психа?

- В тишине и покое советовали жить мне врачи,- объяснял он родителям.

- Какой уж покой в нашем аду, - сам с собой рассуждал Иван Аверьянович, - когда полон дом детей, а двор – скотины? Мы же не господа. У нас нет особых горниц, барских покоев. И прислуги нету, сами вкалываем за троих. Живем с тех припасов, которые заготовим днем. И о припасах этих должен заботиться каждый. Такова уж жизнь простолюдинов. Взяли на фронт мальчишкой, изувечили и ухайдакали, а родители отдувайся. В армии - госпитали, специалисты, средства, почему же его бросили на произвол судьбы, сплывили, как ненужный отброс, в деревню? Кто и как тут его вылечит?

- Чуть подлечусь да пойду работать, - наивно обещал сын, и его карие глаза выражали надежду и будто подтверждали желания и возможности.

Но на производстве долго не держался. В вагонное депо, где работал до службы, его не взяли по причине инвалидности. Не мог пройти комиссию. В Заготзерно не удержался кладовщиком.

- Там надо шулеровать, уметь недостачу списывать, или загремишь в тюрьму,- с жаром объяснял отцу с матерью.

Устроился налоговым агентом, но и там не хватило духу.

- Старший агент Хлюстов выживает с места,- недовольно оправдывался он.- Своего племянника Лёшку Новожихина хочет втянуть на мое место.

А родители, было, обрадовались, с папкой в руках и полевой сумкой через плечо начал ходить их сын по станции и соседним деревням. Это тебе не путевой рабочий. Борисом Иванычем стали называть. И шестьсот рублей зарплаты как бы пригодились в доме и самому Борису! Даже Иван Аверьянович не зарабатывал столько. Ведь нужно одеться, обуться. Сколько можно ходить в военной шинели и кирзовых сапогах? Пора и пальто, костюм

приобрести, штиблеты и запасные брюки, не говоря уж про белье. Они бы хорошо смотрелись на нем, парне видном на первый взгляд, со статной фигурой. Только вот нервишки, правда, подкачали, так ведь их не видно, как изъян у безногих или безруких инвалидов. Они глубоко в душе спрятаны или где-то там рядом. Может, Бог даст, и выправится парень. Невест-то вон сколько вокруг! Все чаще они заглядывают в окна родительского дома. Видно, интерес имеют. И Мария Алексеевна давно мечтает дожидаться внуков, ведь здоровье ее неважное, и неровен час – может и нежданно помереть. Не дожидаться продолжателей их рода.

Но эта светлая мечта таяла на глазах, как утренний туман на ветру. И сникли родители, будто давил их к земле непосильный груз.

- Хлюстов-то нечистый на руку. Заведет в трясины, откуда не выбраться, а сам сухим их воды выйдет. Взятки требует брать, припиской со скотом заниматься, неправильно учитывать. А дознаются, меня первого посадят, а он выкрутится, мошенник, - горячо убеждал их Борис, снова став безработным.

Ломали головы Овчинниковы-старшие, а больше всех Иван Аверьянович. Куда устроить неговорчивого сына?

- Может, хоть в колхоз пойдешь? - скрепя сердце, спросил он, не жалуящий эту коллективную форму хозяйствования. - Хотя каких-нибудь трудодней заработаешь?

- Колхоз – дело добровольное; хочешь – идешь и не хочешь – идешь, - с сарказмом отверг сын, и отец в душе был согласен с этим. Ведь потом из колхоза не вырвешься, как из тюрьмы. Но и на хлеб нужно как-то зарабатывать...

- Так тебя в сердце мать! - не выдержав, зло хлопал дверью Иван Аверьянович, выскакивая на улицу. - Все тебе не место, не местечко! Вот еще дармоед навязался...

Он походил на всклокоченного воробья. Зеленовато-карие глаза метали молнии. Старый рабочий пиджак, застиранный до неопределенного цвета, распахнут. А на лице такая безысходная тоска, что встретивший его во дворе Володька даже испугался.

- Папка, что случилось?- взволнованно спросил он.

- Да ну их, дураков, к едрене-фене!- с негодованием выплеснул тот, схватив лопату. И направившись в огород. Только на работе он отходил от горячки и находил выход из жизненных неприятностей.

Сызмальства привыкнув к тяжелому труду, Иван Аверьянович не мог одобрить праздную жизнь, понять ленивых, больных, бездельных, обиженных и прочих, кто любыми путями увиливал от работы и не хотел трудиться. «Лодырюги,- презрительно называл он их. - Дармоеды, как помещики. Хорошо, хоть Советская власть их прищучила, чтобы не сидели на шее народа!» - Тут он был полностью согласен с Советской властью, хотя и недолюбливал ее за раскулачивание и колхозы. Не она, так он бы, наверно, сейчас не только не был безлошадным, но и имел нескольких коней. И пятьдесят десятин земли бы ему нарезали, ведь в его семье было пятеро мужиков.

А Борис чувствовал себя виноватым, не хотел быть в семье обузой. Но ведь он же не прикидывался хворым, а был им на самом деле. И ему хотелось быстрее избавиться от болезни, быть полезным в семье, не считаться сачком и дармоедом.

- Сергей Чупин тянет меня в сельскохозяйственный техникум в Магнитогорске,- сообщил он однажды.

- А на кого там учат?- с неподдельным интересом поллюбопытствовала Мария Алексеевна, в душе которой вновь мелькнул маленький огонек надежды.

- Учат на работников леса, лесничих, следящих за его сохранностью и приумножением. Пчеловодов. Работа индивидуальная. Никто тебе не мешает, не раздражает. Занимайся себе трудолюбивыми пчелками, попыхивай на них дымком да качай медок из колод. И продукт полезный, до полутора сотен в нем всяких ценных веществ. И пчелиный яд от укусов пчел лечит нервы. Самое по мне дело,- загоревшись новой идеей, складно говорил Борис.

- Наверно, испытания там?

- Экзаменов я не боюсь, одним из лучших был в классе. Почитаю учебники, подготовлюсь, - возразил сын, и в его глазах впервые за последние месяцы мать увидела уверенность. Может, выздоравливает парень?- Да и как фронтовику мне будет послабление.

- А на чо жить-то, одеваться?- забеспокоилась мать.

- Стипендия будет. Правда, маленькая и при условии хорошей учебы. Подрабатывать стану. А можно и на заочное отделение. Буду где-нибудь трудиться и ездить на сессии.

- Я не против, - через время согласилась мать. - Только надо отца убедить.

Ей всей душой хотелось, чтобы у сына все устроилось в жизни. И она очень надеялась на благоприятный исход.

А сын, успешно сдав вступительные экзамены, был принят в техникум вместе с приятелем Сергеем Чупиным. Но вскоре произошло обострение болезни, и ему пришлось отказаться от учебы и забрать документы. Чупин же, хотя не без трудностей, но осилил учебу и всю жизнь этим сильно гордился, ибо стал лесничим, в чьем ведении были тысячи гектаров леса, степей, и сотни людей шли к нему на поклон, ведь страна шагала семимильными шагами вперед и строилась, прибывала не только городами, но и селами, даже мизерными хуторами, где жило хотя бы несколько человек.

18

- Папка, а почему ты не носишь на груди медали, как дядя Вена?- не раз задавал вопрос Володька.

- Потому, что у дяди Вены награды за боевые заслуги на фронте, а у меня за труд. Как-то не принято в них щеголять и выставлять напоказ. Которые люди надевают по праздникам. Но часто ли у нас праздники?- неохотно отвечал Иван Аверьянович.

- А наша учительница говорит, что работа в тылу – это вто-

рой фронт, а доблестная – тем более,- не отставал любопытный мальчишка.- И он такой же почетный, как на передовой.

- На передовой жизнью рисковали, а мы хотя тут и голодали, но были в тылу. Жизни не отдавали. Вон при въезде в Златоуст стоит памятник погибшим дальневосточникам. Шел эшелон на фронт, спешил с военными на помощь. А его диверсанты пустили под откос. А откос там очень высокий. Сотни людей погибли, которым поставили потом бетонный памятник. Таким и ордена с медалями надо выдавать даже посмертно.

- А как ты диверсанта поймал, расскажи??

- Да чо там сказывать, это ведь моя обычная работа – следить за состоянием путей. Иду я как-то ранним утром по своему околотку. Только забрезжил рассвет. Смотрю, что-то впереди колыхается туда-сюда над рельсом. Животное или человек? Может, кто под поезд попал? Подхожу осторожным шагом, а там мужик с длинным путевым ключом откручивает гайки на стыковых накладках, чтобы рельсы под паровозом и вагонами разошлись в стороны и состав сошел под откос.

Сжал я покрепче контрольный молоток и бесшумно подкрадываюсь. Он спиной ко мне возится, не видит меня и пыхтит. Я огрел его по плечу и отсушил ему руку. Взревел он от боли, словно кабан, а я повалил его наземь, связал ремнем руки и повел на станцию. Смотрю на него – бандит бандитом. Лет пятидесяти с гаком. Широкоскулый и большезубый. Такими зубами только гвозди кусать. А уж если в горло вцепится, то вместе с шейными позвонками порвет, как тушмурумский волк. А морда его знакомой показалась, когда я на свету пригляделся. И голос кого-то напомнил.

- Отпусти,- просится,- пять кусков дам. Корову купишь на них. Разве мало?

- А вы разве мало воинских эшелонов под откос пустили? Солдат и моряков погубили? Крушение в Златоусте – это твоя работа, сволочь?

- А чо ты их жалеешь, советских выродков?- возразил он.-

Они царя-батюшку скинули, адмирала Колчака угрохали, помещиков разорили.

- У меня нечего было разорять, гол, как сокол.

- Так тещу твою раскулачили.

- А ты откуда знаешь?- впился взглядом я в его паскудную харю.

- Да я работником у них был, как и ты...

- А-а, Аполка, что ли?- начал я признавать его.- Да тебе-то чего жалеть, сам был батраком. А потом местной властью заделался. И раскулачивал сам, а теперь на Советскую власть сваливаешь. Или разбогател на краденых конях, помещик двухкопеечный? Или тебя господин Колчак краденым золотом одарил? Жив, значит? Наверно, из лагеря сбежал и снова людям, стране гадишь? Да тебя на месте преступления надо прибить, как бешеную собаку!

Замахнулся я молотком и хотел огреть его по башке. Но он упал на колени, взмолился:

- Не бери греха на душу! Уж лучше властям сдай.

- Думаешь, помилуют? Такие вот и гадили в двадцатые годы, все с ног на голову норовили поставить. Пойми, дурья башка, я не колхозы защищаю, а людей, которых вы нещадно губили и губите. Они-то в чем виноваты? А вы то гражданские войны затеваете, то гитлеров всяких на нас науськиваете. Все вам власти да денег мало. В ГПУ-то дурь быстро выбьют из тебя. И правильно сделают.

В общем, привел я его на станцию и сдал, кому следует.

- Так ты же герой, папка!- радостно воскликнул сынишка.- Может, не один воинский эшелон, идущий на фронт, спас! Людей и технику. И на фронте не каждый боец такой поступок смог совершить.

- Какой я герой – вверх дырой? Так бы и Киршин, и другой путевой обходчик поступил,- заскромничал Иван Аверьянович и пошел по хозяйским делам.

А Володьку брала гордость, ведь его отец тоже не лыком шит

и старался для общей победы. Только вот медали за доблестный труд, в том числе во время войны, чего-то не надевает. Не праздник, говорит. Но, может, когда-то придет и его праздник?

Мальчишка не утерпел и рассказал товарищам – Борьке Салмину, Вовке Калетину, Юрке Бодину.

- А у меня отец – токарь, в трудармии был. А вот медалей почему-то не дали ему,- заметил Юрка.

- Так трудармия – это те же заключенные. Твой отец умыкнул воз колхозного сена, стырил. Вот его и послали в трудармию искупать вину,- возразил Калетин и даже прихвастнул:- А мой ничего не крал и погиб в бою.

- Ну, война войной, а обед двойной, - встрял в разговор Борька Салмин. Отца у него не было, не то ушел из семьи до войны, не то погиб на фронте. Болтали, что мать его Полина нагуляла сына от какого-то узбека. Борис, смахивающий обликом на азиата, не рассказывал об этом, а может, и сам не знал всей правды. И приятели не шибко приставали с расспросами. Чего приставать, когда половина станционных мальчишек и девчонок потеряли отцов на войне?- Давайте лучше на санках кататься.

Борька был самым старшим в компании. Жил рядом с Овчинниковыми вместе с матерью, дедом, бабкой и дядей Мишей, который считался инвалидом детства, ходил на деревянной ноге, хотя телом был крепким, сильным. У деда Кононыхина – хорошая рубленая изба, стоящая на задах Овчинникова огорода, и их разделял неширокий переулок, сарай, завозня, огороженные бревенчатым забором. Большой огород, вытянувшийся до самых колхозных посевов. Наверное, в былые времена он был кулаком и прибыл сюда из неизвестного места. Сейчас же считался единоличником, жил своим хозяйством. И до сих пор имел небольшое поле, сеял на нем рожь и овес. Держал скот, косил и вязал в снопы жито, как и сено, возил на кладеном быке – Быньке. Хозяин был нелюдимым и всем в поместье командовал сам, как и принимал единоличные решения. Чужих в дом не пускал – лишний глаз, разве только соседского Володьку, который еще ничего не сооб-

ражал в социальном положении крестьян.

А внук, которого дразнили Узбекумом, был скромным, даже замкнутым мальчишкой. Страдал близорукостью. И очень любил рисовать. И лису с виноградом изобразит, что прославлена в басне и школьном учебнике, и жилища пращуров с острыми верхами, и бои древних воинов с иноплеменниками. Будучи левшой, он писал правой, а рисовал левой рукой. И ему так завидовал правша Володька, нередко часами сидящий рядом с ним и с нескрываемой завистью наблюдающий, как рождались в школьной тетради или на отдельном клочке бумаги разноцветные картинки. Цветные карандаши были на вес золота, и Борька их берег, как самое дорогое богатство. А картинки нередко дарил своему другу, и тот был несказанно рад.

А еще Салмин любил кино. Был помешан на нем. Его дядя Миша часто стоял в клубе на дверях и пропускал племянника бесплатно. Тот старался крутиться возле киномеханика и фотографа Ивана Колупаева, «шестерил» возле киноаппарата, перематывал кассеты, присматривался к аппаратуре, которая не давала ему покоя, бегал в сельпо за водкой.

Но кинопередвижка приезжала в Бишкек раз в неделю, и Борька задался идеей сделать свой кинопроектор. Натаскал из дедова сарая коротких досок, пилил их, сколачивал. Сделал отверстие и поставил самодельный объектив, электрический фонарь. Володька старался помочь другу, подавал то ножовку, то гвозди с молотком, абсолютно ничего не соображая в кинопроекторах и кинолентах.

- Нужен скачковый барабан,- терпеливо объяснял ему старший товарищ.- Это чтобы кадры катились мягко и незаметно, не прыгали на экране, как пьяные птички. Сначала крутили шестнадцать кадров в секунду, потом двадцать четыре. А самый оптимальный вариант – тридцать шесть кадров. Тогда нет искажений и их пляски.

Со скачковым барабаном, конечно, ничего не получилось, хотя и вырезали кусок бревнышка, набили по всей окружности

гвоздей. Да вот не было мотора, а руками крутить столько кадров в секунду никто не умел. Киноплёнки тоже без киностудии не создашь, хотя отдельных кусков от фильмов Иван Колупаев им надавал. Тогда начали показывать диафильмы и нарисованные на прозрачной бумаге Борисом маленькие картинки, похожие на диапозитивы, которые на белой стене дома превращались в большие изображения. Хорошо, что с пуском тяговой подстанции и электрической тяги на железной дороге в домах бишкеклян появилось электричество, и они, избавившись от керосиновых ламп и копоти, почувствовали себя счастливыми.

Их «кино» приходили смотреть не только Борькина мать Полина, дядя Миша, но и бабка с дедом.

- Бес бегаёт по стене!- плевался вдруг дед, хватаясь за бороду и убегая в другую комнату.

Зато дядя Миша, человек благодушный и веселый, радостно удивлялся:

- Гля-а! Кажутся, как живые! По стенке мечутся...

Во время святок Борька с Володькой рядились в рваную одежду под цыган или горбатых старцев. Вместе со старшими ребятами, Сережкой Овчинниковым ходили по дворам славить. Играли на гармошке, плясали, поздравляли хозяев, которые подносили деньги и угощали славельщиков.

- Наступил солонорот,- объяснял им Борькин дед.- С ентово дня солнышко поворачивает на лето, а зима на мороз. Вот отчего этот день кличут солоноротом. Солнце с этого дня наряжается в сарафан и кокошник, садится в телегу и едет в теплые страны. Зима с того же дня ходит в медвежьей шубе, стучится по крышам и будит баб ночью топить печи. Ежели зима ходит по полю, то за ней вереницами ходят метели и просят дела. Ежели ходит по лесу, то сыплет из рукава иней. Если по реке идет, то под следом своим куёт воду на три аршина...

Слова деда походили на карканье черного ворона, и ребята выглядели присмирившими, даже напуганными, будто попали в далекую жуткую сказку.

В эти зимние дни, похожие на язычников, они бойко прыгали через разоженный в огороде костер, будто исполняли какие-то древние и незнакомые пляски. Только в это время нелюдимый старик Кононыхин разрешал детям веселиться, сам разжигал костер, чтобы не наделали пожара, и долго заворужено смотрел на него, будто видел что-то невиданное никем, будто был из другого мира. И только потрясывал козлиной бородкой. А от языков огня отскакивали на стену сарая зловещие тени и беспорядочно прыгали по ней, словно хмельные, гонялись одна за другой, будто предвещая что-то неладное, нагоняя страх на окружающих.

Еще мальчишки любили кататься на санках. Мастерили из досок небольшие ящики или короба, прикрепляли к санкам. Пристраивали к ним электрические фонарики или даже керосиновые фонари, что на работе выдавали путейцам, и ездили по дорогам наперегонки. Толкали сзади за стенку ящика, запрыгивая в него, когда набирали большую скорость или мчались с горы, и гудели грубыми голосами, как недавно появившиеся на путях электровозы. И это им чертовски нравилось. И кто-то уже мечтал стать настоящим машинистом. Только Борька Салмин думал овладеть профессией киномеханика, «сапожника», как их дразнили в народе.

- Вы двор не спалите своими фонарями!- кричал им вслед Иван Аверьянович.

* * *

Вениамин Ильин из мастерской энергоучастка перевелся работать в кочегарку Бишкильской дистанции контактной сети. Зимой жарко топил нагревательный котел, грел воду для отопления помещений дистанции, гаража дрезины и ремонтной машины, тяговой подстанции, душевой, где мылись не только рабочие, но нередко и члены их семей. Брал лопатой из ссыпанной рядом с дверьми кучи уголь, завозил на тачке в дежурку, ссыпал близ котла, мочил водой и бросал в ненасытную топку.

Время от времени поглядывал за уровнем воды и давлением пара на манометре.

В свободную минуту занимался и личными делами. То строгал доски на пристроенном в углу верстачке и вязал рамы, ведь от заказов не было отбоя. То починял обувь семье, которая прибавилась на два человека. В 47-м родился Сашка, голубоглазый мальчуган, а потом и конопатый Толька, который называл себя Апатым. Так его и стали дразнить: Апатый. И всех их нужно было кормить, одевать, учить в школе. Рудник на Тушмуруме закрылся по причине бедности вольфрамовой и молибденовой руды, и Настасья тоже стала иждивенкой. А ну-ка прокорми шесть ртов один, хотя и даже крепкий мужчина!

Но по этому крепкому мужчине немилосердно прошла недавняя беспощадная война. Ему постоянно снился и вспоминался один из последних боев под Берлином, когда вели наступление. Они с Митькой Плешковым, своим вторым номером, обстреливали из-за небольшого леска фашистские окопы. Сквозь редкие деревья было видно, что мины ложились точно и плотно, поднимая окопные бревна и землю бруствера, сея панику среди неприятелей-фрицев, которые при разрыве мин выскакивали из траншей и с воплями отступали, убегая на закат солнца.

- Давай-давай, ребята, поливайте их, сволочей, огоньком!- то и дело вскрикивал командир батареи.

И минометчики, забыв про оборону и распалившись в ходе боя, «давали огонька». И никто не заметил, как справа, из-за леска и небольшой возвышенности выскочило несколько вражеских «Тигров». Стреляя на ходу, они бросились вдоль леска, норовя моментально растоптать, уничтожить минометную батарею. Не ожидавшие такого поворота минометчики поначалу даже не поняли ситуации и растерялись. Одни бросились бежать. Другие начали поворачивать стволы орудий в сторону стремительно приближающихся танков и атаковать их противопехотными минами. Но те для толстой брони были комариными укусами, и осколки отскакивали от брони, как горох.

Вениамин и Митька лихорадочно шарили рукой по поясу, надеясь найти противотанковые гранаты, дружно бросились в маленький окопчик – небольшое углубление, в спешке сделанное ими на всякий непредвиденный случай. Ведь немцы уже не наступали, а только защищались, чуя свой крах. Но тут раздался близкий разрыв снаряда, и легкими пушинками понеслись по воздуху ствол, опорная плита, лафет и другие механизмы их пострадавшего орудия. Оглушило батарейцев. Перед этим они, правда, успели бросить навстречу танкам по гранате. И один из «Тигров» закрутился на месте с порванной гусеницей. А другой, еще больше подняв пыли и дымя выхлопной трубой, помчался прямо на их окопчик, намереваясь превратить его в могилу для бишкильских минометчиков.

И все моментально смешалось в кучу: пыль, земля, люди, стоны, крики. Кто-то удачно подбил второй танк и расстрелял выскочивших из него фашистов. А третьего «Тигра» уничтожили бронебойным снарядом стоящие неподалеку с пушками артиллеристы.

Ильина и Плешкова вытащили из кучи земли и очистили от нее товарищи. Их лица были окровавлены. Из ушей просачивались кровавые струйки. Но они быстро пришли в сознание, хотя взгляды еще были мутными и казались потусторонними.

- Живы, казаки? Тогда налейте им фронтową норму за храбрость! Быстрее в себя придут!- бросил на ходу комбат, направляясь к другому расчету.

С тех пор что-то в организме или характере Вениамина Алексеевича изменилось. Нет, он, старый фронтовой волк, не стал бояться войны и боев. Просто заметил изменения в своем поведении, психике. Стал больше вспыльчивым, нервным. Чаще тянуться к рюмке и неожиданно восклицать:

- Батарей – 120! Артиллерия – бог войны!

Завел много друзей, с которыми нередко заглядывал в чайную, где «остограмливались» и «ополлитривались». Шумели, вспоминали фронтовые баталии и дороги. А порой и, не сой-

дьясь на каком-нибудь утверждении, на чьей-то личной правде, начинали махать кулаками, а то и били друг другу физиономии. Вениамин, хотя был крупным мужчиной и мог сбить увесистым кулаком любого, обычно никого не бил, а махал для испуга. Он слыл недрачливым, но задиристым, шумливым и харапужным. Кричал: «Я - Венка-бондарь!» Ему и попадало чаще других.

Приходил домой с синяками и поцарапанной физиономией. Приставал к детям, чаще к старшему, Вовке. Доставал принесенную бутылку, садился за стол и сажал рядом сына, закуривая и пьяно спрашивая:

- Ты чо будешь – ужинать или курить со мной «Пушки»?

- «Пушки», - согласно отвечал мальчишка, подражая отцу. И тот протягивал ему зажженную папиросу.- Артиллеристы должны курить «Пушки».

Вскоре у сына начинала кружиться голова, слезились глаза, и Настасья не выдерживала, начинала шуметь:

- Чо ты пристал к мальчишке? Он уже позеленел от твоего курева!

- Пусть учится, мужик ведь! - не соглашался супруг.- Давай-ка выпьем с тобой, Стюрик, моя верная Настя, кто в глаза тебе настял? Ты же - семья репатриированных.

- Да вот, отец сказал на Сталина, что он усатый бес, его и упрятали за непочтение рыть канал! Спасибо тебе, Веник, что ты не отказался от меня, не испугался преследований. А то бы что со мной стало?

Потом он доставал гармошку, громко играл и пел:

Ты, моя супруга Стюра,
Не калека и не дура.
Но стреножила меня,
Как казачьего коня.

И жена, тоже выпив рюмку – другую, отвечала ему с улыбкой:

Муженёк мой – дылда Веник –
Много дури – мало денег.
Но не водится с тоской,
Когда трезвый, то баской...

Но гулянки гулянками, а семью надо было кормить. И он старался не упустить возможностей заработать, сходить на рыбалку и охоту. Верный пес Жан ждал этого момента с нетерпением. И в этот раз он почуял нутром, только увидел лицо хозяина, услышал запах ружейного масла.

Ружья уже стояли в сенцах, чтобы не пахли домом, людьми. И никакие силы и приступы голода не заставляли пса покинуть крыльцо и прозевать самую счастливую минуту в жизни – выход на охоту.

О нем не особо заботились, ведь волка ноги кормят, а Жан был тоже кобелем рослым, сильным, и, как всегда, был голодным. Конечно, что-либо перехватить мог достать, выйдя со двора. Заглянуть в соседнюю ограду и спереть, что плохо лежит, отобрать мосол у пугливой шавки, завернуть на станционные пути, где после пассажирских поездов всегда чем-нибудь поживишься. Но уж так приучил себя пес, что в последнюю перед охотой ночь, кормил ли накануне хозяин, нет ли, не отлучался из дому.

Нет, он не боялся острых вил, кинутых вдогонку, грохота поездов, деревенских собак, голодных и сердитых – с ними он разберется и рассчитается после охоты. И все-таки не хотел рисковать, ведь завтра не какая-то там прогулка на рябчиков, а предстоит норная работа – самая тяжелая и опасная из всех, чему он научен. А научен многому, универсал.

Он дремал и во сне видел сетку с мясом, которую спер зимой из сеней деда Курепки. Оно было стылым, но пахло заманчиво. Кусок ладный попался, и пес предвкушал королевский обед. Но не успел он нырнуть в свою подворотню, как попался на глаза хозяину, нюх у которого был не хуже собачьего. Тот и отнял добычу, мол, тебе мясо вредно. На другой день из их дома пахло

вкусно. Улыбались радостно дети, Настасья и мать Вениамина. А Жана впустили в куть, и он валялся у самого очага, позволяя играть с собой ребятишкам.

Пес повизгивал от удовольствия и проснулся. Из-за двери доносились шаги и голоса. Скоро в путь, догадался он, решив стряхнуть с себя последние тени сна.

Загремел засов, вышел хозяин, лениво зевнул, поглядел на звезды, сходил за сарай. Вывел старый скрипучий велосипед, пощупал шины.

- Ну, как, Жан, добудем барина-барсука? Жир-то нынче до тыщи рублей. От легочников отбоя нет. Лучшее лекарство тубикам.

И кобель понял, что предстоит здорово поработать. Повизгивал и мел хвостом, хотел встать на задние лапы и лизнуть человека в лицо. Но тот отстранил его, зашел в сени и, открыв дверь в избу, крикнул:

- Серьга, шевелись, едрена за ногу!

Жан бежал сбоку и немного впереди хозяина, уступая тому наезженную колею. Утро радовало его, хотя сентябрь уже кончался, шелестел отмирающими листьями берез, клочками соломы у дороги, оброненной с конных возов. От мельничного пруда несло туманом. Тут, на старых плесах, приходилось часто лучить рыбу. Попадались хорошие щурята, лини, но особенно плеса славились крупными карасями, желтыми, с золотым отливом. Жирными. Жан смирно сидел в лодке, наблюдая за каждым движением рыбаков, особенно хозяина, ведь он в любом промысле был главным. Упаси бог кому-нибудь невзначай всплеснуть веслом, чихнуть и вспугнуть наживу – в гневе выкинет за борт родного сына. И пес, хоть наступи на хвост, молчал, словно рыба. И наблюдал, как на очередную жертву обрушивалась острая и беспощадная острога.

С мельничной горы покатила веселее, и Жан помчался галопом. Впереди гремел хозяин на своем допотопном скрипучем велосипеде. Его длинные ноги беспрестанно мелькали в темноте,

выпрыгивая коленями выше руля. Сережка несся сзади, не лез, как говорится, поперек батьки, стараясь не отстать от горячего дяди. Лопаты и кирка, привязанные к раме, то и дело громыхали на кочках. Длинная тульская одностволка образца двадцатых годов, купленная когда-то у Вениамина, подпрыгивала, больно ударяла по позвоночнику. Норовила ушибить прикладом холку. Но разве это испугает истинного молодого охотника, душа которого трепетала от радости предстоящей охоты, словно поющий щегол!

Километров десять отмахали охотники, пока не спешились у кривой осины, одиноко стоящей в березняке. Из-за леса уже показался край солнца. Охотники отвязали лопаты, кирку, повесили на сучок походную сумку с харчами, собранными Сережкиной матерью. Направились к небольшому холму. Место удачное, вокруг деревья, разнотравье. По ту сторону - небольшое болотце, где даже в жаркое лето между кудлатых кочек пряталась вода. В лесу гнездились птицы. На таких же холмах селились суслики, били подземные туннели работяги кроты. И это Жан уловил не только чутьем, но и связанным с годами опытом. Его мышцы, как у испытанного спортсмена, слегка напряглись, походка стала мягче. Он весь подобрался, будто вот-вот грянет стартовый выстрел. Пес непроизвольно подался вперед, но хозяин тихо и сердито прикрикнул:

- Стоять!..

Длинный, похудевший в последнее время, одетый в солдатские галифе, он осторожно переставлял ноги, плотно стянутые по щиколоткам обмотками. Его старые разбитые ботинки касались травы бесшумно, будто вели к передовой линии врага. Им тоже управлял охотничий инстинкт, и Вениамин чем-то напоминал натренированную легавую собаку. Хотя большой азарт еще дремал, но глаз стал зорче, проникновенней. Сверхчеловеческий слух улавливал каждый лесной шорох, звук, словно от этого зависело что-то жизненно важное.

Пес почти не обиделся. Обиды на потом. Сейчас только

работа. Он усердно ткнулся носом в одну нору, другую. Раздувая ноздри и отчихиваясь, ловил кисловатый запах мха, сухой нынешней травы, листьев. От нор разбегались многочисленные тропинки, видно, барсук готовился к зиме, усиленно жировал и бегал на поиски корма. Нор оказалось четыре, но Жану больше понравилась западная, еще не забитая для спячки. И он пустил в ход широкие палевые лапы, отбрасывая далеко назад струи рыхлой земли. Сливаясь с ней своей черной спиной.

Сережка камнями, пнями забивал остальные выходы, а дядька уже взялся за лопату, налегал со всей силой, широким взмахом отбрасывая пласты. Жан, как часовой, сидел тут же, готовый в любую минуту кинуться вперед, навстречу ощеренной пасти и железным барсучьим клыкам, чьи следы навечно остаются на теле, а раны болят и долго не заживают. За это их ненавидел и безжалостно рвал сам, хотя помнил случаи, когда кое-как добирался до дому, неделями лежал пластом с ободраным до мяса загривком. Охота на барсуков стала для него незатухающей мезьей.

Пес поглощен одним, и сейчас его глаза с желтыми фонариками глазниц смотрели туда, в темный раструб галерей и тупичков, где, полон злобы, притаился враг, чей топленный жир стоил до тысячи рублей за кило, больше месячной зарплаты, приносил деньги и радость охотнику.

Пес еще не видел его, но всем собачьим сердцем жаждал с ним встречи. Это из-за него негодует хозяин, из-за него Жан не пошел на вечерний промысел и остался голодным. Но скоро часть его внутренностей достанется верному другу хозяина.

- У меня не уйдешь, шалавый!- сквозь зубы цедил Вениамин.- Хорошо бы застучать пару. Сало возьмут с руками, а из мяса – махан. И Стюрке какая радость!

Барсучий городок был небольшим, и все же охотники проработали несколько часов, вырыв длинную траншею. Но нора уходила все глубже и глубже. У Сережки, когда взмахивал кайлом, виднелась лишь голова. Но он все махал и махал, хотя удары

со временем становились редкими и несильными. Было тесно. Ход уже походил на окопный лаз, вырытый в спешке. И вдруг послышалось короткое рычание, щелчок челюстей, и кайло вмиг вырвалось из рук паренька, скользнуло в нору, чуть не затащив обессилевшего Сережку.

- У, квашня!- выругался дядька. А давно беспокойный Жан чуть присел на лапах, готовый к прыжку. Грубая шерсть на загривке поднялась дыбом, что густой ельник.

- Сидеть!- осадил хозяин.

Пес недовольно ворчал, а племянник замер наверху, нацелив в нору ружье.

- Убери эту дуру, едрена за ногу! Еще хлопнешь по моим костылям.

Вениамин потянул за конец торчащей рукоятки, но она не давалась. Тогда взял лопату, стал шире обкапывать «котел». Кайло все больше выступало наружу, а он, поддавшись азарту, копал и бросал, не отводя глаз от белой рукояти. Со стороны казалось, будто он не к зверю подбирается, а просто, как бывалый землекоп, предчувствуя хороший заработок, вошел в раж и трудовой ритм. Наконец он отставил лопату, с силой дернул кайло и, чертыхнувшись, кинулся вдоль траншеи.

Барсук выскочил вместе с кайлом, бросился за человеком, полоснул клыком по тонкой ноге: серый, по морде, узкому лбу тянулись белые полосы, за ушами чем-то смахивающие на лысину. Шерсть с белой проседью на спине темнела и блестела. И струхнул бывалый вояка, пожалел, что отогнал племяша.

Жан метнулся стрелой, набросился со всего маху, вонзив зубы в жирный загривок, посадил зверя на зад. Вениамина резко дернуло за ногу, он упал, перевернулся на спину, дрыгая ногами.

А барсук уже вскочил на лапы, кинулся в сторону, но грянул выстрел, ударив его в белый лоб, опрокинув навзничь, а псиные сильные челюсти смертельной хваткой сдавили горло.

Ильин схватил кайло, бросился на помощь собаке, запутавшись в размотавшейся от укуса обмотке, снова свалился,

матюгнулся, вскочил, но быстро понял, что дело сделано и что старая солдатская обмотка спасла его ногу. Он для острастки ткнул добычу кайлом, потом отогнал пса и вылез наверх.

Уставшие, они присели возле велосипедов, стали медленно жевать черствый хлеб, запивая из фляжки молоком. Половину харчей довольный удачной охотой Вениамин бросил собаке, которая преданным взглядом поблагодарила хозяина и принялась за еду.

19

С самого начала войны люди стали более настороженными и подозрительными. И не случайно: появились такие отвратительные явления, как воровство, разбой, бандитизм, ведь каждый в эти тяжкие годы выживал по-своему. Одни трудились до седьмого пота и потери сознания, другие ходили с нищенской торбой по деревням и селеньям, унижительно просили милостыню, придумывая и рассказывая про свою судьбу невероятные истории и небылицы. Третьи занимались воровством и грабежом, тянули, что плохо лежит в магазинах, складах, на колхозных полях.

Многих ловили с поличным, нередко немилосердно били, сдавали в милицию, осуждали на разные сроки заключения и упекали в тюрьму, где жизнь была не слаще, чем на воле. Не всякий и выживал. Иные даже просились на фронт, в штрафбат, где имелся хоть какой-то призрачный шанс выжить.

- Вон в Челябинске обнаружили банду жуликов. Смазливые бабенки заманивали на рынках торгашей, раненых с фронта, деревенских дураков в свою воровскую малину. И там раздевали до гола, убивали. Правда, один офицер попался с пистолетом. Часть бандюг пострелял, других сдал в энКаВэДэ. Никого на жалели, сволочи!- то и дело рассказывали знающие люди.

- Мамоньки, что деется на белом свете!- всплескивали руками станционные бабы.- А в Кугалах, говорят, забрались ночью во двор, зарезали корову и мясо утащили. Хозяйка вроде бы слы-

шала, да побоялась выйти – ещё и самуё вместе с детишками ухайдакают,- утверждали другие.

- А вон аджатаровскую апайку поймали на элеваторе с двумя килограммами зерна, домой хотела унести. Шесть лет пришпандорили,- сообщали третьи.- А у нее семеро по лавкам остались.

И люди боялись, ворота и двери закрывали на все засовы. Устраивали запоры на дверях хлевов и стоек, чтобы не зарезали скотину. Боялись и Овчинниковы. Уходя на работу в ночную смену, Иван Аверьянович наказывал строго-настрою:

- Смотрите во все глаза, слушайте во все уши, чтобы кто не забрался, не лишил коровы-кормилицы, телят, овец.

- У нас же сторож есть – собака,- возражали дети.

- Чо им стоит ее обмишулить, кинуть кусок, чтобы не лаяла?- не соглашался путевой обходчик.

Однажды зимним вечером он уже поднялся с постели, где отдыхал перед сменой, стал собираться, как вдруг заметил в палисаднике промелькнувшую тень. Бросился в ограду, откинул крючок с калитки и вбежал в палисадник. На свету из окна увидел вытянувшегося вдоль березовой колоды человека в военной форме.

- Ты как сюда попал, чо тут делаешь?- строго спросил незнакомца, зная, что на поездах ездит много бродяг и жулья, фронтовых бездомных инвалидов, нередко ночующих в теплом бишкильском вокзале.

- Ась, чёсь?- боязливо залепетал он, прикинувшись пьяным.

- Чего тут улегся на морозе, замерзнуть хошь? Иди на вокзал или мотай своей дорогой. Давай поднимайся.

- А где вокзал?- спросил тот, поднимаясь со снега.

- Вот иди прямо по дороге, а там свернешь направо,- выведя незнакомца за ворота, объяснил хозяин и посмотрел с подозрением вслед.

Закрыв ворота на задвижку и убедившись, что запорты ка-

литки в палисадник и огород, он отругал ластившегося к нему и преданно подметавшего хвостом снег рыжего Бобика.

- А ты куда смотришь, дармоед? Жулье шастает по двору, а ты в конуре дрыхнешь. С котла тебя склочу!

- Кто там, отец?- затревожилась Мария Алексеевна.

- Бродяга какой-то забрался. Заглядывал в окно. Хорошо, что увидел, а то бы после моего ухода натворил дел. Я вам ружье заряджу, в случае чего – обороняйтесь.

Он снял со стены переломку, зная, что Сережка обучал мать стрельбе из нее. Направив ствол на сидящего напротив Володьку, стал вставлять патрон, захлопывать затвор. А сынишка наблюдал за ним с интересом. И, наверно, сам Господь отвел в это время от него ружье. Не успел Иван Аверьянович отвернуть его к проему между стеной и печкой, как прозвучал оглушительный выстрел. Сидящие в комнате перепугались и заохали, а отец ругнулся:

- Вот черт тебя задери! Чуть не застрелил пацана...

Он осторожно, будто то еще может выстрелить, поставил его в угол и больше никогда не брал в руки.

Холодной осенью мальчишки собирались толпой и шли к костру, где грелись пленные немцы.

- Пойдем к фрицам?- спрашивали приятелей.

- Пойдем, а дома не зарагуют?

- А где Узбекум? Салмушка-пушка-черепушка – пу-у!- дразнили Бориса.

- Его дед не отпускает,- сообщали знающие.

Летом, когда надо было вызвать Борьку Салмина на улицу, а ворота их дома, как всегда, были заперты на все задвижки, Володька Овчинников подкрадывался к палисаднику и, прячась за большой и раскидистый тополь, начинал высвистывать трели, подлаживаться под местного соловья: Тиу-тиу-тиу, тиу-тиу-ти-ти-ти...

Услышав знакомые трели товарища, Борька со двора залазил на ворота и выглядывал из-под крутой крыши над ними. Сообщал, отпускают его гулять или нет.

Но поздней осенью соловьи не пели, улетали в теплые страны. И мальчишки шагали без Борьки. В это время пленные немцы возили со своего подсобного хозяйства на станцию турнепс, капусту и отправляли вагонами. В ожидании их они жгли близ пакгауза костер. Опустив на уши пилотки, грелись возле огня. О чем-то негромко разговаривали. Речь, правда, была грубой и резала мальчишкам слух. Иногда даже играли на губной гармошке какие-то грустные мелодии. Увидев уже знакомых мальчишек, с улыбкой приглашали к костру.

- Ком хэр,- малшики. Вас ист дас?- спрашивали, постукивая ладонью по оттопыренным карманам.

- Картошка,- объясняли те, доставая клубни.

- А брод никс?

- Хлеба нам самим не хватает. Вот кусок лепёшки.

- Лъепьёцки? Гут, малшики! Кар-роцц-щий!

Ребятишки выворачивали карманы и отдавали их содержимое. Картошка сразу попадала в костер, и вскоре все вместе, обжигая и пачкая в золе пальцы, дуя на парящую без кожуры картошку, поглощали горячие клубни, обжигали губы, рот, но чмокали от удовольствия.

Мальчишкам это даже нравилось, ведь их взрослые и незнакомые люди, недавнишние враги русских, сажали в свой кружок, порой похлопывали по спине, подхваливали и даже давали поиграть на губной гармошке. Считали это за большое доверие, хотя не совсем понимали, почему немцы просили хлеба, картошки, когда нередко сами ходили по домам и предлагали обменять булку хорошего пшеничного хлеба на крынку молока, ведь в войну булка хлеба на рынке стоила несколько сот рублей.

- Мамка, вот брод, дай млека,- не раз подходили и к воротам Овчинниковых.

И Мария Алексеевна выносила крынку молока, а взамен брала булку хорошего серого хлеба. Бишкиляне давно забыли о таком хлебе и его запахе. Их по карточкам кормили ржаным, непеченным хлебом. Такой булкой можно было убить человека,

если треснуть по голове. Но не все догадывались, что тут была замешана большая политика, что власти специально кормили пленных хорошим серым хлебом, которого бишкилянам и многим советским людям еще долго не видать. Зато Международный Красный Крест был, надо думать, доволен. Только вот почему он не предъявлял претензий, когда в немецких концлагерях гибли с голоду миллионы невинных советских людей?

Узнав про встречи с немцами, Сергей Овчинников отругал младшего брата.

- Они убили несколько наших дядей, в том числе дядю Васю, отца Вовки Калетина, ранили дядю Вену и нашего Бориса, а ты им носишь похавать! Да их на подсобном хозяйстве в десять раз лучше нас кормят, понял? А кого поймают на краже капусты, моркови или турнепса, которым кормят скот, то бьют безжалостно. Одному парню из Тактыбая даже глаз выбили. Это в чужой-то стране! Вот, как в них собственность засела глубоко! А одного голодного парня с девушкой, поймав на своем поле, где они, голодные, рвали и ели капусту, привели на стан и силой накормили до отрыжки горячей овсяной кашей, богато политой бараньим жиром. Те уже не хотят, а их силой заставляют есть. Те захотели пить, и их напоили студеной колодезной водой, чтобы случился заворот кишок или какой-то стопор внутри. И ребята погибли. Фашисты есть фашисты, даже если в плену на далеком Урале.

* * *

Жизнь в семье Ильиных шла своим чередом. Вениамин Алексеевич работал на дистанции контактной сети. А в свободное время, как и многие столяры-плотники, прирабатывал ножовкой, рубанком, стамеской. В канун Крещения отдал Богу душу сосед Курепов.

- Вена, ради Христа сделай деду домовину,- пришла со слезами Курепиха.- Доски у нас есть в сарае, специально для этого припасали. Пойди и выбери, какие надо.

- Какой разговор! Сделаю, как картинку. Пойдем смотреть доски.

Сняв мерку с покойного и притащив на себе несколько плах, благо, Курепка жил недалеко, через поляну, он тут же принялся их пилить, строгать, сколачивать заготовки. Работа кипела, и к обеду гроб был готов.

- Покрасить бы чем-то надо,- размышлял мастер.- Некрашенный-то больно нехорошо.

Нашел в подполе банку старой красной краски. Старикан-то, хотя вредным был, но за красных воевал в Гражданскую. Как раз ему подойдет.

Но сколько ей надо сохнуть, столяр не знал. Тем более, что на дворе зима, крещенский мороз. До весны не высохнет. Добавил в нее чего-то вонючего, типа растворителя, чтобы быстрее высохла. Гроб затащил на кухню. Поставил возле самой печки, чтобы быстрее высох. Заставил женщин получше ее кочегарить. Но пришел вечер, затем наступил день, а краска все не сохла. Курепиха уж не раз присылала гонца.

- Гроб-то когда будет готов?- как дятел, долбил тот.

- Гроб-то готов, загляденье, а не гроб. Так бы и сам в нем полежал да отдохнул от этой бешеной жизни,- расхваливал свой товар мастер, и ни один мускул не дрогнул на его лице.- Да краска не сохнет,- бессильно разводил он руками.

- Наряжать надо покойника, а домовины нет.

- Не я же, туды ее за ногу, заставил его сподобиться в такой лютый мороз. Жил бы да жил себе припеваючи, чего не жилось? И так всех домашних перепугал, шарахаются они со слезами, обходя гробину. Всю кухню загородил. Хотел, как лучше, а получилось хуже. И гроб такой же вредный оказался, как был сам Курепка...

На третий день кое-как он подсох, хотя еще пачкал руки. Но Вениамин догадался вытащить его на мороз, чтобы краску слегка подморозило. Да и хозяева больше не соглашались ждать. Замечали недовольно:

- Там могилу кое-как вырыли, костры разжигали, чтоб землю отогреть. Теперь выброшенная земля застынет, и ее не возьмешь лопатой...

Кое-как отвязался от заказчиков, и Курепку с грехом пополам положили в гроб и схоронили. Даже помянули с белым вином.

А однажды Вениамин находился под хорошим газом и оставил возле железнодорожного магазина гармошку.

- Где гармозель?- не успев утром продрать глаза, хватился он.

- Без нее ты явился,- невесело сообщила Настасья, предчувствуя неладное.- Все никак не напьешься. Разве все вино выпьешь?

Побежал в магазин, спросил впопыхах:

- Дуся, гармошку мою не видела?

- На крыльце ты ее бросил. Там спекулянтка Сонька все вертелась. Наверно, она и стибрила.

Далеко выкидывая длинные ноги, побежал на всех парусах в дом, где квартировала Сонька со своей косоглазой дочкой Стешкой. Она нигде не работала, спекулировала одеждой на городском рынке, торговала картошкой, мясом, выпрошенными у селян, водкой, которая в войну бешено подсакивала в цене, а после войны была свободно в магазинах и стоила двадцать рублей пол-литра.

- С первой электричкой уехала на базар,- сообщила ему хозяйка квартиры.

- А чо продавать собралась?- не выдержал Вениамин.

- Гармошку какую-то, што ли,- неуверенно ответила женщина.- Да мне это надо?

- Ах, мать твою за ногу! Мою родную гармозель умыкнула, лярва биргильдинская. Да я ее, суку спекулянтскую, на первом столбе повешу вместе с косоглазой крапивницей...

И участковый узнал, и завел дело. И вскоре состоялся суд, который признал Соньку виновной и присудил ей выплачивать за хищение музыкального инструмента деньги. У Соньки, ко-

нечно, таких денег не нашлось. И срок выплаты определили в полгода.

- Когда она отдаст!- сокрушался Ильин.- У нее тут ни кола, ни двора. Она в любую минуту снимется с места и скроется. Тогда ищи ветра в поле. Наверно, Стюра, надо их с дочкой взять к нам на постой, чтобы не смотались куда.

И взяли на квартиру. Спать клали на пол, больше некуда. Видели бедность квартирантов. И когда у них совсем было нечего есть, кормили своим обедом.

- Бит небитого везет, как в той сказке!- с сарказмом заявляла Настасья. Но стоически терпела постояльцев-жуликов, которые, похоже, не собирались и с квартиры съезжать, где им не давали умереть с голоду.- Такой ты простодырый, что не только долг тебе не отдадут, но еще и на твои харчи живут.

- А ты больно умная, вошкарка,- понутив виноватую голову, отмахивался супруг.

А дети их незаметно подрастали. Хорошие дети. Примерно учились в школе. Володька считался хорошистом. Усиленно занимался спортом. Бегал на длинные и короткие дистанции, прыгал через натянутую в огородных воротцах веревку. Участвовал в школьных соревнованиях и побеждал. А после окончания седьмого класса поступил в Челябинское железнодорожное училище № 2 на слесаря-паровозника. Он был высоким, в отца, и крепким парнем. И когда пьяный отец начинал хорохориться и шуметь, уже мог его успокоить. А если надо, и скрутить, положить спать в сарае, чтобы не храпел и не буровил пьяную околесицу, рядом со старым мотоциклом «Харлей», не то когда-то привезенным из Германии, не то выменянном у кого-то. Этот мощный мотоцикл без коляски долгие годы стоял и ржавел в сарае, так ни разу и не заведенный. В нем не хватало каких-то деталей, но где их возьмешь в такое тяжелое время?

Иногда Ильин-старший приходил к сестре. Садился на приколоченную в углу лавку, загородив выход племяннику Володьке.

- Лёля, займи денег. С получки отдам.

- Да нету у нас, - отказывала сестра, зная, что брату не хватает на бутылку.

- У вас, и вдруг нету? Золотишка-то напрятал Иван. А к нам в Травники пришел босяк босяком. Его старая мерлушковая шапка до сих пор, небось, лежит на нашем чердаке!

- Да как тебе не стыдно, Вена!- пыталась образумить его сестра.- Он тебе помог стать столярным мастером, а ты его хаешь на всех перекрестках.

- А я прошу занять денег! Всего-то червонец, мать ее за ногу!- кричал он и с силой бил кулаком по столу, аж трещали доски. И маленький Володька с перепугу не знал, куда деться или спрятаться.

Он знал, что его двоюродный брат даже заикался оттого, что пьяный отец напугал его в детстве. А костистые кулаки дядьки, словно кузнечный молот, все взлетали и обрушивались на стол.

- Уходи вон, чего тут разбушевался!- говорил сердито зять Иван, если находился дома.

А когда тот не подчинялся, он хватал его за шиворот или волосы и выталкивал за ворота. Бить не бил, но слов неприятных не жалел. Выталкивал его и племянник Борис, который в горячке мог и отходить дубиной. Однажды, оказавшись за воротами, шурин выломал две доски из палисадника, где потом лазили ребятишки, когда ворота были заперты на задвижку.

Мария Алексеевна сильно жалела брата. И, в конце концов, сдавалась, протягивала ему деньги. Она не могла отказать ни своим, ни чужим. Ей было жаль бедных людей, хотя сама была не богаче их.

С поступлением Владимира Ильина в училище Вениамин распоясался еще больше. И Стюра уже не могла с ним сладить. А однажды заявила:

- Давай, отец, уедем отсюда в Щапину к моей тетке Нюре.

- Этой бывшей помещице?- спросил он с подковыркой.- Это в честь ее богатых предков назвали село Щапиной? Да она же

своей болтовней и нравочениями все памороки нам забьет, всю душу вывернет наизнанку.

- Неважно, богатых или бедных, болтливых или молчаливых. Здесь, на станции, ты совсем сопьешься. А там, в колхозе, магазины днем не работают, водку не продают.

- Свинья везде грязь найдет,- возражал он.

- Да неужели ты уже хуже свињи стал? Мы тут погибнем. Иначе я уеду с сыновьями одна. Оставайся тут сам. И нас не упрашивай, не вернемся. Володьки нет рядом, и некому с тобой справляться...

Со временем Вениамин согласился. И Ильины, продав дом, уехали в далекое село Щапино, которое находилось в километре – двух от его родины – Травников. А родина всегда притягивает к себе. Это же родная земля.

20

Сыновья Овчинниковых росли, как грибы в березовом лесу. Сережке исполнилось 18 лет, и он из энергоучастка перевелся на Бишкильскую дистанцию контактной сети электромонтером. Работа ему нравилась, хотя летом на жаре, а зимой на морозе и порой немилосердных метелях, и он быстро изучил и перенял ее приемы. Лазил по контактным проводам, опорам и длинной лестнице-лейтеру, как киношный Тарзан. Он был безотказным и любопытным, и квалификация его быстро росла. Вскоре стал монтером первого лица и самой высокой группы допуска. Ему доверяли самые ответственные работы, и авторитет его рос, как на дрожжах.

От службы в армии ему дали годовую отсрочку, и парень надумал жениться на черноокой Галине с Пулеметного подсобного хозяйства, где она жила с отцом и матерью, работниками этого хозяйства. Выросши на малолюдь, она была в какой-то степени дикарка, но вместе с этим и острой на язычок, не стеснялась высказать свои мысли, которые считала непререкаемой

истиной, и могла наговорить, как выражались соседи, сорок бочек арестантов.

- Ты чо торопишься с женитьбой?- строго спросил Иван Аверьянович.

- Да люблю я ее,- стыдливо опустив глаза, признался Сергей.

- Ну и люби на здоровье. Отслужишь в армии, тогда и женишься. Пусть ждет и пройдет испытание.

- Ишшо не дождется. Вон сколько желающих женихов.

- А не дождется, чо такую жалеть? Как поется в песне: если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло.

- Ну, чо ты, отец, любят ведь они,- встряла в разговор, как часто это случалось, Мария Алексеевна, которой всех было жалко.

- А если не дождется после женитьбы, тут ведь воинские лагеря под боком, начнет шастать туда, и семья распадется?- возразил супруг.

- Не у всех же распадаются...

В общем, отца семейными усилиями уломали, как ни сопротивлялся, сдался в конце концов. Весной сыграли свадьбу. Привезли в дом невесту с захудалой заимки, но с приданым, в котором выделялся высокий сундук с горбатой крышкой, была пуховая перина. Сундук поставили рядом с более аккуратным хозяйским сундуком, сделанным еще старыми дореволюционными мастерами, культурно обитым жестяными полосками.

А осенью Сергея взяли в армию и повезли в Забайкалье, в Читинскую область, где он служил то в Борзе, то в Даурии, выучился на водителя танка. Писал жене горячие письма, полные любви и тоски, не забывал и родителей. А брату Володьке, которого пристрастил к рыбалке и охоте и которому поручил следить за его ружьем, прислал книгу исследователя Дальнего Востока и писателя Владимира Арсеньева. Его рассказами про охоту мальчишка зачитывался до утра. А потом, позже, когда с удовольствием прочтет роман «Даурия», то всей душой полюбит

заочно этот далекий сибирский край, жизнь в котором полна приключений и испытаний. Галина же осталась жить у Овчинниковых. Родила дочку Тамару, которая плакала ночи напролет, видно, мучила грыжа, как предполагали старухи. Только дед Иван мог успокоить ее, носил по комнате на руках, качал, а то и подбрасывал вверх, негромко напевал, чтобы не поднять на ноги всю семью.

Ай, дуду, ай, дуду, потерял мужик дугу

На поповском лугу.

Шарил, шарил, не нашел, сам заплакал да пошел.

Ай, дуду, ай, дуду, потерял мужик дугу...

И внучка быстро успокаивалась, еще вздрагивая, засыпала. Ее клали в старую зыбку, в которой в свое время качали не только всех сыновей Овчинниковых, но и Ильиных ребятишек. Уж больно была хороша стальная пружина закалки старых златоустовских мастеров, качающая с большим подъемом и опусканием.

- Еще до революции эту пружину купили у травниковского попа. И она все еще служит людям, - не раз радостно вспоминала Мария Алексеевна. - Не зря все соседи просили ее вместе с зыбкой. Наверно, полстанции мелких ребятишек выкачали на ней, пока не пошли кровати-качалки, в которых детишки мотались, как бревёшки, из стороны в сторону. Того и гляди – головёнка оторвется.

Но жить одной семьей – значит, вести совместное хозяйство, питаться из одного котла, на что каждому нужно вкладывать определенную сумму. А это не всегда нравилось молодым, считающим почему-то, что их обязаны кормить старики. Выкопали они всей семьей картошку Сергея с Галиной на поле, а когда позвали сноху помочь в огороде свекра со свекровью, она категорически заявила:

- Ваши лоботрясы по деревне шляются, а я пойду вам картошку рыть?

- Так ее ведь и ты будешь есть, и дочка. А наши лоботрясы, между прочим, тебе-то помогли вырыть, - обиделся свекор. - Как хочешь, можешь питаться отдельно – дело хозяйское. Насильно мил не будешь.

Не понравилось Галине жить у свекра со свекровью, мозолить им глаза, подчиняться чужому заведенному порядку. И вскоре она подогнала ко двору подводу и забрала свой горбатый и грубообразный сундук с остальными манатками, вновь подалась к родному отцу с матерью, которые жили на Пулеметном в глубокой землянке, и были не особенно рады такому повороту.

- Ты чо, так твою мать, закусил удила и домой приплелась? Хочешь, чтобы я драл тебя сабанным кнутом, как последнюю суку?

- Нету больше сил, тятенька, прости уж меня! Я с Сергеем договорилась переехать к вам. А потом, когда отслужит, мы построим свой дом.

У родителей ей показалось лучше, свободней. На что Иван Аверьянович не без ехидства заметил:

- Баба с возу – кобыле легче...

И хотя одна кровать освободилась, но на ночь собирались все, и трудно было пройти по дому, чтобы на кого-нибудь спящего не наступить. И печь, и полати, и сундук, и пол были заняты постелями. И на кровати у входа спали по старшинству. Когда кто-нибудь уезжал или уходил из дому, на его место ложился следующий младший брат. Впрочем, по такой же очередности носились фуфайки, сапоги, пимы, другие одежда и обувь, из которых быстро вырастали.

Кровать у входа занял Борис. Он все еще лечился у областных врачей, хотя болезнь с годами отступала слабо. На станции Смолино он нашел лекаря-самоучку и травника дядю Федю, бывшего фронтовика, одну ногу которому заменял деревянный протез. А еще он был глуховатым, контуженым, и с ним нужно было разговаривать громко. Жил он уже со второй женой, добродушной и приветливой Машей. Всегда веселой и краснолицей.

Дядя Федя построил в Смолине домик – непривычно для местных узкий и с высокой крутой крышей. В сенцах выкопал колодец, поставил ручной насос. Построил летний душ, баню. А на калитку поставил кнопку электрического звонка, да не обыкновенного, квартирного, а что ставят на железнодорожных переездах, чтобы мог слышать хозяин.

- Звонок тот установили под диваном,- со смехом рассказывал он Борису.- Приехала как-то Машина сестра в гости. Мы ее и положили спать на диван, а не предупредили, что под ним громкий электрический звонок. Кто-то чуть свет пришел из соседей и нажал кнопку. Он зазвонил, как бешеный. Сестра смертельно перепугалась, аж обмочилась со страху. Обиделась и моментально уехала восвояси.

Дядя Федя даже якобы немного владел гипнозом. Взгляд у него был цепкий, что невозможно отвести глаз. Он часто ездил по селам, собирал лечебные травы. Порой приглашал с собой и Бориса. И они не торопко мотались по степям и лесам. Собирали лечебные травы, сдавали в аптеки. Не раз ночевали у костерка близ озера или старого плёса. Любовались дивными закатами и малиновыми рассветами. И это умиротворяющее действовало на Бориса.

- Когда ты со мной, никаких болезней не бойся,- громко говорил Федор.

Иногда он доставал из рюкзака солдатскую фляжку с водкой, наливал в алюминиевую пробку от нее, и они пригубляли для аппетита.

- Со мной не бойся и выпить. А места тут богатые травами, особенно Травники. Да и у вас, в Бишкеке, немало полезных. Троелистка от простуды лечит, а Любка-двухличница мужской корешок жизни напрягает. Порой просят бабы, помоги, дядя Федя, моему муженьку. Ослаб он чего-то в мужском деле. Дам ей этой травки, попоит она его и со временем благодарит, мол, низкий поклон тебе. И голова у меня перестала болеть, и не радуемся вместе с мужем. От моего и его имени спасибо.

Как бы там ни было, а после встречи с дядей Федей Борис чувствовал себя лучше. Даже на работу устроился. А однажды встретил новую учительницу физкультуры Бишкильской школы Лидию Петровну. Ростиком небольшая, белобрысая, верткая, как синица, и довольно говорливая. Похоже, всеми этими качествами она и привлекла его внимание, приворожила, можно сказать. Он вдруг стал чаще бриться, рассматривать себя в старом зеркале с зеленоватым отсветом стекла, причесываться, прихорашиваться, тройным одеколоном брызгать на выбритые щеки. А однажды обратился к младшему брату за помощью:

- Ну что, срекулист поджаренный, не хочешь по привычке в Медведево прогуляться? Там в доме конторы Златоустовского подсобного хозяйства, где стоит гусеничный трактор Сани Пастухова, а точнее в другой его половине, живут учителя вашей школы. Отнеси, пожалуйста, конверт с подарком.

- А кому, Нине Николаевне?- живо заинтересовался Володька.

Он хотя и был хулиганистым мальчишкой, но учителей считал чуть ли ни небожителями. А Нину Николаевну Фатееву тем более, ведь она была писаная красавица, строгий педагог и преподавала древнюю историю. Ее уроки порой казались сказкой, ведь она своими рассказами вводила в такие исторические дебри, что голова шла кругом. И самостоятельно выбраться из этих дебрей было почти невозможно. И ее слушали с полным вниманием. Даже хулиганистые непоседливые мальчишки на время затихали, выходок которых она не терпела и не прощала.

- Вон из класса!- вспыхивала она мгновенно и долго не церемонилась. Ученики ее и любили, и боялись.

- Нет, Лидии Петровне, преподавателю физкультуры,- признался Борис, подавая толстый пакет.

Засунув его за пазуху, поближе к сердцу, Володька боялся даже сильно его тряхнуть. Шел осторожно, хотя не сдержал любопытства и дорогой заглянул в конверт, увидел там широкий женский пояс с блестящей пряжкой. С тех пор, как сломали по-

мещение старой Бишкильской начальной школы, он стал вместе с товарищами ходить в соседнее село Медведево. Школа уже стала семилеткой. Но в местной одноэтажной школе им места не нашлось, и под два класса выделили помещение на втором этаже сельского Совета. Занимались ученики в три смены. Урок продолжался сорок минут. Занятия начинались с 7 часов утра. И детям приходилось подниматься ранее 6 часов и спешить в соседнее село. За партами часто сидели по трое. Ничто не могло отменить занятий – ни ливень, ни метель, ни мороз до 40 градусов. Только когда градусник показывал ниже 40, тогда занятий не было. Чернила замерзали, дети сидели за партами в верхней одежде и варежках. Нередко ждали, когда мороз усилится и отменят уроки.

Такая учеба Володке и многим его друзьям казалась хуже каторги. И они ждали выходных, как Христова дня. И вот когда наступило долгожданное воскресенье, ему снова нужно было топать за четыре километра в осточертевшее Медведево. Он знал этот дом, где квартировали две учительницы. Каждый день проходил мимо него. Дом рублен из ровной толстой сосны. Стоял на высоком фундаменте. Двор был широким. Закрыт от улицы высокими воротами с крутой крышей. А комнаты учительниц находились в другой половине и с другого входа.

Лидию Петровну обожали все учащиеся. Зимой она вывела классы на улицу и ставила на лыжи. Ребятишки катались с горы Савинухи, участвовали в соревнованиях и кроссах. Летом играли в лапту, волейбол, футбол, городки, бегали и прыгали. Уроки физкультуры проходили интересно и весело, шумно и быстро, казалось, заканчивались, не успев начаться. И не хотелось возвращаться в классы.

- Лидия Петровна своя среди учеников, наша,- рассуждал Володка.- И это хорошо, что не Нина Николаевна. И как с той заговорить, она – человек из другого мира?

Ее натуру деревенским мальчишкам было трудно понять. Может, поэтому и иногда шкодили, не слушались. Заводилами

были широколицый Ванька Барабанщиков по кличке Арбузная корка, и здоровила Ванька Бородин по прозвищу Губан. Они что-нибудь да выкидывали на уроках. Не намного отставал от них и Володька Овчинников, маленький, худой, никак не могший оправиться после болезни.

- Расскажи нам о Геракле,- вызвала его как-то к доске Фатеева.

- Херакл был мифический герой,- отвечал он, и класс начал смеяться.

- Называй правильно – Геракл, сын бога Зевса...

- Правильно, Геракл был сын бога Зевса, а Херакл - богатырь, убил немейского льва...

- Выйди из класса, балагур!- ополчилась на него Нина Николаевна, и ее белые от излишка пудры щеки покрылись румянцем.

Лидия Петровна была попроще, как казалось Володьке. Не щеголяла своим учительством, не заносилась так, что на кобыле не подъедешь. Эта лучше...

И чем ближе он подходил к знакомому дому, тем сильнее и тревожней билось его маленькое сердце. У самых входных дверей он даже постоял немножко, переводил дух и настраивал себя. Потом робко постучал или даже поскреб пальцами, открыл массивную дверь, обитую с улицы войлоком, чтобы не пропускала холод.

- Да, входите!- ответили из-за нее.

- Можно?- на всякий случай еще спросил он, теряясь, готовый повернуть назад и даже дать ходу.

- Входи, Овчинников, входи! Каким ветром?

Слава Богу, это была не Нина Николаевна.

- Да вот, Лид-дия П-петровна,- волнуясь и заикаясь от волнения, произнес мальчишка, доставая подарок.- Пакет вам передали...

- Спасибо тебе,- поблагодарила учительница, одетая по-простецки в домашний халат и теплые войлочные тапки.

Он передал пакет и быстро выскочил в сени, будто боялся, что его могут вернуть, потом нарезал всю дорогу, словно за ним гнались, оглядываясь назад и переваривая в голове случившееся. И ему все казалось, что это было где-то далеко-далеко и даже не с ним, не на их грешной земле. И приходила радость за старшего брата, что он завел дружбу с таким большим, почти не земным человеком. Вот тебе и стрекулист поджаренный! А что за зверь этот стрекулист, он и не знал.

* * *

А там уже подрастал Сашка, наступая на ноги старшим. После начальной школы поехал учиться в Миасскую железнодорожную школу-интернат. Там жила семья тети Таси, всё близкие люди, которые в трудную минуту помогут или хотя бы дадут ценный совет. Осилив в ней шесть классов, Сашка поступил в школу ФЗО – фабрично-заводского обучения, где за полгода должен освоить специальность столяра. Профессия ему нравилась и как бы была семейной. Производственную практику они проходили в большой столярной мастерской, где стояло много всевозможного оборудования и станков, которые пилили, строгали, сверлили, долбили деревянные заготовки, только густым веером летела деревянная стружка. Она завораживала взгляд юноши, и он в уме представлял, как грубые заготовки превратятся в двери, косяки, рамы, половые доски, которые приведут в божеский вид цеха заводов и учреждений, здания школ и больниц, новых жилых домов, детских садов и библиотек. И в это грандиозное строительство, развернувшееся по всей стране после разрушительной войны, будет внесен и скромный вклад бишкильского паренька. И в этот момент даже чувствовал, что прибывал в росте, становился шире в плечах, казался себе значительнее, чем раньше. Скоро он станет полноправным строителем социалистического общества. И в его юношеской душе зарождалась теплая волна гордости, которая грела его сознание, придавала веру в себя, физические и моральные силы.

Он научился владеть топором, рубанком, фуганком, долотом, стамеской, коловоротом и прочим инструментом, без которого не изготовишь дверей, табуреток, не свяжешь рам, не соберешь сруба, не накроешь крыши.

Бывалые мастера внимательно объясняли юнцам, как владеть инструментом, подходить к механизмам, чтобы не получить производственную травму, не остаться без пальцев или глаза, ведь электрические моторы этих механизмов беспощадны к ротозеям и разгильдиям, нёхам и неумёхам.

- Молодец, Сашок, у тебя получается!- не раз хвалил его мастер производственного обучения Фома Трифионович.- Только пальцы под диск пилорамы не суй – в секунду отхватит.

Он уже привозил домой то заготовки для табуретки, то фотографической рамки. А однажды изготовил даже лыжи. И это для Володьки, а позже и его друзей стало большим праздником. Они толкали их концы в большую гильзу из-под снаряда с горячей водой, стоящую в бане, парили, чтобы дерево смягчилось. Лучше всего на лыжи шла осина. Но делали и из березовых досок, которые, правда, гнулись хуже. Затем толкали концы лыжин в специальный деревянный станок. Сводили близко и стягивали веревкой, ведь голь на выдумки хитра. Через какое-то время вынимали лыжи, спиливали на конус носки, долбили отверстия для креплений, и лыжи были готовы.

Конечно, они смотрелись аляповатыми, не заводскими. Их нужно было драить наждачной шкуркой, покрывать лаком. Смазывать скользящие части лыжной пастой, а за неимением ее мылом и жидким воском. Но это уже были детали, ведь на безрыбье и рак –рыба. И по выходным эти лыжи так же быстро, как заводские, скользили по склонам горы Савинухи, одолевали снежные трамплины и переносили лыжника по воздуху, как на ковре-самолете, на несколько метров. А впереди всех мчался главарь залининских мальчишек – Сашка Овчинников, сверкая краснощекой улыбкой, аж уши шапки вместе с завязками рвал и трепал зимний холодный ветер.

Овчинниковы-старшие радовались в душе, что подрастают сыновья и выходят на свою жизненную дорогу. По-старому бы их казачьей семье нарезали пятьдесят десятин земли. Но старое минуло в Лету. Но и сейчас сыновья начинают зарабатывать деньги, и родителям скоро должно стать полегче.

А Сашка после окончания ФЗО и отработки на миасской стройке вернулся в Бишкель и поступил работать столяром-плотником на фарфоровый завод. С одной из первых зарплат купил себе гармонь полухромку. И вскоре научился сносно играть. Наяривал вальсы и фокстроты на деревенских «пяточках», где собирались и танцевали местные парни и девчата.

Он быстро входил в авторитет. Был стройным красивым парнем с желтовато-карими глазами, зачесанными назад русыми волосами. И на него стали заглядываться бишкекские девчонки. А ему приглянулась светловолосая и сероглазая Вера Савельева, работница фарфорового завода. Несмотря на юный возраст, она в своем формовочном цехе считалась хорошей работницей. Происходила из известной и уважаемой семьи. Ее дед, Павел Михайлович Савельев, после революции возглавлял Бишкекский сельский Совет. И при отступлении в Сибирь адмирала Колчака и белочехов был расстрелян последними на возвышенности между Бишкеком и Медведевом с комиссаром исполкома Гавриилом Егоровичем Ивановым. Отец Веры, Владимир Павлович, трудился в лесозащите, следил за железнодорожными лесополосами. Организовывал посадку новых деревьев, корчевку старых. Опахивал защитные лесополосы, чтобы не спалил неожиданный пожар.

На станции и территории сельского Совета Савельевы были уважаемыми людьми. И к их небольшому домику и стал торить любовную тропу предпоследний Овчинников.

Хотя дети подрастали, а душевного покоя у Марии Алексеевны не было. Не успел вернуться из армии больной Борис, как стал готовиться к службе Сергей. Месяца за два до мобилизации чего-то не поделил он в вокзальном буфете с братвой Лёньки Авдеева. Был какой-то праздник, и молодежь станции высыпала из дворов. Одни гуляли по улицам, ходили в гости, другие крутились на станционном перроне, единственном месте Бишкиля, где в ненастные дни не было грязи. И его звали местным Бродвеем.

Володька Овчинников тоже крутился там с друзьями. И вдруг услышал шум взрослых ребят. Подойдя ближе, увидел, что его брат Сергей схватился с Гошкой Гуменновым. Они подступали друг к другу, махали кулаками. А потом сзади к Сергею подскокил Авдеев и обхватил его вместе с руками ниже локтей. В это время нетрезвый Гуменнов успел выхватить бритву и дважды полоснуть его по лицу. Вовка замер, не зная, как помочь, и увидев, как по лицу Сергея потекла кровь. И толпа сразу расступилась. Освободившись от коварных объятий Леньки, Сергей в два прыжка достиг первого пути, схватил лежащий между шпалами булыжник и ударил Гошку по голове. К счастью, удар пришелся вскользь и не развалил черепной коробки. Ленькина шайка сразу кинулась врассыпную.

Но кровь шла обильно, и пострадавшего быстро начали перевязывать какой-то подвернувшейся под руки тряпкой. И вскоре Гошка стал похож на киношного пирата, по лицу которого, шее, одежде текла кровяца. И стало темнеть вокруг глаз.

Серегу схватили Егор Подкорытов, другие ребята и повели домой. А Володька бежал рядом, как преданный пес, и с боязнью смотрел на брата.

- Давайте грохнем эту скотину Гошку,- предлагали ребята.

- Потом разберемся, ему и так досталось,- успокаивал их пострадавший.- Это Лехи Авдея месть, что я не пошел в их шайку, не попался на краже и не волок с ними срока.

- Зачем ты связываешься с дерьмом?- ругал Сергея отец.- Они же разбойники, головорезы. Хотели отцу родному бросить на голову с вагона рельсовую подкладку. По ним тюрьма снова плачет.

Сергея умыли, раны присыпали стрептоцидом. Хорошо, что глаз не задело. Со временем раны затянутся, хотя следы от бритвы останутся на всю жизнь. И неизвестно, что ожидало его впереди. Но вскоре Сергея забрали в армию. Хотя легче матери не стало, ведь через несколько месяцев появится дочь, а потом сноха уедет с ней к своим родителям.

Самым спокойным и покладистым из сыновей казался Сашка. Он был беззлобным, веселым. То и дело пощелкивал пальцами, как циркач, напевал какой-нибудь модный мотив, услышанный в новом кинофильме. А то и присочинял собственные слова для него:

По блату, по блату
Дала сестренка брату
Горячей кочергою,
Аж тот от боли воет...

На фарфоровом заводе о Сашке отзывались неплохо. Его бригада выполняла всевозможные заказы цехов. Навешивала двери и врезала окна в новые помещения. Изготавливала ящики для отправки потребителям столовой посуды и чайных сервизов.

- Ничо парнишка, работающий, послушный,- тепло отзывался о нем бригадир Дорофей.- Из него получится добрый мастер. Только вот одна беда – влюбился он в дочку Володи Савельева. Как увидит ее, так глазенки и загораются светом утренней зари. И ее лицо расцветает, как розовое солнышко. Больно не равнодушны друг к другу.

- Но это разве беда?- возражал с улыбкой Овчинников-старший.

- Так ведь дело-то к свадьбе. Женитьбе.

- Женим, если женилка выросла,- смеялся Иван Аверьянович.

А Сашка все больше задерживался вечерами. Они с Верой и друзьями ходили танцевать на «пяточки». Потом долго гуляли в обнимку по улицам станции, хутора. Однажды встретили в темноте старуху Бояркину. Подслеповатая, она завязла в грязи и не могла выйти на дорогу.

- Кто там шарашится?- спросил Сашка.

- Это я, Боярчиха. Не выберусь никак из грязи, совсем слепой да никудышной стала.

- Вот есть фонарик, давай посветим,- предложил юноша, протягивая ей руку.

- Фу-на-ри-ик?- нараспев произнесла старуха.- Вот спасибочки вам, добрые люди, а то бы посреди родной улицы утопла!

Нередко гуляли до самого рассвета, пока он не провожал ее до дома, стоящего на самой последней улице, что смотрел двумя окнами на село Медведево, край которого выглядывал из-за холма. На прощание крепко обнимал и целовал девушку, прижимал к груди, слыша тревожный бой ее девичьего сердца. И ему казалось, что это бьются их общие сердца, разлучить которые невозможно никакими силами. Шептал откровенно:

- Люблю тебя больше жизни.

- И я люблю. И до самой смерти буду любить,- бесхитростно признавалась девушка, преданно заглядывая в глаза.

- Только вот в армию мне осенью,- грустно вздыхал кавалер.- Ждать-то будешь?

- Ждать ты станешь, не обманешь,- пропела она словами из песни.- Буду, а как же? Люблю ведь, не могу без тебя. Обязательно дождусь.

В дом Овчинниковых она осмелилась прийти, когда его провожали на службу и был прощальный вечер. Пришла впервые. Вместе с неразлучной подругой Зиной Ермаковой, местной красавицей и модницей. Вера скромно сидела за праздничным столом, заставленным закусками, стаканами с брагой и рюмками

с магазинным красным вином. Подняв рюмку, когда просили, она чокалась с Саней и пригубляла чуть-чуть, для вида. А когда призывник заиграл на гармошке, она запела вместе с другими:

Ой, красивы над Волгой закаты!
Ты меня провожала в солдаты.
Провожала, руку жала,
Руку жа-ала, руку жа-ала...

Мария Алексеевна незаметно поглядывала на Веру и признала ее скромной и милой девушкой, сильно стеснявшейся в чужой семье. Да ведь это разве плохое качество – стеснение? Ее сероголубые глаза казались добрыми и искренними. И это рождало надежду, что она серьезная и ответственная девушка, которая не на словах, а на деле будет ждать три нелегких года ее сына. Что она работящая, не избалованная. И что еще надо деревенскому парню, который тоже не без достоинств? Не прогульщик, не летун с места на место, не хулиган. И фигурой ладный, и лицом красив. Что еще надо для семейного счастья?

В общем, понравилась будущая невестка матери. А отец по этому поводу скупно проронил:

- Ничо вроде девка. Лишь бы лад был.

Вместе с отцом и братьями Овчинниковыми до самого районного военкомата проводила Вера своего любимого. Вспыхнув лицом, целовала на прощание. Но не успел тот доехать до части, как к дому Савельевых стали направляться сваты, чтобы сосватать их младшую дочку. Но она не хотела и слушать. А выдать силой родители не решались. Хотя и говорили с сомнением:

- Прождешь три года, а он передумает на тебе жениться, возьмет другую.

- Не возьмет, он мне обещал.

- Обещанного три года ждут...

- Вот как раз три года и подожду.

А в один из выходных в дом Савельевых нагрянули Мыль-

никовы. Когда-то они жили по соседству недалеко от вокзала. И Верина мать дружила с матерью Михаила Мыльниковы.

- Можно?- вежливо постучали они в дверь и спросили разрешения хозяев.

- Заходите, старые друзья! Чего вы стесняетесь?- пригласили Савельевы.

- У вас есть товар, а у нас имеется купец-молодец, рыцарь-стрелец по имени Михаил-угодник,- с места в карьер взяли сваты.

Михаил был высоким и видным парнем. Отслужил в Морфлоте. Мыльниковы хорошо знали Веру и ее родителей. Работящая, скромная, она давно нравилась им и могла стать неплохой подругой жизни и женой для Михаила, снохой для родителей. Ее мать с отцом вроде бы тоже были не против этого брака. Разве умные люди откажутся от такого мужа и зятя? Здоров, как бык, силен, да он больше мерина увезет! И все-таки старики Савельевы не давили на дочь.

- Купец-то у вас хороший, нет спору. Да ведь нынче другое время, не царское да боярское, когда невесты были бессловесными существами. Ведь человека уважать надо. И за это уважение, за эту свободу наш родной тятенька отдал свою жизнь. И поступить по-своему – значит, оскорбить память об отце и революционере. Вы уж простите нас, простодырых, при всем к вам уважении мы должны спросить согласия дочери. Вера, выйди-ка сюда! Ты согласна пойти замуж за Михаила?

- Простите и вы меня, дорогие соседюшки. Михаил парень видный, ничего не скажешь. И он найдет свое счастье в жизни. А мое сердце отдано другому – Сане Овчинникову. И что бы ни случилось, я буду его ждать.

Не на шутку осерчали Мыльниковы, не ожидавшие такого поворота. Но ведь и хозяева им не отказали. А что выслушали мнение дочери, так разве это так уж плохо? Они же дети первого председателя сельсовета. Люди упорные и честные. Что задумают, запотимят, от того не откажутся. И незадачливые сваты ушли ни с чем.

- Верка Савельева верна Сашке, как преданная собака. Ждет честно хозяина!- с восхищением и завистью говорили в Бишкеке.- Никуда из дому не ходит, разве только когда в кино с Зинкой Ермаковой. И сразу домой. Умеют русские бабы ждать, ничего не скажешь.

* * *

А Володька Овчинников был почти полной противоположностью старшему брату. Впечатлительный, горячий, наверно, передались гены деда Ильина, а может, и сказалась недавняя болезнь, но он не любил никому подчиняться, не переносил насилия, издевательств, вспыхивал, как свечка, даже при мелкой обиде. Никому не давал спуска, даже брату Сашке, который был намного старше и сильнее. В сердцах мог запустить в него, что попадет под руку. И тот не на шутку опасался его, да и отец заступался за слабого. И не потому, что был злым мальчишкой, а потому, что не терпел несправедливости и незаслуженных обид. И если словесно он еще не научился давать отпор, убеждать людей и умело доказывать свою правоту, то ему казалось, что тогда надо действовать силой, хватать которой ему, болезненному, было рано.

Нет, его не обижали в школе или на улице, ведь за его спиной стоял лес братских рук, которых на станции побаивались. И не каждый бы решился обидеть младшего Овчинникова. Да он и не просил у братьев защиты, стремился решать свои проблемы самостоятельно. Был совким, как выражались родители, и его куда-нибудь да заносило, часто попадал в какие-либо неприятности, как, впрочем, и его товарищи. Однажды, когда еще не учились в школе, они с Вовкой Калетиным и Мишкой Юсуповым вышли за поселок, где на ближней поляне косили траву конной косилкой. Косарь и не заметил, как они вывернулись из-за высоких лопухов и попали под ножи косилки. Поздно схватился за вожжи. У Мишки и Вовки захватило по ноге и сломало. А Овчинников был сзади их и отделался легким испугом. Его любознательных

приятелей отвезли в районную больницу, наложили гипс, и они долго лечились в Чебаркуле. И если нога у Калетина срослась удачно, то Мишка потом всю жизнь подтаскивал одну ногу, на которой были порваны сухожилия.

Уже в классе четвертом мать отправила Володьку навестить Бориса, который лежал в психбольнице в поселке Мирном. Он находился в двенадцати километрах от Бишкиля. Остановка поезда называлась каким-то километром, а в простонародье - Психколонией. От нее до больницы было еще километра полтора. Несмотря на малый возраст, Володька, выросший на железнодорожной станции, на электричках ездил самостоятельно. Даже в Челябинск за пятьдесят километров, если было нужно.

Он благополучно добрался до больницы, нашел брата, отдал гостинцы, поговорил с ним, спросил о здоровье, как велела Мария Алексеевна, передал привет от родственников и собрался уходить.

- Ну, давай, стрекулист поджаренный! - помахал на прощание Борис. - Счастливой дороги.

И брат пошел обратно. Одолел пологий подъем холма, любовался зелеными на колхозном поле. Слушал птичье пение, ведь наступила весна, и пробуждалось все живое. И на его душе так стало хорошо и радостно, что пришла весна, что проведал брата. Правда, дорога была еще грязной, и он предусмотрительно обул резиновые сапоги, ведь по селу без них не пролезешь.

Не дойдя до остановки метров сто пятьдесят, он услышал гудок электрички, спешащей со стороны Биргильды, которая с пригорка была хорошо видна. И мальчишка, чтобы не ждать следующей, решил, во что бы то ни стало, поспеть на эту. Старался бежать изо всех сил, но ему мешали тяжелые от грязи сапоги, повешенная через плечо солдатская сумка. Да и одет он был в фуфайку, зимнюю шапку.

Электричка мчалась быстро, будто ее подгоняли кнутом. На разъезде не стояла и минуты. Володька торопился изо всех силенок, задыхался от свежего ветра и тяжело дышал. Молил

Бога, чтобы она его подождала. Махал рукой машинисту, который смотрел в его сторону и видел мальчишку. И тот надеялся в душе, что машинист подождет его несколько секунд. Но он не подождал, дал сиплый сигнал отправления. Электропоезд мгновенно тронулся, его двигатели усиленно заработали, а ход он набирал быстро. Но он был совсем рядом от мальчишки, рукой подать. И тому не хотелось его упускать. Он надеялся запрыгнуть на ходу, ведь уже миновал лесопосадку. Но линия находилась в неглубокой выемке, и нужно было одолеть спуск. А под рельсами была высокая насыпь из крупного щебня, который осыпался под ногами. Высоких платформ на перегонах тогда еще не строили.

Володька бросился к подножке и достал до нее только грудью. Одной ручонкой ухватился за поручень, другой за решетку металлической ступеньки. А ноги повисли в пустоте, цеплялись за землю. Он пытался закинуть одну из них на высокую подножку. Там бы уж он выбрался. Но тянули вниз тяжелые сапоги, сумка, мешающая преодолеть барьер. И он закидывал ногу, закидывал, но грязный сапог все срывался со скользкой металлической ступеньки, а ноги волочились по щебню.

Своим детским умом он понял, что ему так не продержаться, не провисеть до следующей остановки. Тем более, на пути будет железнодорожный мост, конструкция которого собьет и сомнет его хилое тело, как травинку. Но как подняться на ступеньку или остановить поезд, который безжалостно набирал и набирал ход, безответственно постукивая колесами на рельсовых стыках?

- Конец тебе, Вовка!- прошептал он испуганно.- Как мама-то останется без тебя?

Он с надеждой поднял голову, умоляюще посмотрел на окно вагонной двери и увидел за ним молодого мужчину. Тот смотрел с любопытством, а потом попытался открыть двери, даже стал рвать на себя ручки, но обе двери были закрыты на ключ.

Наконец, закрипели тормоза, и электричка стала быстро сбрасывать ход. Володька догадался, что это сорвал стоп-кран

наблюдавший из тамбура мужчина, или увидел и стал экстренно тормозить машинист.

Вскоре прибежала проводница, открыла дверь, и они втащили мальчишку наверх, усадили на ближнюю скамейку вагона.

- Ты что делаешь, пацан, чуть не погиб!- стала журить его пожилая проводница. Но он ее почти не слышал, тихо плакал, уткнув лицо в отворот старенькой фуфайки, только что сильно испугавшись и до конца осознав, что чуть не лишился жизни. И не так боялся за свою жизнь, как за больную мать, ведь она могла не вынести этой трагедии.

Подрастая, Володька все чаще ездил с приятелями на поездах. То в Чебаркуль на каток, то в Мисяш на рыбалку, где в озере клевали крупные карпы и сазаны. Ездили за неимением денег в основном на подножках вагонов, порой убегая от контролеров и перебираясь с одной на другую на ходу поезда. Володька не отставал об более взрослых ребят. И в тот момент, когда нужно было одну ногу переносить на подножку соседнего вагона, приходилось опускать поручень, чтобы схватиться за другой, ибо руки были еще короткими и не доставали. И какое-то мгновение балансировать лишь на ногах с вытянутыми от вагона к вагону руками и, не держась ими. Качнись в это время посильнее вагон, и не избежать падения на землю и бессмысленной гибели.

Порой, когда ехали не на электричке, а на крыше пассажирского поезда, они шли по вагону, согнувшись в три погибели под высоковольтным контактным проводом, напряжение в котором было 3300 вольт. Чуть просчитайся, подними выше голову, и потеряешь жизнь. Мальчишки о таких случаях знали и помнили, ибо сами были свидетелями подобных трагедий. Но риск и бравада им были не чужды. Так, наверное, зарождался экстрим.

- Плачет по тебе налыгач,- не раз говорил Володьке отец, который хоть и не часто, но учил его уму-разуму своим узким брючным ремнем.- Пороть тебя надо, как сидорову козу.

Правда, мальчишка не помнил долго обид, понимал сознанием, что строгий родитель прав, что он заслужил выволочки.

Но все равно его опять куда-нибудь заносило. То в чужой огород залезут, моркови нарвут, огурцов, репы, хотя в огороде Марии Алексеевны овощи созревали раньше всех. Но запретный плод был слаще. И пошкодить тянуло. Однажды высмотрели, что у Запевалихи под окном созрела крупная черёмуха. Попроси они у старухи, она бы сама впустила их в сад. Да и на улице, возле элеваторского колодца, она росла. Но запевалихина больно привлекла внимание мальчишек.

- Вовка, смотри, там ботало привязано на дереве, чтобы загремело, если станут черемуху обламывать!- радостно воскликнул Юрка Бодин.- Вечно они что-нибудь придумают. То какую-то Микеру – нечистую силу – запустят в грязном пальто и с конопляной косой да тяткой в руках, чтобы пацанов напугать да от чужого огорода отвадить. То колдовство придумают. Надо их хорошенько проучить.

Володька хорошо помнил тот случай. Уже начинало темнеть, и мальчишки играли рядом вместе с запеваловскими внучками. Вдруг подул ветерок, и из зарослей мака и укропа поднялась эта самая Микера, показавшаяся одним ведьмой, другим чудищем заморским. Она погрозила им тяткой, еще прошла несколько метров и исчезла в зарослях сада. А пацанва бросилась врассыпную. Только позже они поняли, что это была злая шутка, розыгрыш, чтобы мальчишки не вздумали залезть и сверкнуть маланку. И за этот испуг и обман должны были отомстить. Вот теперь и подвертывался случай.

- Давай маланку сверкнем!- предложил пронырливый мальчишка Бодин.

- Да можно. Это будет ответ на их Микеру,- согласились приятели.

Маланку сверкать на бишкильском языке означало лазить по огородам. И они терпеливо дождались, когда придет вечер, стемнеет, когда улягутся в доме, и направились ко двору Запеваловых.

- Пошли!- шепотом скомандовал Юрка, и они с Калетиным полезли за ним в палисадник.

Придерживая язык ботала, чтобы не загремел и не поднял хозяев, отвязали его от дерева и привязали к ручке ворот, чтобы потом напугались сами хозяева. Подналегли втроем и отломали хороший сук. Перекинули через забор и понесли за лесополосу, где возле железнодорожного полотна была длинная поляна. Свет от проходящих поездов ненадолго освещал их сладкую добычу, и они высматривали и уже не на ощупь рвали ягоды черемухи и кидали в рот, дробили зубами косточки и глотали. Ягоды казались вкусными, хотя от них сильно вязало во рту.

- От поноса помогают,- со знанием дела заметил Юрка.

- Ты не гни меня, не ломай меня, а залезь на меня да начамкайся. Это про кого сказано?- невнятно спросил Овчинниаов, чей рот связали ягоды черемухи.

- Про ранетки!- радостно выкрикнул Калетин.- Вон у Роговских их сколько! Брюхо может лопнуть.

- Про черемуху, темнота! А мы не пожалели и наломали дровишек. А теперь чавкаем.

- А они нас шибко жалели, когда эту Микеру с тяткой выпустили?

Однажды, когда они учились в пятом классе и спешили в Медведево на занятия, пошли не по прямой дороге, как обычно, а через мельничный пруд. На нем был уже лед. И они часто там катались на коньках. Но в этот раз Володька с Юркой были без коньков, разбежались и ехали на подошвах сапог, догоняя друг друга и резвясь. И вдруг увидели опускающуюся на лед стайку уток.

- Еще не улетели, что ли?- удивились мальчишки.

- В полынью сели. Побежали за ружьем!

И они, не сговариваясь, рванули в сторону Бишкиля, колесили по улочкам и переулкам, ведь жили за линией. Вернулись примерно через полчаса. Тихо высматривали из-за скованных льдом камышей.

- Там сидят, в полынье!- первым увидел востроглазый Юрка. Он был постарше и побойчее.- Дай мне ружье.

- Я сам. Ты жди тут, не спугни,- не согласился товарищ и, держа переломку в руке, тихо пополз в сторону полыньи.

Уток было штук восемь. По виду тяжелые, похожие на крякв. Но особенно выделялся крупный селезень, в оперении которого были белый, серый, зеленый и смешанные цвета. И утки перед ним как бы уважительно кланялись, изгибая шею и опуская голову. Мальчишка на мгновение залюбовался им и чуть не выдал себя. Птицы подозрительно закрутили головами. Жаль было губить такую красоту и отпускать жаль, и охотничий азарт оказался сильнее. И он нажал на спусковой крючок. Стая мгновенно всплеснула крыльями и быстро устремилась в небо. И лишь голова красавца-селезня бессильно упала в воду.

Мальчишки дружно бросились к полынье, достали и любопытно рассматривали еще теплую добычу. Потом Володька затолкал ее за пазуху, и они возбужденно и радостно направились домой, дружно обсуждая дорогой удачную охоту, забыв про занятия в школе.

Следующим летом бишкильские мальчишки нашли на сенокосе артиллерийский снаряд, очевидно, залетевший с находящегося неподалеку полигона. Они начали с ним баловаться, бросать на поляну и пеньки. И снаряд разорвался, унеся молодые жизни нескольких человек. Правда, залининских ребят среди них не оказалось. Сам Бог миловал. А вот Витьке Рычкову ходившая на полигон за ягодами мать принесла вместо игрушки какую-то штуковину. Сидящий за столом сын начал с ней играть, стучать по ней железной ложкой. И эта штуковина разорвалась, изувечила мальчишке руку. На ней остался после взрыва один лишь указательный палец, да и тот не гнулся, как пистолетный ствол. За это его прозвали Пистолетом.

В школе Витька нередко ширял этим негнущимся пальцем под бок ребят или девчонок. Однажды они нажаловались директору, мол, пистолетом дерется, и тот вызвал его к себе.

- Рычков, отдай наган!- грозно потребовал он, сам недавнишний фронтовик.- Пока дело не дошло до беды.

- Какой наган?- удивился мальчишка.
- Каким тычешь под бок.
- Да это вот пистолет,- показал тот стеснительно изуродованную кисть.

И директор слегка растерялся при виде ее, не зная, ругаться или смеяться. Давно закончившаяся война продолжала вредить и в мирное время, что расстроило бывалого фронтовика.

22

Ольга Бодина считалась боевой и энергичной бабой, острой на язык. Не язык, а беспощадная мясорубка. Никого не щадила, даже мужа Андрея, сыновей Юрку, родившихся после войны Витьку и Женьку. Нещадно ругала и костерила за любую провинность, а нередко и ни за что, чтобы заранее боялись.

- Ах ты, курва долгоногая! Опять рубаху порвал!- кричала она всполошенно на Юрку, давая ему подзатыльник. И тот старался скрыться с глаз долой.- Я те суконная лавка, что ли? Напасусь на вас, зимогоров?

Попадало и Андрею Семеновичу. На войне он не был, в боевых действиях не участвовал, у него дома было похлеще войны. В самом ее начале умыкнул воз колхозного сена или дров, и его осудили, послали в трудармию. Это, конечно, не тюрьма, но что-то между лагерем, свободой и вольным поселением, где нужно было искупать свою вину самоотверженным трудом. А Андрей Семенович был токарем, хорошим токарем, что в то время считалось редкой профессией.

- Арестант колодный, мордва тьмутараканная, пенза стоеросовая! Не мог в стайке почистить, корму дать скотине?

- Дык, мык,- оправдывался немногословный и замкнутый супруг,- дрова колол, в поленницу складывал... Вон какую кучу набухал.

- Набухать бы тебе по дурной башке этими поленьями, чтобы побыстрее шевелился!- не унималась заводная жена.

Андрей особо не сердился, считая ее не так злой, как несдержанной. За много лет он привык к ее наскокам и словесным выходкам. Она была неплохой хозяйкой, заядлой грибницей и ягодницей, за которой никто из соседей не мог угнаться. Ведро она набирала быстрее всех, набирала с шапкой, и ягоды были самые отборные, красные и крупные, будто нарисованные на картине или специально выращенные для нее. И грибы ломала самые лучшие – белые, маслята, обабки, жаренье из которых считалось самым вкусным. А на засолку – грузди, бычки и другие породы, которые хранились до самой весны в бочках и были желанными к любому столу. Она долго не задерживалась у богатых куреней, как звали особо ягодные и грибные уголки, а шла ходом, как машина, почти без остановки, успевая сорвать лучшие плоды и бросить в ведро или лукошко. Да не просто беспорядочно бросить, а еще успеть повернуть той стороной, которой они выгодно смотрелись. И этот урожай без случайной травинки или стебелька можно было сразу нести на привокзальный рынок, где продукция Ольги Степановны шла вне конкуренции. Ее сразу замечали пассажиры останавливающихся поездов и брали, не торгуясь.

- Как тебе так удается?!- дивились станционные бабы.

- Господь Бог помогает, я ведь верующая!- не без гордости отвечала женщина. И нередко казалось, что в ее темно-синих глазах загорались загадочные огоньки, что в них таились какие-то необычные способности.

Но женщина считалась еще и необычайно болтливой, за что ее прозвали Тряпишной бабой. И бедным был тот человек, который попадал на ее острый язык.

- Вон сосед доворовался, теперь парится в тюряге. А сестры его, прости меня Боже, такие б...ди, что не приведи Господь. Роту солдат через себя пропустили и не ахнули, курвы бишкильские, еще и замуж выгодно выскочили!

Громче ее никто не говорил на завалинке. Ее звонкий голос, подхваченный ветром, летел в конец улицы, где начиналась по-

лоса лесопосадки. И перекричать ее мог только оглушительный гудок электровоза. В компании Ольга была веселой, считалась хорошей плясуньей и певуньей. При исполнении частушек не стеснялась в выражениях. В праздники их тесная компания нередко выходила на улицу с гармошкой. И Ольга плясала вместе с другими и пела с азартом:

Шире шаг, шире шаг –
Залетел в... дыру ишак...

Кто из встречных хохотал, а кто и презрительно плевался:
- Вон богомолка рассекает! Ни стыда, ни совести! Хоть бы детей постеснялась, непутевая. А потом этими погаными устами будет молитвы читать...

Богомолкой она была на самом деле. Причем неистовой, нещадно мочалила себя в молитвах и постах, била поклоны до самой земли, как только лоб ее выдерживал, дивились селяне. В каждый праздник, субботу и воскресенье ходила в церковь к вечерне, заутрене и на другие церковные службы, нередко оставив дома маленьких ребятишек. А с дальнего конца Бишкиля до дальнего конца Медведева километра четыре, не меньше. В любой невыносимый мороз, беспросветную метель, завязав до самых глаз лицо шалью, шла она одна или с товарками-богомолками в Святой храм. От куржака брови, ресницы, ноздри и закрывающая лицо пуховая шаль были бархатно-белыми, словно их специально покрыли густой известкой. Мороз и ветер пробирались за пазуху, лезли под юбки, в пимы, но она упорно, как заведенная, шла и шла, не зная устали, стараясь достичь своей единственной цели. А вокруг были то недовольно волнующийся лес, то бессловесное поле, где могло занести немилосердным бураном, что не найдешь до самой весны. А еще нужно было проходить близ сонного кладбища с покосившимися крестами, будто они тоже преодолевали буран, заметенными могилами и высокими оголенными зимой березами, словно их листья кто-то объел голодный, на которых летом гнездились многочисленные грачи. Продираясь мимо него, она боязливо крестилась.

- Господи, пронеси и помилуй свою грешную рабу. Зайдешь случайно и не выберешься оттуда, там и поляжешь...

Было часа три – четыре утра. Неожиданно появлялись первые звуки медного звонкого колокола, набатом отдававшиеся в неподготовленных к ним ушах. И она, чтобы не сбиться с пути, шла по ним в темноте, как мореход по звездам.

В Медведевской церкви Ольга была уважаемой прихожанкой. Даже пела на клиросе, и ее звонкий голос выгодно отличался от других певчих и несся далеко за пределы храма, к деревянной поселковой больнице, в сторону Опытного Поля и к реке Бишкильке. И казалось, что стоящие перед алтарем люди молятся и кланяются не только иконам, но и священнику с певчими, в том числе Ольге Бодиной.

В Крещенье, отстояв на ногах заутреню и обедню, она возвращалась домой, несла в бидончике святой, крещеной воды, которой делилась с соседями, чтобы побрызгали на икону, в углы и на богатство, не забыли животину и хлев. В Пасху ее просила соседка Овчинникова сносить и посвятить в церкви крашенные яйца. И Ольга Степановна не отказывала не только ей, но и другим немощным.

Андрей Семенович был ей полной противоположностью. Малоразговорчивый, замкнутый, спокойный до удивления, он купил свою вину на трудовом фронте в трудармии и после войны работал токарем на фарфоровом заводе. Становился неоднократным победителем социалистического соревнования. Даже имел значок победителя и другие награды. И его как передовика производства не то восстановили, не то приняли впервые в ряды коммунистической партии. Он поддерживал ее идеи, безотказно поднимал руки при голосовании, одобрял политику партии, лично товарища Сталина и Советского Правительства. Принимал посильное участие в общественной жизни коллектива, был агитатором и пропагандистом в предвыборных кампаниях. Даже избирался депутатом сельского Совета. В общем, был уважаем не только в трудовом коллективе фарфорового завода, но и на административной территории.

И только одна закавыка была в его личной и партийной биографии – это богомольная жена. Как торчащая в глазу заноза, она не давала покоя не только и даже не столько самому Андрею Семеновичу, сколько заводским партийцам. Особенно секретарю парторганизации.

- Андрей, ты когда приструнишь свою богомолку?- строго спрашивал он токаря.- Ведь это позор на всю организацию: коммунист Бодин, лучший токарь завода, а супруга его – мракобес на весь лес и Чебаркульский район! Не можешь убедить в ошибочности взглядов и религии - опиума для народа – близкого человека! Да тебя вместе со мной надо в три шеи гнать поганой метлой из членов партии!

- Да стараюсь я, работаю в этом направлении,- слабо оправдывался тот, опуская уставшие глаза.

- Работает он, беса ему в грызло! Значит, хреново работаешь! Не во всю силу. Умелый токарь – не можешь обточить деревенскую бабу.

- Вот возьми да сам обточи!- не сдержался как-то коммунист.- Хоть убей – стоит на своем. До развода доходило, а она ни с места. Ей – брито, а она – стрижено. За развод, сиротство детей партия тоже по голове не погладит. Хоть так плохо, хоть эдак не хорошо. А в трудах классиков марксизма-ленинизма эта проблема не охвачена. Даже Энгельс в работе о семье не научил, как мне быть. Так с кого тогда спрашивать прикажешь?

- С совести и убежденности коммуниста. Ребенок он маленький – учить его, как быть. Небось, в постели знаешь, как быть с женой, пацанов настрогоал. А в жизни не знаешь.

- В постели сама природа, ночь учит. А в жизни – теория. Значит, слабая у нас теория, товарищ секретарь,- беспомощно однажды развел руками передовик производства.

- Ты попрिдержи язык-то – слабая теория! Да за эту теорию миллионы людей погибли в Гражданскую и Великую Отечественную войны! Хочешь, чтобы из рядов партии исключили? Или строгача вlepили с занесением в учетную карточку? Научился,

понимаешь, болтать у жены, бабьего агитатора.

Выносили ему и строгача, но он ничего не мог поделаться с несговорчивый и своенравной супругой. Уперлась, как бык рогами, с места не своротишь, невесело рассуждал удрученный Андрей Семенович. И страдал, и по заднице хлопал, и со слезами уговаривал. Уперлась, и все тут! А разойтись с ней, значит, сыновей потерять. Особенно жалко младшего, Женьку, сильно смахивающего на отца, черноглазого и красивого мальчугана. Да и Юрка с Витькой, хоть большеносые и синеглазые, в мать, золотушные и от простуды сопливые, сыновья же! Твои наследники. Как их бросишь, ведь сиротами станут при живом отце! Мало на станции после войны сирот, что ли?

- Ты где шляешься, пензяк сопатый, опять на собрании?- не раз напускалась на него жена. - Картошку надо из погреба доставать, а ты все заседаешь, так твою мать, прости меня Господи!

- Ну что с ней делать?- безнадежно спрашивал он себя?- И ее жалко, заблудшую овцу, дуру. И на работе проходу не дают из-за нее. А она еще с венчаньем то и дело подступает. Хочет, чтобы меня из партии вышибли. Агитатор хренов! Не я ее, а она меня переубеждает. До ручки ты дожил, коммунист Бодин! Действительно тебя из партии нужно гнать поганой метлой, чтобы не позорил ее. А из партии выгонят – авторитет потеряешь, трудовую славу. Уж больно партия возвеличивает труд и рабочего человека. И это правильно. Ставит его выше всех, и это справедливо. Не эксплуататоров же, помещиков-дармоедов возвеличивать, на которых гнул спину простой человек, рабочий и крестьянин? Знаем мы эти «товар – деньги – товар». Изучали на политзанятиях. Дык, мык, а чо делать, делать-то чо, едри ее в копалку?

* * *

Их старший сын Юрка был точной копией матери. Походил лицом, обличьем и повадками. Был такой же разговорчивый и болтливый, ни на минуту не закрывавший рта. Об услышанной

тайне разносил мгновенно, как трескучая сорока, по всей станции и за ее пределы, и ему ничего нельзя было доверить и сказать. Тряпичной бабой по наследству звали и его.

Но он был таким же подвижным и бойким, проворным. Когда друзья ходили с ним по ягоды, то только завидовали и злились. Чуть не рысью бежал он по полям и подлескам, умудряясь срывать клубнику обеими руками. И когда товарищи еще не набирали и половины ведра, у него уже топорщилась над краями ведра горка, и красноглазые ягоды срывались с нее и падали в траву. Он вальяжно и гордо подбирал их, толкал в рот, откусывая от зеленой бахромы, которую умелым щелчком пальцев отбрасывал вон. Он был довольным и веселым, красовался перед приятелями-неумехами.

- У них и корова такая, не удержишь на месте, сколько кнутом и клюшкой ни бьют ее пастухи, только зло косит глазом и несется вперед, как чумовая. Бодинская порода,- со смехом рассказывал Володька Овчинников.

Чуть дальше их домов, у самой железной дороги, была вырыта большая канава, в которой, очевидно, брали когда-то гравий для полотна железнодорожники. Она заполнялась весной талой, а летом дождевой водой, и в ней до осени купались мальчишки. В стоячей и непроточной воде чего только не было, даже плавали какие-то мелкие червячки, домашние гуси. Но мальчишки ничем не брезговали, ибо до речки было идти далеко, а канава находилась в нескольких шагах. В ней и учились плавать многие залининские мальчишки, не замечая, что после купания даже подбородки были в грязи.

Однажды они не заметили, как разразилась гроза. Пошел проливной ливень с градом, и несколько ребятшек по крутым ступенькам забрались в кабину брошенного в тупике старого паровоза. Гремели страшные раскаты грома, несясь над землей и придавливая к ней все живое. Сверкали и ломались над головой похожие на большие пилы молнии, пускали стрелы и бились ими в стальное чудовище. И при каждом ударе испуганные

мальчишки закрывали головы трясущимися руками и боязливо приседали к полу. А крупные, с голубиное яйцо, градины с силой и звоном прорывались в проемы окон, двери тендера, крошились от ударов о металл и мелкими осколками осыпались на головы и тела мальчишек.

- Свят, свят, свят!- не выдержал Юрка и испуганно осенил себя крестным знамением.- Видать, грешники среди нас. Небось, Боженька гневается на Борькиного деда Кононыхина за то, что не верует и не ходит в церковь. Креститесь, придурки!

И ручонки испуганных мальчишек потянулись ко лбу, животу, плечам.

- Говорите: Господи, прости нас, грешных и чёкнутых!- командовал Юрка.- А Вовка Калета – грешник вдвойне, даже под косилку ногой попадал.

И приятели, выкатив глаза, повторяли за ним. Он, конечно, не был таким богомольным, как мать. Но помнил ее привычки, слова, молитвы, которые она произносила в трудные минуты. Но гроза вскоре и правда кончилась.

А еще Бодин пристрастил мальчишек ходить по церковным праздникам по дворам соседей славить. В Рождество они даже нестройно пели:

Рождество твое, Христе Боже наш!

Во всяя мира ты свет разума...

И хотя эти слова Вовкина мать Мария Алексеевна написала ему на бумажке, он их произносил сплошным предложением:

Воссиямира ты свет разума...

Дева днесприсущественного рождает,

И судьба вертепнеприступному приносит...

Но это не меняло дела. Им подносили шаньги, пряники, сырчики, а кто мелочь, конфеты и даже сильно потрепанные рублевки. Ольга Степановна всегда была щедрой, если только находилась дома и успевала вернуться из церкви. И Мария Алексеевна каждый раз привечала славильщиков, без гостинцев не отпускала. Они и заходили к таким, кто не был жадным и пода-

вал даже последнее. А скупердяев обходили стороной, обильно плюнув у их запертых на засов ворот.

В Пасху мальчишки набирали полные карманы крашенных яиц и бились их узкими сторонами на выигрыш. Скорлупа чьего яйца трескалась, тот проигрывал и отдавал яйцо сопернику. В этот праздничный день мальчишки их до того наедались, что невыносимо давило пищевод. Казалось, они застревали там и не проходили дальше, особенно желтки.

Но, кроме этого, в каждом доме пекли шаньги, пироги, готовили мясные блюда и разные сладости, которых можно было есть от пуза. И люди не только разговлялись, но и досыта наедались после длинного и изнурительного поста. Не зря фраза «Христос воскрес» запоминается людям с глубоко детства до последнего дня жизни.

23

Дом Сергею рубили в отцовском огороде. Отслужив в армии более трех лет водителем-механиком танка, Сергей вернулся поздней осенью, по снегу.

- Чего так долго служил?- спрашивали его домашние.- Все друзья давно демобилизовались.

- Отцы-командиры шибко любили и не отпускали. Одному буфет сделай, другому стол, третьему табуретки. А сами, суки, даже отпуска не дали, хотя каждый год обещали.

Не успев приехать, пошел на подсобное хозяйство за Галиной и дочкой Тамарой.

- Давайте назад мое богатство,- обратился с улыбкой к тестю, еще крепкому старику с лопатообразной бородой, как у Фридриха Энгельса, местному сторожу.

- Забирай к едрене фене, чо уж там, только хоть чайку с дороги попей,- согласно прошамкал почти беззубым ртом Яков Калинин, человек строгий, придерживающийся старых правил.- Кобениться будет баба, так дурь-то выбивай. А то она больно

умная да ерепенистая, чуть что не так – волчицей выбуривает исподлобья. А ты – мужик, твое первое дело – приструнить жену, осаживать, чтобы меру знала и послушной была, негодница.

Зять уважал старика, знал, что на словах он казался строгим и неприступным, а на деле терпимым, нередко и добрым. Калинин взял на конюшне лошадь с санями-розвальнями, они погрузили нехитрые Галинины пожитки, не забыли горбатый сундук из крепкого дерева, как казалось Сергею, смахивающий на пиратский, в котором те прятали краденые драгоценности, и отвезли в Бишкиль. Кобыла Стрелка резво бежала по укатанному санями снегу, будто стремилась быстрее увезти из хозяйства несговорчивую Галину. В доме Овчинниковых прибавилось три человека, и младший сын, Володька, стал снова спать на холодном полу, ибо с привычного сундука уже вырос, и его ноги висели далеко за его пределами. В дверь несло холодом, аж на косяках почти до самого верху настывал лед толщиной в несколько сантиметров. И его каждый день скалывали топором. Недавно болевший легкими Володька мог простудиться и снова захворать. Старшие же братья маялись на полатах и горячей печи, где от кирпичей обжигали бока и ноги.

- Надо строить свою избу, батя,- сказал как-то Сергей мимоходом.- Не дело жить в таких условиях, как червяки в банке.

Слово «батя» неприятно резануло слух Ивана Аверьяновича. Раньше старшие сыновья звали его тятей, а младшие – папкой. Но вот вернулся после войны Борис, служивший в последнее время под Винницей, и стал называть отца на украинский манер – батей. Теперь вот и этот назвал. А за ними и младшие потянутся, ведь дурной пример заразителен. Видать, стало пропадать у них уважение к отцу. А может, его власть стала уходить, вздыхал он с сожалением. Видно, сама жизнь этого требует.

- При царской власти заташил бы их в сарай да всыпал хорошенько чересседельником за непочтение родителей. Забыли бы навсегда про дурацкого батю! Шелковыми бы стали. А теперь не тронь их превосходительство: по Конституции не положено.

Им все то конституции, то проституции, а порядка и почитания родителей нет,- сам себе жаловался недовольный таким положением отец.

В глубине души он понимал, что времена и сама жизнь меняются к худшему. И ему их не остановить. Но и жаль было старых вековых традиций, где семейным миром правили старшие по возрасту. Ему не по своей воле приходилось всю жизнь кому-то подчиняться и на кого-то работать. Но вот он вырастил детей, на каждого из которых раньше получил бы по десять десятин земли. Дружно бы трудились на ней и потихоньку богатели. А ну-ка какая бы силища была!

Но дети охотно устраивались на производства, где был восьмичасовой рабочий день, получали за свой труд живые деньги. Не надо было пахать до темноты и потери пульса, сеять и тащиться с зерном, мясом на рынок. Унижаться перед покупателями и властями. Просить у Всевышнего хорошей погоды и доброго урожая. Да и от обильного урожая немало случалось проблем, не знаешь, куда деть его.

- Как ни мерёкай, но, выходит, они становятся хозяевами своей жизни и судьбы, ни от кого не зависят? Кто от такого откажется? Поэтому и не пекутся о земле. Не вздыхают с боязнью ночами о хорошей погоде или очень необходимом дожде. Не вспоминают о казачестве. Да и какой умный станет вспоминать и жалеть о хомуте или бывшей петле на шее? О рабской жизни?- грустно рассуждал бывший казак, а теперь уже рабочий с тридцатилетним стажем.- Небось, ты бы и сам не согласился вернуться к прежней жизни.

А тут у тебя постоянная зарплата, бесплатный разовый билет в любую точку необъятного, как его называют эти, новые, Советского Союза. Провизии в областной центр. Да подними сейчас из могилы дедушку Степана Петровича или отца Аверьяна Степаныча, они бы бегом побежали в такую сладкую жизнь. Побежали без оглядки, что и борзыми не догнать...

Да, Овчинников-старший уже начинал понимать преимущес-

тва новой жизни. Только вот его своеобразная казачья натура не хотела с этим соглашаться. «Хуже, да по-моему», не раз говорил он в минуты семейного спора, хотя в душе понимал, что прав был далеко не всегда. Но тут взыгрывали казачье самолюбие и поперёшный, как у них выражались, характер, которыми наградили его далекие предки.

- Отец, помочь надо Сергею со стройкой дома,- каждую ночь нудела в ухо, как овод перед укусом, Мария Алексеевна.- Отделять надо парня по-человечески.

- Что их отделять, они сами взрослые, роят на производстве. Без нас обойдутся?- вроде как противился Иван Аверьянович, недовольный тем, что ему стали указывать.

- И чо ты все поперёк стоишь, ведь есть у тебя шпалы и бревен немного? С собой в могилу заберешь их, что ли?

- Есть, да не про вашу честь,- еще ерепенился и не сдавался супруг, хотя Мария Алексеевна видела, что его запал заметно слабел. И она продолжала вести свою женскую стратегию. Знала, что он повредничает и сдастся, как сдается почти всегда. Ему лишь бы нервы трепать. Обязательно надо посопротивляться. Такой уж дурной характер.

- Не упрямясь, Иван, твои же дети,- не сдавалась она.

- Легче черта уговорить, чем тебя!- махал он бессильно рукой. А однажды утром смилоствивился, хотя на эти цели давно собирал материалы. А на его семью собирать нужно было много. Таков казачий порядок. И негромко произнес:- Ладно, Серега, припас я вам кое-каких шпал. Выписал и сам подсазил маленько. Бревен немного на верхний венец и матку. Берите и стройте.

- Спасибо, батя!- чуть не прослезился на радостях сын...

Он вновь устроился на дистанцию контактной сети. Днем работал электромонтером, а вечерами, в выходные и праздничные дни рубил в отцовском огороде свой дом. От восхода до заката не уходил со стройки. Тюк-тюк, тюк-тюк, стучал его острый топор. Шир-шир, шир-шир, пела длинная отцовская пила. Иван Аверьянович ему помогал, подсказывал:

- Пазы руби глубже, чтобы шпалы плотно садились. И конопатьте получше, чтобы тепло зимой не выветривалось. Да про уровень не забывай.

И не по дням, а по часам рос сруб. Готовились косяки, двери, рамы. Вроде еще осенью было голо в овчинниковском огороде, а к весне вырос сруб нового дома. Не успел стаять снег, как его ряды поместили номерами, разобрали и повезли на предназначенное место, выделенное сельским Советом аж на самом краю последней верхней улицы.

Сергей и Галина забыли про отдых, выходные и отпуск. Не щадя себя, надрывали пупки. Галина была крепкой бабой, но и она чуть не валилась с ног от непомерного напряжения. А муж вообще не жалел себя. Да еще и отец с братьями помогали. И к глубокой осени дом был готов. Сверху его прочно накрыла тесовая крыша. Из печной трубы выполз и уперся в небо первый голубой столб зимнего дыма, слово хотел поддержать его, чтобы не упало на землю.

Правда, двери из кути выходили пока прямо на улицу, и их могло занести первым бураном. Но хозяин не дремал, и вскоре теплые сенцы продолжили в длину новый дом. А потом появились стайка, сарайчик, баня, навес над двором, как и принято у казаков. А Володька долго помнил, как они первой осенью пилили дрова у самых дверей избы, когда еще не было никаких пристроек и даже сеней. И жирные опилки сыпались у самых дверей, прилипали к подошвам пимов и тащились в дом, все еще пахнувший свежими стружками, краской и сваленными у печной дверцы березовыми дровами.

- Какое счастье иметь свой дом!- произнес на влазинах расстроганный до слез хозяин.- Спасибо вам, батя и мама! Спасибо всем, кто помогал стройке.

И людям казалось, что новый дом и жизнь в нем будут действительно счастливыми, радостными. Ведь в нем станут обитать люди работающие, добрые, которые сумеют создать и семейное счастье, которым будут завидовать белой завистью доброжелательные соседи.

На новоселье родственники им подарили стельную телку, которая вскоре отелится и принесет теленка. Не забыли дать две или три овечки, которые к весне обьягнутся и принесут приплод. Ну и куры, само собой, чтобы боевой петух не дремал и своим громогласным голосом будил хозяина самой крайней в улице избы, который за время строительства так измочалился и устал, что спадали штаны. Зато настроение его и супруги достигло самой высокой точки. Построить дом с нуля меньше, чем за год – это удастся не каждому, не баран чихнул! Зато Бишкиль расширился и вырос еще на одно подворье.

Правда, зимой не только дороги, но и дом заметало до крыши бураном. И из ближних полей и леса доносился пугающий жалобный вой голодных волков. Но бывалого охотника это не пугало. И он, выбрав свободную минуту, брал ружье, становился на лыжи и бежал на охоту. Волков, к сожалению, не убивал и волчьими шкурами не баловал хозяйку. Но зайчатину в их доме ели частенько. А весной, осенью – и мясо водоплавающей и полевой дичи.

- Счастливая баба Галька Калинина! С темной и глухой заимки, а такого мужика отхватила!- завидовали бишкильские красавицы.- Только живи да радуйся.

* * *

Не хотел отставать и старший брат. Крепко ему приглянулась учительница физкультуры Лидия Петровна Колкотина. Правда, вдруг появился соперник и строго предупредил:

- Если станешь на пути, застрелю!

Но фронтовика ли пугать дробовиком, на которого в свое время обрушивались фашистские бомбы? Да если он выйдет из себя, распахнется, в нем появляется такая бешеная сила, что взвод с ним не управится. А что там ему какой-то медведевский соперник, который и фронтового пороха не нюхал?

Семья Лидии Петровны приехала из Барнаула. Родители квартировали в Медведеве и были людьми небогатыми, как и

многие вокруг. Но с грехом пополам Овчинниковы и их сваты сыграли молодым свадьбу. Но жить у родителей те не захотели. Сняли квартиру сперва в Бишкеке, потом в Медведеве, которую, правда, оплачивало государство, ведь Лидия Петровна работала сельским учителем.

Уже родилась Наташка, а с детьми на квартиру, знамо, не каждый пустит. Судили, рядили, тяжело и беспомощно вздыхали.

- Давай строить свой дом,- предложил однажды Борис, когда в очередной раз переезжали на новое место жительства.

- Давай!- быстро согласилась молодая жена.

Надо сказать, они с полуслова понимали друг друга. Не успеет один что-нибудь предложить, как второй тут же соглашался. И они принимали мгновенное решение, например, сей же час побежать к электричке и поехать в Челябинский цирк. Или к двоюродным сестрам в Миасс. Были необыкновенно легкими на подъем. И Борис стал меняться на глазах. Возмужал, выглядел серьезным и ответственным. Жизнь с Лидией Петровной благотворно сказалась на его здоровье. Не случайно Мария Алексеевна не могла нарадоваться и с гордостью говорила соседкам:

- Лида – теплая душой и легкая на подъем, как одуванчик, не зря физкультурница. С ней Борис расцветает и здоровеет. Сам Господь ее дал ему! Она уважительна и внимательна. При встрече обнимет и подарок не забудет. Не бука, как некоторые.

Но одно дело решиться на поездку в цирк, размяться в городе в свое удовольствие для смены обстановки, другое дело - счиниться со строительством дома. Да с таким-то здоровьем! И на что, на какие шиши его строить, когда зарплата у обоих по 500 рублей в месяц, когда их скромный кошелек пустеет через неделю после полочки? Правда, у них было одно незначительное преимущество – безмерный оптимизм, на который, конечно, дворца не воздвигнешь, но с неотступным желанием шалаш можно построить. А с милым и в шалаше рай, как справедливо говорят. И они тоже пошли к отцу на поклон.

- Надоело ходить в постояльцах, батя,- признались в оче-

редной приход. И тому показалось, что их слова рассыпались по избе, как горох, который уже не собрать.- Свой бы угол надо построить...

- Легко сказать – свой угол!- после некоторого раздумья ответил Иван Аверьянович.- Для ентова должен быть какой-то капитал, стройматериялы. А вы голы, как соколы.

- Долго нищему одеться – только подпоясаться,- заговорил Борис аллегорией, кинув на отца пронзительный взгляд.

- Подпоясаться-то недолго,- согласился отец,- только подпояска должна быть хорошей.

- Помоги чем-нибудь с легкой руки на полпуда муки. Все строятся, а мы рыжие, что ли?- не отставал сын, бросив короткий взгляд на стеснительно опустившую голову супругу.

- Ну, чо ты, отец!- недовольно шепнула ему в ухо Мария Алексеевна.

- Да уж придется,- неожиданно быстро согласился Овчинников-старший, вовремя поняв, что разговор может быть для сына унижительным.- Давай посмотрим вместе во дворе, за ним, в сарае, что осталось после Сережки. Немножко деньжатами поможем, если появятся. Материялов на сруб надо подкупить.

Как на крыльях летел после этого разговора Борис.

- Стоношим свой угол, Лидуся! Да это же здорово! Выбивай в сельсовете план под стройку. Тебе как учителю дадут быстро.

И дали в конце Медведева у самого кладбища. Зато школа, которая строится на горе, будет близко. И к родителям ближе, чтобы в гости сходить или ребенка оставить.

И снова – тюк-тюк – топор, шир-шир – пила. Благо, не только отец помогал, но и сам мастеровым стал, научился пилить, рубить и строгать. Да и по инстанциям надо бегать. То в сельсовет, то в лесничество, колхозную контору. А еще и недорогой левый транспорт искать, помощников бревешки тесать и в сруб складывать. Отец-то не всегда придет в такую даль, да и работает он еще на путях. Сережка занят своим строительством. Сашка в армии, а от Володьки пока немного проку, разве что поднести,

отпилить, подать, надрать моху. Лидины братья-сестры тоже еще малы.

Но ведь и Москва не сразу строилась. Бревнышко по бревнышку, досочка по досочке – и вырос сруб, да еще и крышей накрылся. Хотя не тесовой, средств не хватило, а толем накрыта, но ведь не течет, не мочит хозяев. А со временем разбогатеют и теса подкупят. Да накроют по-человечески. И сенцы-веранду широкую сделают. И рамы на ней застеклят. Чем не купеческий дом, что стоят по миасским улицам?

А что кладбище близко – наплевать. Редко на нем хоронят и плачут. Зато когда-то рядом, напротив него, стояло здание Бишкильского райисполкома. Тут находился административный центр. Только вот какой-то умник разобрал здание и отвез в Чебаркуль, переименовав название района. Но не плакать же из-за этого. В своем доме можно и без исполкомов и райкомов хорошо прожить. А дом будет свой, законный, «без брешешь», как говорится. И весело стучал на стройке хозяйский топор. И месилась глина для кладки печки и штукатурки стен. И дивились идущие от электричек жители Медведева и Опытного быстро вырастающей избе, разбитому близ огорода, который вдруг появился рядом с огородами Кононыхинных и Колесинских, бывших десятилетия одинокими и последними на верхней медведевской улице.

- Вот тебе и контуженый Борис, инвалид да летун с места на место! А домишко-то неплохой по нашим возможностям отгрохал, мастер - золотые руки. На этом и выросла Русь.

А уж хозяева как радовались, трудно и передать, ведь порой они даже сами не верили, что осилят эту непосильную работу. Но осилить надо было, и они с божьей помощью с ней справились. Тихо радовались и Овчинниковы-старшие, ибо еще один сын обрел свой семейный угол, свое жилье, свое счастье. Но особо радоваться еще рано, ибо старших подпирали младшие братья, которые тоже не считали себя «рыжими».

- Жизнь – не электричка, ни на станциях, ни на разъездах и перегонах не останавливается,- невесело рассуждал Иван Аверьянович, шагая по железнодорожным шпалам.- Давно ли была молодость, а вот уже и старость подкрадывается. И давно почти все ушли в лучший мир отцы и матери нашего поколения. Мы, их сыновья и дочери, уверенно подхватившие их дела и заботы, уже тоже перевалили полувековой рубеж и стали постепенно уходить вслед за родителями. Сколько их нету из нас? Вот и Киршина не стало, моего давнего сослуживца. Других еще недавно крепких мужиков. Да и разве проживешь долгое время в такой нервотрепке и бедламе? То сиротские детство, скитания по белу свету, революция, Гражданская война, раскулачивание, рассказывание. Даже бывшие станицы «эти», новые, переименовали в села. Все им не так, не по-божески! А как надо, кто знает? Про Отечественную и говорить страшно – столько народу побила, бед натворила. Да и работа наша не лучше каторги. А тут еще грёбаный бригадир – Аркашка Мыльников. Наверно, он и сжил со свету Киршина, который всегда был таким спокойным, невозмутимым и медлительным, будто спал на ходу. Казалось, его невозможно вывести из себя. А этот бес путейский донял. И в сравнение не идет с Федором Пивоваровым с Аджатара. Тот видом богатырь, а душой добрый, свой.

Все ему не так, придурку с Пулеметного разъезда. Теперь ко мне пристёбывается. То с пикетного столбика медный обод стащили, как будто я один тут день и ночь дежурю. Да и нечего медь тратить зря, воруют ее мальчишки. А я предложил сплести из ивы в виде маленького плетешка, его не сопрут. То проверяющий с локомотива увидел, что иду по неправильному пути. А если по правильному шел состав? Да и так безопасней, ведь поезда идут тебе навстречу, а не сзади подкрадываются, как партизаны! Сколько уже путевых обходчиков погибло при такой непродуманной службе, под поезд угодило? Потом то руку не найдут у покойного, то еще хуже – башку. Придирается незаслуженно, а

не видит того, дурак, что я раньше всех обкосил откосы, чтобы не случился пожар, даже раньше Ивана Богатырева, который рядом живет, на казарме. Скребком вычистил от мазута подошвы рельсов своего участка. Даже сыновей к этому привлекал. Была бы у меня грамотёшка, я б тебя на пушечный выстрел к бригадирству не подпустил, да и мастер бы не удержался на своем теплом месте. Тут бы или грудь в крестах, или голова в кустах! И чего взъелся, выслуживается перед начальством? Разве след обижать отмеченного заслугами человека? А он: «Почему шел по неправильному пути»? Сам ты неправильный мозгами! До инфаркта хочешь довести, сука! Разгонишь хороших рабочих, а кто из молодых пойдет в путевые обходчики? Не дураки они - тут париться.

Может, за родственника Мишку мстишь, что Верка Савельева не пошла за него замуж, а ждет нашего Сашку? Но я-то при чем? Тут со своими детьми не успеваешь разобраться, куда-нибудь да их занесет. Вот и последыш, Володька, что-нибудь да набедокурит, а то подерется с кем-нибудь или стекло в школе высадит. Учителя при встрече жалуются. Господи, когда это все кончится! Надоела такая собачья жизнь...

Овчинников шел по правильному пути, переживал в душе последние события и разговаривал сам с собой, как Петя Евстифейкин с полказармы. Того всегда было далеко слышно. Раненый и контуженный на фронте, он все с кем-то мысленно и заочно спорил, громко материл кого-то.

- Ты стал, как Петя Евстифейкин, наверно, тоже чокнулся со своими неувязками,- скрепя сердце, подсмеивался над собой Иван Аверьянович и топал дальше, не слыша идущего позади состава. Думая, что на железной дороге дисциплина должна быть железной.

Далеко заметивший его машинист то протяжно и громко, то прерывисто и сипло гудел ему, но обходчик, будто его заклинило, шел дальше и доказывал сам себе:

- Разве так поступает умное начальство? Да и какой он, деревенский лопух, начальник?

А спешащий на полном ходу состав уже начал торможение. Но весу в нем было пять тысяч тонн, и быстро остановить такую массу невозможно. Для этого потребуется целый километр. И он все неотвратно надвигался и надвигался на человека, чтобы безжалостно опрокинуть его, изломать, изувечить, расчлениить на части. Уже оставалось метров двадцать – двадцать пять, буквально три секунды ходу, как человек вдруг спохватился, сжался в комок пружинной и отпрыгнул в сторону, аж полетели за бровку тяжелая кувалда, молоток, гаечный ключ. И сам он покатился под откос, как ком, не успев испугаться и осознать, что же произошло?

- Спишь, мать твою!- ругнулся в открытое окно перепуганный машинист.

- Совсем забылся, балда! Сам Господь меня спас,- горько вымолвил Иван Аверьянович, заметив, как дрожало все тело.- Вот тебе и по правильному пути идти, дубина!- показал он кулак в сторону казармы, где жил бригадир.

Как в воду смотрел путевой обходчик. Через несколько дней он почувствовал боль и жжение в левой стороне груди. Боль все больше набирала силы, и вскоре стало колоть под левой лопаткой. К счастью, Овчинников находился дома в ожидании ночной смены и попросил Марию Алексеевну:

- Мать, сделай-ка мне грелку, колет что-то шибко под лопаткой. Никак просквозило.

Довольно сильный и здоровый мужчина, Овчинников хворал редко. Разве только когда простывал. И лечился своими деревенскими средствами. Прогревался в бане или над горячей картошкой, порой ставил банки. Но дороги в больницу почти не знал, разве когда нужно было проходить очередную медицинскую комиссию.

- Может, потного пробрало или повернулся неладно,- налив воды из горячего самовара и подавая грелку, предположила взволнованная супруга.

- Да кто его знает,- принимая грелку, произнес Иван Аве-

рьянович.- Что-то в теле слабость появилась, и голова стала кружиться.

- Может, валерьянки накапать?- спросила жена и направилась к маленькому старинному сундучку с лекарствами, стоящему под столом в спальне.

Она видела, как мучился Иван Аверьянович, и не на шутку встревожилась. Бывало, и стонов от него никогда не услышишь, а тут застонал непривычно, ворочается с боку на бок. Неужели сердце?

- Нет терпения, мать!- со стоном признался он часа через два.- Поеду, знать-то, в город, в поликлинику. Кабы беды не случилось. Ты тут сообщи в контору, если чего...

- Щас и электрички-то нет никакой,- напомнила она.- С чем поедешь?

- Да чо попадет. На товарняк сяду. Может, в Полетаевой или дальше остановится. Там с полетаевской секцией и доеду.

Мария Алексеевна на всякий случай собрала ему сетку с бельем, сунула кусок колбасы, хлеба, и он подался на станцию. Осмотрелся, спросил у дежурного Савинова:

- Андрей, электричка в Челябинск когда будет?

- Через два часа,- ответил тот, подозрительно оглядев обходчика.- Куда спешить-то, на пожар?

- На пожар, приспичило вот. Сяду на товарняк.

- Сейчас с первого пути отправляется...

Не успел он с натугой подняться на тормозную площадку, как состав тронулся. Овчинников сел на кондукторскую лавку и видел, как состав быстро набирал скорость. У него вновь начала кружиться голова, и он сильнее ухватился за ручки ручного тормоза, чтобы случайно не свалиться на пол или не загреметь на обочину. А поезд, ведомый двойной тягой, уже вовсю мчался и мчался, гремя металлом колесных пар и тормозных колодок, проскакивая напроход большие и маленькие станции, не оставившись даже на узловой – Полетаево.

- Что же делать?- растерянно вздыхал больной.- Уже и Смо-

лино проскочили, а ведь грузовые поезда сворачивают и идут в товарный Уфимский парк, откуда очень трудно добираться до вокзала. Придется подныривать под десятки грузовых составов, стоящих на сортировочной станции, да еще и такому хворому и немощному! Прыгать надо, чтобы пересечь на ближайшую электричку.

Аж только на 1119-м километре поезд стал сбрасывать скорость, ведь всего через километр, на 1120-м, он начнет сворачивать направо по ветке, идущей в товарный парк. Машинист тормозил, сбросил скорость километров до 30 - 40 в час.

Иван Аверьянович, чувствуя усталость и дрожь в коленях, спустился на нижнюю ступеньку и выбирал место, где не было стрелок, бетонных пикетных столбиков, лежащих на специальных подставках запасных рельсов, опор контактной сети. Наконец появилось чистое место, и он оттолкнулся ногой от ступеньки и полетел вниз, навстречу щебеночной насыпи. Больших навыков прыгать с поездов у него не было. Это сыновья были мастаки. Да и болезнь сильно сковала тело и ноги. И они не выдержали удара о землю, подкосились в коленях. От сильного удара его перевернуло два раза через голову и отбросило в глубокий кювет. Сбило ладони и казанки на руках, сбросило щеку. Ощупав себя после неудачного приземления, он поднялся на ноги и побрел в сторону недалекой платформы, где вскоре появится полетаевская электричка.

Он влез в нее с трудом, и стоящая рядом проводница встревоженно спросила:

- Что с вами, заболели?

- Да, давит шибко в груди...

- Садитесь на первую лавку. Я пойду к машинистам, чтобы вызвали «скорую помощь».

Она встретила его у самого вагона и повезла на улицу Цвиллинга, где находились железнодорожная поликлиника и стационарная больница. Там отвели к терапевту, сразу же начавшему его расспрашивать и прослушивать.

- Доктор, можно побыстрее?- попросил он с усилием.- Мне на работу в ночную смену.

- Какая смена, вы с ума сошли! Быстро его в палату, у него инфаркт!- чуть не закричал врач. И больной от неожиданности застонал сильнее.

* * *

Первым проведать его приехал Володька, любимый сын-поскребыш. Робко заглянул в палату, где лежало человек пять – шесть больных. Все в одинаковой больничной одежде, синих пижамах или серых халатах. Обвел их внимательным взглядом, пытаясь узнать отца. Он лежал на третьей кровати, бледный и с заросшим лицом. Его черную густую бороду, отросшую в больнице, уже стала пробивать редкая седина, первый признак наступающей старости. Хотя на голове, по рассказам родителей, она появилась в тридцать с небольшим лет. Сейчас ему шел 53-й год. И он еще вчера был полон сил и здоровья, а сегодня лежал, как говорится, пластом, почти без движений. И сыну не верилось, что это лежит его могучий отец, ни зимой, ни летом не знавший усталости.

А ведь наступает пора сенокоса, и на их полный двор скотины нужно заготовить две – три машины сена. Конечно же, отец не поднимется к этому сроку на ноги, если вообще поднимется, рассуждал мальчишка, и нам придется самим выкручиваться из ситуации. Подключать на помощь братьев. Да Бог с ней, со скотиной, как-нибудь выкрутимся, решил он, лишь бы папка поднялся.

Увидев сына и чувствуя не проходящую боль в груди и под лопаткой, Иван Аверьянович улыбнулся одними глазами. Тот подошел и слегка обнял его за голову, боясь навредить, и как-то по-взрослому подал руку.

- Здравствуй, папка! Как у тебя дела?- спросил.

И Овчинников изучающее посмотрел на него. Вроде сын его и вроде не сын. Что-то в нем обозначилось новое, ранее незна-

комое. А может, с постоянной занятостью до этого он просто не присматривался к нему, считая последыша еще ребенком?

В открытое окно забегал ветерок и лохматил седые волосы путевого обходчика. А качающиеся в больничном саду ветки деревьев то открывали лицо солнцу, то закрывали тенью, и мнительному мальчишке казалось, что это сама болезнь, как кошка с мышкой, играет с жизнью отца. То делает вид, что хочет забрать ее, и тогда на лицо наплывает мрачная тень, то пропускает на него луч света, словно омывает живой водой, и в душе взволнованного Володьки появляется надежда, что все будет хорошо, отец осилит незаслуженную и беспощадную болезнь, поднимется на ноги и вновь станет энергичным, подвижным, не боящимся тяжелой работы и жизненных неурядиц.

И он с надеждой прильнул щекой к его горячей груди и даже услышал, как ему показалось, тревожно бьющееся внутри сердце. Тук-тук, настойчиво стучало оно, словно просилось наружу, словно ему было там тесно, и сынишка поверил в благоприятный исход, в отцовское выздоровление. И из его глаз вывернулись две оптимистические слезинки.

- Мама желает тебе скорого выздоровления. И все мы тоже, - признался Володька, преданно заглядывая в болезненные глаза Ивана Аверьяновича.

- Будем рассчитывать на лучшее, нельзя мне сломаться, забот еще много, - с надеждой поддержал отец, тихо погладив его по голове. - Ты почти взрослый у нас, наследник, хозяин. Литовку уже умеешь отбивать. Вот и относись по-хозяйски. Сена надо к зиме напластать, а то заморим скотину. Ты ведь знаешь наши участки. Пусть братья помогут. Стога делайте, чтобы не промочило дождями, не сгноило. Не запалите корову, когда будете возить сено... Хорошо, что прошлогоднее осталось.

Они еще поговорили о хозяйских делах и деревенских новостях. А потом, неуверенно глядя в отцовские глаза, Володька признался:

- Калетин уже год проучился в ремесленном училище.

Нынче Юрка Бодин поступает в златоустовское РУ, а Курынкин – в училище Челябинского металлургического завода. Между прочим, на помощника машиниста. А Вовка Грачев в Копейский горный техникум. Они и меня соблазняют. И я не хочу отставать. Думаю сдать документы в Челябинское ЖУ – 2, по твоим стопам пойду.

Отец долго и молча смотрел на него, будто внутренне с чем-то боролся. Потом негромко заговорил:

- Мал ты еще, после хвори никак не оправившись. Может, десятилетку закончишь?

- Не хочу быть нахлебником. Тем более, ты заболел. А в училище бесплатно кормят, поят, одевают, профессии учат, - возразил тот. - А десятилетку закончу в вечерней школе. Хочу выучиться, как Борис, на слесаря-вагонника. Занятия с 1 сентября. Я сдам документы и займусь сенокосом.

Отец растерянно смотрел на него и не знал, радоваться или печалиться? С одной стороны, он сам работал с детства и на дармоедов глядел косо, ибо человек, как он считал, рожден трудиться и кормить себя сам. С другой стороны, было жалко еще не набравшего сил мальчишку. Хил он. Может не выдержать нагрузки, сломаться. Ведь это тоже не дело – сызмальства надевать на шею рабочий хомут и мантулить, как отец, всю жизнь, пока не загнешься.

Старый казак и бывалый путевой обходчик не знал в эти минуты, что делать. И что плохого в том, что сын решил ни от кого не зависеть, не сидеть на чужой шее, обрести хорошую специальность и направиться в трудовую жизнь, ведь труд в СССР – дело чести, доблести и героизма, как утверждают «эти»? А захочет – и заочно выучится. Ученье-то, правда, свет.

- Была бы у меня грамотёшка, разве бы я подчинился какому-то придурку Аркашке Мыльникову, доведшему меня до инфаркта? Суди этак, суди так, - неуверенно промолвил он, наконец. - Смотри, сынок, сам, тебе виднее. Чтобы локоть потом не кусал, не влез куда, как когда-то твои братья. Но почему на слесаря, а

не на механика электровоза? Это самая лучшая специальность, денежная и почетная.

- Туда много желающих и медицинская комиссия строже. Не пропустит меня.

Ответ отца Володька посчитал за согласие и был благодарен ему. Все лето он провожжался с сеном, кажились изо всех пока еще небольших силенок. И едва ли бы управился, но посылно помогли братья, школьные друзья Калета, Вовка Грачев, Витька Курынкин. Отец пролежал в больнице целых два месяца. Был он медлителен и бледен. Передвигался непривычно тихо, боясь делать резкие движения, не случайно получил документ инвалида второй группы.

А Володька ранним утром 1 сентября уехал в училище. И в первый же выходной прибыл домой «при полном параде». На нем были железнодорожная фуражка с ключом и молотом на околыше, с коротким пластмассовым козырьком, уже подрезанным под морской, расклешенные суконные брюки, хромовые ботинки. И мать с отцом узнавали и вроде не узнавали своего меньшего. Будто даже и росточком стал повыше. И гляделся серьезнее. Чем-то смахивал на нахимовца или курсанта морского училища.

- Ты ли, Володя?- при виде сына беспомощно всплеснула руками мать и опустила на табурет.

- Как видите, я собственной персоной и при полной экипировке. А еще нам выдали шинели, бушлаты для зимней практики, рабочие гимнастерки, брюки, ботинки, валенки, нижнее белье, безрукавки и поставили на трехразовое довольствие. А скоро пошлют в колхоз на уборочную, как посылают все трудовые резервы и студентов.

И родители с нескрываемым интересом рассматривали его, ощупывали одежду и, как показалось сыну, остались довольными.

- Когда еще его сверстники окончат школу, определятся в жизни, а он уже обут, одет, накормлен. Полностью обеспечен государством. Отцовские традиции продолжает. Обучается

специальности. Что еще надо? Вот тебе и «эти», новые!- не без радости переговаривались родители, и в их сердцах появлялось тепло.

25

Когда в апреле с полей сходил большой снег и просыхали первые полянки, дети и молодежь спешили к водопаду. Он находился рядом с железнодорожной линией, вдоль которой тянулась канава, оберегающая насыпь от паводковых вод. Она была неодинаковой глубины. Та, что шла от Прибытковой будки, помельче. А напротив тяговой подстанции, где, видимо, еще при строительстве дороги брали грунт, значительно глубже. И в месте их соединения образовался водопад. Летом эти канавы зарастали травой, и трудно было поверить, что во время активного таяния снегов и половодья по ним неслась целая река воды, которую невозможно перейти. Напротив домов Овчинниковых и Володькиных приятелей она заходила на территорию элеватора и с шумом устремлялась дальше. Сметала искусственные плотины из земли и навоза, созданные для прохода к поездам, и мчалась к реке Бишкильке. И залининцам, идущим в школу или на вокзал, во время большой воды нередко приходилось делать «кругаля» и обходить за нефтебазой по шоссейной дороге и мосту возле переезда, под который и устремлялся этот поток.

Поляна близ водопада находилась на небольшой возвышенности и между лесополосами, защищающими железнодорожное полотно от буранов и бурь. И просыхала быстрее всех. Весной на ней дружно играли в лапту, и мячик нередко попадал в водяной поток. Его стремительно несло к водопаду. И если в малой канаве не сумеют выловить, то приходилось бежать к глубокой, где его накрывало бурунами волн и несло к элеваторскому забору. И потерять мячик считалось большой утратой.

Темными вечерами там пускали игрушечные кораблики, самодельные лодочки, к которым были прикреплены пустые

консервные банки. В них клали пропитанную керосином паклю или тряпки, поджигали и опускали в воду. И эти мальчишечьи факелы напоминали настоящие пароходы и безостановочно неслись по быстрым волнам, освещая окрестность, что несказанно нравилось мальчишкам. Они восторженно кричали, визжали от радости.

Ребята постарше уже приходили сюда с девчонками, гармошкой. Играли на ней, плясали, пели и танцевали. Тут между ними завязывалась дружба, а нередко и любовь, часто доводившая до свадьбы.

С малых лет ходила туда и Володькина компания. В том числе и девчонки с их длинной улицы – двоюродные сестры Маша и Зоя Сенькины, Римма Фофанова, Аля Чупина и другие. С соседкой Алей Володька знался и играл почти с пеленок. Не случайно их звали женихом и невестой. Римма была постарше их. В школе считалась отличницей, заводилой во всех играх и хорошей певуньей. Отцы обеих погибли на фронте. Отец Зои Сенькиной, Архип Иванович, стал инвалидом в самом начале войны. Был комиссован и работал сторожем, охраняя склады элеватора, находящиеся за его территорией. Рядом с ними уютилась и его сторожка, землянка, как ее звали. В ней была железная печка, чтобы сторож не замерз в лютые сорокаградусные морозы. В бураны ее нередко заметало вместе с крышей снегом, и синий густой дым из трубы Овчинникову-младшему казался вулканом.

- Бишкильская Ключевская Сопка, - называл он таинственную землянку, за день мимо которой проходил десятки раз.

Архип Иванович хромал и ходил с батоном. Любил пошутить, разыграть кого-нибудь, напугать мальчишек. Встретит какого-нибудь у склада и закричит всполошно:

- А ну иди сюда, щас мошонку вырежу!

А сам лезет в карман, будто ножик хочет достать. И мальчишка пускался наутек, только пятки сверкали. Нередко пускался с ревом. В детстве и Володька боялся его, как огня, на всякий

случай обходил стороной. Но ведь каждый раз не будешь обходить, когда спешишь мимо сторожки с коромыслом и ведрами на элеваторский колодец, в магазин или школу. Не стал он сворачивать от него, и однажды поймал его сторож, сделал вид, что за ножом лезет. Но мальчишка уже осмелел.

- Ты все шутишь, дядя Архип? Но я тебя не боюсь,- признался он.

- Вот и молодец, вот и правильно!- похвалил вдруг тот, подружески похлопав Володьку по спине.- Без шуток-то жизнь скучная.

Но большинство мальчишек боялось его, особенно залининских. К соседям Овчинниковых Андреевым поселились новые беженцы-квартиранты по фамилии Хонич. И их сын по прозвищу Хонька, услышав об Архипе Сенькине, уже заочно перепугался. Однажды он встретил небритого Ивана Аверьяновича и настоятельно спросил:

- Дядя, а ты не Сенькин?- он как-то съедал некоторые буквы в произношении, и у него получилось:- Дядя, а ты не Хенькин?

- А чо?- спросил Овчинников.

- Да я его боюсь.

- Сенькин,- с улыбкой произнес сосед, и испуганный мальчишка рванул посередине улицы, поднимая клубы горячей пыли и испуганно крича во все горло:

- Хенькин идет! Хенькин!

У Архипа Ивановича было три дочери, да еще одна, говорили, погибла. А Катя считалась первой бишкильской красавицей, хотя остальных ее сестер красавицами не назовешь. И ему, фронтovому инвалиду, наверно, нелегко было их воспитывать и ставить на ноги, а потом и выдавать замуж, когда больше половины мужиков перехлестала война.

И у его младшего брата Михаила Ивановича росли две дочери, не зря их породу дразнили двустволками. Младшая, Маша, была от рождения косенькая на один глаз. Но с пышненькой фигуркой, как пончик, и звонким певучим голосом. Он числился

разнорабочим на элеваторе. На войне, к счастью, не погиб. И по приходу с нее построил домишко под соломенной крышей на самом конце Элеваторной улицы. Он считался безотказным трудягой: и землекопом, и печником, и грузчиком, и пожарным. Выполнял любую работу, в которой была необходимость на предприятии. А в редкие праздники братья встречались то у одного в доме, то у другого. Выпивали браги, закусывали, вспоминали войну. Потом хозяин провожал гостя домой. Шли в обнимку и нередко пели на весь порядок:

Ох, милка моя,
Шевелилка моя!
Сама ходишь, шевелишь,
А мне пощупать не велишь...

Архип Иванович, войдя в раж, даже забывал опираться на своего железного коня – и тащил батог волоком, отчего тот петлял, оставлял на снегу кривые полосы. Услышав их дружное и хриплое пение, даже деревенские злые псы прятались в подворотни и конуры и с невообразимой злобой облаивали оттуда, будто тоже боялись, что их немилосердно кастрируют кровожадные братья Сенькины.

Володька брал Сашкину гармошку, и они с Мишкой Юсуповым по очереди играли на поляне. А девчонки голосисто пели:

Глаза у парня ясные,
Как угольки горящие,
Не то, чтобы прекрасные,
Но просто подходящие.

Там же и учились танцевать под гармошку. Кружиться в вальсе было не совсем удобно, мешали кусты травы и мелкие кочки. Водили терпеливо девчонки, то и дело повторяя:

- Раз, раз...

На фокстротах было легче. Взяв руку партнера, нужно было бегать туда-сюда и вовремя поворачиваться.

- Вперед: раз-два-три-четыре!- командовали ведущие.- Назад: раз-два-три-четыре! Ноги мне не обтаптывай, как бегемот!

Иногда с Володькой приезжали товарищи по училищу, и он приводил их в компанию. Не раз туда попадал и Мишка Дорофеев по прозвищу Дорофья. Ростом он был еще ниже Овчинникова, но толстый, словно медвежонок. Его отец погиб на фронте, и мать, дородная и высокая женщина, воспитывала четверых сыновей. Она работала в городской санэпидемстанции и нередко приезжала в их училище травить грызунов. Она и устроила туда Мишку.

Дорофья и Бишкиль, как дразнили Овчинникова за то, что он всегда хвалил его и гордился родиной, одноклассники, как-то быстро сошлись, сдружились. Живя рядом с цирком по улице Труда, Мишка был постоянным его посетителем, парнишкой боевым, даже по-мальчишески нахрапистым, много рассказывал другу о цирковых представлениях, артистах. А тот делился с ним познаниями сельского жителя. Однажды они зашли в стрелковый тир, и Володька быстро понял, что из Дорофьи стрелок никудышный. Сам же стал щелкать фигуры, как семечки. Вон запрыгала белка в колесе, там упали заяц, медведь, а тут и «взорвалась» атомная бомба, то есть имитирующая ее мишень.

- Ну, Бишкиль, ты даешь!- воскликнул городской друг.

- Учись, Дорофья, под старость – кусок хлеба!- откровенно рассмеялся Овчинников.

Гостью вроде бы приглянулась Манька Сенькина, голубоглазая, как и он сам, пышненькая, подвижная. А голос, если она запоет с Римкой да сестрой Зойкой, наверно, на самом подсобном хозяйстве Пулеметном слышен, а то и в расположенных за несколько километров летних воинских лагерях. И Мишка все норовил танцевать с ней. Как-то картинно брал ее кисть в свою ладонь, слегка откидывал назад голову, словно заправский танцор. А Маня плавно покачивала бедрами, в такт музыке немного приседала, и на них смотрели товарищи не то с завистью, не то с осуждением.

Там же, на поляне, играли в какие-либо игры, догонялки, баши. И Дорофееву как-то попала соринка в глаз. Он лез в него пальцем, оттопыривал веки и натер до красноты.

- Дай я посмотрю, что там попало,- предложила Маша.

- Слон или табурлетка,- признался немного картавивший Мишка, и вокруг засмеялись, нередко потом повторяя:- Слон или табурлетка.

Володька не помнил, почему в тот день в их компании не оказалось Калетина и Бодина, как и не знал, за что они на них обиделись, что ушли без них? Может, кого по-юношески приревновали? Но они появились запыхавшимися, словно за кем-то гнались, злыми. Стали грубо разговаривать, спрашивать:

- Вы чо задаетесь? Выбражаете?

А Калетин с Юсуповым, оба когда-то пострадавшие от се-нокосилки, даже сцепились, как петухи. Не успели их разнять, как Мишка Юсупов, державший за ремень гармонь, взмахнул ею и ударил со всего маху Калетина по лбу. Полухромка прошла вскользь. Ее ремень со стороны басов порвался, и она вырвалась из руки, ударилась о землю. Деревянная часть, где держатся кнопки и рычаги ладов, раскололась от удара и отошла.

- Вы чо творите, гармонь-то Сашкина, чо я ему скажу?- чуть не со слезами наскочил растерянный Овчинников.

А те, один, зажав лоб, где медленно выростала огромная кровавая шишка, похожая на раздавленную картофелину, не мог понять, что произошло, а другой, Мишка, бросился бежать, подтаскивая искалеченную ногу. К этой весне Калетин почти на голову перерос сверстников, и связываться с ним было чрезвычайно опасно.

Осмотрев разбитую гармошку, тяжело повздыхав, поохав, Овчинников взял и понес ее к старшему брату Борису, чтобы отремонтировал и привел в божеский вид, чтобы не заметили и не заругались родители.

* * *

Да, беда в дом не приходит одна. Овчинниковы не успевали

избавиться от одной, как в ворота стучалась другая. Не успел толком избавиться от инфаркта Иван Аверьянович, как беда случилась с Сергеем, чуть не стоившая ему жизни. Вроде ничего не предвещало беды. У них с Галиной родилась вторая дочь Галинка, названная в честь матери. Она качалась в семейной зыбке, в которой выросли десятки Овчинниковых отпрысков, их родственников и соседей. Мать работала на фарфоровом заводе. Отец – на дистанции контактной сети, где считался одним из лучших электромонтеров. По натуре оптимист, он не догадывался, что его жизнь и судьба скоро изменятся коренным образом.

И лишь только в душе одной матери появилось недоброе предчувствие. Дня за два-три до трагедии ей приснился сон, будто Сергей рыл яму и стоял в ней по колени. В холодном поту проснулась она и осенила себя крестным знамением.

- Господи, пронеси и помилуй. Не дай случиться беде с моим сыном...

Но плохой сон все-таки сбылся. В один из вечеров он спешил с работы. На третьем пути стоял грузовой состав. И он, чтобы не обходить далеко и не искать тормозную площадку, поднырнул под вагон и не заметил, как по четвертому пути мягко осаживали вагоны сборного поезда. Его ударило и сбило подножкой, и он отлетел на междупутье. И только концы ног попали под колесо. Его быстро нашли люди, погрузили на электричку и повезли на Северные пути Челябинска. Оттуда на машине «скорой помощи» доставили в областную больницу, что находилась в Медгородке, на северо-западной окраине города.

Когда Володька после занятий в училище добрался на трамвае до больницы и увидел брата, то почему-то не сразу узнал. Он лежал на спине, а забинтованные обрубки ног покоились в приподнятом состоянии на каких-то специальных проволочных подставках или люльках. И он показался младшему брату каким-то незнакомым, кургузым. И только густой кудрявый чуб и широкие мускулистые кисти загорелых рабочих рук говорили ему, что это Сергей.

Володька не выдержал и тихо заплакал, стыдливо опустив глаза, стесняясь посторонних взглядов больных.

- Как же ты так, Серый?- растерянно бубнил он, не зная, что говорят в таких случаях.

- Да вот так, брат, как получилось...

- Ты же вырос на станции.

- И на старуху бывает проруха. Ну, будет тебе, что ты!- успокаивал посетителя пострадавший брат.- С каждым может случиться. Как вы там, как мама, Галина, детки? Успокой их, живут же и без ног люди. Дадут инвалидность. Как-нибудь приспособимся. С войны пришло вон сколько калек, да все живут...

- Что там, как сыночек?- стоя с кривым посошком у ворот, встретила его убитая горем мать, глаза которой были красными от бессонной ночи и горя.

- Без ног остался Серый!- с заметным усилием выдавил Володька.- Правда, ниже колен обрезало. Когда заживут, будет на протезах ходить, которые гнутся в коленях. Но это через полгода или год, не раньше.

- Боже мой, за что такое наказание?- залилась слезами Мария Алексеевна, пытаясь нашарить рукой скамейку и сесть.- Всю жизнь ему, бедному, не везет. Как же без ног-то быть? Семья, жена, да не божий подарок, а своенравная, с норовом, жесткая. Нужен ей будет такой инвалид безногий? А дочерей поднимать? А хозяйство? Скот прибирать, дрова на зиму готовить, сено косить! Много без ног-то накопишь...

- Ну, хватит, мама, успокойся,- уговаривал ее последыш, глаза которого тоже были сырыми.

Через месяц его привезла на электричке жена. На станции нашлись помощники, которые донесли до отцовского дома, где снова было море слез. А потом братья, скрестив руки, посадили его на эти ручные носилки и понесли домой, на верхнюю улицу самого края села. А что его там ожидало – одному Богу известно. И шел ему лишь двадцать шестой год. Считаю, почти вся жизнь была впереди. Только сладкой ее и с натяжкой не назовешь.

В первые после демобилизации дни Сашка Овчинников не вылезал от Савельевых. Не успел побыть дома и часа после приезда, даже не сняв воинской формы, он направился на ту сторону железнодорожной линии, на самую последнюю улицу, где жила зазноба, которая три года честно ждала его из армии. Возмужавший, подтянутый, он смотрелся бравым солдатом. На груди гимнастерки сияло несколько значков. В том числе спортсмена-разрядника по лыжам – стал чемпионом полка в гонках на 10 и 15 километров, гвардейский значок и отличие за классность, ведь он был хорошим радистом, был сфотографирован у боевого знамени полка, стоявшего на Кольской границе, в Печенге. Получил массу благодарностей от командования. И даже побывал в десятидневном отпуске. У старшего Вериного брата Миши Саввы, как его звали бишкиляне, имелся старенький мотоцикл-«козлик». И Сашка с возлюбленной решили на нем прокатиться. Водитель из него еще был никудышный. Не затормозил перед кочками разбитой деревенской дороги, и девушка неожиданно подскочила, не удержалась на сидении и свалилась на землю. Сбороздила ноги, руки, не уберегла и лицо. Стесала щеку и висок до самого глаза. Рана на лице заросла неудачно, и на всю жизнь на том месте останется розовый след с заросшими от удара полосами.

Пластических операций тогда не делали, а в деревне и слыхом не слыхивали о них. Так и останется она меченой на всю жизнь.

- Саня-то, небось, не возьмет теперь,- пугали ее подруги.

- Не думаю,- делала вид, что не сомневается.- Должен взять, я же его ждала из армии.

- Да не волнуйся, чего ты? Я ведь сам тебя покалечил,- успокаивал он. И она поверила. Да и как не поверить любимому человеку, вчерашнему отличнику боевой и политической подготовки, который давал слово?

И парень его сдержал, хотя заглядывались на него не только местные, но и городские девчата, студентки, приезжающие на уборочную. Больно красивым и видным был, словно нарисованный на картинке. Русые волнистые волосы зачесаны назад, а в глазах светилась такая искренность и доброта, что казалось, никогда и пальцем не обидит.

Вера все еще с перевязанным лицом делала что-то по дому. А он, влюбленно глядя на нее, следил за каждым ее движением. То подаст ковшик, то достанет из-за печи веник. Поможет вытрясти во дворе половики.

- Еще он не муж, а ты его уже запрягаешь,- с улыбкой замечал дочери отец.

- Пусть привыкает. Отвык от домашних работ в армии,- парировала Вера, постреливая не забинтованным глазом на жениха.

Ее родителям парень тоже понравился. Отец, медлительный и спокойный на вид, то и дело заводил с ним разговоры. Вспоминал былую жизнь, революцию и Гражданскую войну. Не найдя рукам дела, часто крутил самокрутки, неспешно смалил, пуская синие клубы дыма, которые ветерком относило за загородку палисадника, засаженного цветами.

- Первый после установления Советской власти сельсовет был не в Медведеве, как нынче, а в Бишкеле, хуторе Казанке, как его звали в те времена. Его первым председателем избрали моего отца, Павла Михайловича, истинного большевика-ленинца. А комиссаром станичного исполкома – Иванова Гаврилу Григорьевича. Не успели они развернуться в полную силу и утвердить Советскую власть на селе, как отступающие в Сибирь белочехи подняли мятеж. Их эшелоны стояли на нашей и других станциях. В мае 1918 года в Челябинске командование корпуса, представители Антанты и правых эсеров решили поднять мятеж и пробиваться во Владивосток. Они растянулись от самой Пензы по всей Сибирской железной дороге. Вместе с белогвардейцами заняли Самару, Уфу, Казань, где захватили золотой запас страны,

Екатеринбург, многие сибирские города. Снюхались и спелись с колчаковцами. И Гражданская война еще больше разгорелась. Проводили повальные аресты и казни, жестоко расстреливали и вешали советских и партийных работников, революционных рабочих и крестьян, красных казаков. Не обошли и нас, перестреляли всех, кто был связан с Октябрьской революцией, новой властью.

Мой отец с комиссаром Ивановым бежали ночью из хутора и спрятались не то в Непряхиной, не то в Карасях у дальнего родственника. Он их и выдал, белая сволочь! Привязали их к телеге и погнали босыми, как скот, до самого Бишкиля. Десятки километров гнали и всю дорогу пороли кнутами и били палками. Потом казаки-предатели собрали сельский сход, согнали напуганное население и вынесли приговор – расстрелять. Вот тут, перед нашим домом, и кончали их, в сотне метров отсюда, - указал он тяжелой и загорелой рукой. - Мне было пятнадцать лет, и я стал живым свидетелем этой зверской казни.

- Каетесь, супостаты, в содеянном?- спросил их Тимка Беляев, дрянной казачишка-лодырюка с корявой харей.

- Каемся, братцы-односельчане, что мало таких вот живодеров судили,- хрипло проговорил отец, лица которого от побоев было невозможно узнать.

- Звери вы, а не люди, за царя и помещиков-эксплуататоров глотки рвете, будто они вам землю дадут и богатство,- выкрикнул и Иванов. - Как всегда, надуют, а вы карман держите шире...

- И расстреляли?- не выдержал и спросил будущий зять.

- Думаешь, пожалели?- в очередной раз затянулся цигаркой Савельев. - Безжалостно расправились. Дикий рёв и плач стоял на всю округу. Страшно вспомнить. Расправились на моих глазах и глазах братьев. Я чуть с ума не сошел. Потом мы тайно схоронили их на кладбище. До конца дней не забуду. И есть у меня мечта – поставить невинно погибшим сельсоветчикам памятник на месте казни. Пусть люди знают, какой ценой давалась народная власть, и никогда ее не выпускают из трудовых рук. И равенство,

при котором вы теперь живете, пусть ценят.

- И что с хуторскими казаками, привлекли их к ответу?- поинтересовался Овчинников.

- Кто ушел потом с войсками Колчака, черт их сюда принес, и сгинул в Сибири. А кто смотался куда-то от греха подальше. У нас от отца остался револьвер, и мы с братом взяли его однажды и пошли рассчитывать с корявым Тимкой. Он жил у самого леса и в это время косил траву близ своего огорода. Увидев нас с оружием в руках, понял, что приходит конец. Напустил с испугу в штаны.

- Пришел твой черед, корявая сволочь! Молись перед смертью!- сказали ему. И он рёвом заревел, завыл, как бешеный волк.

- Простите ради Христа! Это белочехи все затеяли да контрреволюция.

- А ты не контра? Ты забрал жизнь нашего отца, сколько сирот оставил! А если мы твоих дристокшёнников оставим сиротами, а то и вместе с тобой хлопнем?

- Ради бога простите, ноги вам буду целовать! Не убивайте!

- Да чо с ним церемониться!- прервал его плаксы мой брат.- Давай застрелим, и делу конец!

- Ладно, мы не такие кровожадные, не справляемся с мирными жителями,- отговорил я его.- А тебя пусть Господь судит. И если к завтрашнему утру не скроешься с глаз, то пеняй на себя.

- И что?- спросил с нетерпением Сашка.- Грохнули бы?

- Трудно казнить безоружного человека, даже если он и порядочная сволочь. А этот сразу скрылся, вражина, и змеенышей своих уволок. Жизнь-то дорога. И больше я его никогда не видел. И есть у меня давняя мечта – поставить на месте расстрела памятник погибшим советчикам,- повторился он и поднялся, направился в огород, где, наверно, его ждала работа.

Видно, тяжело Владимиру Павловичу, с грустью догадался

вчерашний солдат. Какой непростой человек, знает историю своей семьи, подкован политически, и какая страшная судьба! И ты связываешь с Савельевыми свою жизнь и судьбу?

А вскоре им сыграли веселую свадьбу, и в Бишкеке появилась новая семья фарфоровских рабочих. Семья работающая, дружная, любящая. Куда один, туда и второй, как иголка с ниткой. Да с шутками и улыбками. И им многие откровенно завидовали.

* * *

- Каждый год, месяц и день с таким трудом давались мне, что нужно, как за хорошую работу в местах заключения, считать за год два или даже три,- со скорбной улыбкой призналась Таисия Алексеевна своей старшей сестре после нескольких лет разлуки.

- Рассказывай, Тася, как вы там жили, на чужой стороне?- с нескрываемым интересом слушала Мария Алексеевна.

- Кое-как на ноги поднялись, а теперь, как цыгане, по всему свету мотаемся. Одна дочь Тамара живет оседло. Вышла замуж за хорошего человека. Ее Михаил Кожевников заведовал отделом кадров на УралЗИСе. А как нарожали троих ребятишек, им не стало хватать зарплаты. Перешел бригадиром грузчиков. Там больше платят. Колька никаких родительских кладов не нашел в Миассе. Служил в армии в Якутии. Там женился на Лизе и остался. Наверно, поближе к якутским алмазам. Валька еще в Миассе выскочила замуж. И их с зятем клюнул жареный петух:

- Поехали, мама, в Ригу. Вербуют туда на строительство.

Видно, сами-то латыши не могут заводы и жилые дома строить. Да и что с них возьмешь, ведь у латыша, как говорится, хрен да душа. Мол, там и жилье обещают. И сорвались мы по своей дури с младшими дочерьми и зятем в Прибалтику. Квартиры, как обещали, конечно, не дали. Поселили кого в какую-нибудь подвальную конуру, кого в скворечню под самой крышей. Спали там вповалку. И ломили, как колхозные клячи. А местные смеялись:

- Это вам не по Уральским корам прыкать и коняться друк за друком, а воздвигать стратегию социализма...

И такой апломб, такой занос, ставят из себя баронов, а на самом деле бедность еще хуже нашей, ведь их из-под немца вытащили. Конечно, в СССР их снабжали лучше, чем жителей России. Продуктов, тряпок в магазинах было больше. Увидишь вещь на прилавке, бери сразу без всяких вопросов. Если захочешь выбрать, спросишь нужный размер, высокомерно ответят:

- Польше нету. И друких не пыло...

А в глазах ненависть. И приходила обида, ведь за это быдло столько голов наших солдатусшек положили в войну, а они, скоты, еще кочевряжатся! Невозможно терпеть их гнилой национализм. Сами из грязи, а норовят в князи. А мы им промышленность построили. Не доведет до добра такая политика нашего правительства, словно мы, освободители, люди второго сорта. Все лучшее – отстающим братьям, а себе – кукиш с маслом. Первой не выдержала я и надумала собирать манатки. А как быть с младшей, Зоей, она ведь только окончила школу? Но красавица, и сам Господь помог. Встретился ей балтийский моряк Григорий Слабоденюк. Родом из Одессы. Сразу после демобилизации женился на ней и увез на Черное море, в Одессу.

А я шапку в охапку да в родной Миасс. Не стало у казаков земли, вот и мыкаются по белу свету. Ничто их не держит на месте. Осточертела западная демократия и прибалтийская чопорность. «Это вам не по Уральским корам прыкать...» Тьфу на них! Хорошо хоть избенку тут не продали. Было, где приютиться. А то ведь русские все для других делают, а про себя забывают.

- А как личная жизнь?- поинтересовалась сестра.

- Сосватали меня за Фролова. Жил он в своем доме в Челябинске. Жена заболела и умерла. Знакомые и вывели на меня. Человек он, похоже, не бедный и самостоятельный. И я согласилась, думала хоть под старость поживу более-менее нормально. Продал он дом и уговорил меня ехать в Нижние Серьги на реку Чусовую. Брат у него там жил. Купили мы дом, пожили в нем

сколько-то. Но везде хорошо, где нас нет. А на родину тянет. Теперь я его сбила на переезд. В Миассе купили хороший дом на самом берегу озера Ильмень. Красотища какая! Кругом горы в зарослях леса, а между ними, как в яшмовой чаше, расположилось уютное и божественное озеро. Рыбаки на лодках трясут по утрам сети, закидывают удочки. И кормят округу рыбой. У нас фруктовый сад, живность. А за железной дорогой – богатый дичью и полезными ископаемыми Ильменский заповедник. Приезжайте в гости и отдыхать. Рай – не земля!

- Мне-то уж куда тащиться в такую даль, инвалидке? Вот разве дети. Им все интересно,- протяжно вздохнув, ответила Мария Алексеевна. - Значит, живешь хорошо. Сколько мучиться можно! Сам Бог помог. Заслужила. Только вот маму жалко. Всю жизнь колотилась и везла, как лошадь, но покоя не заслужила. Венка напьется – гоняет всех домочадцев. Порой у соседней ночуют. В Бишкеке жили, так хоть к нам на недельку-две когда приходила отдохнуть. А в чужой Щапиной к кому пойдет, под кустик на улицу? Говорю своему Ивану, давай к себе возьмем, не объест ведь, не обопьет старуха? А он и слушать не хочет:

- Чо у меня дом инвалидов, богодельня?

Вот и скажи ему. Хозяин. А грех ведь. Раньше стариков до самой смерти смотрели и относились уважительно.

- Может, я своего Егора уломаю. Пусть хоть под старость в покое и достатке поживет наша мама,- после недолгого молчания высказала Таисия Алексеевна.

- Господи, помоги бедной старушке и прости нас за грехи наши,- тяжело вздохнула старшая сестра и с нескрываемой мольбой посмотрела в угол на икону Богородицы, сидящей с сыном на руках и внимательно смотрящей на скорбные лица сестер.

Потом, успокоившись, они пили чай с вареньем из дикой клубники. И Мария Алексеевна все смотрела на свою сестру. Даже любовалась ею. Такая красавица, а оказалась невезучей. Голубоглазая, краснощекая и видная, она сильно смахивала на мать в молодости. Еще была полна энергии и не стареющей

женской красоты. Была по-прежнему привлекательной. А ведь жизнь-то ее ломала, словно спелую черёмуху! Она ли, эта бедная женщина, не видела горя, не испытала земного лиха, вдовьего неблагополучия, оскорбления и одиночества? Не видела беспросветной бедности и непосильного труда, который превращает людей в инвалидов, преждевременных стариков и старух, делает их быт адом и укорачивает жизнь! Да и зачем такая адская жизнь, Господи? Неужели такое творится в каждой семье и с каждым человеком? Зачем и кем придуман этот земной ад?!

От переживаемых чувств глаза хозяйки отсырели. На ресницах замерли робкие слезинки, словно боялись сорваться и еще больше расстроить пожилую и уставшую от жизни женщину, состарившуюся со своими заботами и работами раньше времени. И она отводила взгляд в сторону, не желая показать госте свои волнения и переживания, свою женскую слабость. Даже два или три раза швырнула носом. Она расчувствовалась, и ей так было жаль и мать, и сестру, и себя, и детей. Казалось, что у всех их не так, как надо, складывалась судьба. Что Господь обходит их должным вниманием, всех подвергает излишним жизненным испытаниям и невзгодам, которым не видно конца и края.

- Ты что, Маня?- заметив на лице хозяйки грусть, с тревогой спросила Таисия Алексеевна.

- Да так я, продуло у горячей печки, и швыркаю. Нос заложило,- не глядя в глаза сестре, ответила Мария Алексеевна.- Давай-ка чайку подолью, пока самовар горячий. Печенье вон бери, варенье доставай. Ягоды-то Володька собирал в поле.

27

Первые дни и недели после возвращения из больницы Сергей не находил себе места. С производством по случаю инвалидности, конечно, пришлось расстаться. Но и в своем хозяйстве было много работы. Доводить до ума недоделки в постройке, копать огород, сажать картошку, овощи, полоть, огребать, поливать,

собирать урожай. Доить коров и выгонять в стадо скотину, встречать и загонять на место вечером. Готовить на зиму дрова, уголь и сено. Чистить в стойке навоз. Доставать из колодца воды и поить животных. Там только корове с телятами надо несколько ведер за раз. Да тут еще Галинка махонькая. Надо в зыбке качать, пеленки вовремя менять, молоком поить и кашей кормить. Печку топить, чтобы не выстудило, обед варить, жена-то ведь на службе.

И как эту всю работу ломить, он не имел представления, хотя и вырос в селе? Ломить человеку, от которого осталась почти половина, у которого вместо ног культяпки? Инвалиду второй группы? Тут здоровый человек с полноценными ногами еле выдерживает, набегавшись от восхода до заката. А как выкручиваться инвалиду?

И упал он духом в первые дни. И даже жить не хотелось. Не лучше ли руки на себя наложить, чтобы не маяться и другим не мешать? Но привычка – вторая натура, утверждают знающие люди. Галинка подрастала, и он все чаще доставал ее из зыбки, сажал на пол. И они ползали вместе по дому, словно состязались, кто быстрее. Отец – печь топить, и она следом за ним. Соберется поило скотине готовить – и она мешает под ногами или, точнее, руками, ведь они у него были главной движущей силой. Так вместе и учились ползать, а потом и ходить.

Каждый день ему вспоминались слова и напутствия лечащего хирурга:

- Люди без глаз живут, без рук, а тебе только ноги обрезало, да и то ниже колен, а это большая разница. Скоро протезы сделают, барыню будешь плясать. На охоту побежишь на лыжах, не утратишь ведь. Горшки не боги обжигают, не забывай об этом. Вон Мересьев на самолете без ног летал, фашистов бил. А парализованный и слепой Николай Островский прекрасные книги писал, давал силу духа и веру таким, как ты, попавшим в беду, но не скисшим, не сдавшимся проклятому несчастью и депрессии, а всей душою хотевшим жить.

И Сергей старался поверить пожилому доктору, через руки

и душу которого прошли сотни таких калек, многие из которых выстояли в трудную годину, не сломались и живут полноценной жизнью.

- У тебя, брат, по сравнению с ними мелочь, а не беда,- успокаивал он себя.

Особенно тяжело приходилось ночью, когда мир и все живое вокруг замирало. Не спалось. Болели ноги. И даже пальцы, которых уже не было на них. А ему все казалось, что шевелит ими. Видно, нервы еще не отмёрли. Иногда даже забывал, что остался без ног, вскакивал спросонья с кровати. И тут же падал на пол, как подкошенный, почувствовав неимоверную боль.

Лежал он в чуланчике, где оборудовал себе постель и думал свои нелегкие думы, которые, словно саранча, прыгали с одного на другое. То видел себя на косачиной охоте, то на рыбалке. Но какие без ног охота или рыбалка? Как без ног? Вот они! Шевельнет ногами – тут, шевельнет пальцами – тоже. А пощупает – нет их, не отмершие нервы обманывают. А когда-то устали не знал. Собаки вперед него уставали.

Ночью и в одиночестве было невыносимо тяжело. И чтобы отвлечься от убийственных мыслей, отгородил в сенях место для столярки, соорудил низенький верстачок, да и шух-шух рубанком, строгал заготовки на рамы и косяки, пчелиные рамки и ульи. Даже за комоды и шифоньеры пытался браться.

А когда усохли короткие лодыжки, Сереге привезли с завода протезы. Мастер терпеливо объяснял, как надевать мягкие прямые, без стоп, чулки, чтобы не терли, затягивать ремни и пряжки.

- Ты, как летчик истребительной авиации!- подбодрил он, когда нетерпеливый Овчинников надел всю положенную амуницию, которая засверкала на солнце никелированными деталями.- Не бойся ходить, но и не спеши поначалу. В подошвах ботинок есть амортизаторы, смягчающие ходьбу. Сперва опирайся на костылики, пока не привыкнешь. А со временем бегом понесешься, привыкнешь, и меда не надо.

И инвалид сделал долгожданные первые шаги. Пытался

ступать осторожно, но ноги не слушались, косили на сторону, казались деревянными, чужими. С трудом отрывались от земли. А ему, как окрыленному мальчишке, так хотелось побежать бегом, стремительно полететь, как вольной птице! Только вот крыльев не выросло, и ноги отставали от туловища. И он не удержался, повалился на высокую завалинку, до крови ободрал руку.

- Не спеши, парень! С первого разу и птицы не могут взлететь, не то, что люди, осадил его протезных дел мастер.- Всему свое время...

Минут через тридцать – сорок он взмок и устал. Но настроение поднималось, ведь он уже мог самостоятельно пройти по ограде, выйти за ворота и протопать возле палисадника. Да не просто протопать, а даже почувствовать себя настоящим хозяином!

- Как полноценный человек, едри её вошь! Вот бы Галина увидала!- радостно вскрикнул.

Привыкал, естественно, долго: то здесь трет, то там мешает. Да и не хотели сживаться в одно целое живое тело и искусственные железяки с хромовыми голенищами. А он их упорно заставлял, ибо от этого зависела его дальнейшая судьба, дальнейшая до самого окончания жизнь. Но все-таки освоил и пошел. Сперва с батожком, а потом по двору приноровился и без него. И стены помогали опереться. Ноги – не сердце и не желудок, к ним некогда прислушиваться, особенно в сельской жизни. Пусть выполняют свое природное назначение, пусть везут, как им и положено по статусу. Ему заплот нужно было сделать тесовый, и вскоре он украсил снаружи двор. Стайку коровью утеплил. Сенник сделал. И веселее становилось на душе. И изъян за работой забывался. Да ещё, гляди-ка, и пчёл развел!

И люди стали к нему заходить. Правда, не старые друзья детства и юности, они как-то незаметно отошли сами по себе. А в большинстве соседи, кто поговорить, папиросу выкурить вместе. А кто и с заказом. И стал ходить по станционному поселку мастеровой Сергей. Кому косяки в новый дом врежет. Кому свяжет

рамы и застеклит. Заблестят они на дневном солнце новыми стеклами, и со стороны покажется, что дом прихорашивается и обновляется, будто ждет большого праздника.

И весело, празднично становится на душе у Сереги. И не только потому, что копейка прибавится – в семье она никогда не лишняя, а еще и потому, что живет среди людей, что он нужен людям.

- Мужик – молодец, не сломался. Мастер. Своим трудом живет,- одобрительно говорили соседи.

Большинству казалось, что Сергей бойко научился ходить на протезах, будто всю жизнь этим занимался. Как ни бойко ходил, но все-таки ноги-то не свои, наполовину искусственные, казенные. Скыр-скыр - стали скрипеть протезы. Поразбились, поразболтались они, пока притерлись, хотя и подтягивал он блестящие болтики и гайки, менял заклепки. А новые через два года положены. Хотя и есть амортизаторы в ступнях, да чуть не колесом изогнулись ботинки, словно лыжи. При частой и долгой ходьбе не напасешься и специальных чулок, а постороннюю тряпку не всегда ладно подгонишь, ведь на больных ногах любая складочка чувствительна, будто камень попал.

Приехал однажды на мотоцикле Борис, и загорелось Сереге попробовать прокатиться. Первую скорость включил удачно, как и сумел выровнять ход, а вот вторую, вверх, никак не мог зацепить. Но все-таки убедился, что сможет ездить. Приобрел он маленький мотоцикл К-125. Стал самостоятельно выезжать. Поначалу сваливался когда, но постепенно освоился. Не бог знает, какой рысистый его «козлик», но все не пешком, техника, одним словом! А на ней и десять, и двадцать верст – не расстояние. И за ягодами с девчонками съездит, и с удочками посидит на миасских плесах и ближних озерах, и с ружьем на зорьке. Душа его отходила, и жизнь казалась разнообразней. А дочерям развлечение, не отстают, особенно Галинка. Куда отец, туда и она. Ягоды сызмальства научилась брать и рыбачить пристрастилась.

Придет ночь, жена Сергея ложится на пуховую перину в

горнице, зовет дочь Галинку. А та идет на кухню к отцу, на солдатскую односпалку. Ему на пуховой перине частенько спать заказано: «Ну тебя, устала я!»- прошепчет сердито благоверная. И он уползет назад, не солоно хлебавши. Но шибко не сердится, мол, намаялась на работе, устала, оправдывает Серега жену, а ты, кобелина, дурака валяешь...

И крутится на узкой койке с дочкой. Всю ночь укрывает ее одеялом, чтобы не озябла, не простудилась. Всю нежность и отцовскую ласку ей отдает.

Нелегко ему жить, конечно, забот полный двор. Зимой воду возит на санках из колодца. Поит скотину, топит баню, домашний очаг. Когда и на охоту сбегает на лыжах, зайчишку подстрелит. Или на Чебаркульское озеро поедет на электричке на рыбалку, везет санки со снастями и термосом с горячим чаем, инструментом. Просверлит специальным коловоротом лунку или пешней пробьет прорубь. Сидит в сорокаградусный мороз с коротенькой удочкой в руке, таскает окуньков и чебаков, сует головой в снег, и они застывают на морозе, торчат из снега, словно парафиновые свечки.

Не-ет, скучать ему особо некогда. И не дает он себе скучать, особенно летом. Летом все силы и помыслы забирает сенокос. Километров за десять уезжал, где с лесниками договаривался. Снимал протезы, надевал старые штанишки, брал в руки специально сделанную для этого косу с коротким черенком. И шир-шир – пела она. Прокос, к сожалению, не такой широкий, как у нормального косаря, ведь косил, стоя на коленях. Но постепенно росли ряд за рядом. Грести сено и метать помогали жена, дочери, порой и родственники, у которых был свой сенокос. А когда вывозили, приглашал мужиков-кладчиков, которые подавали наверх тугие навильники сена.

На возу орудовал вилами или граблями сам хозяин. Ловко принимал навильники и умело раскладывал, навешивал на края и топтал, стараясь давить коленями и весом своего тела, чтобы плотнее спрессовать сено, чтобы больше вошло и не съехало по

дороге с машины, хотя она и с широко раскрытыми бортами. Конных-то воза четыре, а то и больше укладывал. Не каждый здоровый мужик так сумеет.

И росли зароды в сеннике, что стоял через дорогу прямо напротив дома, на хозяйских глазах. И не раз завидовали соседи:

- Серега Овчинников – безногий инвалид, а сена напластал, что на две зимы хватит. В отца пошел, Ивана Аверьяныча. Такой же хваткий и неутомимый, жадный до работы. И скота у них полные дворы, как у настоящих кулаков.

И Ивану Аверьяновичу тоже не сиделось без работы, хотя и стал инвалидом. Какое-то время он осторожничал, как мог, берегся, чтобы не повторился инфаркт. Но такая непривычная жизнь ему казалась какой-то праздной и легкой, ненормальной. Сперва помаленьку копался в огороде, подправлял старые плетни, сарай, стайку. Нужно было заготовливать сено, иначе пустишь скотину под нож и останешься без мяса и молока. Не привыкли они без них, тем более, что у них часто ошивались и ночевали внуки. А они любили не только молоко, но и сливки, сметану, творог, пельмени и шаньги с ним.

- Надоели мне инвалидность и сидение дома. Охота на работу, но со второй группой не возьмут. Поеду в поликлинику, буду просить третью группу,- откровенно признался он однажды супруге, сидя за вечерним чаем.

- Тебе ж пенсию платят, чего еще?- отговаривала Мария Алексеевна, которой с ним вдвоем было веселее оставаться в доме.- Вот тебе и плохая Советская власть. Сидишь дома, ничего не делаешь, а она пенсию приносит под самый нос, сует в самые руки! Много бы раньше принесли?

- Это точно. Раньше бы не принесли. Но надо зарабатывать трудовую пенсию, а не инвалидскую,- стоял на своем супруг.- Полноценную.

А когда вместо второй дали третью группу, он направился к путевому мастеру. Собравшись с духом, заговорил:

- Найди мне какую-нибудь работенку. С ума сойду без нее.

- В путейцы ты комиссию не пройдешь. Но мы как раз бригаду плотников комплектуем – строить новые казармы на разъездах. Будешь топором тюкать. Согласен?

- А чо мне – привычное дело. Знамо, согласен.

И стал он с бригадой из нескольких человек, в основном таких же пожилых, строить железнодорожные казармы, сараи. Целый день стучал топором, как дятел, пилил шпалы, из которых быстро росли ряды серых стен. Дело оказалось действительно привычным, и ему начали вспоминаться молодость, строительство мостов по селам района. Вспоминалась вся жизнь, как будто она подходила к закату, и надо было уже подводить ее итоги. Если по совести сказать, в ней мало было радостей, больше случалось неприятностей, неожиданных бед и незаслуженных огорчений. И нескончаемый труд, без которого даже ему, почти старику, не мыслилось жизни.

- Видно, уж такова судьба простого, трудящегося человека,- без особой радости и сожаления признавался себе Иван Аверьянович.- И надо находить счастье в жизни лишь в труде и в том, что на тебе не закончится твой род, что ты сделал все, чтобы он продлился дальше. А остальное, как говорил Экклезиаст, суета сует и томленье духа. Да и разве бывает еще какое-то другое счастье? Не бывает,- отвечал сам себе старый казак и ветеран-железнодорожник.- Тогда молчи и живи.

28

Старикам, особенно больным и немощным, жизнь нередко кажется несправедливо тяжелой и долгой. Порой надоедает хуже горькой редьки. Организм их стареет, дни убывают, а забот, работ меньше не становится. Другому давно надо на покой, а он к нему не привык, и безделье для него хуже каторги. А впереди, кроме болезней и смерти, ждать нечего. Отсюда и пессимизм, и плохое настроение появляются. И ему, как паровозному котлу, нужно спустить лишний пар. Может, со старухой поругаться или

детей с внуками за какую-нибудь мелочь хорошенько пробрать, чтобы другим было неповадно.

Другое дело молодые. Вроде вчера еще ребенок ползал по полу и пытался научиться ходить. Но не успеешь глазом моргнуть, как он бегом побежит. Окончит школу, поступит на работу или в учебное заведение.

Первым окончил училище Владимир Ильин. Встретил однажды его на деповских путях Овчинников, участливо спросил:

- Как ты?

- Работаю слесарем в локомотивном депо. Сперва паровозы ремонтировал, а когда их не стало, переквалифицировался на ремонтника электровозов.

- В Шапиной-то бываешь?

- Реденько. Далеко добираться. И выходных не хватает. Я ведь спортом занимаюсь, часто участвую в соревнованиях то на первенство дороги, то города. Собираюсь на факультет физкультуры поступать в Омске.

- Молоток, братишка! А ваши-то как?

- Отец построил хороший сосновый дом на самом берегу реки. Завел лодку, сети, другие снасти. В свободное время и вечерами рыбачит. Сашка с Толькой тоже в город подаются. Чего в деревне-то делать? А бабушку хочет тетя Тася забрать к себе. Ты-то как?

- Тоже ЖУ закончил. В вагонном депо ВЧД-2 вкалываю слесарем-автоматчиком. Вот на работу бегу.

- А ребята бишкильские?

- Калетин осилил ремесленное училище. Стал слесарем-сантехником на городской стройке, заочно на прораба учится. Круглым сиротой был. Мать-учительница еще в войну умерла. Спасибо тете Наде – подняла на ноги, хотя своих детей двое. Теперь ей легче стало. Тут кинь в собаку – попадешь в сироту-безотцовщину. Похлестало отцов войной. Это нам повезло. Витька Курынкин тоже вырос у бабки и деда Никитина, путейского бригадира. Уже окончил РУ металлургического завода. Помощ-

ником машиниста работает. И Вовку Грачева с сестрой Райкой одна мать поднимала, как и Генку Харькова с двумя братьями и сеструхой. Грачев горный техникум заканчивает.

- Ну и молодцы ребята! Рвутся в жизнь, нечего дома киснуть, - похвалил рассудительный Ильин. - Привет им передавай. А я на тренировку побежал.

Пожав брату руку, он поспешил длинным шагом, высокий, статный, красивый. Наверно, от девок нет отбоя, с улыбкой подумал Овчинников, направляясь в депо.

Работу слесаря-автоматчика не назовешь легкой. Всю смену, а она и днем и ночью длится двенадцать часов, надо быть на ногах. Обслуживать до сорока и более поездов. А они бывают чуть ли не километровой длины, до восьмидесяти и больше вагонов. И каждому вагону надо разъединить тормозные рукава, повесить на кронштейны, чтобы не порвались и не болтались, не побились головки на сортировочной «горке», если ты работаешь на приемке поездов с востока в парке – А. А если в парке – Б, на отправлении на запад, то наоборот снимаешь рукава с кронштейнов и соединяешь с соседним вагоном. А рукава из толстой резины, выдерживают рабочее давление воздуха пять с половиной атмосфер. Зимой они замерзают, гнутся с большим трудом. А их по два на каждом вагоне, то есть до полутора сотен на состав. Поклоняйся каждому, как великому господину, да воздух спусти, а то ненароком зубы выхлещет или голову разобьет, ведь он под большим давлением. Сними с крючка, проверь сальниковые резинки в чугунных головках, чтобы не травил воздух в местах соединений, чтобы не возвращаться потом к ним, не перекрывать концевые краны на магистрали, не задерживать отправление поезда и не срывать строгий график.

В бригаде их было двое. Старшим считался опытный автоматчик Александр Ожегов. Подвижный мужик лет тридцати пяти, живущий в собственном доме небольшого поселка типа Нахаловки, приютившегося рядом с парком. Слесарное дело он знал хорошо. Доходчиво объяснял и показывал молодому

автоматчику на практике, как и что легче и быстрее выполнять, чтобы по их вине не задерживалось отправление поезда.

Наставник относился к Володьке, как к младшему брату, и видел, что из парнишки получится толк. Он быстро хватал на лету, умел управляться накидным и гаечными ключами, быстро принимать решения и применять собственные приемы, облегчающие и убыстряющие работу. Например, в зимнее время, когда замерзшие резиновые рукава плохо подчинялись и гнулись, он не гнул спину перед каждым, не надрывался в горизонтальном положении, а каким-то быстрым и отточенным движением ноги сбивал его с крючка и моментально соединял с другим, только успевали щелкнуть головки.

Ожегов даже сам попробовал делать так, что со временем стало получаться. И понял, почему свою половину состава этот желторотый мальчишка обрабатывал быстрее его, набившего руку специалиста. И они стали управляться скорее других бригад, что сразу заметил мастер Селезнев. Ибо по их причине не было задержек при отправлении поездов.

Но слесарь-автоматчик – это не только рукава и трубы магистрали. Но и тормозной цилиндр со стальным штоком, массивной крышкой и двумя десятками болтов, который натягивал тяги, чтобы те при надобности смертельной хваткой сжимали тормозные колодки, давили на колеса и останавливали движущийся поезд. Это еще и воздушные резервуары для хранения воздуха, тормозной прибор, который автоматически управлял процессом торможения при сбросе машинистом или стоп-краном давления в магистрали хотя бы на половину атмосферы. Тормозной прибор, к сожалению, нередко выходил из строя. И слесарю приходилось откручивать затянутые маслом и ржавчиной болты и менять его на новый. А новые приборы находились в стеллажах, которых по длине состава было всего два. И каждый прибор весил под сорок килограммов. И с ним надо было еще подныривать под стоящие на соседних путях составы.

Отработанным движением Володька закидывал его на плечо

и несся по бровке почти полкилометра, как рысак, к нужному вагону. В сидячем или даже лежащем положении под вагоном с усилием поднимал и засовывал его в родное гнездо. Быстро и умело закручивал гайки, чему научился, копаясь со своим мотоциклом. А по динамике селектора уже звучали недовольные слова диспетчера:

- Автоматчики! На третьем пути быстрее пробуйте тормоза. Поезд отправляется! Открыт выходной сигнал...

И не раз случалось, когда слесарь еще не затянул болты, а поезд трогался, и приходилось стрелой выскакивать из-под вагона. Прибор же оставался в выключенном состоянии. Это особо не повлияет на время торможения и силу нажатия, ведь они рассчитаны с запасом. Эту недоделку должны заметить и исправить на другом пункте технического осмотра, например, в Златоусте или Бердяуше. Но Овчинников такие недоделки воспринимал болезненно, как личные упущения, хотя виноват в этом не он, а спешка диспетчера и график отправления поездов.

Правила приемов работы и технологию он изучал еще в училище. Но в депо уже практически все познавал до мелочей. Да и бугор его Ожегов старался дотошно объяснять, ведь ему работать с мальчишкой в паре, чтобы случайно не подвел по незнанию или неумению, чтобы не случилось аварии, иначе поедешь разбираться на место со специальной комиссией. И тут уж добра не жди, коль докажут твою вину.

- Какие бывают тормозные системы?- объяснял ему Ожегов.- Вистенгауза, Казанцева и Матросова. Вистенгауза в основном ставят на пассажирские вагоны, ледники. Казанцева – на грузовые. Но это уже прошлый век. Их замучишься «отдаивать». Поэтому и снимают. А самый современный и надежный – тормоз Матросова.

- В честь героя Александра Матросова, что ли?- не то серьезно, не то шутя спрашивал любознательный Володька.- Мол, надежно закрывает собой тормозную амбразуру?

- Да нет, при чем тут герой? В честь инженера-изобретателя Матросова.

Была у Ожегова и своя слабость. Как и некоторые другие вагонники, заглядывал он на платформы и в полувагоны, смотрел, как говорится, что где и плохо лежит. В основном таскал крупный кусковой уголь для топки домашнего очага. Доски-вагонки - для ремонта сарайчика или голубятни. Но хищение угля с поездов случалось на многих станциях по пути следования, ведь выписать его легально получалось не у всех. Только железнодорожникам его выписывали и выдавали топливную книжку. А голубятню Ожегов считал святым делом. Он был профессионалом в занятии и разведении голубей. Держал и «лебедей», и «чайных», и «мурнастых», и еще каких-то с неизвестными названиями, которых Володька и не слышал, хотя сам с детства баловался этими божьими птицами. Ожегов умело гонял свою стаю, которая приводила за собой чужих, чьи хозяева потом платили за выкуп деньги. Торговал на блошином рынке и нередко хвастал:

- Вчера на голубинке пару продал за шестьсот рябчиков, а вторую за триста.

- Шестьсот рублей! - дивился наивный напарник. - Да это моя целая месячная зарплата!

- Ладно, тебе по дешевке пару пестрых толкну или «сорок», - добрел прожженный голубятник, уважая парнишку уже за то, что занимается птицами. Правда, он еще профан в этом непростом деле, Ванька, но из него может выйти и настоящий голубятник. Хватка в учебе есть. Значит, его полку прибудет.

За последнее время Володька заметно вытянулся, возмужал, хотя был худым и прогонистым, как гончий пес. На голове выросла волнистая черная шевелюра с торчащим надо лбом модным коком. Взгляд карих глаз казался не только теплым, сочувствующим, но и изучающим человека, любопытным, будто только что появился на белый свет, где ему все чертовски интересно, а то и забавно. Брюки-дудочки натянул. Яркую рубаху.

И на него стали смотреть по-другому, особенно девчонки. Он как-то вдруг раскрылся, расцвел, как весеннее дерево после холодной и долгой зимы, под широкую тень которого тянуло

встать в жаркий день. А еще он с дружкой Грачевым быстро гонял на мотоцикле, и их ИЖи то и дело распугивали с дороги кур и собак. А вслед им неслась ругань возмущенных хозяев. Ребята с азартом катали местных красавиц, поднимая за собой шлейфы густой серой пыли. Объезжали окрестность, поля, леса и озера. И жизнь им казалась прекрасной.

- Башку не сломите!- ругался Иван Аверьянович.- Летаете, как угорелые. Да еще и с ребятами из Аджатарова и Медведева деретесь.

Посадил он однажды своего дальнего родственника Алексея Богдановского. Не успел подняться в Медведевскую гору, как тот нервно затормозил его.

- Стой, стой! Хуражка слетела!

Володька хотел развернуться и поднять ее, но дед испуганно зашамкал:

- Ешай, ешай, я тут сам допёхаю.

А Ивану Аверьяновичу пожаловался.

- Как погнал ваш Володька, у меня сердце в пятки ускочило. Это у бывалого красного казака-то! Кончит, думаю, он меня до смерти. Разобьет в лепешку, озорник. Взял я и нарочно сбросил свою казачью хуражку, чтобы слезть с этой чертовой техники.

А то посадит двоих-троих пацанов и повезет на рыбалку или за ягодами. И родителей брал страх:

- Разобьется, дурак, и мальцов погубит. Ум-то детский ишшо...

* * *

В августе он взял трудовой отпуск. Кое-как дождался его, устав от тяжелой работы, ночных недосыпаний, поздних гуляний, раннего ухода к электричке. И сразу почувствовал себя свободным, и душа его пела соловьем. Наступила свобода, и жизнь стала нравиться больше. Куда потратить целые две недели безделья? А почему бы не проветриться по бесконечным просторам необъятной и чудесной Родины? Билет-то бесплатный в

любую точку Советского Союза! Хочешь – кати во Владивосток, хочешь – поезжай в Ригу к двоюродной сестре Валентине или в Узбекистан, где стал жить Борька Салмин, чья светлая мечта стать киномехаником сбылась. Раскатывался он теперь по железной дороге в вагоне-клубе, показывал загорелым хлопкоробам и прочим дехканам новинки советского и зарубежного кинопроката. При недавнем приезде Борьки в Бишкеиль он выглядел счастливым и довольным. Много ль человеку надо!

Но больше всего Володьку тянуло к морю. А про легендарную Одессу лучше и не говорить. Какой советский мальчишка не мечтал о ней и Черном море?

- У меня же сеструха в Одессе!- вовремя вспомнил он и взял туда разовый железнодорожный билет, положенный каждому железнодорожнику, проработавшему хотя бы год на дороге.

Да не плацкартный, а доплатил немного и поехал в купейном, гэдээровском вагоне, где до половины проема открываются окна, большое зеркало на двери, которая запирается на хитрые защелки, что не открыть снаружи. В купе едут не более четверых человек. Свежие постели и занавески на окнах. Полки для багажа и столик для еды, под крышкой которого приспособление для съема пробок с бутылок с газировкой. А горячий чай, что разносят заботливые проводники! И сахар в культурных пакетиках. Нет вкуснее на свете чая, что умеют заваривать проводники!

«Еду, как барон!- написал он в Бишкеиль на короткой открытке.- И седой Урал, и реку Белую, и Волгу проехал. Величественные места, скажу я вам. Как прекрасна и необъятна наша Родина!»

А сколько красивых городов, сел и поселков промелькнуло мимо! А вскоре и пошли беленые известью хаты, крытые камышом и соломой. Они совершенно не походили на уральские и российские рубленые дома, почерневшие от долгих лет и дождей. Значит, пошла Украина. Уже и Харьков миновали, где произвел на него впечатление красивый вокзал. Наконец достигли долгожданной Одессы, где их тоже встретил красивый

вокзал. Володька достал из чемодана, обернутого чехлом, Зоино письмо и стал читать, как добраться до ее дома. В нужном месте сел на нужный автобус и во все глаза смотрел из окна на улицы и постройки незнакомого и таинственного города, о котором мечтают миллионы мальчишек. Читал интересные надписи и предупреждения. «Стерегись потягу», «Перукарня». О смысле первого догадался по нарисованному паровозу. А на Перукарню подумал, что это пекарня.

Он благополучно доехал до Второй Заставы. Спросил прохожих, и те послали его на железнодорожный вокзальчик кишиневской ветки, где и стоял Зоин трехэтажный дом. В нем находились и служебные помещения, и жилые, где проживали железнодорожники. Хозяева еще были на работе, и он часа два подождал их прихода, спасаясь от жары в тени вишневого дерева.

Наконец они появились. Володька обнялся с сестрой, племянниками и зятем. Он был кудрявым молодым мужчиной, чьи голубые глаза цветом походили на морские волны. Зоя была всего на год старше гостя, но уже успела родить двоих детей: трехлетнюю Свету и полугодового Генку. Их квартира, предоставленная хозяйке как работнице движения, стрелочнице, оказалась проходной комнатой в другую комнату, где тоже жили люди и ходили через площадь соседей. Но все-таки это было жилье, получить которое в солнечной Одессе не так-то просто. В него втиснулась кровать. У стены стоял небольшой кухонный столик. А спали в основном, видать, на полу. Но это совершенно не пугало гостя, прошедшего подобные неудобства еще в детстве. Главное – он был в Одессе. Из бишкилян тут никто не проживал, кроме, правда, внука бывших соседей по бараку Гордеевых – Бориса, который был настоящим моряком, бороздил океаны и моря. Но это был редкий счастливчик. Здесь Овчинникову все нравилось, казалось знакомым и интересным. Даже черноглазая сестра-красавица казалась почти знакомой. Одетая в белую украинскую кофточку, она нередко и говорила по-украински певуче.

- Шо цэ мы тут ба-ачим? А не трэба ли вам холоднаго кваску з лёдом? Мабудь, винца?

И Овчинников глядел на нее во все глаза и дивился, откуда она так быстро научилась балакать по-хохлацки? Вечерами он гулял с племянниками по перрону. Срывал фрукты с деревьев. Покупал детям мороженое. В выходной ездили с зятем на море. Они заходили на рынок, пили разливное вино, стоившее копейки. Там он впервые попробовал баклажаны, видимо, приготовленные на пару или воде и с какими-то камышами или травой. И они ему не понравились.

- Это ты без привычки,- объяснял Григорий.

А среди недели, когда зять был на работе, ездил сам. Купался. Спускался и поднимался по знаменитой Потемкинской лестнице, бродил по парку Шевченко, по известной даже в песнях Дерибасовской улице, близ оперного театра. И ему откровенно понравился этот южный морской город с приветливыми людьми. Однажды даже попал на вещевого рынок, барахолку, купил из-под полы две или три пленки якобы с рок-н-роллом. Но записи оказались нечистыми и ему не понравились.

Его многое приятно удивляло. И бархатные волны голубого моря, нежно ласкающие даже плохо загорелое тело чужака-уральца. И замершие в порту корабли с разноцветными флагами, и шаланды с бьющимися на ветру синими и белыми парусами. И часто доносящаяся до слуха песня:

В рейс уходят корабли,
Удаляясь от земли,
Там большие корабли и малые.
У одних большой маршрут,
Их в портах далеких ждут...

За короткое время гость понял, что тут по праву любили Утесова. Да он и сам любил его песни. И часто крутил пластинку с «Ленинградскими мостами». А еще ему понравились зять и теплый прием родственников, которым позавидовал светлой завистью, что живут на Черном море. И не хотелось уезжать

обратно. Он накупил рубашек, плавок, не забыл взять родственницам платков, еще чего-то. Приобрел заднюю звездочку для мотоцикла, что давно искал. И прекрасные кожаные перчатки на кнопочках с белым мелким мехом, аккуратно и со вкусом сшитые. Таких в Бишкеке не было ни у одной души. И пусть боятся задиристые ребята. Удар в них кулаком по сопатке будет очень даже чувствительным, и не каждый от него устоит на ногах.

Потом он добирался двое суток в купейном вагоне. Смотрел на выжженные солнцем украинские степи и пирамидальные тополя, на ветках которых трепетали легкие и чувствительные листочки, словно нежно махали ручками и прощались с гостем. Он выходил на стоянках поезда, покупал фрукты, овощи, которыми набил все авоськи. И даже приобрел вместе с ведром абрикосов, чтобы не помять и довести целыми до дому. Представлял, как встретят его в Челябинске и обрадуются родственники и друзья. И ему не хотелось думать о тяжелой и грязной работе, спецовка от которой пачкалась в мазуте. Порой он даже капал с нее, как из старой буксы. Но он чаще старался вспоминать об удачном отдыхе, встрече с родственниками, которые к нему отнеслись так тепло, волнительно и с уважением. А ведь, наверно, пора и ему браться за ум, устраивать свою судьбу. И, может, даже заводить семью. Только готов ли он к этому? Да и был самый разгар молодости, когда, казалось, весь мир улыбается и тянется к тебе. Когда в упругих мышцах появляется все больше силы, и далеко не каждый уже в состоянии обидеть тебя. И ты можешь смело, безбоязненно и гордо идти по жизни, как по родной улице.

Но вот только чем гордиться-то, ловил он себя на неприятной мысли, ведь ты еще ничего значительного не достиг? А может, сама жизнь, как путеводитель, выведет на нужную стезю, ведь ты – уже сила, уже рабочий и полноценный человек, способный сам себя прокормить?

Работа, дорога, путевые обходчики родного шестого околотка ему снились с неотступным упорством каждую ночь и вспоминались за день десятки раз. Словно не мог он без этого обойтись, как не мог обойтись без воздуха, пищи, будто они составляли неотъемлемую часть его живого организма. И Иван Аверьянович не знал, как от них отвязаться. Ладно бы, если вспоминались хорошие люди и интересные эпизоды. Так ведь всякая чепуха в голову перла, как паровоз, наподобие Аркашки Мыльникова.

- Была нужда вспоминать такого придурка!- не раз он выражал вслух свое возмущение.

На что немногословный и терпеливый пензяк Иван Богатырев, и тот недоволен поведением бригадира.

Богатырев был напарником Овчинникова. Слегка прикартавливал и прихрамывал после ранения на левую ногу. Жил на казарме. Когда встречались с ним на границе участков, садились ненадолго на лавку, делились последними новостями.

- Арлкашка, сволочь, проходу не дает, сживает с белого свету, гад,- жаловался Богатырев.

- А кого он не сживает? И мне проходу не дает,- с пониманием поддерживал Овчинников.

- То по неправильному пути встречаю поезда, то подошвы рельс не чищу, то сено не там кошу, то моя скотина в его сеник лезет. Прямо царский жандарм.

- Начальство, как же! Без году неделю бригадирит, а гонору на целых сорок лет,- поддакивал Овчинников.

- Надоела эта каторга. В Бишкиль бы податься жить, там на хвархворовом заводе, элеваторе по восемь часов робят. А у нас путевые обходчики все еще по полсутки дежурят, как в войну.

Иван Аверьянович не хуже товарища понимал эту нелегкую долю – зимой, в сорокаградусный мороз, когда даже звенят стальные рельсы, а вокруг спешащего состава несется снежный вихрь – пронизывающий, студеный, колючий, или запуржит,

заметет вьюга, что на десять шагов не видать – не спасают ни казенная шуба, ни ватные брюки, ни телячья шапка. На ходу да при полной амуниции только и спасаешься, греешься. И порой обходчики не выдерживали, особенно ночью, хорошо, если дежурили в субботу, забегали на минутку в баню на разъезде, если ее с вечера топили, чтоб хоть чуть-чуть согреться. Долго нельзя – уснешь с мороза.

- Или еще хуже – застучает бригадир,- будто читал его мысли Богатырев.- Со свету сживет и мастеру продаст, зверёньш! В другой раз постучишься от нетерпения в будку на перегоне.

- Кто там?- недовольно и сонно спросит хозяин.

- Это я, Пенза, страна Лаптей, страна господ, путевая корловушка,- петухом запоешь у закрытых дверей.

И идет он в подштанниках после теплой постели, откидывает заледеневший крючок с дверей, приглашает не очень радостно:

- Заходи, путевая коровушка. Лишь бы не медведь-шатун. Небось, до костей промерз?

- Есть маненько.

- Но в Бишкеке нужно на что-то покупать избу. Или самому из чего-то рубить. Тети-мети не хватит. Видно, на казарме и умирать придется. Тут и со скотиной легче. Коровам, телкам, овечкам накосишь. На нашу зарплату не шибко разойдешься и проживешь. А тут молоко свое, мясо на зиму. Поросенка на сало. Бычишку прошлогоднего продашь, все подспорье. Дочерей к школе одеть...

- На казарме жилье служебное. Им и заманивают на дорогу нашего бездомного брата,- после недолгого молчания продолжал Богатырев.- Но и ее нельзя оставлять, скотину переводить. А как все надоело! На станции в домах давно электричество, кино в клубе почти каждый день. На казарме – батарейные радиоприемники. Села батарея – слушай запечного сверчка да щурься на керосиновую лампу, будто у тебя куриная слепота. В бишкекских магазинах – продукты, товары. Но каждый раз

туда не находишься. А на казарму привозят только хлеб да соль. На станции улицы хоть редко, но освещены. На казарму зимой забредают волки. Овцу утащат, бандиты, ежели в стайку проникнут, корову зарежут, собаке кишки выпустят, коль непочтительно встретит. Вот и прошлой зимой нагрянула стая. Услышав ее, все шавки перепугались и по углам попрятались с воем. И люди в штаны навалили вместе с доблестным Арлкашкой-алкашкой Мыльниковым. Один мой Тарзан не испугался, выбежал им навстречу, чтобы защитить казарму. Но куда ему против стаи зверей! Выпустили кишки, паразиты. И жалко его, как человека. Хороший был пес...

Овчинников отлично помнил этого пса. Светло-рыжей масти, крупный, с сильными лапами, он с веселым лаем встречал знакомых обходчиков, приветливо помахивая упругим хвостом. И наоборот ополчался на чужих подозрительных людей и отгонял подальше от путей. Не раз приходил к хозяину на дежурство, шнырял по полотну дороги и откосам, будто что-то искал подозрительное. Совал морду в мышинные норы, нюхал воздух и чихал от попавшей в нос пыли. На этом перегоне он был собачьим хозяином, хотя и считался дворняжких кровей. Встанет, бывало, как часовой, на косогоре, одно ухо поднято полностью, другое наполовину. Замрет в стойке и смотрит вдаль, слушает чутким ухом, кто и откуда может грозить родной железной дороге и его собачьему царству? А угрозы он с молодости лет не терпел, когда почувствовал в мышцах большую силу.

Правда, однажды его подвели собачье чутье и самонадеянность. Погнался он за какой-то настырной пташкой и угодил под поезд. Сам, слава Богу, остался цел, а вот правую переднюю лапу подмяло неумолимое стальное колесо. Подмяло немного, самый кончик, ступню с подушечной и когтями. И он стал инвалидом, хотя свой ответственный пост не покинул. Бегал на трех ногах, припадая на правую переднюю и мотая ею перед собой, словно хотел протянуть кому-то для пожатия и поздороваться. Не раз он сопровождал на дежурстве и Овчинникова, и на душе обходчика

становилось не так тоскливо и одиноко. Она теплела, будто это тепло излучал казарменный рыжий пес.

- Я был на дежурстве, а соседи видели, как Тарзан выскочил на стаю,- горестно продолжал слегка обмякший фигурой Богатырев.- Бросился на самого первого зверя, сбил наземь, но остальные набросились на него, распоролы горло и брюхо. А Арлкашка струсил, хотя и ружье есть. А после попадания его под состав мы обоим хромали – он на правую, я на левую ногу. И когда шли вместе, нас нередко дразнили: рубль двадцать, два пятнадцать...

И таких эпизодов Ивану Аверьяновичу вспоминались сотни. Порой, когда еще был путевым обходчиком, он не раз выказывал свое недовольство тяжелой работой, сердился на нее или начальство. А теперь, когда стал инвалидом и привычно уже не обходил пути, все больше вспоминал ее с теплом и даже радостью. И стал вдруг понимать, что она заслуживает этого. Ведь на ней прошли лучшие годы его жизни, прошла молодость, которая уж никогда не повторится. И если можно было вспять повернуть жизнь лет на десять – двадцать, он бы был бесконечно рад. Может, даже терпеливо отнесся бы к самодуру Аркашке Мыльникову, лишь бы снова встретить на дороге робкий весенний рассвет или увидеть зимней ночью локомотивный луч прожектора, шаривший по голым тополям лесозащиты, уснувшим в сугробах, ползущий по рельсам, будто хотевший начисто вылизать их, очистить от осевших снежинок.

Только накануне шестидесятилетия он понял, что годы пути были годами его активной жизни, когда чувствовал в себе много сил, которых не жалел для этого, как казалось некоторым, непосильного труда, который помогал поднимать промышленную мощь страны, сделать ее богатой и непобедимой державой. Этот труд и дорога помогали кормить и растить его детей. Не дали пропасть семье в лихую годину немилосердной войны, в пору голода и прочих неприятностей и несчастий. Дождаться внуков.

Значит, уж не такими они были плохими, как иногда казалось путейцу. А может, и совсем не плохими, ведь он все чаще и чаще вспоминал о них с удовлетворением и даже гордостью...

- Вот она, наша великая железная дорога!- с пафосом говорил он иногда внукам, чувствуя, как его уставшие от жизни глаза сыреют. И те тихо и восхищенно слушали.- Небось, расстояние до Луны и обратно я протопал пеши по ней за годы работы! Вперед космонавтов, которые только собираются туда полететь.

И в свободное время он все чаще заходил в конторку, заглядывал к путейцам, стрелочникам в их небольшие, но уютные будки. Разговаривал с сослуживцами. С интересом узнавал новости. А они были всегда, ибо жизнь на дороге кипела и полнилась слухами.

- Бают, сам министр Путей Сообщения Бещев приезжает.

- Да вы что? Значит, жди капитальную проверку.

- А слышали, что учудил переездный сторож Янкин?- спросил однажды стрелочник Васютин.

- Тот что-нибудь да учудит. Дури-то много. Какой опять выкинул фокус?

Станционные хорошо знали этого вертлявого и не серьезного человека. Он мог без зазрения совести безбожно соврать и прикинуться казанским сиротой, спроворить, что плохо лежит, и не отдать долги. Продать молодому соседу ведро картошки по цене в два раза больше, чем на городском рынке.

- Бери-и, бери, у меня всех дешевле,- нагло навяливал он и прищелкивал языком.- Алёмс кук!

И никто толком не знал, что такое алёмс кук. За это его и прозвали Алёмсом. Вырученные в тайне от жены Янихи деньги он прятал подальше, чтобы при надобности пустить на свои личные цели. К примеру, зайти в станционный буфет или элеваторскую чайную, выпить чекушку водки и взять на закуску бутерброд с кетовой икрой, стоивший в то нелегкое время рубль тринадцать копеек сталинскими деньгами реформы 1947 года.

- Налей-ка, Маша, крепыша, чтоб заплакала душа. И алёмс

кук!- небрежно и картинно кидал он четвертную. Потом уносил тарелочку с желтой каемочкой на облюбованный стол. Тянул из стакана мелкими глотками, растягивал удовольствие, жевал бутерброд с икрой, соря для эффекта мелкими зернышками икринок. И старался определить произведенный на окружающих эффект, мол, знай наших, переездных, не заездных!

- На грош, да с вилки!- смеялся над ним Овчинников.- С худыми-то карманами? Куда крестьяне – туда и обезьяне.

- Алёмс кук!- торжественно восклицал переездный рабочий, очевидно, возомнив себя крупным железнодорожным деятелем, и бил пальцами дробь, словно на барабане.- Я начальника Южно-Уральской дороги товарища Калабухова держал два часа возле закрытого шлагбаума. Могу на весь день перекрыть переезд, ежели магарыч не поставят. Да мне сам народный комиссар Путей Сообщения Каганович посылал из вагона поклон и искреннюю благодарность. А нынешний министр МПС Бещев похвальную грамоту присылал. Вот так вот! Алёмс кук! Поэтому и икоркой закусуваю. Крабами балуюсь, чья банка стоит восемь рубчиков.

- Ну, что там опять учудил Алёмс?- спрашивали Васютинна.- Комбайны на уборочную не пропустил? Так он уже стадо не пропускает, пришлось гонять через речной мост, две версты лишних делать. Или на живую жену любовницу Краснопыриху привел?

В последние годы супруга Алёмса болела, и он иногда давал «левака», как выражались острые на язык бишкиляне, зачастил к соседке-вдовушке, женщине еще дебелий, не изношенной, которая тоже была не против флиртануть, ведь сколько лет вдовствования после войны! Жила в больших трудностях, недостатках.

- Наши мужики на фронте погибли, и мы недолюбили, недоцеловались-миловались. А у этих баб мужья всю жизнь под боком, рядом, греют ночами. Надо и с вдовами радостью поделиться!- не раз заявляла она принародно, добавляя соленое слово.

Ее дети дружили с детьми Алемса. И им всем было совестно

от людей и соседей за любовную связь родителей. Однажды старший сын Краснопырихи Семка, направляясь к матери, увидел через забор, что кто-то промелькнул по ее двору. Уж не вор ли? Дверь в избу оказалась на замке, и Семка пошел в конец двора, заглянул в сарайчик, отворил на всякий случай дверь бани и заметил, что кто-то прикрывлся в углу близ полка банным овальным тазом. Он убрал таз и вдруг рывкнул:

- Ты чо тут забрался и прячешься, герой-любовник? Алёмс чертов! А ну рви когти отсюда, пока по калгану не надавал!

Янкин испуганно и по-молодецки быстро вскочил и замаялся.

- Да я тут, Сёмочка, понимаешь, веник искал. Говорят, у Авдотьи хорошие веники. До нутра продирают.

- У всех они одинаковые, из одного леса. Березовые. И чо ты их под тазиком ищешь, старый ишак? Щас дубиной отхожу!

- Да я, алёмс кук, чтой-то перепутал,- залепетал переездный сторож, норovia во избежание неприятностей прорваться к двери и дать деру.

- Старый котяра!- вдогонку огрел его по спине Семен.- Шурымуры тут развели. Еще раз увижу – всю палку об тя изломаю. Да мы тебя вместе с вашим Петькой отвадим, чтобы нас всех не позорил!

- Дак чо учудил Алёмс? Любовницу-Краснопыриху домой привел?- вновь переспросил Иван Аверьянович.

- Не-ет, это устаревшие сплетни,- отрицательно помотал головой в железнодорожной фуражке сдержанный Васютин, посмотрев в окно, не подходит ли поезд.- Мне вечёр бригадир тракторной бригады колхоза Плешков рассказал, что Алёмс натворил. Посылали у нас людей на уборочную. Ну и Янкина послали, все равно толку от него, как от козла молока. Последние месяцы до пенсии дотягивал. Он там объявил себя великим спецом по конным сенокосилкам. И так накосил, что траву повыхватывал клочками, поле испортил и косилку сломал в такое горячее время. Агроном к нему с претензиями, Елена Павловна Болдушко,

человек известный, мы ее выбрали в районный Совет.

- Работу не принимаю, брак, а за потери с вас взыщем, товарищ Алёмс, или как там вас?

- Это у вас такие поля и косилки,- хотел тот свалить с больной головы на здоровую.

- Никаких отговорок! Вот возьмите письмо своему начальству.

- И не сдалась?- спросил Овинников.

- Принципиальная больно, не сдаюсь,- с улыбкой отрицательно мотнул головой Васютин.- Ей нужно было ехать на заседание районного Совета. И она отошла ненадолго от стана, оставив в ходке свой депутатский портфель. И он, видно, решил отомстить. Незаметно стащил портфель, в кустах наложил в него хорошенько после съеденной в обед каши. И отнес на место. Меня тоже вызвали на заседание, говорит Плешков. Едем мы в райцентр и слышим, что откуда-то воняет. Сперва подумали, что дерьмо вывезли на поля. Но проехали километр, пять, все равно воняет. И на заседании слышали вонь. Потом Елене Павловне предоставили слово. Она пошла к трибуне, открыла портфель и ахнула.

- Боже мой! Извините меня...

Схватила портфель и стрелой вылетела на улицу. Я уж только потом догадался, что в портфель нагадил Алёмс. Думал, упрячут его подальше. А с него, как с гуся вода. Или она никому не сказала об этом, или органы махнули рукой, чтобы не раздувать это щекотливое и вонючее дело.

- Вот это Алёмс!- захохотали мужики.- От него можно всего ожидать. Тюряга по нему плачет!

- Вот дает стране угля, собака!

- Хорошенькая штука, Алёмс тут вместе с Куком...

- Надо было нашему стрелочнику Шестакову взяться, он бы все пронюхал, как легавый пес или прокурор, и раскрутил. Не случайно то в партком, то в местком, то в товарищеский суд избирают, то подарки детям к Новому году делить. Железный Феликс.

- Связываться с дерьмом. Наше ли это дело?- пришли к выводу мужики.- Пусть хоть на голову друг дружке навалят, лишь бы другим не мешали.

30

Годы шли неумолимо, как железнодорожные составы. Не шли, а летели уверенно, напряженно, будто ни до чего и ни до кого им не было дела. Неудержимо спешили, словно их подгонял кто-то длинным пастушьим кнутом, как не выспавшийся за летнюю короткую ночь злой пастух непослушных буренок. Стегал их, как говорится, в хвост и в гриву. И они, боясь расправы, неслись галопом по необъятным просторам Урала, России и всей Вселенной.

Другой сирий да болезный человек не успевал за ними, спешил из последних силенок, норовил притормозить их, успокоить. А они, как уросливые кони, закусив удила, неслись в бесшабашной скачке, сметая и увлекая за собою все встреченное на пути.

- На людей, словно зуд напал!- удивлялся Иван Аверьянович.- Полетели куда-то, как чумовые. И чо им не сидится, не живется на одном месте? А на новом - ни кола, ни двора не будет. Все сызнава надо начинать. Чо вот Борьке с Лидкой не сиделось? Дом, хозяйство было. Все продали. Шапку в охалку, детишек и подались аж в Сочи. К морю. Нужно им это море, как мертвому припарка!

- Там Лидина однокурсница Домбровская устроилась и их перетянула,- старалась доходчиво объяснить или оправдать детей Мария Алексеевна.- Чо в Медведеве-то делать, в этой глухой берлоге?

- Под лежачий камень и вода не течет. Наташку бы с Сережкой растили. Хозяйство ширили. Богатство копили. А так профукают последнее, нажитое с трудом, и вернутся восвояси голы, как соколы. Они первые, что ли? Сватьёв вон, Лидиных

родителей, черт отсюда в Барнаул носил. Потом вернулись и сколько лет маялись по чужим углам с семьей! И в подвале Медведевской амбулатории жили, и в постояльцах ходили, пока своего скворечника не слепили.

- Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше,- гнула свою линию жена. Ей до сердечной боли было жаль расставаться с детьми. Но и не заступиться за них она не могла: кто заступится, если не родная мать?- Живут же люди и в чужих краях, даже странах. А эти уж там и дом построили. Ты ведь сам им ездил помогать.

- Да дом-то прилепился на склоне обрыва, как ласточкино гнездо. Одна сторона на фундаменте, другая на стойках. А там то землетрясения, то ливни да половодье. У них даже недавно построенную школу разрушило. Хорошо хоть, учеников не было, ночью. А то б какая беда.

- Что же тогда половина Бишкиля и Медведева у них побывало в гостях? Люди завидуют им, вот и едут, как на праздник.

- Люди на море едут. А к ним, чтобы на ширмака перекантоваться, за жильё денежки не платить. А им разве до гостей – вон, сколько лет такую домину строят? Гостям нужно время уделять, внимание. Встречать, угощать. Только в прошлом году тринадцать заездов было! Да гости их окончательно разорят. Хотя и дом у черта на куличках, аж в Сергей – Поле. Глядя на старшего брата, и Володька полетел на Ставрополье, по соседству с Кубанью. Тоже сколько там по квартирам таскался, бедствовал!

- Он же железнодорожный институт кончал. Там место предложили.

- Хорошее место, аж на Северо-Кавказской железной дороге! Он и тут поездным диспетчером работал, чего еще надо?- не соглашался Овчинников, сидя за сапожной доской и починая обувь.

Его жена орудовала ухватками у русской печки. Ставила и вытаскивала чугуны, варила завтрак. А между делом поддерживала разговор с супругом.

- А Володька Ильин с семьей тоже уехали, аж в Крым, в какой-то Армянск. Он стал физкультурником, институт кончал. Работает учителем в школе. А деды его всю жизнь на поле горбину гнули. И Юрка Бодин где-то в «заплетке» устроился.

- Разбежались по белу свету, как бездомные! Ни роду, ни племени не помнят,- не сдавался Иван Аверьянович, натягивая руками начищенную варом и мылом драгву, на кистях которых оставался черный след.- Юрка-то хоть деньги гребет лопатой в «заплетке», а эти чо там нагребут среди торгашей-кавказцев? Что случилось с людьми, побросали земли, политые кровью и потом отцов и дедов, за которые они не жалели жизни? Да где теперь эти земли? Все с ног на голову поставили.

- Кого тогда винить? Нашим детям больше всех надо, что ли? Слава Богу, Серега, Саня остались с нами.

- От Сереги-то проку немного. Еще не хватало, чтобы инвалид куда-нибудь сорвался. Только на Саньку теперь надежда, хотя и не последыш. И дом ему, слава Богу, поставили. Рядом с Серегой. Может, и подсобит когда брату. Помню, как мы рубили его. Сват Савельев помогал.

- А какая Вера у него хорошая жена, сын Шура и дочь Нина. Не зря, считай, выросли у нас. Послушные, тихие внуки.

- Только жалко, скотину мы нарушили,- вздыхал Овчинников, не привычный жить без коров, овец и сенокосов. Поэтому и долго подрабатывавший то на строительстве казарм, то на путейской конюшне.

- Сколько можно ее держать? Нам уж восьмой десяток пошел?- вставила фразу хозяйка.

- А ведь когда-то две дойных коровы держали, хотя полагалась по закону одна.

- И тряслись от страха, что единоличниками признают.

- И чуть не признали. Пришел как-то налоговый агент. У тебя две коровы, говорит. Одна, отвечаю. Вторая – телка. А почему такая большая? У нас младший сын по годам всех меньше, а почему выдурил больше всех? Так и отбрехался,- с довольной

улыбкой признался Овчинников, не бросая своего занятия.

- Теперь – милое дело. Не надо вставать чуть свет, доить коров и провожать в стадо. С сенокосом возжаться. Молока дети с внуками пришлют, а мяса много ли двоим старикам надо?- тихо высказывалась Мария Алексеевна.

- Вам ничего не надо!- вспыхивал неожиданно хозяин.- Как жить-то без дела, без работы? С ума можно спянуть.

- Все в жизни кончается, даже работа и сама жизнь,- миролюбиво замечала она, не склонная к спорам и перебранкам.

Поговорив, излив наболевшее на душе, они нередко надолго замолкали, каждый думая о своем, а на самом деле больше об одном и том же – о детях, внуках, своей подходящей к концу жизни, с чем не очень хотелось мириться, ведь еще была жива старая казачка Арина Алексеевна, как бы служившая индикатором продолжительности жизни. А когда живы родители, дети надеются, если не считать себя бессмертными, то хотя бы жить еще да жить.

* * *

В последние перед кончиной годы бабушка Ильина жила у младшей дочери Таисьи в городе Миассе. Большой фроловский дом стоял на самом берегу живописного озера Ильмень. И хотя глаза старушки уже лет двадцать не видели белого света, физически она чувствовала себя нормально. Ей отвели небольшую каморку близ печки, где было тихо и тепло. А в лютые морозы можно залезть на массивную печь и даже вытянуть на всю длину ноги.

Она быстро освоилась, даже пыталась помочь по хозяйству, на ощупь помыть посуду, постирать кухонные вехотки и полотенца, даже подмести пол, определяя по звуку, куда летит мусор. Освоилась и во дворе, знала, где и что лежит, где находятся туалет, сарай и ворота. Даже иногда выходила за них, садилась на лавку и слушала доносящиеся от соседей и с озера звуки, разговоры, счастливый смех. Порой пыталась напрячь зрение, в надежде,

что появится хоть какой-то короткий проблеск и она увидит это таинственное для нее озеро, о котором, как и об Ильменском заповеднике, ходят тысячи слухов.

Только вот взгляд ее выцветших, мутных глаз шарил поверху и несколько в сторону. И они упорно не хотели видеть. А так мечталось прозреть хотя бы на минутку. Увидеть окружающую обстановку, близкое озеро, горы вокруг него, дом, в котором жила, но не имела зрительного представления, как в могиле.

- Хоть бы краем глаза глянуть! И умирать можно,- тихо шептала старушка одними губами.

На вид она казалась еще солидной. На руках и ногах были массивные мышцы, правда, ослабшие и дряблые. На широком, как луна, лице главенствовал пористый мясистый нос, похожий на прошлогоднюю дряблую картофелину. На голове торчали редкие, короткие и седые волосенки.

- Ничо не видать,- с сожалением вздыхала она.- А ведь когда-то видела, как кошка. Какой-то умник доктор курить советовал. Махру смолила, как мужик. Не помогло. Да и разве табак поможет? Хорошо, хоть здоровье есть. Наверно, у меня на самом деле два сердца. И лет уж сколько – забыла. Говорят, что ровесница самому Ленину. Вот, как зажила на этом свете! Вождя-то уж давно нет. Наворочал дел, людей взбаламутил, а сам, как говорят цыганки, «черный дырка ушел». Как с такой жизнью целый век провековала – сама не пойму. В радость или наказание столько лет отпустил Господь?- спрашивала она себя и не могла найти успокоительного ответа.- Да какая там радость, когда всю жизнь везла на себе не хуже колхозной клячи, мужем ни за что, ни про что нещадно колочена, вдовством бита, жизнью калечена? Всем только мешала и лишней была. Не зря Венка-то говорил сестрам: «Чо вы все старуху на меня одного взвалили? Если такие умные да богатые – забирайте себе. Я вам телку в придачу дам или рыбачью лодку». Чудак-человек, чо они на лодке-то станут делать вместе со мной? Мне уж давно только одна лодка нужна – плыть по волнам загробной жизни. А я, как склеенная макитра,

два века живу. За мужа, видать, и за сына, которых увел проклятый адмирал Колчак и погубил в далекой Сибири, сделал детей сиротами, а меня вдовой. Вот вам и казачья жизнь! И я стала никому не нужна. Зять Иван говорит, что у него не богадельня. А второй, Егор, трезвый когда, молчит, а пьяный тоже недовольный, повод ищет, чтобы избавиться. Сказал однажды, давай, милая теща, стукнемся! Господь с тобой, из ума выжил, что ли, говорю. Не знаешь, как от меня отделаться. Да разве я виновата, что Бог смерти не дает, хотя сколько лет прошу?

Она умолкала, какое-то время сидела молча и неподвижно, видно, вспоминала былое. Потом вновь шептала или тихо говорила сама с собою. А однажды, года за два до смерти, в ворота и окно в палисаднике постучали внуки Борис и Володька. Они приехали с Северного Кавказа в отпуск к родителям и решили навестить старушку и тетку. Долго стучали в ворота, тарабанили в окна. Наконец Арина Алексеевна услышала и, опираясь на стенку, подошла к окну.

- Кто там?- глуховато спросила.

- Внуки твои,- ответили дружно с улицы.- Раскрывай двери-окна!

- Заперли меня хозяева. На базар они уехали. Залазьте в створки...

Внуки облобызали старуху и представили жен:

- Это – старшая сноха Лида. А это Аня...

- Спасибо, что приехали и меня провели. Может, в последний раз. Да садитесь, скоро Тася с Егором придут, обед соберут.

Гости расселись вокруг нее, и она аж зарделась от неожиданной радости. Бойко рассказывала о себе и родне, волнуясь и перескакивая с одной мысли на другую. Чего только не вспоминала. Наконец дошла до младшего зятя.

- Егор-то Фролов тоже харапужный. Поехали как-то в гости в Бишкиль. Праздник был. Родственники собрались да кто. Он выпил и начал к Тасе привязываться, то за руку дернет, то брагой

плеснет. Заплакала она от стыда и обиды, ушла во двор. А тут племянник Сережка встрял. Мне бы, говорит, только на пол его свалить, а там я – король! За любимую тетушку горы переверну! Она и так жизнью обижена. И всыпал ему безногий инвалид. Вся морда в красных подтеках.

- Я помню тот случай,- вступил в разговор младший внук.- Я как раз был во дворе. Захожу в избу, а там побоище. Всклопоченный, как ворон, Серега сидит верхом на дяде Жоре и молотит кулаками. Кое-как оттащил его, молодой еще был. Ты с ума сошел, говорю, гостя бьешь? Пусть и будет гостем, а не зачинщиком драки, стоит на своем тот, и любимую тетушку не трогает. Дядя Жора потом плакался мне в плечо. Спасибо за спасение говорил. А что и тебя он тут обижает? Так, может, его снова уму-разуму поучить?- с улыбкой спросил Володька.

- Што ты, што ты! Не вздумай напомнить, а то еще осерчает,- чуть не вскочила с места перепуганная старуха.

- Успокойся, Арина – мать солдатская. Он пошутил,- рассмеялся Борис.- Рюмочку-то еще пригубляешь?

- Бывает, когда подадут.

- И пляшешь, небось?- любопытствовал Володька.- Помню, как ты в отцовском доме плясала лет десять – пятнадцать назад. За печку держалась, а от других не хотела отстать.

- Теперь уж совсем слепая курица. Небось, не смогу,- не то радуясь, не то шутя, отвечала старушка.

А вскоре приехавшие хозяева накрыли стол новой голубой скатертью, поставили закуски, выпивки. Разлили в рюмки.

- Давай-ка, бабушка Арина, выпьем за встречу.

- Да ладно, мне не надо,- заскромничала она.

- Давай поднимай рюмку, налили ведь!- ухаживал за ней Володька.

- Ну, раз налили, тогда давайте,- махнула она рукой и бодро поднесла к старческому рту рюмку.

Внук внимательно следил за ней, и ему показалось, что у ее рта и губ не было острых углов. Видно, съелись они от вековой

жизни. А старуха еще и приговаривала, шутила:

- Ах ты, рюмочка ты наша! Ты откуда – из Мисяша?

И внуки со снохами от всего сердца смеялись. Так испокон веку велось у оренбургских казаков. За столом прекращались распри и склоки, прощались обиды. Кто не подчинился такому порядку, тому указывали на дверь.

- Бабуль, может, споешь нам?- не отставал Овчинников-младший.

- Да чо петь-то, не петух ведь, не соловей? Все песни и шутки-прибаутки забыла,- отнекивалась Арина Алексеевна.- А может, все выпела из себя.

- Песню своей молодости, чтобы мы передали молодому поколению,- подсказал Борис.

- Времен очаковских и покоренья Крыма,- добавил брат.

И она подняла кверху невидящие глаза, словно хотела там найти подсказку. Потом подобралась всем рыхлым телом, открыла рот, беззвучно пошевелила дряблыми губами и вдруг стала мягко выплескивать слова незнакомой песни или древнего причитания.

Всё прошло да прокатилось,
Всё да миновалось –
Девье да беспечальное житьё!
Не знаю, да в какую пору,
Не знаю, да в какое время
Уж колесом ли оно прокатилось,
Уж соловьем ли просвистело,
Девье мое беспечальное житьё?
Уж молода-то я молодёхонька,
Умом-разумом да глупёхонька.
Ручки-ножечки да тонёхоньки.
Во плечах силы да малёхонько!
Уж я жила да красовалась,
Уж как сыр в масле купалась,
Уж как по блюдечку жемчужинкой да каталась!

Эта песня Володьке показалась такой дремучей, которой ранее не доводилось и слышать. И он смотрел на бабушку во все глаза, не замечая, что и другие смотрят с большим удивлением. И ему чудилось, что он попал в давно ушедший век уральских предков, от которого пахнет плесенью и родовой кровью. И ему хотелось бесконечно сидеть и слушать эту старую и позеленевшую, как щука, старуху. Такую далекую, незнакомую и до боли близкую, родную. Ведь это она дала ему жизнь. Это благодаря ей он, полный сил и удачи, живет и радуется на этом прекрасном свете. Пользуется его благами, ездит на поездах и управляет их движением. Летает на самолетах и пользуется уважением товарищей по работе и близких, самых родных людей, родителей, братьев, жены и детей.

- Да ведь ты ей и обязан по гроб жизни!- неслышно шептал он, и редкие предательские слезинки счастья и признательности вывернулись из его глаз.

И ему не хотелось отвлечь ее, спугнуть. Хотелось только сидеть и слушать долго-долго, никуда не уходить, не прощаться, не уезжать и ни о чем не думать. Словно сделал какое-то важное душевное открытие, которое должно перевернуть его внутренний мир. И он чувствовал себя большим должником, был рад, что приехал сюда за три тысячи километров. Окунулся во что-то доброе, бесценное и родное. Не сделай он этих открытий, наверное, потерял бы непростительно многое.

А бабушка была на подъеме, разгоралась лицом и загоралась душой. И даже подернутые сизой пеленой глаза, казалось, с любопытством смотрели на сидящих вокруг близких ей людей и ясно видели всех, знали их сокровенные мысли и стремления.

Она умерла через два года, в 1970-м. Но Володька и Борис не сразу узнали об этой потере. Близкие их не стали тревожить и вызывать. Да и не так просто отпроситься с работы на похороны бабушки, ведь она во втором родстве, трястись такую даль на похороны. И они, естественно, не приезжали. Позже узнали, что ее схоронили на старом миасском кладбище недалеко от

нарядной церкви, построенной в 1889 году. Церковь оказалась моложе казачки. Внуки когда-то ей любовались.

А вскоре в соседнем дворе случился пожар. Вернее, рассердившийся на родителей шестнадцатилетний юнец в сердцах поджег копну сена. Их дом и двор удалось спасти. Но огонь перекинулся на фроловский уютный и крепкий дом и спалил его дотла. Погорельцы тетя Тася и дядя Егор остались под открытым небом. Правда, через время исполком дал им жилье в ветхом деревянном бараке старого города, мол, зачем старикам новая квартира, все равно скоро умирать? И они навсегда распрощались с красавцем Ильменем и домом, где прожили несколько более или менее спокойных лет.

31

В последнее время Сергею Овчинникову не хватало светового дня. Вроде и поднимался до света, с первым пением петуха. И, как диспетчер, все работы обдумывал и планировал заранее, не забывая мелочей. Порой увлекался и про обед не вспоминал, спохватывался аж к вечеру, когда пора думать об ужине. А вскоре и на улице темнело. В окна просилась ночь. Зимой она приходила особенно рано. Подкрадывалась незаметно, словно, хитрая лиса к глупому зайцу, и наваливалась всем телом, а Сереге казалось, что обрушивалась неожиданностью и темнотой, при которой приходилось доделывать последние хозяйские дела.

Но это во дворе, где он привычно ковырялся целый день. Чистил в стайке, вывозил в огород навоз, чтобы весной пошел на удобрение земли и огуречные грядки. Кормил скотину, вытягивая из тугого слежавшегося стога навильники сена. Таскал воду для поила из колодца, который когда-то вырыл в своем палисаднике. Поил первой корову, ибо она давала молочко, да и отгоняла рогами всех, кто лез без очереди к ведру: телят, овечек, ожидавших своей очереди на ближних подступах. Бросал курам отходов. Не забывал про поросенка, варил большой чугунок картошки, слегка

толок, посыпал отрубями и вываливал во вместительную колоду, которую несколько лет назад выдолбил из толстой лесины.

Услышав хозяина, поросенок бежал навстречу, радостно и требовательно визжал и хрюкал, крутил спиралью скрученным хвостиком. И Сергей считал, что каждая кормежка для него была праздником. И праздник этот устраивал не кто-нибудь, а он, хозяин двора.

- Вот тебе и хрю, подобное рублю!- вместо приветствия он обращался к животному.- Да не лезь с грязными копытами в обеденную колоду, еда ведь там! Посади свинью за стол, она и ноги на стол!

Потом чистил снег в ограде и выбрасывал широкой деревянной лопатой на улицу. Подметал подход и подъезд к тесовым воротам, к стоящей рядом с ними поленнице дров. И рукотворные сугробы снега тянулись до самой дороги, будто стены старинной крепости.

А еще надо было проделать тропку в палисаднике, чтобы беспрепятственно проходить к колодцу, дорожки в огороде для прогона скота на дневное стойло и к сеннику, тоже заметенному сугробами по прясло.

- Сколько снегу навалило! Нам бы прыти, нам бы силы!- балагурил между делом, чтобы хоть чем-то занять невеселые мысли, скуркая по застывшей ледяной земле лопатой. А нередко и напевая негромко модную радыгинскую песню про уральскую рябину.

Ой, рябина кудрявая,
Белые цветы,
Ой, рябина, рябинушка,
Что взгрустнула ты?

Потом таскал в чистую стайку сено скотине на ночь, бережно раскладывал по яслям, стараясь не потерять ни клочка, ибо давалось оно с великим трудом и немалыми потугами. Затем направлялся в избу. Топил очаг, чистил картошку. Варил обед,

естественно, перед этим проводив на учебу или работу дочерей с внуками.

А когда выдавалась свободная минута, заглядывал в столярную мастерскую, расположенную рядом с сенцами. Ее он считал страной особой, где заманчиво пахло стружкой, древесной смолой, клеем, где лежали и ждали своей очереди сосновые заготовки и сушились доски на будущие изделия. Стояли начатые или уже сделанные столы, табуретки, буфеты. А в углу у окна – даже самодельный токарный станок, который он собрал своими мастерскими руками, а приводил в движение собственными ногами, вернее, остатками ног. И вытачивал детали к буфетам, другим изделиям и прочие финтифлюшки, конструкцию и фигурацию которых придумывала его деревенская фантазия. Токарный станок был его давней мечтой и сегодняшней гордостью. Первыми в Бишкеке такие станки завели известные столяры Митька Филареев и Пашка Андреев, быстро наладившие целое производство модных тогда комодов и буфетов, которых невозможно было купить в магазинах. И Овчинников завидовал им, ведь без станка невозможно выточить круглые стойки, балясины и прочие придамбасы, как он скопом называл иные незначительные детали.

Наконец Серега создал и освоил токарный станок. Произвел первую продукцию, выпуск которой быстро устремился в гору. Она ничем не уступала филареевской и андреевской. А заказов появлялось все больше и больше. Даже из Медведева и Опытного приезжали люди.

- Насобачился!- говорил он не без радости и с улыбкой супруге.- И копейка в дом потянулась, которая у нас не бывает лишней.

Иногда, когда у Галины был выходной, даже ухитрялся сбегать на охоту, отвести душу. Совал загнутые коромыслом ботинки протезов в крепления широких охотничьих лыж и потихоньку брел по свежему снегу. Бывалые и физически здоровые охотники нередко возвращались с пустыми руками, а Серега к вечеру,

глядишь, принесет косого. И мясо, и шкура внуку на шапку. Как в воду смотрел хирург Челябинской областной больницы: встал Сергей на лыжи.

- Еще больше стал похож на человека!- беззлобно подсмеивался он над собою.

Только вот угнетало его одиночество. Дома один, на рыбалке и охоте один.

- И так во всей жизни один! Как медведь,- с грустью рассуждал, помаргивая ресницами есенинских голубых глаз.

Правда, летом день был намного длиннее. Но и проблем появлялось больше. Нужно своевременно вспахать и засадить большой огород. Постоянно ухаживать за ним, огребать, поливать. Следить за пчелами. По утрам выгонять в стадо скотину и встречать вечерами, доить. Готовить к зиме дрова и уголь. Но это все полбеды. Главная беда, считал Овчинников, это заготовка сена на зиму. Для нормальных мужиков – это воловий труд и дикое перенапряжение. Для безногого инвалида – и выразить невозможно.

Встретил как-то его бригадир подсобного хозяйства Борис Коновалов. Одноклассник старшего Серегиного брата, он долго работал на железной дороге по линии СЦБ. Но, видать, надоели разъезды по станциям и перегонам. Согласился пойти бригадиром подсобного хозяйства Пулемётное, который год заготавливающего сено для корма коней Златоустовского металлургического завода.

- Как живешь-то?- ненавязчиво спросил Коновалов.

- Да так и живу, ни шатко, ни валко, ведь каждая хата своим горем напхата,- невесело ответил тот.- Кручусь, как белка в колесе, с огородом и скотиной. Вон сенокос подходит, а нынче трава ни в дугу. Дождей-то нет. Хоть скотину нарушай. А разве можно прожить без нее деревенскому человеку? Да и со скуки сдохнешь. Как дерьмо в проруби, станешь болтаться – ни сельский, ни городской.

- А я вот людей ищу. Поуходили с подсобного рабочие. Мо-

таются в город на электричке. Там работы навалом. И зашибают больше.

- Вот и прими меня!- вроде бы в шутку выпалил Серега.

- Дак айда. Хоть кашеварить будешь у мужиков. И сена потихоньку наскребешь. Даем мы возможность своим рабочим. А то надо на поклон к лесникам идти. Магарыч ставить. А они дадут у черта на куличках или болотину. Попробуй накоси и вытяни оттуда.

На том и постановили.

Рад-радешенек вернулся домой Сергей. Крикнул жену, девок, тещу, уже давно живущую по соседству и схоронившую бородатого мужа Якова Калинина. Немного и важности на себя напустил, мол, тоже не лыком шит, чего вроде бы никогда не замечали за ним.

- Я вот, чо надумал,- обвел их внимательным взглядом.- Год нынче сухой, неурожайный, тяжелый. Многие у нас хотят аннулировать скотину, которую уже и так держат в одном из пяти дворов. Отказываются от нее многие здоровые мужики, за которыми мне не угнаться. Видно, и нам придется,- провел он по шее ребром ладони и резко мотнул головой.

- Как же без мо-ло-ка-а, ма-асла?- в один голос затянули женщины.

«А-а, запели!- рассмеялся в душе Серега.- От моей хитрой стратегии не увильнете. Это вам не от огорода увиливать!»

- Но есть приемлемый выход!- поднял вверх палец хозяин.- Идти мне работать на стан. Все мужики разбежались из села, мои братья родные на юга подались. Хоть я, калека, их заменю, сколько смогу.

- А как дом, огород, скотина?- испуганно затараторили они.

- Вас четверо на меня одного. Решайте сами. Тут ведь только кому-то подоить, выгнать в табун да вечером встретить. Остальное я сам постараюсь.

- Нам же в город на работу ездить, вставать чуть свет!

Поговорили, пошумели, но деться некуда, согласились. А отец уехал на стан, заворачивает кашеваром. И старший внук Шурка с ним. Рано просыпаются косари, да еще раньше встает кашевар. Греет на костре завтрак, кипятит чай, в который, кроме заводской заварки, добавляет веток смородины и какой-то полевой травки. И только займется рассвет, берет железный арматурный прут, стучит по куску подвешенного к березе рельса. Это их главная связь и сигнализация.

- Вставай, косари, побу-удка!

И те вылезают из балаганов, тянутся умываться.

- Не спится маме Сереже,- ворчат с нарочитым недовольством.

- Кто рано встает, тому Бог подает,- парирует Серега, и на его скуластом лице расплывается широкая улыбка.

- Подать бы тебе, чем ворота задвигают.

- Нам, татарам, все равно, что подать, что поддать!- между делом бросает кашевар и умелым движением опрокидывает черпак каши в большие алюминиевые чашки, кидает на длинный, сбитый из поструганных досок стол. А за ним уже людно. Мужики, женщины, ребятишки дружно едят, постукивая металлическими ложками.

- Бойчей, ребята!- подбадривает довольный их аппетитом Сергей.- На тяжелой работе надо хамать много. Кому добавки?

- Спасибо, мама Сережа. Рахмет,- смеются косари, гребцы, прессовщики.

И он не обижается на «маму Сережу». Хорошо ему тут с людьми. Трудности, шутки, радости – все поровну на каждого.

- А кашу опять с лаврушкой сварил да перчил?

- Пря-ности... они для скуса даны,- философски заявляет он.- Вон и дед Щукарь в «Поднятой целине» лягушку сварил, да и то съели.

Дурачатся с утра косари. Поспали, хорошо закусили, послабились на минуту-другую перед напряженной работой. Но время не ждет, а работа – тем более. Солнце уже поднимается за

ближним березовым перелеском. И стан моментально пустеет.

Сергей будит внука Шурку. Они завтракают, моют посуду. Потом запрягают пегую кобылу, едут за водой к Большому Кукую. Варят к обеду щи с мясом, кашу с говяжьей тушенкой. Между делом кашевар сбрую починит, балаган кому-нибудь из баб или детей подправит. Съездят на часик травы покосить для себя. Внук ни на шаг не отстает от деда. И дед к нему привязался, лучше дочек своих полюбил. Наследник!

- Ты зимогор, Шурка?- шутливо спросит его.

- Не-ет, не зимогор,- серьезно ответит черноглазый мальчишка.- Ты зимогор-то.

- Пошто это так?

- Убежал из дому, а мама с тетей Галей да старенькой бабушкой Калинихой за тебя корову доят.

- Ох, и вредный ты, Шестачонок,- подначивает Сергей, еле сдерживая смех.- Разве мужик должен доить коров? Разбаловал я их.

- Не Шестачонок я, а ваш, Овчинников,- смотрит – не моргнет в дедовы глаза Шурка.

- Да-а, беда с твоим отцом-летуном. Черт где-то носит. Но ты не отчаивайся, не горюй, что сделаешь? Как-нибудь не пропадем,- обнимает Сергей любимого внука. А беспокойные глаза повлажнели, голубизна синевой сменилась.- Тут нас не спрашивают, какого папку выбирать. Вот она, жисть-то, правда, не слаще редьки.

Зимой чуть спокойней, сенокоса нет. Но не может без работы деревенский мужик. В крови она у него. Да и Сергей вроде как штатный работник в хозяйстве. Ездит в лес, метлы вяжет, коней сторожит вместо тестя. Нет-нет, да и на охоту сбегает, то косача подстрелит, то зайчишку зацепит. Вроде и идет мимоходом с работы, а, глядишь, и добычу принесет. Хоть и ноги наполовину казенные, да уж больно легкая у него рука, хотя и кулаки считались «семь килограмм немоченых», как у его матери, и у деда Ильина, и у дяди Вены. А глаз меткий. К таким охотникам

добыча сама бежит и летит, будто магнитом ее притягивает.

Так и зима прошла. Весной посадил Сергей в огороде, выставил пчелиные ульи в палисадник, а там и сенокос на пороге.

- Давай-ка, Серега, снова поедем на покос,- бесцеремонно зашел как-то вечером широкоплечий и неуклюжий Борис Коновалов.- Производство требует, надо.

- Ну, коль надо, то надо. Давай поедем,- без всякого согласился Овчинников.- Работе разве откажешь? Мой батя не один сезон проработал у вас на сенокосилке.

- И хорошо работал,- согласился бригадир.

Сергей знал, что дома снова придется проводить «собрание великого улуса» женщин, только к этому он уже был готов. Нельзя отказать производству. Борис тоже думает о Сереге. Не бог знает, какой из него работник, да не отказывается, не кочевряжится, чего ни поручи, обязательно выполнит, хоть в лепешку расшибется. Не зря утверждают, что на безрыбье и рак – рыба.

- Вон Серега – калека, а нацапал сенца,- не раз слышал от сельчан.

Очередной весной совсем приуныл бригадир. Дали ему трактор С-100, а тракториста не дали. Борис, конечно, и сам бы смог – тоже спец на все руки, недаром в деревне Кулибиным кличут – и огороды на мотоцикле пахал, и автомобиль для села конструировал. Таким же слыл самородком, как Павел Новичев. Но некогда Борису вожжаться с трактором, когда бригадирских забот по горло. Совсем замотался, порой с женой Ольгой, дочерью по неделе не видится.

- Понимаешь, Сергей, выделили нам трактор, да рулевого забыли. А ведь сколько на нем можно увезти за раз!

- Дак чо теперь делать?- озадаченно спросил тот.

- Тракториста искать.

- Возьми Мишку Шарипова.

- Не соглашается. Платим мало, говорит. Может, попробуешь ты, ведь когда-то танкистом служил, водителем?

- Я уже без ног двадцать лет, какой из меня тракторист? Да

и машина казенная, отвечать будешь, если загубишь.

- Мересьев вон на самолете летал, а ты: «без ног»! За рассыпухой в «железку» гонять – ты с ногами, за косыми зайцами бегать,- жалил его словами Борис.- Не для меня ведь, для производства, а?

И дрогнула душа у Сергея. Совсем про Мересьева стал забывать, да тут опять старая боль всплыла. Конечно, когда-то лелеял надежду, мечтал, верил, что тоже не хуже. И как откажешь, для людей ведь, для производства?

И взялся Овчинников за тракторные рычаги, хотя трактористом сроду не был. Тяжело выжимать педали, да ведь привычка – вторая натура. И сами по себе привыкли ноги-протезы к педалям. Наварит он с утра борща, приготовит косарям обед и копается у своей стальной машины. Чих-пых – чихает холодный мотор. Потом набирает, набирает силу и обороты, пока не войдет в нормальный рабочий ритм. Добавит Серега газу, дернет рычаги, крутанёт возле стана и лихо помчит по мягкой луговой земле с огромной тракторной телегой. Лицо довольное и серьезное. Голубые глаза – незабудки цепко вглядываются в дорогу. Во всем его облике чувствуется крестьянская уверенность и ямщицкая бесшабашность.

- Три танкиста, три веселых друга, экипаж машины боевой,- запоем от радости.

Рядом, на сиденье, вцепившись в ручку, замрет замороженный стальной громадой, дедовским искусством внук Шурка. И катят они по целику, по скошенной стерне и полянам-еланям к прессовщикам. И далеко слышен рокот сильного мотора. А прессовщики стараются вовсю.

- Давай, давай, ребята!- подгоняют друг друга.- Вон уже Мересьев несется за тюками, а мы все с одним зародом вожжаемся. Стыда не оберешься, коль не успеем.

И торопят прессового коня, крупнее навильники сена толкают в глотку прожорливому прессу-левиафану, быстрее вяжут тюки. Знают, что Сергею до обеда надо сделать рейс на стан-

цию, отвезти тюки на погрузку, чтобы не допустить простоя вагонов.

- Кочегарь, ребята, живее!- подгоняет и Серега.- Время не ждет, не приведи дождю случиться...

И вскоре покатит Сергей с полной телегой тюков на далекую станцию, тормознет на грузовой площадке, сдаст лихо назад, чтобы сгружали напрямую в вагоны, исключали лишние операции. И тюки умело цепляют крючками грузчики. А там уж ждут ребяташки.

- Мересьев приехал, Мересьев!- кричат всей ватагой.

- Дядя Мересьев, прокати-и!

- Айдайте,- согласно махнет тот рукой. Полную кабину насажает ребятни, хотя по технике безопасности этого не положено, а кто не вошел, бежит на телегу.- Да смотрите держитесь крепче!

На полном газу «кочегарит» обратно, даже у родного двора не остановит. Как-нибудь ночью заскочит на инвалидной коляске, что давно использует по хозяйству. Глянет, что тут бабы без него наворочали. А сейчас некогда, производство не ждет. Его Северная улица уже вытянулась далеко за их дом. За деревней он тормознет ненадолго, высадит звонкую от радости ребятню и поспешит через лес на покосы. Душа его поет в это время, горит светлой яростью. И сердце колотится радостно, будто в молодости с нетерпением вышел на свидание с Галиной.

Он чувствует, что нужен производству, необходим людям. Хоть и здоровые, не могут они без него, как не может без них и он. И ему так хорошо среди людей, что не хочется возвращаться к своей привычной жизни.

Он почувствовал тревогу еще в Ростове, когда был в Управлении Северо-Кавказской железной дороги. Еще в кабинете заместителя начальника по движению СКЖД ему стало не по

себе и у руководителя диспетчерской службы. И откуда она появилась, и чего бы тревожиться, когда служебные дела шли неплохо и на должном уровне? Разговор шел о внедрении новинок в его родной службе. А они давно требовались на транспорте, ибо страна поднималась на ноги после разрушительной мировой войны. Строились новые города, заводы и фабрики. Как на дрожжах росли промышленные предприятия, колхозы, совхозы. Распахивались целинные и залежные земли. И все это требовало срочной доставки грузов, строительных материалов, металла, труб, арматуры, автомашин, тракторов, комбайнов, землеройной техники, станков, леса, цемента, угля, удобрений, людских ресурсов, хлеба и еще очень многого, без чего не проведешь индустриализацию страны, механизацию промышленности и сельского хозяйства.

Страна гудела, как пчелиный улей, находилась в стремительном движении. А географические размеры ее были огромны, шестая часть земного шара. От Калининграда до Дальнего Востока протянулась на 11 тысяч километров. Чуть поменьше с Крайнего Севера до жаркой на юге Кушки. Лежала в разных температурных поясах, начиная от 60 градусов холода до 60 градусов тепла. Амплитуда температуры доходила до 120 градусов.

Это ж как нужно ухитриться угадывать и поддерживать режим работы транспортного оборудования, тормозной системы, учитывать сопротивляемость и износ материалов, чтобы локомотивы, вагоны и весь подвижной состав выдерживали в таких погодных условиях и напряженном ритме?

За год нужно было перевезти миллиарды тонн разнообразных грузов. А их еще надо было во что-то погрузить, засыпать, залить. Перевозка составов двойной тягой – уже давно не новинка. Шестидесятитонная грузоподъемность вагонов тоже не устраивала движенцев. Нужны были новые решения. И стали производить девяносто-и стодвадцатитонные крытые вагоны, цистерны, гондолы. Увеличилась загруженность платформ. Совершенствовались пассажирские перевозки и вагоны, в выпуске

которых помогали Советскому Союзу члены Социалистического содружества – ГДР и Венгрия. Билеты на пассажирские поезда стоили чистый мизер, и миллионы пассажиров, особенно в летний период, ежедневно пользовались их услугами.

Увеличение грузоподъемности и грузооборота вагонов требовало значительного усиления путей. Рельсы Р – 50 начали заменять на Р – 75 и рельсы еще больших мощностей и объема. Доведения длины безстыкового пролета одного рельса до 800 и более метров.

Увеличение количества вагонов в составе до ста – ста двадцати требовало увеличения мощности локомотивов, удлинения станционных путей и увеличения вместительности и границ станций, переноса и усиления стрелочных крестовин, устройства на них автоматических переводов, улучшения работы СЦБ - средств сигнализации, централизации и блокировки. Все это требовало огромных работ и затрат, не зря железная дорога считалась пятой отраслью промышленности, в которой трудились миллионы человек. Без ее четкой и слаженной работы не поднять промышленность и сельское хозяйство, не построить могучую сверхдержаву, империю. Не зря Советский Союз называли железнодорожной державой, которая по протяженности путей вскоре обгонит даже Соединенные Штаты Америки.

И душа болела не только у коллектива Министерства Путей Сообщения, но и управлений дорог, отделений, многих других подразделений и служб, включая депо, путейцев, вагонников, связистов, подвижного состава, резервов машинистов и проводников, энергоснабженцев, уж не говоря о движенцах – диспетчерах, дежурных по станции, стрелочниках, товарных и пассажирских кассирах, весовщиках и представителях многих других специальностей и профессий, которые вносили свой неоценимый вклад в слаженную и безаварийную работу железнодорожного транспорта.

Болела об этом голова и у поездного диспетчера Минераловодского отделения СКЖД Овчинникова. И он постоянно думал,

как увеличить пропускную способность перегонов и станционных парков и путей. Увеличить грузопоток и грузоподъемность? Довести до совершенства комплектацию вагонами составов, производство маневровых работ, каждого составителя поездов, стрелочника, сцепщика, башмачника, маневрового диспетчера и дежурного по станции.

Были у него наметки и предложения, не зря на свет появился и вырос на железнодорожной станции. А газета «Гудок» даже опубликовала статью «Метод диспетчера Овчинникова», которая вызвала большой интерес у железнодорожников от западных границ СССР до Тихого океана. По этому вопросу его и приглашали в Управление СКЖД, и говорили одобрительные речи. В том числе заместитель начальника дороги:

- Большое спасибо, Владимир Иванович, что вы беспокоитесь за свою отрасль. Мы внимательно изучим ваш метод и пошлем в МПС. Оно уже им заинтересовалось. Будет внедрять на дорогах.

Это, можно сказать, победа. И ему бы радоваться ей, ведь его предложение одобрили и признали новаторством, будут рекомендовать к внедрению. Но он не выражал ожидаемых эмоций, не радовался почему-то. Его что-то угнетало. Появилось и не пропадало нехорошее предчувствие.

- Что и где могло случиться?- спрашивал он себя.- Почему в душе нет покоя? Может, кто заболел из близких или умер?

Возвращаясь пассажирским поездом домой, Овчинников долго не заходил в купе, стоял в коридоре, смотрел в окно. Вот закончился город, миновали мост через Дон. Поезд выскочил в степь и на большой скорости помчался в сторону Кавказской, Армавира, Минеральных Вод. Уже все пассажиры спали, вагон затих, и только колесные пары монотонно стучали на стальных стыках, словно часы, отсчитывающие секунды времени и километры путей.

- Скоро рельсы будут почти километровой длины, и ничто не станет мешать покою мирных пассажиров. Никакие стыки!- удовлетворенно шептал диспетчер.

Он и утром первым вышел к окну. Пассажирский миновал Овечку, Богословскую, прогремел на невинномысском кубанском мосту. И ему пора было собирать вещи и выносить из купе портфель.

Сойдя с городского автобуса, он подходил к своему пятиэтажному дому. И чувствовал себя по-прежнему скованным. Казалось, не успеет он вывернуть из-за угла, как на него обрушится неожиданное несчастье, даже горе. И сердце его заволновалось сильнее, забилося тревожней. Слава Богу, у подъезда никого не оказалось. Он по-молодецки взбежал на пятый этаж, открыл своим ключом дверь. Не успев обнять жену, обеспокоенно спросил:

- У вас все нормально? Ничего не случилось?

- А что может случиться?- удивилась Анна Пантелеевна.

- Мало ли чего? Какое-то предчувствие нехорошее. Сыновья-то как?

Он сильно любил свою семью. И жену-красавицу, и мальчишек, которыми гордился. У его троих братьев рождались в основном дочери. И на всех лишь два сына. У их сыновей вообще родились одни дочери, и фамилия Овчинниковых могла умереть в пыльных недрах истории, если не продолжит мужской род младший брат. Но Владимир Иванович, как он не без гордости признавался, постарался для династии. И они с Анной произвели на свет двоих мальчишек – Игорька и Вадика. Они и должны продлить род южно-уральских казаков Овчинниковых, идущий с допугачевских времен. Со времен образования на Руси казачества. И это Владимир Иванович считал огромным счастьем, доверием Всевышнего и большим провидением. Значит, казачья кровинка Овчинниковых, когда-то прятавших на своем хуторе главного бунтаря России и защитника бедного люда Емельяна Пугачева, передастся дальше и потечет в следующих поколениях южноуральцев.

И хотя о казаках почти все давно позабыли, и они как бы отжили свое, стали в понятиях многих людей декоративными существами, все-таки волновали чувствительную душу и горячее

сердце казачьего отпрыска. И он безмерно любил маленьких сыновей. Пуще зеницы ока оберегал их слабые и милые существа. Никому не давал в обиду. Даже поднимался по ночам и укрывал их теплее съехавшими на пол одеялами, чтобы детки не замерзли, не заболели от простуды. Эта добрая привычка передалась ему по старой казачьей традиции от необыкновенно доброй и заботливой матушки Марии Алексеевны.

Узнав обстановку и убедившись, что дома все нормально, он немного успокоился. Даже стал улыбаться, заниматься с детьми, хотя и еще прислушивался к каждому постороннему звуку и шороху. И предчувствие его не подвело. Следующим утром в их дверь настойчиво позвонили, и почтальон протянул срочную телеграмму: «Умерла мама. Смерть подтверждает доктор...» Как будто его ударили по голове чем-то увесистым. И он, вроде не хилый и рослый мужчина, был ошарашен этим трагическим сообщением.

Пройдя в зал, бессильно опустился на красную софу и тихо заплакал.

- Она ведь была еще не старой. Только семьдесят два ей. Лишь на четыре года пережила свою мать. Как же так?- беспомощно лепетал он, почти не слыша своих печальных слов. - Так вымотала ее нелегкая жизнь и судьба?

Он с детства не верил ни в свою смерть, ни в кончину родителей. И вот теперь нещадно рушилась эта вера.

- Но как быть, как вернуть ее жизнь и повернуть вспять годы? Где же небесная справедливость? Человек, никогда не сделавший другим худа, даже пальцем не тронувший детей, не произнесший грубого слова, покинул этот свет! А иные гады и сволочи живут больше девяноста лет! Господи, за что ее так? В чем согрешила эта безгрешная и светлая женщина, мать, бабушка? А может, это чья-то ошибка или братья соскучились по мне? Так ведь этим не шутят...

Он позвонил на работу и отпросился на похороны. Его, как могла, успокаивала жена, собиравшая вещи в дорогу. А он сидел

беззвучно, ронял и тихо вытирал платком слезы, которые, как ему казалось, сами непроизвольно лились и лились. Так же было и в автобусе, когда добирался до Минводского аэропорта, и в самолете. Благо, что там и там сидел на последнем ряду. И пассажиры, наверно, не видели, как плачет взрослый и солидный мужчина.

Они благополучно приземлились в Челябинске, и Овчинников, наняв такси, ночью добирался от аэропорта до города и железнодорожного вокзала. Потом трясся в электричке, которая пришла на станцию под утро. Шел во мраке по улице Элеваторной и все надеялся, что сообщение о смерти – это чья-то нелепая ошибка.

Но вот миновал старый деревянный склад, который когда-то сторожил Архип Сенькин, и увидел отцовский дом. Во всех его окнах горел очень яркий свет, который бережливые хозяева обычно зажигали только в особых случаях.

- Значит, правда!- не сказал, а хрипло выплеснул Овчинников-младший, даже несколько сбавив ход.- Держись, брат! У тебя непосильное горе...

Не успев войти в избу и обнять родственников, он прошел в горницу, где стоял обитый кумачом деревенский гроб. От горящей свечи пахло воском. И на побеленной стене от ее пламени плавали темные тени.

Накрытая белым тюлевым полотном, она тихо лежала с закрытыми глазами, словно мирно спала, и всем видом походила на скорбную перепелку. Маленькая, сухонькая, которая обычно с раннего утра до поздней ночи топталась по дому и двору на своих нездоровых ногах, которую и спящей-то никогда не видели. А теперь, вероятно, невыносимо устала и ненадолго прилегла отдохнуть. И скрещенные на груди руки с широкими костистыми пальцами, как паутиной, обтянутые морщинами, казалось, сейчас примутся за привычную хозяйскую работу, соберут на стол и станут угощать гостей. Даже легкого запаха тлена, даже намек на него не было слышно. И на первый взгляд ничто не

говорило, что она мертва, что завтра ее отнесут на старый погост. И им больше никогда не увидятся, не сказать друг другу слова. Предстоит расстаться навсегда. Но как же так, ведь она даже на покойника не похожа, лежит, как живая?

Сын долго высился у гроба, гладил голову мамы, целовал натруженные руки, бывшие всегда необыкновенно нежными и добрыми для него, тепло которых ему запомнилось на всю жизнь. Он только сейчас понял, что так необыкновенно сильно и преданно любил ее всю жизнь, наверно, не меньше, а даже больше, чем любит своих детей и жену. Ведь она была для него всем на свете, лучом света, самым близким и высшим существом, которое подарило жизнь на этой прекрасной и дивной планете! Как же оставаться без нее? Как жить, ведь она даже на большом расстоянии казалась ему незаменимой и надежной опорой?

- Ничто не предвещало смерти,- рассказывал позже Иван Аверьянович.- Истопили баню. Она попарилась. На ужин сварила пельменей. Поела и прилегла на кровать.

- Сними-ка меня, отец, на пол,- попросила.- Что-то плохо мне стало.

Я бросил покрывало, подушку. Положил ее. Скоро она тяжело задышала, будто что-то застряло в горле, захрипела и стала отходить. Видно, схватило сердце...

С рассветом начали готовиться к похоронам. Собрались все братья, родственники, знакомые. Александр Иванович уже работал завхозом на фарфоровом заводе, которым руководил Виктор Савельев, двоюродный брат Веры, внук первого председателя сельсовета и одноклассник Владимира. Не без его разрешения и помощи там сварили из металла памятник с крестом наверху. Сергей подправил крышку гроба, аляповато сколоченную постаревшим Дорофеем, родным ведь нельзя, и нашел копщиков могилы, соседских татарчат. И они, пьяненькие, весь день копали, даже по-мусульмански сделали подкоп в сторону, чтобы землей не раздавило гроб. Борис с Володькой были на подхвате. Пришлось не раз сбежать в магазин, написать на памятнике фа-

милию и данные о рождении и смерти усопшей. Принести от соседей необходимые столы и табуретки. Позаботиться о венках, полотенцах, продуктах и выпивке на поминках.

Все похороны на станции не обходились без Ольги Степановны Бодиной. Она приносила с собой толстые церковные книги или талмуды. Зажигала какие-то благовония. И долго читала над гробом молитвы, вспоминая нужных святых и прося покойнику царства небесного.

Глядя на нее краем глаза, Владимир Иванович заметил, что она все еще подвижная, несмотря на седину и возраст. Правда, уже не так разговорчивая. Но, может, этого требовал этикет проводимого мероприятия? Он этого не знал, а поговорить с нею сейчас, ведь она была мать его приятеля Юрки, не было возможности. Да и не до разговоров, когда в гробу лежит его мать. И тут сноха Галина ему тихо прошептала на ухо последнюю новость:

- Так и сбила Андрея Семеныча повенчаться. Не смог устоять против нее даже партиец. Правда, уже когда ушел на пенсию, чтобы не строгаили в парторганизации. Вот какая силища и настырность!

Чуть не все население Бишкиля пришло проводить старушку в последний путь. И хотя она давно не выходила далеко из дому, ее хорошо знали и уважали. И гроб на полотенцах несли не только знакомые земляки, но и сыновья.

- Нельзя родне-то нести,- наставительно говорил кто-то знающий.

- Она ж наша мать. И это ей последняя наша благодарность,- отвечали не глядя те...

Несли долго, не спрямляя дороги. Прошли родную улицу Элеваторную, обошли кругом нефтебазу, миновали железнодорожный переезд и следующую улицу, выведшую за жилые дома, в степь, в подъем на невысокий холм. И уж остаток до кладбища повезли на машине. Бросали вдоль дороги осенние цветы и сосновые ветки.

Вся эта картина в глазах расстроенного Владимира казалась жестоким сном, как и прощание с покойной, и последние поцелуи. Наконец гроб накрыли крышкой, в которую надо было забить гвозди. Никто из старших сыновей не брал молоток, и его хотели передать последнему сыну. Но и он не мог им управиться, от горя дрожали руки. Тогда подошел знакомый Илья Мерлинов и быстро вбил гвозди.

Гроб медленно опустили, но его еще надо было задвинуть под стенку могилы. Спустился Владимир и задвинул в нишу. А потом, когда закапывали, он отошел в сторонку, не в силах стоять на ногах от усталости, опустился на бугорок и давился слезами. Все плыло перед глазами, как в тумане. Смешались в кучу люди, оградки, голоса и рыдания. И не видно было конца этому горю.

А на дворе стояла середина октября. Листья берез уже значительно пожелтели. И они стояли, как в золотом убранстве, тихо шелестя на легком ветру мягкими листьями, не как весной, когда молодые листочки звенят новыми копейками. Природа готовилась к зиме, засыпала. И перед полным успокоением как бы прощалась с хорошим человеком и подарила несколько теплых дней. И от золота ее осенней листвы даже пасмурная погода смотрелась солнечной и приветливой. Казалось, что ближние березовые колки, низина до самого пруда мельницы и лес за ней были покрыты золотым солнечным теплом и мягким, ненавязчивым светом, от которого и на душе селян становилось теплее.

Природа тоже постепенно умирала, чтобы с новой силой возродиться грядущей весной. Уже дня через два-три заметно похолодает и начнет падать первый снег. Но это привычный цикл для всего живого на земле. Только его уже не увидит старая казачка Мария Алексеевна.

Оставшись вдовцом, Иван Аверьянович быстро почувствовал одиночество. По утрам долго лежал в кровати, пока на улице не рассветало, а иногда и пока не поднималось из-за Савинухи солнце. Скота он уже не держал, и вставать рано вроде бы не для чего. И во дворе без скотины работ не шибко много. Подмести ограду, накормить собаку да кур, ведь он даже кроликов перевел, которым летом свежей травы не напасешься.

Бывало, Мария Алексеевна поднималась раньше петухов. И хотя в последние годы передвигалась с трудом, «ползала», как она сама выражалась, но до вечера все успевала сделать по дому и по огородно-дворовому хозяйству. А когда еще нечаянно свалилась в открытый голбец и сломала здоровую ногу, совсем «обезножила». Уперев костыль под мышку, она стучала им по деревянному полу. И муж по стуку определял, где она – в горнице, на кухне или пошла в сенцы.

Худо-бедно, но заботливая и трудолюбивая Мария Алексеевна выполняла многие работы, чего он порой и не замечал. Чуть свет топил печку, крутясь возле нее и передвигаясь с помощью табуретки. Варила что-нибудь к завтраку и обеду. Чистила картошку. Стирала и гладила белье. С грехом пополам мыла полы. Спина ее, правда, гнулась уже плохо, со скрипом, но она стала приспосабливаться к швабре, ведь под кровати ей уже не залезть. В другой раз по углам ширяла и батоном, намотав на его конец мокрую тряпку.

Осенью она помогала ему копать картошку, ползая по рядкам со старой фуфайкой или мешком, на которые садилась коленями, чтобы не застудить и без того больные кости. Даже солила капусту, езда вокруг деревянной вместительной бочки на скрипучей табуретке. И Иван Аверьянович отмечал про себя, что к старости все в доме расклеивается и скрипит, даже человеческие конечности и кости. И супруга его все больше расклеивалась.

Да и сам он не становился здоровее, чем был еще несколько лет назад.

Он уж давно с ней вместе никуда не выходил из дома. Наверно, стеснялся ее физических недостатков. И раньше, когда по праздникам ходили в гости к знакомым, добирались и возвращались по одиночке. Когда женились и стали жить отдельно сыновья, в магазины он ходил сам. В город – сам, на сенокос – сам. Везде – сам, будто был бобылем. И на него давно заглядывались одинокие бишкильские бабенки, вдовушки, на которых «еще можно возить воду», как он с улыбкой выражался. И они не стеснялись высказаться от души:

- Наши мужья на фронте полегли, мы сами вдвоем с вдовой бедностью детей поднимали, а Мария всю жизнь лежала под боком у здорового мужика! Надо и честь знать, и с нами поделиться теплом да семейным счастьем!

Иные прямо домой к ним заходили, найдя какое-нибудь мелкое заделье. То черенок им насади на лопату, то топор поточи. И хозяева не только уважают их просьбы, но еще и за стол посадят, чаем напоят, а то и рюмочку поднесут, если праздник случится. Особенно настойчивой была Нюська Захаркина. Умела подойти не только к Ивану Аверьяновичу, но и к хозяйке. «Распустить хвост тетеревом», как отзывались о ней станционные. И перед Овчинниковым-старшим покрутит этим мнимым хвостом, ведь еще краснощекий, как юноша, видный. А начистит хромовые сапоги – так вылитый ухарь-купец. Сил в нем еще, как у медведя. И перед хозяйкой умеет полебезить бойкая на язык и тороватая Нюська.

- Красавица ты моя! Да подруженька дорогая! Сватьяюшка по Савельевской родне. Да счастливая ты какая, такого муженька-сокола заграбастала! Нет ему равных во всем Бишкиле! Сам Бог тебе дал такое счастье. И детки у вас замечательные, работающие. Давай-ка споем с тобой нашу любимую...

И таяло сердце наивной и доброй Марии Алексеевны, и пели они в два голоса:

- Скакал казак через долину...

А Иван Аверьянович топтался вокруг них, как воркующий

голубок вокруг голубок. То самовар лишний раз сам разожжет, хотя обычно это делала Мария Алексеевна, то за вареньем или брагой в голбец слазит. А сам все возле Нюски крутится, как бы ненароком задевает ее рукой или боком, будто косач крылом. Улыбается, забыв обычную хмурость, шутит. Прямо ангел небесный! Веселым становится, добрым. Да и чего хоть под старость не повеселиться, ведь всю жизнь «буздал без шапки» на строительстве социализма. Даже с полочки ни разу не завернул в чайную или сельпо, чтобы выпить с товарищами рюмку водки, «остограмиться», как они это называли.

Ни разу не пришел домой пьяным. Знал только труд, нередко невыносимый труд, от которого старались бежать во все лопатки и держаться в стороне здоровые люди. Так неужели хоть под старость не заслужил бывший ударник и передовик социалистического соревнования выпить рюмку с родными людьми, попеть песен, повеселиться? В самом конце жизни не имеет на это права? Почему же балагур Алёмс имеет?

В душевных разговорах, песнях старики не замечали, как наступал вечер, за окнами опускалась темнота, будто на них набрасывали медвежьей шкуру. Приходила пора прощаться.

- На дворе уж темно, Иван. Ты Нюсю-то проводи до дому,- просила сама доброй души хозяйка.

- Да чо уж там в свойском деле, проведу,- нехотя мялся супруг, еще более краснея лицом, словно новый железнодорожный светофор, стыдливо топчась близ порога и выводя гостью в сенцы.- Я быстро обернусь...

Мария Алексеевна – святая душа – и не думала ревновать. Разве ее Иван, с которым бок о бок прожили полвека, выдержали сотни испытаний, способен на такую глупость?- резонно рассуждала она.- А Нюся одна всю жизнь хлещется с ребятней да вдовьями бедами. Надо и ее хоть немного порадовать.

И поначалу ее благоверный возвращался быстро. Мария Алексеевна еще не успевала убрать и вымыть посуду. Потом стал все больше задерживаться то на час, то на два.

- Ты чо, Иван?- с тревогой спрашивала жена.

- Шел домой и встретил Васютина. Разговорились, ведь вместе когда-то работали.

В другой раз он «встречал» Коновалова или Согрина. А тот любого глухонемого остановит, не только здорового. А то и пойдет в магазин, да где-то задержится часа на полтора-два, мол, ждал, когда товар привезут.

Мария Алексеевна верила и ждала, разгоняла тоску одиночества, ибо внуки повыврастали, устроились на работу, а то и свои семьи завели. Заглядывали к старикам редко. Она же сама никуда не выходила, новостей не слыхала. Но завернула как-то к ней соседка Ольга Бодина, язык которой не умел хранить тайн, был не только болтливым, как помело, но и беспощаден. И ведь догадывалась богомолка, что эта нелицеприятная новость может наповал скосить болезненную соседку. И жалко ей вроде было ее, но ничего не могла с собою поделать, будто оса залезла в одно щекотливое место, жужжала и жалила, заставляя сболтнуть новость. Как будто без этого день не день и ночь не ночь.

- Дядя Ваня-то твой всюю рассекает с Ньюской Захаркиной, то есть Захаркиной, прости меня Господи! Шурует в открытую, только пыль столбом! Думаешь, вру? Прайбогу, не вру! Вчера он пропал после трех часов дня? Взял в селпо магарыч и направился к ней. А в понедельник задерживался где-то до обеда?

- Да вроде долгонько не было его,- прикидывая в уме, растерянно отвечала Мария Алексеевна, бессильно опускаясь на табурет.

- Все они курвы сагитовские – эти мужики!- поливала их грязью неумолимая максималистка Ольга Степанова, от чего ошарашенная хозяйка все ниже гнулась к столу.

Эта трагическая новость подорвала в ней последние силы и веру в людскую порядочность. И она, растерявшись, как ребенок, не знала, как быть и жить дальше. Хотя не сразу спросила Ивана, боялась услышать правду. Долго присматривалась, соображала, прикидывала. А уж потом решилась:

- Плутуешь, что ли, со свахой спутался?- несмело спросила.

Иван долго мялся, бессвязно мычал, как глупый теленок.

- Да, видишь, вот... Виноват... Всю жизнь с инвалидкой прожил... Долги отработывал. Уж не гневайся, отпусти душу на покаяние...

И это стало для жены такой трагедией, такой обидой, оправиться после которой казалось ей невозможно. Хотя и не раз приходила мысль, что она не устраивала Ивана, еще дебелого мужика. Но ведь всю себя без жалости отдала ему и его детям! И каких сыновей нарожала! Каждого по два года кормила грудью. Пестовала. Все соки выпили.

- И это ты так в Ташкент ездил с Нюськой, якобы искать своих родственников, двоюродных братьев?- вспомнила она его прошлогоднюю двухнедельную отлучку.

- Да не-ет... Да я... - растерянно отговаривался Иван Аверьянович, отводя в сторону взгляд. И супруга поняла, что он лжет.

Она не находила себе места. Думала, что ее добьет сердечный удар. Ломала голову, как быть?

- Значит, когда с голоду чуть Богу душу не отдал, то была нужна, любил до гроба. А как поднялся на ноги, набрался сил, супругу можно и под зад коленом? За её-то доброту, за собачью преданность? Господи, чем я тебя прогневила, что с самого детства наказываешь и наказываешь меня?

Узнав об этом, ее стали звать к себе жить дети. Но она долго была на распутье. Даже на какое-то время уезжала к младшему сыну, потом к Борису в Сочи. Но больше месяца жить не смогла: чужая земля, чужие люди. У сыновей свои дети, зачем им мешать? И куда ехать из своего дома? Кому надо, тот пусть забирает манатки и едет, куда хочет и с кем хочет. Ее с невообразимой силой тянуло домой, в свой затерявшийся за тридевятью землями Бишкиль. Разве может быть что-либо краше и роднее него? В другом краю и помирать не хотелось. Тянуло в привычную обстановку, к родной земле. Да и она все

еще любила своего Ивана и не могла без него.

Старшие сыновья говорили с ним, но ничего не могли поделать. Не в драку же бросаться с родным отцом?

- С каких это пор дети стали учить отца, как кобылу запрягать?- отмахивался он от них, как от мух.

Приехав в очередной отпуск, завел разговор один на один и Володька, его поскребыш, которого он любил, наверно, больше всех. И уважал. Пошел он широким шагом по жизненной дороге. И Иван Аверьянович надеялся, что достигнет высот, хоть и в юности никому не подчинялся, ни в какой хомут не лез, как уросливый жеребец. Из таких-то непослушных да заводных и выходят люди. Уже Владимиром Иванычем кличут! Возьми его за рупь двадцать. Поездной диспетчер. Не баран чихнул! Этот далеко пойдет, натурой-то весь в нас, оренбургских казаков Овчинниковых!

- Ну, ты что, батя, невтерпез, что ли? Со шмарами-то связался под старость лет? Позоришь свои седины.

- Неужели я не имею права, ведь всю жизнь прожил с инвалидкой? Терпел, поднимал вас на ноги. Не бросил в трудное время. Дома помогал строить.

- Мы знаем, что поднимал. Спасибо тебе за это и низкий поклон. А что нам-то делать, сыновьям и внукам? Ты нам отец, а она мать. Вы оба нам дороги. Тем более, она больной человек. Это может ее довести до беды.

- Да никому я не желаю беды, Боже упаси! Вот о ней вы думаете, ее защищаете, а обо мне, старике, подумали?

- В конце концов, как-то надо выходить из неловкого положения и решать проблему положительно. И людей чтобы не смешить. Ведь и нам за вас больно и стыдно. Да и вора бьют не за то, что ворует, а за то, что попадается!- убеждал в запале младший сын, сам растерявшийся от неожиданности не меньше родителей. И не знающий, что нужно говорить в такой ситуации?

- Последняя спица из колесницы!- как-то тяжело, по-коровьи, вздохнул отец и неожиданно заплакал.

И Владимир Иванович растерялся, впервые в жизни увидев, как плакал этот сильный и волевой человек, которого, видать, сама эта жизнь износила и истрепала, как и их хворую мать. И обоих было жалко до глубины души. И сын сам был готов разрыдаться от бессилия и безысходности. И это знаменитый на всю железную дорогу диспетчер, который умело руководит многотонными железнодорожными потоками, которого ставят в пример другим и учатся у него! Выходило, даже он не мог разрулить вроде бы простую жизненную ситуацию живущих на маленькой железнодорожной станции двоих старых людей?

- Видно, все в жизни и судьбах сложнее, чем по наивности думается нам? И имеем ли мы право безапелляционно вмешиваться в судьбу других и судить их деяния?- спрашивал себя Овчинников-младший и не находил достойного ответа.- Жизнь, действительно, суета сует и томленье духа.

То ли разговор этот помешал разрыву родителей, то ли сам одумался старший Овчинников, только вскоре он успокоился, и жизнь в их семье вернулась в старое русло. И все вздохнули свободнее, стараясь побыстрее забыть неприглядный инцидент, мол, мало ли чего случается в человеческой жизни?

* * *

Оставшись один, он тысячу раз перебрал в памяти всю свою нелегкую жизнь, вспомнил все плюсы и минусы. Минусов оказалось значительно меньше. Да и особо винить себя вроде было не в чем. Ну, согрешил маленько под старость, с кем не случается? И на старуху бывает проруха, никого ж не убил, не ограбил? Жизнь-то не сахар была. И он, казалось, сражался с ней в одиночку. Достоинно поднял детей. Терпел рядом с собой не совсем здорового человека. А как порой хотелось выйти в люди достойной парой, по-человечески, или, как говорится, в свет! Но какой свет может быть у рабочего многодетного человека, простого путевого обходчика, противоречил он сам себе.

- Если уж быть до конца честным, то сам Господь Бог свел

тебя с Маней в то тяжелое и голодное время! И она по-человечески приняла тебя, как и ее мать, полюбила на всю жизнь и была вернее самой верной собаки. Нарожала тебе и подняла целую ватагу сыновей. Содержала в порядке хозяйство, несмотря на нездоровье. Помогала во всем. Да, сам Господь пожалел ее и меня, дав мне в жены эту святую и непорочную женщину, которую ты тоже, между прочим, любил много лет и чуть не заездил до смерти нескончаемой работой. А она была божественной связью и семейной опорой, свято хранила тепло домашнего очага. Прости меня, Маня, старого дурака. Спасибо тебе за все. И царства тебе небесного,- шептал он негромко в ожидании утра и подъема с постели.

Конечно, жизнь его теперь изменилась в корне. Нужно было самому убирать в избе, белить, мыть пол, стирать белье, простыни, одежду, занавески и прочее, к чему он за всю жизнь не приучен. Ежедневно готовить завтрак, обед и ужин, делать чего он, оказывается, тоже не научился за семьдесят с лишним лет. А может, и умел, да только разучился? Варить супы, жарить котлеты ему казалось затяжным и бестолковым делом. Проще освежевать телка или валушка. Скорее можно было сварить или пожарить картошки, хотя и это ему казалось не мужским занятием. И он все чаще обходился тем, что попадало под руку. Ел на сухомятку то купленную в магазине колбасу, то селедку или консервы. Запивал чаем или принесенным детьми молоком. А сухомятка-то, бают люди, вредная для здоровья. Иногда по выходным или праздникам проведаль семьи сыновей. Его сажали за стол, кормили, но он как-то стеснялся, словно его принимали за нищего, не хотел показаться навязчивым.

- Айда к нам жить,- не раз приглашал Сашка.- Те братья далеко, а Сереге самому помощница нужна.

Сашка ему казался самым спокойным и покладистым сыном. И он на него надеялся больше всех. Но старый казак уж больно ни от кого не хотел зависеть. Не зря всю жизнь говорил: «Хуже, да по-моему».

- Выглядывать у вас из-за печки? Ждать, когда кинут кусок хлеба? Нет уж, мы пока сами с усами. У вас я гость, а дома – хозяин. Ни к вам, ни к Борьке с Вовкой не собираюсь пока.

Хотя без скотины работ и забот у старика Овчинникова было значительно меньше, но необходимо было топить очаг и заготавливать на зиму топливо. Сажать в огороде и выкапывать картошку, сушить, сортировать и спускать в погреб. Постоянно ребят и внуков не назовешься, и в большинстве ему приходилось копать целыми днями одному, как персту, во всем огромном огороде. Надернув реможные штаны, старую шапку с висячими на сторону ушами, похожими на вороньи крылья, поношенную ватную безрукавку, взяв в руки лопату с отполированным за долгие годы до блеска держакон или вилы, он копал в одиночестве картошку. Разгребал бесчисленные гнезда, набирал десятки ведер.

- Как огородное чучело!- грустно смеялся над собою.

Иногда по переулку проходили соседи Филареевы или Забродины, Лепинасы. Кричали на всю улицу:

- Помогай Бог, дядя Ваня!

- Помогал, да убежал,- с улыбкой отвечал он, на секунду подняв голову.

Копка картошки начиналась в сентябре, зависела от погоды и нередко тянулась до самых заморозков. И на ночь кучи с ней накрывали ботвой, а то еще и брезентом, чтобы не прихватил случайно мороз. Однажды на это время приехал в отпуск Володька, чтобы помочь отцу. Он умело и быстро копал вилами ряды, выбирал вместе с Иваном Аверьяновичем клубни, ссыпал в мешки и относил в кучу. Однажды он отвернулся на минуту и увидел отца, несущего полмешка картошки. За что-то старик запнулся и упал под мешком, придавленный к земле.

- Зачем ты, батя, я сам сношу!- бросил ему с испугом.- Тебе скоро восемьдесят лет!

- А чо мне делать?- спокойно возразил тот.- С бабами возводиться надо по молодости, а не в старости, как некоторые

трухлявые пеньки, чтобы людей не смешить.

- Твоими бы устами да мед пить!- расхохотался сын.- Раз к детям не идешь жить, без хозяйства, поди, тоже трудно?

- Конечно. Как волк в норе, один живешь. Сватала за меня Таисья свою подругу Шурку Муровину – хреновину. Бабенку миасскую, боевую, на язык вострую. Они, миасские-то бабы, уросливые, как кобылы. Пожили мы с ней то тут, то там. Дом ей надо было отремонтировать да пристройку к нему сделать. Денежки на это у меня выманила. А с ней еще сын-пьяница проживает, все из дома тянет на водку. И сюда она не хочет. Помаялся я и бросил к чертям собачьим. Не родная баба, так не родная. Лучше первой жены не найти.

- А с тургоякской тоже не ужился?

- Такая же попалась прощельга. Галина ее нашла и присоветовала. У нее дочь работает официанткой в ресторане. Такая танычка, что оторви да брось. Весь мой дом готова увезти к себе. Только меня тут бросить. А я телевизор новый купил, шифоньер. Даже полати убрал, чтобы стариной не пахло. Да разве на них угодишь? Еще одну соседку хотели сосватать. Говорили снохи, мол, она чистюля, опрятная. А сварит суп, в нем волосья попадают. Моргую я ими.

- Не слушает нас,- жаловались ему братья и снохи.- Предлагали хорошую и самостоятельную женщину, а у ней, видишь ли, волосья в тарелке попадают. Брезгует он.

Теперь где-то сам бабу Физу выкопал в электричке. Вокзальную синюшку – пьянчужку. Она все манатки пропьет. Все прокурит и дом спалит. Таких алкашками да аркашками дразнят. Где-то пропадает неделю, потом является. Требует у деда денег на портюшу или сельповскую рассыпуху. И нажирается вусмерть. И как он, такой брезгливый, терпит ее?

Потом Владимиру Ивановичу написали, что баба Физа, кстати, в молодости бывшая где-то учительницей, выманила или украла у отца шестьсот рублей, купила себе половину рубленого домишки и устроила притон таких же бродяжек – аркашек.

И плачевный финал не заставил долго ждать. В очередной раз напившись, Физа раньше времени задвинула заслонку очажной трубы и к утру задохнулась.

Подходил к концу 1982 год. Иван Аверьянович, исхудавший, заросший щетиной, все чаще пропадал из дома. Куда-то ехал или собирался ехать. И его не раз находили в зале ожидания железнодорожного вокзала сын Александр и внук Шурка. Забившись в угол, он тихо сидел и думал свои тяжкие думы.

- Ты куда собрался?- тревожно спрашивали его.

- К Мане съезжу. Заждалась меня в больнице. Домой надо привезти.

- Какая Маня? Она давно померла.

- Померла-а? А я почему один, не помер?

- Давай пойдем к нам.

- Нет, я пойду домой. Там хуже, да по-моему...

И дети вскоре поняли, что старик заболел. Повели к врачам. И те направили в психколонию, что находилась в поселке Мирном, расположенном в двенадцати километрах от Бишккия. Там когда-то даже лечили известного на весь мир иллюзиониста Владимира Кио. У старика Овчинникова вроде бы нашли расстройство психики и две недели пичкали какими-то лекарствами и кололи тяжелые уколы, от которых, по отзывам медицинских братьев, обычно смотрящих за особо буйными пациентами, больные уже не поднимались. Уходили в мир невидимых снов и иллюзий. Но что сделаешь, такова жизнь, говорят французы. Даже иллюзионист Кио, лечившийся в этой больнице на двадцать лет раньше Ивана Аверьяновича, не избежал той невеселой судьбы. А уж про судьбу бывшего путевого обходчика и разговаривать никто не станет. Действительно, такова жизнь. И в последний вечер жители Мирного видели, как в небе в стороне Бишккия упала еще одна звезда и сгорела в плотных слоях атмосферы.

Ивана Аверьяновича привезли в свой родной дом, печь которого перед этим хорошо натопили, ведь стояла вторая половина декабря. На восемь лет он пережил жену Марию Алексеевну,

как и предсказывал когда-то ворожей на бобах. На похороны прилетели самолетами сперва Владимир, за ним Борис. Утром пришла неутомимая богомолка Ольга Степановна Бодина с необходимыми для отпевания причиндалами. Монотонно и долго читала, закатывая темно-синие отцветшие глаза к небу, будто просила там без замедления принять еще одного земного грешника, великодушно отпустить его грехи и выделить место получше в садах и долинах небесного рая.

Место же на кладбище уже было давно predeterminedено его детьми. Раскопали могилу Марии Алексеевны и гроб с телом мужа поставили рядом с ее прогнившим гробом. И старые казки Овчинниковы снова оказались вместе, чтобы уже никогда не разлучаться и не покидать друг друга.

34

- О страна, ты выглядишь красивой!

Сколько в мире движется колес!

Ох, какая чудная картина,

Когда по рельсам мчится паровоз!-

не раз вспоминал и мурлыкал эту старую, неприхотливую песню про машиниста потомственный железнодорожник Владимир Овчинников, которую они разучивали еще в пионерском лагере на озере Еловом в начале 50-х годов. Неприхотливая, а вот запомнилась на всю жизнь. Ему часто вспоминались и родина, родители, жизнь на Южном Урале, друзья. Воспоминания в основном были добрыми, теплыми. Ну, как не вспомнить одноклассника Витю Савельева? Плотный сложенный и высокий, он был не по годам серьезным. Сидел на первой парте у окна и внимательно слушал учителей. Никогда не баловался, не шкодил. За что и избрали старостой класса. И шаловливый Володька Овчинников, сидящий со Славкой Яровенко «на Камчатке», не раз стрелял в него из рогатки – надетой на пальцы тонкой и тягучей резинки от парашютных строп. Катал из бумаги твердую пульку, выцеливал

большую стриженую голову старосты.

- По отпрыскам славных дедов революции – огонь!- шепотом командовал Яровенко. Сын дежурного по станции, он тоже был рослым, накачанным, признанным чемпионом по лыжным гонкам. Считался смелым, шkodливым и своим в доску парнишкой. Никому не уступал в драках. Правда, и зря никого не обижал.

И Володька спускал рогатку. Пулька со свистом пролетала между голов сидящих впереди одноклассников и с силой отскакивала в сторону от широкого затылка старосты. Иногда даже рикошетом ударялась в классную доску.

Витя с негодованием и нескрываемой болью оглядывался, стараясь понять по вдруг ставшим серьезными лицам мальчишек, кто хулиганит на уроке? Грозил для острастки увесистым кулаком. И класс вдруг закатывался хохотом.

Его мать, потеряв на фронте мужа, одна воспитывала детей. И семья Савельевых откровенно бедствовала. Поэтому Виктор, даже не закончив семи классов, пошел работать в живописный цех фарфорового завода, стал живописцем, очевидно, имея к этому талант. Расписывал тарелки и чайную посуду, сервизы, нанося на них ромашки, ветки сирени и другие цветочки, которые в то время были в большой моде у обывателей. Прирожденный организатор, он пошел по общественной линии, где проявил себя хорошим активистом, и вскоре возглавил комсомольскую организацию. В Чебаркульском райкоме ВЛКСМ с ней считались, ведь это был передовой рубеж молодежи на селе. Поручали выступать с инициативами по сбору металлолома или проведению Ленинского комсомольского субботника, средства от которого перечислялись в фонд государства или областной комсомольской организации.

Однажды первый секретарь райкома Юрий Чайкин попросил Савельева:

- У тебя, Виктор, как-то все удачно получается. В инициаторах вы ходите и работу народной дружины сумели организовать. А вот в селе Аджатарове есть колхозная комсомольская органи-

зация. Мыкается, бедная, не знает, куда прислониться. Может, возьмете под свое производственное крыло и направите на путь истинный? Секретарь бюро там Арсен. Вроде неплохой парень, только вот опыта работы нет.

- Да знаю я его, в одном классе учились. Тогда пусть хотя бы отчет сделает на нашем собрании о работе своей организации. Потом посмотрим.

Собрание проводили в клубе завода, где навели порядок, вымыли пол в зале и на сцене, где сидело бюро за столом под красной скатертью. Дали слово Арсену. Вышел к краю сцены стройный и гибкий молодой человек с веснушками на смуглом лице. Как победитель, поставил ногу на возвышающийся над краем сцены борт. Открыл красную папку с белыми завязками, нашел нужные бумаги и начал громко читать.

- На учете в Аджатаровской комсомольской организации состоит семнадцать человек хороших татар, щёрт возьми! Два тракториста, три прицепщика, четыре скотницы, пять доярок, щёрт побери! Работает библиотека и клуб, которыми заведует Рабига Мунирова. Она же, щёрт тебя драл, активный член правления колхоза, ведет национальную политику. Впервые в ауле вышла замуж за русского комбайнера. И зорко чит национальные отношения. Какие будут вопросы, товарищи комсомольцы?

- Сколько человек подготовили кандидатами в партию?

- Готовим одного,- гордо поднял вверх палец Арсен,- да напился мало-мало бражки, щёрт его взял. Стопор делал немножко. Но мы ему сразу три выговора пришпандорили, в том числе один наперед, чтобы другие боялись связываться с бражкой и другими спиртными напитками.

- Лучше надо налаживать воспитательную и кадровую работу,- сделал замечание Савельев. Лицо его казалось серьезным и неподкупным.

- Ладим мало-мало. Бузу поставим, дату собрания наметим. Ярар, ладна...

- А почему в ауле много злых собак, что никому проходу не дают эти звери?

- Это председатель Агапов завел, чтобы реже приезжал районный контроль, щёрт побери! Но мы будем мешать такому зверству и наладим из них выпуск нужных населению товаров народного потребления – сарыков и унтов.

- Недостатков много в деятельности организации. Но мы, сознательные заводские комсомольцы, должны им помочь и принять в свои ряды,- заявил в заключение Савельев.

Так шли дела в комсомольской организации Бишкильского фарфорового завода, которой руководил опытный Виктор Савельев.

А потом он вступил в партию коммунистов. Заочно где-то учился. Дошел до начальника цеха, а позже и возглавил коллектив завода. Виктор Федорович, как его стали после этого величать, не уехал легкомысленно в город, как многие его одноклассники и сверстники. Не стремился достичь высоких постов и руководящих высот неустанных строителей коммунизма. Понимал, что молодые и расторопные кадры нужны и в родном селе! Потому вкладывал силы и знания в общий труд скромного коллектива завода. И его признание скоро пришло само.

А тут и изменилось административное деление территории станции и близлежащих сел. Создали поселковый Совет. Кто же возглавит его? Конечно, перспективный и неутомимый Виктор Федорович Савельев, коммунист и патриот региона. Внук первого председателя Бишкильского сельского Совета, зверски расстрелянного белочехами и казаками во время Гражданской войны. И это было не только справедливо, но и символично. У них с женой Клавой, тоже трудолюбивой и активной, была примерная семья, которую уважали не только на заводе, но и на всей станции. Они познакомились в селе Муслюмове, когда Виктор приезжал туда на уборочную и помощь колхозу. Строил фермы и жилые дома. Встретив на танцах красивую и подвижную девушку Клаву, комсомольскую активистку, он по уши влюбился в нее. И вскоре они стали мужем и женой. В свободное время и гораздо

позже, когда приезжали проведать родителей Клавы, купались в реке Тече, да и многие пили из нее воду. И даже не предполагали, что в нее попали радиоактивные отходы с объединения «Маяк», где произошла страшная авария.

Это губительно повлияет на все живое. В Тече даже появятся рыбы-мутанты, которых изуродует радиация. А уж что говорить про людей, немало из которых заболеют лейкемией. Не обошла страшная и немилосердная болезнь и Виктора с Клавой. Хотя хватились они далеко не сразу. Старались по силе возможностей лечиться, конечно же, не бросая работы, ведь она в их жизни стояла на первом плане. Под старость это непременно скажется отрицательно, и у Виктора даже отнимут ногу. Но это уже случится в XXI веке.

Секретарем Совета избрали младшую дочь Сергея Овчинникова - Галинку. И отец с матерью скрытно радовались за нее, мол, тоже не лыком шиты. Теперь жителям не надо было ходить за несколько километров в Медведево. И потянулись они в свой поселковый Совет с важными просьбами, жалобами, а то и с радостями, надо же было порадовать личным присутствием и узнать, что за власть у них выбрали? И можно ли ей доверять? А их в подчинении Совета было две или три тысячи душ.

Через несколько лет пробойный председатель добился у районных и областных властей разрешения на строительство памятника первым представителям сельской Советской власти, отдавшим жизни за светлое будущее бишкилян. Его воздвигли рядом с новой средней школой, на том же месте, где состоялась казнь невинных советчиков. И величественный монумент был виден издали. Мимо него ежедневно проходили сотни учеников, земляков, жителей соседних сел и хозяйств, спешащих на электричку и с нее.

Приехав в гости к братьям и направившись на родительские могилы, Владимир Иванович почти от самого вокзала заметил высокий белый обелиск.

- Что за чудо-юдо?- изумился гость, поднимаясь на по-

логий склон пришкольного холма. И вскоре увидел высокий современный памятник, заботливо огороженный низкой оградой уральского чугунного художественного литья, гордостью мастеров-металлургов. Наверно, это стоило немалых денег. Но народ всей душой чтит своих национальных героев. И ставил им памятники.

Зайдя в оградку и прочитав надпись, Овчинников встретил старейшую учительницу Анну Степановну, которой шел восьмой десяток лет. У нее учились и все старшие братья Владимира. Она принесла букет цветов, убрала старые, стерла пыль с камня. Они обнялись, словно были родственниками или близкими, разговорились. Вспомнили ушедших из жизни педагогов и разъехавшихся по стране учеников. И ему показалось, что он побывал в детстве. Так дорога была ему эта земля и бывшие учителя, одноклассники, со многими из которых, вероятно, уже не удастся встретиться никогда.

- А Евлампия Алексеича помните, Анна Степановна? А другого директора, Теплова Валентина Ивановича?- спрашивал он с нескрываемым интересом.

- Я и Зою Павловну помню, директора тогда еще начальной школы, которая руководила нами, когда ты пришел в первый класс. И учеников помню, у меня ведь весь Бишкек учился. Жалко Славу Яровенко, отличников Римму Фофанову, Володю Грачева – умерли так непростительно рано. Они большими людьми могли стать. Но природе, видно, не прикажешь. А Калетин прорабом трудится в городе. Этот памятник добился построить Витя Савельев,- не то с радостью, не то с грустью просвещала его любимица и старейшина школы Анна Степановна, на вид не изменившаяся и не постаревшая.

И память, как большая невидимая птица, вновь унесла Овчинникова в те далекие годы. Ему было лет 18 – 19. Накануне праздника Октября они ждали с Калетиным вечернюю электричку, с которой могли приехать одноклассники. И Овчинников не заметил, как и из-за чего началась драка. Его друг сцепился со знакомыми

медведевскими ребятами, которые были ростом даже выше его. Калетин яростно отбивался. Но один из противников выломил из забора штaketину и ударил его по лицу, разбил нос или сломал переносицу. И сильно потекла кровь. Выбитый из драки, Калетин зашатался, закрыв лицо ладонями и навалившись на забор.

Увидев товарища в беде, Овчинников сбросил с себя темно-синее драповое пальто, только что купленное с деповской зарплаты, и кинулся на помощь. Его тоже крепко били медведевские чуть не двухметровые здоровяки, и он не раз отлетал от них и шел юзом по притоптанному ногами скользкому снегу. Но вновь, как неудержимый пес боксерской породы или барс, яростно бросался на врага и бил во всю мощь костистыми кулаками в привезенных из Одессы аккуратных кожаных перчатках. Они так плотно прилипали к физиономиям медведевских хулиганов, что в темноте разносились резкие, как удары кнута, щелчки. Откуда бралась у него такая сила, что здоровилы падали вверх тормашками и распластывались на дороге, как телеграфные столбы.

Неизвестно, чем бы закончилось это побоище, если б не проходили мимо брат Саня с женой Верой. Поняв в чем дело, тот подскочил к одному, врезал по уху, ко второму. И медведевские драчуны ломанули наутек, словно дикие лоси, оставив на снегу трофеи в виде шапок, шарфов.

- Спасибо, брат, за помощь, - поблагодарил младший старшего.

- Теперь они будут станцию обходить за десять верст, - улыбнулся Александр. - А вам пора по домам, нашлись мне Чапаевы.

У Володьки была разбита губа, заметно вздулась щека и были сбиты казанки на кисти левой руки. Но он не обращал на это внимания и чувствовал себя победителем. Пошел осматривать состояние друга. А через годы, вспоминая этот дурацкий случай, корил себя и не мог ответить, зачем была нужна эта глупая драка, когда могли лишиться жизни друг друга, это побоище, эта кровь на снегу? Чего только не наделаешь по глупой молодости?!

С теплом и уважением он вспоминал первую встречу с заслуженным и почитаемым народом министром Путей Сообщения Николаем Семеновичем Конаревым, славным земляком по Ставрополью. Овчинников слышал, что тот вырос в Невинномысске в поселке Головном. Недалеко была узловая станция и железнодорожная линия на Москву и Баку. Учился в железнодорожной школе. Во время фашистской оккупации города сколотил с друзьями небольшую группу юных мстителей. И при отступлении немцев ребята не дали им взорвать головную плотину Невинномысского канала, уже заминированную врагами. За что чуть не поплатились жизнями.

Как писалось в прессе, страшные это были месяцы. Есть было нечего, и местные жители целыми днями бродили по полям, собирали колоски, подкапывали картошку, ломали кукурузные початки или подсолнухи. Не отставал и Николай Конарев. Он вместе с друзьями Степаном Дворниковым и Володей Майоровым все больше задумывался о мести фашистам. Как-то они в очередной раз отправились за картошкой и в небольшом овражке обнаружили несколько брошенных винтовок. Ребята их припрятали, а Володя признался, что у него есть пистолет.

Вскоре вокруг Невинки снова завязались бои. Фронтная канонада то становилась отчетливой, то стихала, ведь шел январь 1943 года, и Советская Армия погнала фашистов на запад. В это беспокойное время ребята нашли два ящика гранат и разобрали их по домам. А однажды увидели, как немецкие солдаты тянули над землей провод, подвешивая на колышках, через поселок к плотине. Значит, ее готовили к взрыву.

- Надо что-то делать, хлопцы, иначе взорвут плотину канала,- смело заявил один из них.

- Помешаем фашистским гадам! - дружно поддержали товарищи.

И темными январскими вечерами, когда небо заволакивало свинцовыми тучами и мела крупная поземка, быстро заметая

следы, мальчишки прокрадывались кубанским бугристым берегом к бетонной плотине, воздвигнутой перед самой войной методом народной стройки. Молча находили провода, умело обрезали или перекусывали кусачками и связывали концы в узел, чтобы не заметили активизировавшиеся патрули.

О делах и задумках ребят откуда-то узнал Семен Кузьмич. Боевой участник Гражданской войны. И когда однажды сын поздно вернулся домой, отец отозвал его в сторону и шепотом проговорил:

- Плотину во что бы то ни стало нужно сохранить. Она строилась с учетом того, что если разрушат железнодорожный и автомобильный мосты через Кубань, то заменит их.

Фронт быстро приближался к Невинномысску. Снаряды уже рвались близ Кубани и поселка. В любой момент могли убить или покалечить, и мать ругала Николая, когда уходил из дома. Ребята и сами понимали, что нельзя лезть на рожон.

Шли к плотине осторожно, стараясь не попадаться на глаза врагам. Артобстрел усиливался, и осколки все больше свистели вокруг. Приходилось пригибаться, жаться к стенкам барачков, нырять в развалины. Заметив в канаве брошенные кем-то каски, мальчишки надели их на голову для защиты от осколков. Они уже подходили к плотине, когда их заметили отступающие румынские солдаты под командованием офицера. Ребят тут же схватили. Офицер сердито закричал:

- Русские бандиты убили немецких солдат и завладели их касками!

Неизвестно оттуда вдруг появилась женщина. Упав перед офицером на колени, она заголосила:

- Пан, пан, то ж мои сыновья. Мы за водой пришли, отпустите их...

- Откуда у них каски?

К счастью, офицер хорошо говорил по-русски. И Конарев, бледный, как мел, стал объяснять ему, что они подобрали каски по дороге, чтобы защититься от осколков. Но женщина не дала ему договорить и снова запричитала:

- Я - Мария Осадчая, вон мой дом, пан офицер, отпустите их.

Офицер, вероятно, поверил, пнул их напоследок под зад и зло прокричал:

- Домой, домой!

Ребятам все-таки удалось спасти плотину от взрыва. В последний момент немцам уже некогда было исправлять повреждения проводов под натиском наших войск. Нашли свое применение и винтовки. Они вытащили их, когда увидели эсэсовца в черном и длинном клеенчатом плаще, поджигающего жилые бараки. Они открыли по нему огонь. А спустя полчаса два десятка подростков под командованием Дворникова, вооруженных гранатами, устроили засаду на шоссе Невинномысск - Ставрополь... Таким бесстрашным оказался будущий министр.

Конарев долгие годы занимался эксплуатацией железных дорог, считался движенцем, как и Овчинников, который видел в этом родственную связь. И когда деловой диспетчер впервые попал в кабинет министра, был ошарашен увиденным. Тяжелая входная дверь, огромный стол, похожий на взлетную полосу аэродрома. Бронзовое лицо Дзержинского, одного из первых наркомов Путей Сообщения, небольшой бюст которого стоял рядом с чернильным прибором. На боковом столике заметил «вертушки» правительственной связи. Громадный глобус, стоящий в углу напротив длинного стола для заседаний. По слухам, этот глобус поставил еще Рудзутак, народный комиссар Путей Сообщения 20-х годов.

И Овчинников понял, что в этих стенах творилась история советского железнодорожного транспорта. Поздоровавшись с гостем за руку и озарив приветливой улыбкой, хозяин усадил его в удобное кресло и спросил:

- Вижу, вас интересуется история этого кабинета? Да, здесь работали известные исторические личности – зять Владимира Ильича Ленина Елизаров, Красин, Дзержинский. Андреев, Бещев и другие. Они немало сделали для развития «кровеносных

артерий СССР». Придя сюда, я ничего не стал менять, не решился. Кабинет давно стал реликвией, которую нужно сохранять и беречь.

А Владимир Иванович поначалу даже немного стушевался. Увидев солидную фигуру, строгий вид большого начальника, его регалии на кителе, нашивки, думал, что будет трудно найти с ним общий язык. Но тот, взъерошив, как школьник, густую шевелюру волос, побитую редкой сединой, так тепло и благожелательно посмотрел на посетителя, будто был рад встрече, как со старым знакомым.

- Внимательно изучил ваши новинки и предложения. Я ведь тоже движенец-эксплуатационник. Прошел путь от стрелочника до министра. И движенец в наше время заглавная фигура на транспорте, спрос с которой растет не по дням, а по часам. Не зря Главное управление движения поездов всегда считается Главным Главком среди других Главков. Поэтому каждый вечер слушаю доклад главного дежурного Центральной диспетчерской МПС. В первую очередь, как состоялась передача вагонных парков. Это самый серьезный показатель, раскрывающий динамику работы железнодорожного хозяйства страны. Оно имеет 156 стыков между дорогами, и суммарно через эти стыки за сутки должно проходить не менее 380 - 390 тысяч вагонов. Если меньше – уже относится к недостаткам.

Следующий показатель – погрузка, ведь по стране загружается 30 тысяч вагонов угля – более 2 миллионов тонн. 20 тысяч цистерн нефтепродуктов – более миллиона тонн, стройматериалов до двух с половиной миллионов тонн. 10 тысяч вагонов леса. А в целом в тоннаже более 10,5 миллиона тонн ежедневно.

Третий главный показатель железнодорожной сети – выгрузка, которая по объемам должна превышать суточную погрузку, чтобы не было простоев и нехватки вагонов. Это ресурсы следующего рабочего дня. Тут действует отменная система регулирования подвижного состава. Одна только Донецкая дорога в сутки загружает более миллиона тонн и выгружает, конечно,

примерно столько же. А в Кузбасс нужно доставлять каждый день около 5,5 тысячи порожних полувагонов. Обо всем этом мне и докладывает главный диспетчер МПС.

На транспорте всегда разрабатываются и внедряются массы технических новинок, не уступающих мировым образцам. Еще в 1976 году приезжал министр транспорта США, я вместе с ним отправился на Куйбышевскую железную дорогу. Увидев слаженную работу железнодорожников по организации капитального ремонта пути, он признался: «Это симфония труда. Я буду об этом говорить на конгрессе...» И кое-что наше США взяли на вооружение. Обскакали мы их и по протяженности главного пути – 147 тысяч километров. Сейчас железные дороги страны достигли наивысших показателей за всю свою историю. При 12 процентах протяженности путей от мировой железнодорожной сети грузооборот составил 52 процента от объема перевозок по железным дорогам во всем мире при производительности с одного километра пути в шесть раз больше, чем в США и других высокоиндустриальных странах.

Министр ненадолго замолчал, откинулся на спинку кресла. С интересом еще раз оглядел с головы до пояса Овчинникова, который был сплошное внимание и замер в позе суслика, изучающего окружающую обстановку вокруг норы.

- Не утомил земляка своими лекциями?- поинтересовался с еле заметной улыбкой Николай Семенович.

- Нет, что вы!- напрягся тот телом, готовый подхватиться и покинуть кабинет.- Вы так увлекательно рассказываете...

- Хорошо. Но не надо думать, что у нас нет недостатков. Об этом я и говорил в кабинете Андропова, когда меня в 82-м году сватали на должность министра. Присутствовали при этом почти все члены Политбюро. При руководстве страной Сталина, начал я, в пятилетних планах доля капвложений в развитие железнодорожного транспорта составляла 11 процентов. Сегодня она равна 3,2 процента. Народное же хозяйство во многих отраслях возросло в десятки раз. А фонды ЖЭДэ едва в два раза. Нам

срочно нужны сотни тысяч вагонов. Новые мощные электровозы и тепловозы, чтобы водить составы грузоподъемностью в десять и более тысяч тонн. Улучшить пассажирские перевозки и парк. Сейчас у нас высокоскоростная магистраль только на Ленинград. На Минск и на восточной части Южно-Уральской дороги скорости достигают 120 километров в час. Япония с Европой нас уже обскакали по скоростям. Усилить рельсы и профиль пути. Я доложил Андропову, что если ЦК и Правительство и дальше не будут уделять железнодорожному транспорту должного внимания, мы невольно станем сдерживать в развитии народное хозяйство.

- Николай Семеныч,- обратился Андропов,- прошу вас продержаться три года. Сейчас мы уже приступили к разработке планов следующей, 12-й пятилетки. Мы ее сделаем пятилетней транспортной. Если мы и дальше не будем уделять заслуженного внимания железнодорожному транспорту, то действительно серьезно сдержим развитие народного хозяйства. А нам нужно поднимать экономику страны с темпом прироста валового национального продукта на 4 – 5 процентов в год.

К сожалению, Юрий Владимирович вскоре умер, а выскочка и свистун Горбачев сменил вектор политики и экономики, затеял вредительскую перестройку.

- И что теперь делать? - несмело спросил диспетчер, боясь сказать невпопад.

- Всеми силами поднимать рост экономики. Снижать тарифы, то есть затраты на перевозки. Это не ломка проверенной жизнью структуры, а внедрение современных технических средств и прогрессивных технологий с автоматизацией и информатизацией производственных процессов, соответствующие им изменения организационных и юридических норм и нормативов. И в нашем понятии рост экономики – это перемещение товарной массы. То есть угля, леса, нефтепродуктов, продовольствия, стройматериалов, машин, металла и так далее. Но эти материальные ценности приносит только труд. А для труда нужны навыки, инструменты,

материалы. Все это и есть товарная масса. Ее-то и необходимо двинуть, тогда и будет подъем экономики. И мы с вами должны быть к этому подготовленными, грамотными. Кстати, у вас какое образование?

- Железнодорожное училище и заочный институт инженеров железнодорожного транспорта.

- Это неплохо. Но вижу, что вы думающий специалист. И достойны не только поста поездного диспетчера. Мы вам подберем работу значительно интересней и важней в управлении дороги или даже в министерстве. Я в вас верю, уважаемый мой земляк.

- В этом году я поступаю в аспирантуру,- ответил с радостью Овчинников, надеясь на дальнейшие успехи.

- Вот и славно, Владимир Иванович! Поклонитесь там моей родной земле, Ставрополью и сестре. Она живет в Невинке,- попросил министр гостя, слегка похлопав на прощание по плечу.

ЭПИЛОГ

- Как быстро и незаметно проходит жизнь! - с нескрываемым сожалением рассуждал постаревший Овчинников, ковыряясь на садовом участке. - Шестьдесят с лишним лет отстукало, как будто один месяц, а ты и не заметил в вечных заботах, работе. Как лунь, стал седой, а вроде и не жил, не работал, не дебатировал с товарищами, не искал виновных в развале Советского Союза? Вместе с министром Путей Сообщения хотел когда-то спасать железную дорогу и поднять на еще больший уровень. А спасать-то надо было весь СССР, который загубили недалекие деятели и политические трепачи Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе и их безжалостная камарилья, приспешники, авантюристы, уведшие страну и народ во мрак капиталистических катакомб.

Скромная дача Овчинниковых, построенная в 80-м году, состоящая из четырех с половиной соток земли и домика размером три на пять метров, находилась на крутом и высоком берегу, дальше которого раскинулась широкая долина спешащих с Кавказских гор рек Кубани и ее могучего притока.

По утрам и вечерам над долиной поднимались похожие на парное молоко туманы, будто их кто-то специально варил в невидимых котлах. Выползающее из-за восточной горы утреннее солнце красило эти туманы в малиновый и алый цвета. И с высокого дачного берега казалось, что вся долина засажена цветущими абрикосами, персиками, яблонями и другими фруктовыми деревьями. В редкие минуты отдыха Владимир Иванович любовался этой сказочной панорамой, напоминающей родной Южный Урал, и жалел, что не был художником, не мог перенести эту красоту на холст. А где-то за ней, за холмами, горами, находилась и его милая родина, которая все больше вспоминалась и звала к себе, к живым родственникам и могилам покойных предков. Ему вспомнилось стихотворение о родной станции:

Где шепчет сказки дивный сонм берез,
Лугов, полей где разметалась ширь,
Живет в труде мне милая до слез –
Родная моя станция Бишкиль.

Электровозы рвут ее покой
Гудком тревожным, лязгом тормозов.
Но мне не надо станции другой,
Я к ней по шпалам приходить готов.

Там Бог дал жизнь путейским пацанам,
Кормили в трудный год река и лес.
Нас закаляли вьюги и туман,
И жизнь не обходилась без чудес.

Весной в садах там пенилась сирень,
Катился цвет черемухи волной,
Любить и жить мне было там не лень.
Ну что же ты наделала со мной?

Я – твой должник, и отпрыск твой, и раб!
Хотя живу за тыщи километров,
Любить тебя и помнить очень рад,
И ты прими сыновние приветы.

Пешком по шпалам вновь к тебе приду
И поклонюсь родительским могилам.
И ты любовь мою имей в виду,
И не взирай на сына сиротливо.

Нас жизнь бросает в дальние края,
Мы водим поезда и пишем книги.
Живи и здравствуй, станция моя,
Я так давно хочу тебя увидеть!

- Когда-то каждый год ездил туда с семьей. Билет в купейном вагоне стоил всего четвертную. Теперь не поедешь – карман дырявый, братец мой, как пелось в песне про золотые горы,- с ехидным смешком вспоминал он.- Много разъездишься на нашу нищенскую пенсию! Как при царе-батюшке была непроглядная бедность, так и теперь вернулась при новой власти. Не зря, видно, делалась Октябрьская революция. А ведь Конарев мечтал еще больше снизить тарифы на перевозки, сделать их копеечными. Но эти перестройщики-стрекулисты все поставили с ног на голову. Потому и цены подскочили в сотню раз. Невыгодными стали железнодорожные перевозки. А сотни тысяч или даже миллионы железнодорожников оказались лишними. Ох, как это выгодно высокомерному Западу, который и не ожидал такого царского подарка, ведь разрушены не только железная дорога, промышленность, сельское хозяйство, но и сама Советская страна, вторая сверхдержава мира! И едва ли ты со своими проблемами и бедностью теперь попадешь на свой любимый Урал, пройдешься по родной казачьей земле, поклонись могилам родителей и простишься с ними. Все переломали и изувечили демократы-собаки!

С какой радостью, воодушевлением вышел он в те далекие 80-е годы из кабинета министра Путей Сообщения! С какой надеждой и уверенностью в свои силы приступил к работе и учебе в аспирантуре, успешно защитил кандидатскую диссертацию! Намечал покорить и докторскую. Пример ему было с кого брать – с самого Николая Семеновича, земляка и министра, который на железнодорожном поприще перещеголял всех своих предшественников, в том числе приснопамятного господина Витте, товарищей Дзержинского, Бещева, а про недалекого Павловского и говорить не стоит. При Конареве сказочно возросли грузооборот и грузоподъемность вагонов. Скорости и масса подвижного состава. Внедрялись передовые приемы труда, технические новинки и технологии. А казачий отпрыск Овчинников, считай, сменил конные вожжи на диспетчерский пульт управления

движением сверхтяжелых и пассажирских поездов. Руководил целыми грузопотоками.

Конарев разработал и внедрил теорию железнодорожных стыков, комплексную технологию перевозочного процесса. Опубликовал более 50 научных работ. Был доктором технических наук, профессором, академиком. А позже - вице-президентом Академии транспорта России. Награжден многими орденами и медалями. Все его регалии и звания трудно перечислить.

На такого человека и специалиста нужно было молиться, считал Владимир Иванович. А его выжили с такого важного поста. И кто выжил – ставропольский земляк и тогдашний Генсек Горбачев, меченый бес. Выжил своим глупым прожектом Перестройки, с которой не согласился министр Путей Сообщения и против которой восстал всей душой. И хотя ему вновь предлагали портфель министра в 1991 году, он нашел в себе силы и гордость отказаться от него. Не хотел разрушать построенное за годы Советской власти, во что он сам внес огромный вклад. И своим отказом выразил гражданский и профессиональный протест не только от себя, но и от имени всех железнодорожников. Распрощался с разрушительной властью, с которой никогда не найдет общего языка. Это и от имени его скажет грибоедовский герой: «Служить бы рад – прислуживаться тошно». И текст его заявления узнают многие миллионы железнодорожников и других трудящихся СССР. «Сегодня, 2 мая 1991 года, окончательно вручил отставку – протест нынешним горе-руководителям великого некогда государства. Уверен, что поступил правильно!» Написал, чтобы люди узнали правду от него самого, а не из тех слухов и набора вранья, которые будут городить его преемники из числа примкнувших к новой власти лизоблюдов.

- Не смех ли на весь Божий свет,- вслух думал Овчинников,- у казаков сначала отняли живого коня, а потом и железного, на которого они с трудом пересели? А я и сына Вадима уговорил выучиться в минераловодском училище на помощника машиниста, чтобы продолжить династию. И он уже работал машинистом,

да стало разваливаться предприятие, началось сокращение. И пришлось ему служить по контракту в Чечне. Устранять ошибки воровских правителей и военачальников, набивших на народном горе свои бездонные карманы, рисковать жизнью под пулями и снарядами боевиков. А Герка Угрюмов, наш сосед по улице детства, дослужившись до вице-адмирала, отдал свою жизнь в Чечне. Сейчас его портрет повесили в музее Бишкильской школы. А мне он запомнился голенастым худым мальчишкой, бегающим босиком по селу.

Он тут же вспомнил присланную заметку миасской городской газеты, написавшей о внуке его сестры Тамары и правнучке тети Таси – Евгении: «Оставшись один от всего взвода, он сутки удерживал дом в одном из селений Шалинского района. Отчаянно отстреливался от наседающих боевиков, пока не подспела помощь. Отбивался, несмотря на ранение и контузию. Он был признан инвалидом, комиссован домой. А сейчас начал быстро терять зрение, на лечение которого ни у него, ни в городской казне нет денег. Почему же государство бросило героя чеченской войны в беде и не поможет в трудную минуту? Разве не его интересы защищал отважный русский боец? Не за него проливал кровь и положил в юном цветущем возрасте здоровье?»

Да, давно ушли казачьи деды и прадеды, отцы и матери. За ними уже уходят сыновья и дочери. Наступает очередь внуков и правнуков, взваливающих на себя груз фамильных тягот, забот и работ, бед народа и государства. Только вот поступают с ними не по-государственному, не по-отечески, не по-божески, не по-людски.

- всю многовековую жизнь казаки защищали границы Отечества и его внутренний покой. Рисковали собой и отдавали свои жизни, чтобы набирала сил родная и необъятная Россия, ширились и расцветали ее хлебные нивы, прибывало добро в сундуках и домах трудолюбивых людей. Рождались и росли счастливыми дети. А как платят за это власти в наступившем XXI веке? Каким добром или худом? - спрашивал себя отпрыск

южно-уральских, исетских казаков.- Похоже, снова обманывают, как обманули тебя, вышибив с треском с интересной и ответственной работы в управлении дороги, заставив вернуться в родные пенаты заштатного городишки на реке Кубани, копаться на заброшенной уже даче, чтобы на мизерную пенсию не протянуть ноги? Помочь детям и внукам. А олигархи, чиновники смеются нам нами, дураками, да набивают за счет народного горя свои воровские кубышки. Переводят миллиарды в западные банки, ибо боятся новой народной революции, нового бунта.

Да, новые правители разрешили восстанавливать казачество. Только власти ему не дали. Сделали казаков декоративными, хотя и позволили вырядиться в яркие краски, как попугаям. На этом фоне они стараются показать себя лучше и добрее Советской власти. А на самом деле вновь хотят использовать в корыстных целях. Случись заваруха, они их вновь пошлют первыми на подавление трудового и голодного народа. И отнимут тысячи жизней людей, которые производят материальные ценности, выращивают хлеб и кормят этих горе-правителей, олигархов, чиновников-дармоедов. Не поэтому ли у них численность внутренних войск и всевозможных спецслужб в разы больше, чем служащих в Российской Армии? И ведь это уже политика. А втянувшиеся в разборки казаки – сами представители трудового народа, его братья.

Если это так, то могут пострадать твои внуки Женька, Егор, Юрка и Юлька, которые должны нести дальше твою фамилию, продолжить казачий род Овчинниковых?

Го-осподи! Спаси их и помилуй. И, может, хорошо, что многие из нашего рода уехали жить в Сибирь, Прибалтику, на Украину и Северный Кавказ? А твой старший внук даже подался с матерью во Францию, где получил двойное гражданство, знает три языка, учится в университете и получает 450 евро стипендии! Разве ты, известный русский железнодорожник, заработал такую пенсию? Егору же в местном лицее платят 430 рублей, то есть в сорок раз меньше. Вот к какому финишу нас

привели извращенные капиталисты! Как последних дураков, обвели вокруг пальца.

Конечно, на стороне восхода солнца возрождаются оренбургские казаки. Ближе к нам и в нашем городе – терские. С севера – донские, с запада – кубанские. Но будет ли от них прок? С какой стороны придет к русским людям счастье, которого нация ищет и не найдет сотни лет? Или никто не даст нам избавленья – ни бог, ни царь и ни герой? И надо снова добиваться освобождения своей мозолистой рукой? Хватит ли у народа силы на это или он вновь станет батраком и рабом? Поймут ли это и добьются хорошей жизни наши внуки и правнуки? Им же начнут морочить головы. Набрешут три кучи, что в СССР налево и направо незаслуженно расстреливали людей за политические убеждения и каждого второго сажали в тюрьму? Что-то я ни одного случая не помню по Бишкилю. Да и чего далеко ходить, ибо церковное издание о судьбе Медведевского храма, выпущенное в Челябинске в 2007 году, с ног на голову перевернуло событие времен Гражданской войны, когда белочехами и казаками были казнены председатель первого Бишкильского сельского Совета Савельев и секретарь исполкома Иванов, которых, по утверждению священника и автора издания, якобы расстреляли красные? Разве к лицу это Православной церкви? Уж если предьявляешь обвинения, так предьявляй правдиво. Ибо на лжи не создать истины. Нам и политики крепко морочат голову и беспардонно врут. Кому же тогда верить, если лгут люди, связанные с пропагандой святыни? А ведь их самих некоторые считают почти святыми?

Овчинников горестно посмотрел на запад и увидел десятки заброшенных и нещадно разграбленных дач таких же хозяев-стариков, боязливо взирающих пустыми глазницами окон и дверей. Глянул на юг – там ясно высветились вершины Кавказских гор, похожие на зубья длинной пилы, спрятавшие от взора уже ставшие чужими закавказские государства. На север – там, в седловине холмов, поднимались редкие дымы оставшихся на плаву промышленных предприятий, которые уже давно работали

не на трудящийся народ, а на олигархов и московских капиталистов. На элиту-жулиту, как он называл их. И только восток от поднимающегося из-за горы светила был чистым и алым, как рабочая кровь, как Знамя Великой Победы над фашизмом.

Солнечный восход всегда рождал в душе потомственного казака и железнодорожника оптимистические надежды. И забывались невзгоды, хотелось верить в добро и быть в счастливом окружении многочисленных детей и внуков.

ЛЮДСКИЕ СОМОЦВЕТЫ

Послесловие

За творчеством писателя Владимира Кожевникова я слежу с начала 80-х годов прошлого столетия, когда вместе учились на Высших литературных курсах при знаменитом Литинституте. Когда горячо разбирались по строчкам его повести и рассказы на творческих семинарах, пыль шла столбом, как говорится. Оппоненты чуть за грудки не хватались. Такой всплеск эмоций вызывали произведения незнакомого мастера из глубинки. В них, подобно шукинской, сквозила кондовая правда жизни, о которой многие из нас, москвичей, и не догадывались.

А язык! Не язык, а народная песня! Сжатый, ёмкий, своеобразный, на котором говорили еще великие Пушкин и Даль. Недаром профессор Максимов, составитель учебников русского языка, не раз восхищался его выражениями и словами, иные из которых Владимир, похоже, придумывал сам.

Не боялся никаких тем. Хотя самой любимой считалась рабочая тема, ведь он был выходцем из рабоче-крестьянской семьи, сам много лет носил спецовку рабочего. Знал характер и помыслы трудового человека, которого считал главным создателем материальных ценностей, кормильцем народа.

И после учебы журавлиной стаяй поплыли из издательств его книги. В них предлагались не только рассказы, повести, сказки, легенды, но и романы, в которых не было запретных тем. 10-12 лет назад верхом его творчества считались романы «Левиафан», «Рунное устье», «Белоруния», составившие трилогию о золотом руне. Ярко раскрывающие характеры ставропольских оводоводов, шерстяников, передовиков соцсоревнования шерстяного комбината, где он трудился около 40 лет. И являлся ходячей энциклопедией истории шерстомойного дела и зарождения казачьей станицы Невинномысской.

В начале 90-х по роману «Левиафан» краевым драмтеат-

ром был создан двухчасовой радиоспектакль, признанный на Всесоюзном фестивале радиоспектаклей одним из лучших. На трагической грани веков его трилогия была выдвинута Ставропольской писательской организацией и общественностью на президентскую премию. Но кто даст премию автору произведения, герой которого за развал СССР приглашал к барьеру первых президентов СССР и России?

Но писатель не сложил оружия и после создания трилогии, в годы экономического развала выдержавшей два издания, выпустил еще около двух десятков книг. В том числе «Солнечный олень», «Потомки Прометея», «Земля Золотых кавалеров», «Газовый узел», «История здоровья», романы «Линия отреза», «Шапка Газомаха», показавшие его блестящее мастерство.

Багаж прекрасный, и годы немалые. Казалось бы, на этом и не стыдно сбавить творческий пыл. Но не тут-то было. В 2011 году Кожевников создал прекрасный роман об южно-уральских казаках «Отцы и матери», откуда произошли его предки. Создал со знанием дела, осветив не только их быт, но и участие в войнах, в том числе в Первой мировой, Гражданской. Нашел интересные и важные материалы об адмирале Колчаке, его расправе с тысячами неугодных рабочих, крестьян, казаков, перешедших на сторону трудового народа и социалистической революции. Эта книга даже в наше «нечитаемое время» вызвала неподдельный интерес читателей. Недаром известный критик Александр Трапезников в 39-м номере «Литературной России» за 2011 год с нескрываемой похвалой и теплотой высказался в адрес писателя.

Вскоре Кожевников создал новый роман - «Сыновья и дочери», в который удачно перекочевали герои предыдущего произведения, чьи судьбы и характеры показаны беспристрастно и ярко. Не герои, а людские самоцветы, хотя бы та же прожившая век казачка Арина Алексеевна, по судьбе которой так немилосердно прокатился беспощадный каток жизни.

С переходом власти к большевикам и окончанием Граждан-

ской войны жизнь многих казаков не стала медом. К советчикам прилипали бывшие богатеи, кулаки, проходимцы, а то и скрытые враги социализму и колхозам, которые вредили им. Не стала панацеей и коллективизация сельского хозяйства. И многим бескорыстным труженикам земли пришлось покидать родные станицы и хутора. Идти в города, на фабрики и заводы, где требовались миллионы рабочих рук. росли цеха и производства, жилые кварталы и дворцы культуры. Росли техника и механизация. Требовались строители и металлурги. Город привлекал культурой и выплатой заработка живыми деньгами, а не трудоднями. Предоставлял жильё, детсады. Планов было громадье.

И дрогнули многие крестьяне и казаки, особенно те, кто во времена Гражданской войны был не с красными. Бросали сельское ярмо и переходили на производства, где нередко было полегче, чем в крестьянстве. Шли в машинисты паровозов и слесарей депо, проводники вагонов и путейцы.

Нашел свою долю и казачий сирота Иван Овчинников, изрядно помыкавший по свету при царизме и женившийся на Марии Ильиной, чей отец и брат были уведены при отступлении Колчака вместе со станичниками в Сибирь, где уже у красных сложили свои головы. Хлеб путевого обходчика оказался еще горче крестьянского. Но у Ивана было четверо сыновей. Их нужно было кормить, поднимать, приучать к труду. Более 30 лет он трудился путейцем на станции Бишкиль. Даже, перенеся инфаркт, вернулся в родной коллектив плотником. Ни сорокаградусные морозы, ни длившиеся неделями беспощадные метели не могли прервать двенадцатичасовую рабочую вахту, как и выходящие на пути голодные волки. Железнодорожный транспорт работал на фронт. Работал четко, везя живую силу, танки, другую технику.

Вместе с Иваном перебрались на станцию теща Арина Алексеевна и шурин Вениамин, чьи казачьи предки участвовали еще в бунте Пугачёва. Умирала казачья вольница. Да и век стал

другой, индустриальный, поставивший многое с ног на голову.

А тут подоспела война. И загремел Вениамин на нее в первых рядах. Был пулеметчиком и минометчиком. Не раз от их роты, а то и полка оставались счастливые единицы. Среди них и казак Ильин, не единожды раненый и калеченый, ковавший, как и миллионы других, долгожданную победу и вернувшийся победителем, чтобы восстанавливать разрушенное войной хозяйство. А его жена Настасья трудилась на руднике, где добывали руду для жаропрочных сплавов и легированных сталей. Второй фронт тоже ковал победу. Попробовал фронтового лиха и сын Овчинниковых Борис, вернувшийся инвалидом.

Автор с душевной теплотой поведал о делах станционных, где когда-то отступающие белочехи и колчаковцы расправились с первым председателем сельского Совета и его приближенным. В 70-е же годы станет председателем поселкового Совета уже внук Павла Савельева, Виктор, что говорит о преемственности поколений.

Интересны отступления автора к быту золотодобытчиков, искателей яшмы и других дорогих самоцветов и металлов. Как интересны и судьбы не только отцов и матерей, но и сыновей и дочерей, а также казачьих внуков, которые стали полноправными хозяевами страны, видными специалистами, вагонниками, дежурными по станции и диспетчерами, пересевшими с Сивок и Бурок на мощные паровозы и электровозы.

И все бы хорошо закончилось, да вновь взбунтовалась Русь. И рухнула вторая в мире держава из-за дележа власти иудами-предателями.

Нет, обо всем, что написано в романе, не расскажешь. Надо читать самим, о чем, думается, никто не пожалеет. Ведь это очередная авторская удача. Настоящая правда, которую нагло перевирают и лягают некоторые нынешние продажные политики и историки.

Александр БАРКОВ,
член Союза писателей России.

ОБ АВТОРЕ:

Владимир Иванович КОЖЕВНИКОВ - член Союза писателей России, родился в 1940 году на южно-уральской станции Бишкиль Чебаркульского района Челябинской области. Работал на стройке, в вагонном депо, энергоучастке, на химическом и шерстяном комбинатах.

Окончил ремесленное училище, вечернюю школу, отделение журналистики ВПШ, Высшие литературные курсы. Автор 24-х книг, в том числе семи романов: «Левифан», «Рунное устье», «Белоруния», составивших трилогию о золотом руне. «Линия отреза», «Шапка Газомаха», «Отцы и матери», «Сыновья и дочери». Книг повестей и рассказов, сказок и легенд, стихов, документально-исторических сборников. Автор переводов на русский язык около четырех десятков книг иноязычных авторов.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени В. Шукшина «Светлые души» и литературной премии имени С. Бабаевского. Делегат УИИ съезда писателей России.

Живет в городе Невинномыске Ставропольского края.

СОДЕРЖАНИЕ

Сыновья и дочери	3
Эпилог	319
Людские самоцветы (Послесловие)	327
Об авторе.....	331

Владимир Иванович КОЖЕВНИКОВ

СЫНОВЬЯ И ДОЧЕРИ

Роман

334 стр.

Книга издана на средства автора.

Технический редактор В.И. Владимиров.
Корректор В.И. Иванов.
Компьютерный набор и дизайн обложки
Н.И. Барановой, Н.Н. Боярских.

Подписано в печать 29.03.2012 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 20,0.
Тираж 300 экз. Заказ 333.

Отпечатано в ЗАО «Невинномысская городская типография»,
357100, Ставропольский край, г. Невинномысск,
ул. Первомайская, 66-а.